ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1961

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Настоящий сборник, как и выпущенный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1959 г. сборник статей — «Из истории формирования и развития марксизма», состоит в основном из переработанных в статьи докладов и сообщений сотрудников Института на научных сессиях, проведенных в 1959—1960 годах в связи с годовщинами со дня рождения Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В отличие от первого сборника, содержание которого было в целом посвящено истории формирования марксизма и его развития до революции 1848—1849 гг. включительно (лишь отдельные статьи выходили за эти хронологические рамки), проблематика данного сборника относится в основном к деятельности Маркса и Энгельса на последующих этапах развития марксистского учения и международного рабочего движения, вплоть до 90-х годов XIX столетия.

Как и первый сборник, данное издание не претендует на всестороннее освещение истории марксизма в исследуемый период. Однако затронутые в сборнике проблемы имеют важное значение для понимания как общего направления развития марксистской мысли и преобразующей роли марксизма в истории рабочего движения, так и для уяснения некоторых мало изученных до сих пор сторон теоретической и революционно-практической деятельности Маркса и Энгельса.

Одна из задач данного сборника состоит в том, чтобы дать отпор современным буржуазным и ревизионистским «критикам» учения Маркса, особенно наскокам на

экономическое учение марксизма, а также различным фальсификаторам истории марксизма и международного рабочего движения. На конкретных примерах материалы сборника показывают историю борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, особенно в период I Интернационала, за очищение ее от оппортунистических и сектантских элементов, за выработку правильной пролетарской тактики, в частности в вопросах внешней политики. В статьях сборника нашла отражение история борьбы Маркса и Энгельса против клеветнической травли пролетарских революционеров, разработка ими колониальных проблем на примере порабощения ирландского народа английскими колонизаторами, история создания и распространения отдельных выдающихся произведений научного коммунизма.

Особое место в сборнике занимают проблемы источниковедения марксизма, до сих пор недостаточно разработанные в советской исторической литературе. В этой связи несомненно значительный научный интерес представляет публикуемый в составе сборника обобщающий обзор проделанной в СССР, благодаря заботе и усилиям Коммунистической партии Советского Союза, гигантской работы по собиранию и научной публикации литературного наследства основоположников марксизма.

Известным подспорьем для разработки научной биографии Маркса и Энгельса явится включаемая в сборник статья, посвященная анализу архивного фонда и опубликованных документов жены и соратника Карла Маркса — Женни Маркс.

Настоящий сборник выпускается в связи с исполнившимся 28 ноября 1960 г. 140-летием со дня рождения одного из основоположников марксизма, соратника великого Маркса — Фридриха Энгельса. Ряд статей сборника специально посвящен деятельности Энгельса, истории его борьбы за пролетарскую партию и торжество идей марксизма, его работе по завершению и подготовке к печати не изданных при жизни автора томов «Капитала» и по созданию собственных теоретических трудов. В сборнике содержится материал, характеризующий вклад Энгельса в развитие военно-исторической науки. Роль Энгельса как пролетарского ученого и борца рас-

крывается также в статьях, посвященных совместной деятельности обоих творцов научного коммунизма, их великому творческому содружеству.

Включенные в сборник статьи основаны на исследовании произведений и рукописного наследства Маркса и Энгельса, материалов прессы, архивных документов и других источников.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Е. А. СТЕПАНОВА

О СОБИРАНИИ И НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В СССР ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА

Вопрос о публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, о судьбе их литературного наследства является далеко не «академическим», не «библиографическим» и не «издательским» вопросом. Вот уже в течение столетия вокруг публикации произведений основоположников марксизма, вокруг их литературного наследства ведется самая острая классовая борьба. Здесь имеется в виду не та борьба, которая велась и ведется учеными и неучеными лакеями буржуазии против великих идей Маркса и Энгельса, против научного коммунизма как идеологии пролетариата. Речь идет о борьбе вокруг публикации произведений Маркса и Энгельса, вокруг их рукописного и эпистолярного наследства — одним словом, всего того, в чем физически, материально запечатлен гигантский научный труд, бессмертный творческий гений основоположников марксизма.

Эта борьба в разное время в разных странах выливалась в различные формы. То она выступала в виде цензурных рогаток и полицейских преследований. То принимала более скрытые и утонченные формы — утаивания литературного наследства Маркса и Энгельса, «редакционных поправок», купюр при издании их произведений, различного рода извращений при переводах. То выливалась в самые грубые, варварские формы — в буйства фашистских молодчиков, сжигавших произведения Маркса и Энгельса на кострах, в налеты фашистских громил на библиотеки и книжные магазины наших братских коммунистических и рабочих партий.

Однако, как показала история, все эти попытки закрыть для трудов Маркса и Энгельса доступ к рабочим и трудящимся массам оказались бесплодными. Нет таких авторов, произведения которых больше бы читались и изучались во всех уголках мира, чем произведения Карла Маркса, Фридриха Энгельса и великого продолжателя их дела — В. И. Ленина. Нет и не было в истории таких идей, которые, овладев массами, стали бы столь мощной материальной силой, преобразующей мир, как идеи марксизма-ленинизма.

* * *

Острая политическая борьба вокруг публикации произведений Маркса и Энгельса развернулась уже при жизни их авторов, она сопутствовала марксизму с самого его рождения.

В 1844 году на страницах «Deutsch-Französische Jahrbücher», в котором были напечатаны первые социалистические статьи Маркса, он писал:

«Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [1].

Но каковы были те пути и средства, при помощи которых революционная теория могла проникнуть в массы и, опираясь на их собственный практический опыт борьбы, овладеть ими? Где были те рычаги, с помощью которых идеи Маркса и Энгельса — это духовное оружие пролетариата — можно было сделать достоянием самого передового класса в истории, призванного воплотить эти великие идеи в жизнь?

С первых дней своей революционной деятельности Маркс понял и оценил значение печати, как мощного и наиболее эффективного орудия воздействия на массы. Но первые же шаги на поприще печати показали Марксу, какие огромные трудности и препятствия ожидают его на этом пути.

Уже «Rheinische Zeitung», на страницах которой Маркс выступил как революционный демократ, привлекла особое внимание прусского правительства, которое

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 1, стр. 422.

подвергло газету двойной и тройной цензуре, а затем закрыло ее.

Еще большие препятствия встали перед Марксом, когда он выступил с обоснованием и развитием социалистических идей. Нельзя не признать, что господствующие классы быстро распознали потенциальную силу учения Маркса и увидели в нем угрозу своему господству. История газет и журналов, в которых сотрудничали Маркс и Энгельс,— это своеобразный мартиролог передовой рабочей и социалистической печати.

«Deutsch-Französische Jahrbücher» (1844) прекратил свое существование после выхода первой, двойной, книжки. Парижский «Vorwärts», где после закрытия «Jahrbücher» Маркс и Энгельс начали печатать свои статьи, был закрыт по требованию прусского правительства, а Маркс и некоторые другие сотрудники газеты были высланы из Франции.

Сотрудничество в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», где Марксу и Энгельсу к концу 1847 г. удалось приобрести решающее влияние, прекратилось из-за высылки Маркса в марте 1848 г. из Брюсселя.

Самым счастливым временем в жизни Маркса и Энгельса, самым благоприятным в смысле возможности воздействия на массы был период «Neue Rheinische Zeitung». В первый и последний раз в своей жизни они имели в своих руках большую ежедневную газету, свой собственный боевой политический орган. Хотя газета выходила в условиях германской революции 1848—1849 гг., тем не менее сколько клеветы и преследований претерпела эта газета и ее редакторы!

После прекращения выхода газеты Маркс в 1850 г. попытался продолжить ее в форме журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», издававшегося в Гамбурге. Но и этот журнал с выходом сдвоенного 5—6 номера прекратил свое существование.

Чтобы получить возможность хотя бы косвенно воздействовать на общественное мнение в интересах пролетариата и найти доступ к массам, Маркс вынужден был согласиться на сотрудничество в буржуазной прогрессивной «New-York Daily Tribune». Большую помощь в этом сотрудничестве оказывал Марксу Энгельс. Но какой

тяжелой ценой достигалось это сотрудничество: сколько статей Маркса и Энгельса было присвоено редакцией и опубликовано без подписи в качестве передовых, сколько корреспонденций было искажено, испорчено в результате их «обработки» редакцией «Tribune», сколько статей вообще не увидело света!

Можно было бы привести еще много примеров того, с какими огромными препятствиями встречались Маркс и Энгельс в своей борьбе за революционный орган печати, который мог бы нести их идеи в массы.

С неменьшими, если не с большими трудностями была связана публикация более крупных произведений Маркса и Энгельса, их философских, экономических, исторических трудов.

Известно, что фундаментальный труд Маркса и Энгельса — «Немецкая идеология»,— в котором были заложены основы диалектического и исторического материализма, при жизни его авторов так и не увидел света — не нашлось издателя, который решился бы его опубликовать.

Стоит только заглянуть в переписку Маркса, чтобы убедиться в том, какие препятствия пришлось ему преодолеть, чтобы опубликовать свои труды — «К критике политической экономии», «Капитал», в частности его французский перевод. Надо еще учесть, что многие вышедшие уже в свет экземпляры произведений Маркса и Энгельса подвергались конфискации и не доходили до масс.

Дело с публикацией произведений основоположников марксизма несколько улучшилось, когда, несмотря на все препятствия, марксизм одержал теоретическую победу и в ряде стран возникли социалистические партии, которые призваны были стать носителями революционной теории, борцами за претворение научного коммунизма в жизнь. Однако и теперь Маркс и Энгельс встречались с немалыми трудностями при публикации своих произведений. Новым препятствием оказался реформизм, оппортунизм, зародившийся в партиях и являвшийся проводником буржуазного влияния на пролетариат.

С этим препятствием Энгельс встретился в 1877 г., когда он начал печатать на страницах органа германской социал-демократии «Vorwärts» свою работу «Переворот

в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», работу, в которой принял участие и Маркс. В мае 1877 г. состоялся Готский съезд германской социал-демократии, на котором находившийся под влиянием Дюринга И. Мост и некоторые другие партийные деятели внесли предложение прекратить печатание работы Энгельса против Дюринга, так как она-де не представляет никакого интереса для читателей «Vorwärts». Правда, большинство съезда не согласилось с тем, чтобы лишить Энгельса возможности напечатать «Анти-Дюринг», но было принято компромиссное решение о дальнейшей публикации работы Энгельса не в «Vorwärts», а в научном приложении к нему. Эта работа Энгельса, якобы «не представляющая интереса» для социал-демократических читателей, в действительности явилась подлинной энциклопедией марксизма, сыгравшей огромную роль в формировании марксистских кадров в разных странах.

Известно, какое сопротивление встретил Энгельс со стороны ряда руководителей германской социал-демократии, когда, в связи с подготовкой к Эрфуртскому съезду новой партийной программы, он решил опубликовать марксову «Критику Готской программы» и тем самым нанести удар оппортунизму, поднявшему голову в партии. Энгельсу пришлось употребить всю силу своего влияния и пригрозить опубликованием «Критики» в Вене, чтобы заставить редактора «Neue Zeit» Каутского напечатать этот документ Маркса, имеющий до сих пор неоценимое теоретическое и политическое значение.

Иногда лидеры германской социал-демократии, не решаясь отказать в публикации работ Маркса и Энгельса, стремились подправить их в угодном себе духе. Так, в написанном в 1891 г. «Введении» Энгельса к «Гражданской войне во Франции» было сказано: «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата». Слова: «социал-демократический филистер» были при публикации заменены словами: «немецкий филистер», чтобы смягчить новый удар, который Энгельс нанес в этом своем «Введении» оппортунизму.

И, наконец, история с опубликованием Энгельсом в 1895 г. своего «Введения» к «Классовой борьбе во Фран-

ции». Руководство германской социал-демократии, ссылаясь на угрозу принятия нового исключительного закона против социалистов, потребовало от Энгельса «смягчить» это «Введение», опустить ряд мест, касающихся революционной борьбы, вооруженного восстания. Когда же вскоре после этого Энгельс умер, Бернштейн и другие ревизионисты, появившиеся в германской социал-демократии, попытались изобразить это «Введение» как «политическое завещание» Энгельса, в котором он якобы отказался от своих и марксовых взглядов на социалистическую революцию, на вооруженное восстание и выступил сторонником мирной, противонасильственной тактики во что бы то ни стало. И хотя руководство партии легко могло опровергнуть эту клеветническую легенду, пущенную в ход ревизионистами, опубликовав полностью лежавшую в архиве германской социал-демократии рукопись Энгельса, оно этого не сделало. Рукопись Энгельса была впервые опубликована без купюр созданным большевистской партией Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, и, таким образом, лживость утверждений ревизионистов относительно смысла и духа энгельсовского «Введения» была доказана воочию.

В последние годы своей жизни Энгельс, отдававший большую часть своего времени подготовке к печати второго, а затем третьего тома «Капитала», вынашивал план издания полного собрания сочинений Маркса и своих собственных работ.

Первая попытка издать собрание сочинений Карла Маркса была сделана еще в 1851 году. С помощью члена Союза коммунистов Германа Беккера Маркс приступил к изданию в Кёльне собрания своих сочинений в 2-х томах по 25 печатных листов каждый. Однако уже начатое печатание первого тома пришлось прервать, и Беккеру удалось лишь сделать оттиск объемом в 5 печатных листов, в который вошла статья Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и только часть его статьи о дебатах шестого рейнского ландтага по поводу свободы печати [1]. Почти весь тираж этого издания был

---

[1] Gesammelte Aufsätze von Karl Marx, herausgegeben von Hermann Becker, I. Heft. Köln, 1851.

конфискован. Вследствие финансовых затруднений, последовавшего вскоре ареста Беккера, а затем кёльнского процесса коммунистов это издание так и не удалось осуществить. Дальнейшие попытки Маркса найти издателя не увенчались успехом.

После того как Энгельс в 1894 г. выпустил третий том «Капитала», он решил одновременно с намеченной им подготовкой к печати четвертого тома («Теорий прибавочной стоимости») предпринять практические шаги к изданию произведений Маркса и своих собственных трудов в виде полного собрания сочинений. Из переписки Энгельса с руководителем социал-демократического издательства «Vorwärts» Рихардом Фишером видно, какие сомнения и тревоги возникали у Энгельса при реализации этого плана. Видимо, наученный горьким опытом со своим «Введением» к «Классовой борьбе во Франции», Энгельс пишет Фишеру: «Я еще не совсем уверен, подходит ли такое дело для вас, как не уверен и в том, являетесь ли вы, т. е. издательство «Vorwärts», наиболее подходящими для этого людьми,— не говоря уже об убийственном законодательстве о печати, из-за которого мне приходится уже подумывать об издателе вне пределов Германской империи, как, пожалуй, о неизбежном выходе» [1].

Это письмо было написано 15 апреля 1895 г., когда Энгельс был уже неизлечимо болен. Со смертью Энгельса вопрос об издании собрания сочинений основоположников марксизма, как показала жизнь, был отодвинут на десятилетия.

* * *

После смерти Энгельса большая часть литературного наследства основоположников марксизма была передана в архив германской социал-демократии. Казалось бы, можно ли было найти более надежное место для хранения и публикации неоценимого наследства творцов научного коммунизма, чем архив самой мощной, ведущей партии II Интернационала? Однако история показала, какие поистине трагические превратности судьбы претерпело литературное наследство Маркса и Энгельса, попавшее в архив германской социал-демократии.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIX, стр. 409—410.

По своему объему, не говоря уже о его теоретической и политической ценности, литературное наследство Маркса и Энгельса было колоссальным. Нельзя не удивляться тому, как много каждый из этих людей сделал за короткую человеческую жизнь, причем жизнь, в которой было так мало условий для спокойной и сосредоточенной научной работы. Ведь Маркс и Энгельс не были кабинетными учеными, их стихией была борьба, борьба не только в научных трудах и в публицистике, но и непосредственное участие в практически-революционном движении рабочих масс. Надо учесть также, что они творили и боролись в условиях, когда тяжелая материальная нужда порою прямо-таки душила Маркса и его семью, а Энгельс в течение двадцати лучших лет своей жизни вынужден был большую часть времени отдавать работе в фабричной конторе.

Кроме громадного числа печатных произведений в литературном наследстве основоположников марксизма сохранился гигантский рукописный материал и обширнейшая переписка. Когда после смерти Маркса Энгельс занялся разборкой его архива, он был поражен и обрадован тем, как много в этом архиве сохранилось. «Я удивляюсь,— писал он,— как Марксу удалось сохранить почти все бумаги, письма и рукописи, написанные даже до 1848 г.,— великолепный материал для биографии» [1]. Огромный материал сохранился и в личном архиве Энгельса, который он собирал со свойственной ему методичностью.

Однако это литературное наследство было все же далеко не полным. Многие документы и письма находились у отдельных лиц и разных организаций, множество статей Маркса и Энгельса, напечатанных в различных газетах без подписи авторов, не были выявлены и собраны. Тем не менее правление германской социал-демократии очень мало сделало для того, чтобы все это собрать и сосредоточить в одном месте.

Первая попытка выявления и публикации статей Маркса, напечатанных в «New-York Daily Tribune», была предпринята его младшей дочерью Элеонорой. В сборнике

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 316.

«Eastern Question» (1897) ею были опубликованы статьи Маркса из «Tribune» по восточному вопросу, главным образом о Крымской войне. Она же опубликовала серию статей «Революция и контрреволюция в Германии», напечатанную в «Tribune» за подписью Маркса. Только впоследствии, после опубликования переписки между Марксом и Энгельсом, стало известно, что эта серия статей принадлежала перу Энгельса. В числе работ, опубликованных Элеонорой Маркс-Эвелинг, был и доклад Маркса на заседании Генерального Совета Интернационала «Заработная плата, цена и прибыль». Смерть Элеоноры в 1898 г. оборвала эту ее деятельность по собиранию и публикации литературного наследства К. Маркса.

Несомненная заслуга в публикации произведений Маркса и Энгельса принадлежит одному из виднейших представителей левого крыла германской социал-демократии, позже коммунисту, Францу Мерингу. Разносторонний ученый и талантливый публицист, Меринг еще при жизни Энгельса выступил пионером в области изучения истории марксизма и собирания опубликованных в различных газетах произведений Маркса, начиная с ранних работ. В 1902 г. он выпустил 4-томное собрание работ Маркса, Энгельса и писем Лассаля — «Из литературного наследства К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля» [1]. В это издание были включены произведения Маркса и Энгельса с 1841 по 1850 годы. Меринг стремился собрать и сделать доступными для читателей те произведения Маркса и Энгельса, которые стали библиографической редкостью, как, например, их статьи из «Neue Rheinische Zeitung». Однако это издание страдало существенными недостатками. Неправилен был уже сам по себе принцип объединения в одном издании произведений творцов научного коммунизма с письмами Лассаля — родоначальника оппортунизма в германском рабочем движении. При подготовке этого издания Меринг не включил ряд бесспорных статей Маркса и Энгельса, публиковавшихся без подписи; он подчас произвольно обращался с тек-

[1] «Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle». Hrsg. von F. Mehring, Bd. 1—4. Stuttgart, Dietz, 1902.

стом произведений основоположников марксизма, сокращая статьи, объединяя их вместе, снабжая своими заголовками. Вступительные статьи и комментарии Меринга, богатые фактическим материалом и имеющие немалое научно-биографическое значение, содержат, однако, и серьезные теоретические ошибки, от которых, как известно, не свободна и написанная им позже биография К. Маркса.

Кроме этой публикации Меринга, издательствами германской социал-демократической партии были опубликованы письма Маркса к Кугельману, письма Маркса и Энгельса к Даниельсону, а также сборник писем Маркса, Энгельса и их соратников к Зорге. Последний сборник подвергся бесцеремонной редакторской правке. Из писем Маркса и Энгельса выпускались целые фразы и абзацы, в первую очередь такие, которые содержали откровенную и резкую критику оппортунистических ошибок некоторых вождей германской социал-демократии.

Самой крупной публикацией германской социал-демократии было четырехтомное издание переписки между Марксом и Энгельсом, выпущенное под редакцией А. Бебеля и Э. Бернштейна в 1913 году. Трудно переоценить значение издания переписки основоположников марксизма, являющейся как бы лабораторией их теоретической мысли и политической деятельности. Но все более обнаружившийся процесс оппортунистического перерождения германской социал-демократии особенно ярко сказался на этом издании. Редакторская работа, т. е. составление предисловий к переписке за отдельные периоды, была выполнена Бернштейном. В. И. Ленин сразу оценил по заслугам эту работу Бернштейна. «Как и следовало ожидать,— писал Ленин,— эта работа неудовлетворительна ни с технической, ни с идейной стороны. Бернштейну нельзя было браться,— после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом»[1]. В предисловиях, которые

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 19, стр. 501. Такой же точки зрения по этому вопросу придерживался в свое время и А. Бебель, как

Ленин характеризовал как частью бессодержательные, частью прямо фальшивые, Бернштейн брал под защиту оппортунистические взгляды противников Маркса,— например, Лассаля и Швейцера — и допускал прямые выпады против основоположников марксизма. «Никакого иного содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма, в этих выпадах нет»,— писал Ленин.

В. И. Ленин, не имевший возможности сличить опубликованные письма Маркса и Энгельса с оригиналами, не знал о тех операциях, которые были произведены в самом тексте издания. Во-первых, было скрыто около 150 писем Маркса и Энгельса, в том числе и письма, имеющие большое теоретическое и политическое значение. Во-вторых, в опубликованных письмах были произведены многочисленные тенденциозные сокращения с целью спасения оппортунистов от страстной партийной критики их со стороны Маркса и Энгельса.

Кроме перечисленных выше изданий время от времени в теоретическом органе германской социал-демократической партии «Neue Zeit» публиковались отдельные рукописи основоположников марксизма. Однако важнейшие из этих рукописей, как например, «Немецкая идеология» или «Диалектика природы», оставались под спудом. Также держались под спудом и весьма важные в теоретическом и политическом отношениях письма Маркса и Энгельса, например, знаменитое Циркулярное письмо от 17—18 сентября 1879 г., в котором основоположники марксизма подвергли уничтожающей критике

это видно из его письма Э. Бернштейну от 29 сентября 1899 года. Исходя из того, что Бернштейн «полностью порвал почти со всеми основными положениями марксизма» и теперь принадлежит к его противникам, Бебель писал: «Если бы Энгельс видел теперь, какие перемены претерпели твои взгляды, *он стал бы твоим злейшим врагом,* и ему, как я уже сказал, *никогда* не пришло бы в голову назначить тебя *распорядителем своего* [литературного] *наследства.*

После всего этого я считаю совершенно невозможным для себя сохранять в силе свое прежнее согласие о привлечении тебя к изданию [литературного] наследства Энгельса. Я рассматривал бы это как надругательство над памятью Энгельса и как измену долгу с моей стороны» («Новая и новейшая история» № 3, 1960, стр. 135).

Тем не менее впоследствии фактическим редактором переписки К. Маркса и Ф. Энгельса оказался все тот же Э. Бернштейн.

оппортунистические элементы в германской социал-демократии и показали огромную опасность реформизма для исторических судеб партии.

Еще в конце марта 1883 г. первые русские марксисты Г. Плеханов, В. Засулич и П. Аксельрод обратились по поручению живших в Цюрихе и Женеве русских социалистов к Копенгагенскому съезду германской социал-демократии с просьбой создать интернациональный фонд для народного издания всех трудов К. Маркса, скончавшегося 14 марта 1883 года. Прошли годы и десятилетия, а руководство германской социал-демократии так и не приступило к осуществлению этого издания.

Как оценивал В. И. Ленин положение дел с публикацией литературного наследства Маркса, видно из обзора литературы, приложенного Лениным к статье «Карл Маркс», которую он написал в 1914 г. для Энциклопедического словаря Гранат. «Полное собрание сочинений и писем Маркса не издано еще до сих пор»,— пишет Ленин. Говоря о статьях Маркса за 1845—1847 гг., Ленин отмечает, что они большей частью не собраны и не переизданы. Касаясь «Neue Rheinische Zeitung», Ленин пишет: «Многочисленные статьи Маркса в этой газете, доныне остающейся лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата, не собраны и не переизданы полностью». Указывая, что Маркс был автором многочисленных манифестов, обращений и резолюций Генерального Совета Интернационала, Ленин добавляет: «Весь этот материал далеко еще не разработан и даже не собран» [1].

Таковы были результаты деятельности руководства германской социал-демократии по публикации литературного наследства основоположников марксизма за двадцать лет, прошедшие после смерти Энгельса. Эти итоги свидетельствуют о том, что руководство партии проявляло все меньше заботы о собирании и публикации литературного наследства Маркса и Энгельса и держало их ценнейшие рукописи под спудом. Если же и публиковалось что-либо, как, например, переписка, то допускались при этом пропуски и искажения в текстах Маркса

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 63, 64, 66.

и Энгельса и оппортунистические толкования в предисловиях и примечаниях к этим текстам.

Таким образом, на судьбе литературного наследства творцов научного коммунизма прямо и непосредственно сказались те идеологические процессы, которые происходили в ведущей партии II Интернационала,— перерождение ее из революционной пролетарской партии в мелкобуржуазную партию реформ.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, оказала огромное влияние на исторические судьбы литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. Она положила начало качественно новому этапу в истории публикации литературного наследства творцов научного коммунизма. Советский Союз можно по праву назвать второй родиной марксизма.

Еще задолго до Октябрьской революции передовые люди России проявляли огромный интерес к произведениям Маркса и Энгельса. История публикации трудов основоположников марксизма на русском языке является наглядной иллюстрацией к положению Ленина, что в течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого столетия передовая мысль в России жадно искала правильной революционной теории. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала»* [1].

Знаменателен факт, что первое предложение о переводе «Капитала» на иностранный язык Маркс получил именно из России. Сообщая об этом Кугельману, Маркс писал, что и другие его работы — «Нищета философии», «К критике политической экономии» — нигде не нашли такого распространения, как в России. Ни в какой другой стране к «Капиталу» не отнеслись с таким интересом, нигде он не вызывал таких страстных споров, как в России. Если в Германии и других западноевропейских странах буржуазия и ее ученые лакеи сумели организовать в отношении вышедшего в свет «Капитала» «заговор

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 31, стр. 9.

молчания», то в России, несмотря на свирепые цензурные условия, «Капитал» нашел широкий отклик среди ученых, среди передовой интеллигенции. Некоторые из рецензий и статей, посвященных первому тому «Капитала», стояли на таком высоком теоретическом уровне, что Маркс счел необходимым в «Послесловии» ко второму изданию ознакомить с ними своего читателя. Маркс пришел к выводу, что в России «Капитал» «больше читают и ценят, чем где бы то ни было» [1].

Значительную роль в пропаганде марксистских идей, в издании произведений основоположников марксизма сыграла группа «Освобождение труда». Еще более широкое распространение получили произведения Маркса и Энгельса, когда под руководством В. И. Ленина началось соединение научного социализма с рабочим движением, когда была основана марксистская партия в России. Мощный толчок распространению произведений основоположников марксизма дала русская революция 1905—1907 годов. По неполным данным, за эти годы вышло свыше 150 изданий трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Самое непосредственное участие в переводах и публикации произведений Маркса и Энгельса принимал великий продолжатель их дела — В. И. Ленин. Известно, что Ленин сам перевел «Манифест Коммунистической партии», который в начале 90-х годов читался в нелегальных кружках Самары. К величайшему сожалению, этот перевод до нас не дошел. Позже под редакцией Ленина вышли русские переводы произведения К. Маркса «Гражданская война во Франции» и произведения Ф. Энгельса «Бакунисты за работой». Ленин проредактировал также перевод писем Маркса к Кугельману и написал к ним свое знаменитое предисловие. Владимир Ильич снабдил также своим предисловием вышедший в издании Дауге сборник писем Маркса, Энгельса и др. к Зорге. Огромное количество важнейших мест из произведений Маркса и Энгельса стали впервые известными русскому читателю из произведений В. И. Ленина, который цитировал их в большинстве случаев в своих собственных переводах.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 339.

После Великой Октябрьской социалистической революции для публикации произведений Маркса и Энгельса поистине открылась «зеленая улица». В. И. Ленин, Коммунистическая партия, Советское правительство придавали этому первостепенное теоретическое и политическое значение. Ленин самым непосредственным образом занимался этим вопросом. Так, по свидетельству В. В. Адоратского, В. И. Ленин подал ему мысль составить сборник избранных писем К. Маркса и Ф. Энгельса, чтобы наиболее важное из этой переписки сделать доступным для широких слоев рабочего класса. В 1922 г. В. В. Адоратским было подготовлено такое издание избранных писем Маркса и Энгельса.

Для того чтобы поставить публикацию произведений основоположников марксизма на широкую научную основу, в 1921 г. был создан Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Несмотря на тяжелые последствия гражданской войны и интервенции, Институт получил большие средства, с помощью которых он мог развернуть широкую деятельность.

Какую большую заботу о литературном наследии основоположников марксизма проявлял В. И. Ленин, видно из его письма к директору Института Д. Б. Рязанову, написанного вскоре после создания Института. В этом письме Ленин поставил перед руководством Института такие вопросы:

«...4) Нельзя ли нам *купить* у Шейдеманов и К° (ведь это продажная сволочь) письма Маркса и Энгельса? Или купить снимки?

5) Есть ли надежда собрать нам в Москве ***все*** опубликованное Марксом и Энгельсом?

6) Есть ли каталог *уже собранного здесь?*

7) Письма Маркса и Энгельса собираем мы (или копии) или это неосуществимо?» [1]

Это письмо — настоящая программа действий для Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В нем Лениным была указана важнейшая и неотложнейшая задача — сосредоточить в Москве (в оригиналах или копиях) все литературное наследство Маркса и Энгельса.

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, стр. 401—402.

Исходя из этих прямых указаний и располагая значительными материальными ресурсами, Институт приступил к собиранию этого наследия.

В течение 1923—1927 гг. удалось произвести фотоснимки с рукописного и эпистолярного наследства Маркса и Энгельса, хранившегося в архиве германской социал-демократии. Кроме того, покупались рукописи и письма Маркса и Энгельса, сохранившиеся у отдельных лиц и учреждений, или снимались фотокопии с этих документов. Одновременно собирались прижизненные издания их трудов, разыскивались и покупались редкие и редчайшие газеты, в которых они сотрудничали.

Так, наряду с архивом германской социал-демократии, где хранилось литературное наследство Маркса и Энгельса, было образовано благодаря заботам В. И. Ленина, Коммунистической партии, Советского правительства второе хранилище этого наследия — в Москве. Трудно переоценить историческую важность этого факта для судеб литературного наследия основоположников марксизма. Великое значение этого деяния нашей партии становится особенно ясным в свете последующей истории.

Прошло всего шесть лет после окончания фотокопирования Институтом литературного наследия Маркса и Энгельса, как в Германии пришел к власти фашизм. На площадях запылали костры из произведений Маркса, Энгельса, Ленина. Германским социал-демократам пришлось вывезти свой архив, в том числе и материалы Маркса и Энгельса, за пределы Германии.

И вот тогда-то произошло нечто поистине чудовищное: лидеры германской социал-демократии, опозорившие себя, начиная с 1914 года, целой серией предательств, вписали еще одну черную страницу в историю своей партии. Они *продали* литературное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, и оно стало собственностью так называемого Международного института социальной истории.

Международный институт социальной истории был основан в Амстердаме в 1935 г. на средства, предоставленные одним из нидерландских банков (Centrale Arbeiters

Verzekerings en Deposito Bank). В настоящее время в финансировании института принимают также участие министерство просвещения и муниципалитет города Амстердама. Кроме того, институт получает субсидии из фондов Форда, Рокфеллера и некоторых других фондов. Правление института состоит из представителей финансирующих организаций: упомянутого банка, министерства просвещения и муниципалитета города Амстердама, а также Королевской академии наук, Амстердамского университета, Экономико-исторического института.

Во время бесчисленных мытарств, которые претерпело литературное наследие Маркса и Энгельса, оно было частично утеряно, разворовано. Это видно уже из того, что теперь время от времени на аукционах в разных городах мира появляется по нескольку страничек рукописей Маркса. Наши друзья из Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ не раз покупали эти разрозненные странички, исписанные характерным мелким почерком. Сличение этих страничек с хранящимися в нашем Институте фотокопиями рукописей Маркса позволяло установить, что это за странички, к какой рукописи они относятся.

Такова поистине печальная судьба литературного наследия Маркса и Энгельса, хранившегося в архиве германской социал-демократии. Все это является убедительнейшим доказательством того, какое неоценимое значение имело создание по инициативе В. И. Ленина второго хранилища литературного наследства творцов научного коммунизма в Москве — столице первого в мире социалистического государства.

За последнее десятилетие Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма значительно пополнился новыми документами Маркса и Энгельса и их соратников. Огромную помощь в пополнении Архива оказывают наши братские коммунистические и рабочие партии, рассматривающие Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС как мировое хранилище литературного наследия основоположников научного коммунизма.

Так, Центральный Комитет Французской коммунистической партии передал Архиву Института полученную им

часть документов Маркса и Энгельса, хранившихся у детей и внуков дочери Маркса Женни Лонге. Некоторые документы Маркса были уже раньше лично переданы Институту внуком Маркса французским коммунистом Эдгаром Лонге во время его приезда в СССР в 1948 году. Приезжавший в СССР в сентябре 1960 г. правнук Маркса Марсель-Шарль Лонге передал Институту марксизма-ленинизма ценнейшую коллекцию неопубликованных документов, состоящую из писем К. Маркса и Ф. Энгельса к различным лицам, писем Поля и Лауры Лафарг к Энгельсу, а также писем других членов семьи Маркса. Кроме того, М.-Ш. Лонге передал Институту остававшийся до сих пор недоступным для исследователей альбом стихов молодого Маркса, посвященных Женни Вестфален, альбом фотографий Маркса, членов его семьи и их друзей и, наконец, альбом его дочерей, в котором содержится знаменитая «Исповедь» Маркса и аналогичные шутливые «исповеди» его близких и друзей, а также друзей членов его семьи.

Центральный Комитет Социалистической единой партии Германии подарил Институту найденную в ГДР ценнейшую коллекцию книг из личных библиотек Маркса и Энгельса, состоящую из 598 книг (445 названий), в том числе 83 книги (67 названий) на русском языке. На многих этих книгах имеются замечания и разного рода пометки Маркса, в частности, многочисленные пометки на книгах Флеровского, Герцена, Салтыкова-Щедрина и других русских авторов.

В Центральном партийном архиве сосредоточены рукописи или фотокопии рукописей произведений Маркса и Энгельса, их заявлений и прочих документов. Среди них такие произведения, как «К критике гегелевской философии права» (1843), «Экономическо-философские рукописи» (1844), «Критика Готской программы» (1875), «Диалектика природы» (1873—1886), «К истории древних германцев» (1881—1882), «Роль насилия в истории» (1887—1888) и др.

Особую большую группу составляют экономические рукописи Маркса. В их число входят экономические рукописи 1857—1858 гг., опубликованные Институтом на языке оригинала под названием «Grundrisse der Kritik

der politischen Ökonomie», более поздние черновые рукописи «Капитала» (в том числе и его IV тома) и другие экономические работы Маркса. Имеются значительные по объему математические рукописи Маркса, которые в настоящее время готовятся к печати.

В архиве также хранятся тетради с выписками Маркса и Энгельса по самым различным отраслям знания. Эти тетради — яркое свидетельство того, что основоположники марксизма стояли на вершине современной науки и далеко заглядывали в ее будущее.

Имеются также записные книжки Маркса за различные годы. В них содержатся его знаменитые тезисы о Фейербахе, выписки по истории Ирландии, подготовительные работы к книге «Господин Фогт» и др. В записных книжках имеются также копии ряда писем Маркса к разным лицам и писем третьих лиц в его адрес, библиографические заметки, записи адресов и пр. Содержащиеся в этих книжках записи Маркса об отправке статей в «New-York Daily Tribune» позволяют установить с абсолютной точностью его авторство в отношении большого числа статей, которые печатались в «Tribune» без подписи, в качестве передовых.

Большой раздел фонда основоположников марксизма составляет эпистолярное наследие Маркса и Энгельса — их обширная переписка между собой и письма их к разным лицам. Имеется также огромное количество писем в их адрес.

Как уже сказано выше, часть этих архивных документов Маркса и Энгельса представлена в оригиналах и значительная часть — в фотокопиях.

Весьма важный и обширный раздел литературного наследия Маркса и Энгельса составляют их печатные произведения. В Институте имеются почти все издания трудов основоположников марксизма, вышедшие при жизни авторов как на языке оригинала, так и в авторизованных переводах. Кроме того, собраны газеты и журналы, в которых когда-либо сотрудничали Маркс и Энгельс или в которых были опубликованы те или иные их документы.

К литературному наследию основоположников марксизма примыкают хранящиеся в Архиве документальные материалы по истории Союза коммунистов, Первого Интернационала и других организаций, которыми руководили или в которых принимали участие Маркс и Энгельс. Архивные фонды этих организаций дают богатейший материал для изучения практической революционной деятельности основоположников марксизма.

Ценнейшим и необходимейшим дополнением к архивному фонду Маркса и Энгельса является созданная при Институте уникальная библиотека, содержащая обширные источники и литературу по истории международного рабочего и социалистического движения, в том числе редчайшую коллекцию рабочей и социалистической печати XIX века. В библиотеке Института имеются, например, такие английские газеты и журналы, которые отсутствуют в Англии, такая американская рабочая печать, которую уже нельзя найти в Соединенных Штатах. Многие хранящиеся у нас немецкие газеты и журналы после фашистских погромов невозможно отыскать в Германии, и наши немецкие друзья получают теперь их фотокопии из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Наконец, в библиотеке Института на протяжении десятилетий собирается уникальная коллекция источников и литературы, цитированных или упомянутых основоположниками научного коммунизма в их печатных произведениях, рукописях, выписках, записных тетрадях, в их переписке. При этом подбираются именно те издания, которыми пользовались в свое время Маркс и Энгельс. Многие из этих изданий представляют собой теперь настоящие библиографические раритеты.

Таким образом, библиотека Института является ценнейшим и необходимейшим дополнением к литературному наследству Маркса и Энгельса.

Какое же это счастье не только для нашей страны, но и для всего международного пролетариата, для всего прогрессивного человечества, что бесценное литературное наследство творцов научного коммунизма бережно и любовно хранится в надежных руках нашей партии!

* * *

Центральный партийный архив и библиотека Института марксизма-ленинизма явились той широкой научной базой, на основе которой можно было развернуть публикацию еще не изданных трудов К. Маркса и Ф. Энгельса и приступить к изданию их Сочинений.

Не представляется возможным дать здесь подробную характеристику деятельности Института по публикации рукописного наследства Маркса и Энгельса. Многие из этих публикаций находили широкий научный и политический отклик как в СССР, так и за рубежом. Эти публикации помогали нашей партии и всему коммунистическому движению в разрешении ряда важных теоретических и политических задач. Достаточно вспомнить публикацию неурезанного «Введения» Энгельса к «Классовой борьбе во Франции», опубликование «Немецкой идеологии» как на языке оригинала, так и на русском языке, публикацию «Диалектики природы», появление которой способствовало повороту многих советских и зарубежных ученых-естественников к диалектическому материализму. Впервые опубликованные Институтом письма Маркса и Энгельса к ряду деятелей германской социал-демократии были ярким и поучительным образцом непримиримой борьбы против реформизма, а также догматизма и сектантства.

Свою деятельность по публикации рукописного наследства Маркса и Энгельса Институт продолжает и в настоящее время. Важное научное значение имеет новое издание «Теорий прибавочной стоимости» (рукописи четвертого тома «Капитала»). Прежнее издание, подготовленное К. Каутским, страдало массой ошибок и искажений. Две части нового издания «Теорий», подготовленные И. И. Прейсом и В. К. Брушлинским, вышли в свет в 1954 и 1957 годах. Третья, завершающая часть издана в 1961 году. Как сказано выше, подготовляются к печати математические рукописи Маркса, ведется подготовка к изданию его тетрадей, содержащих большой материал по истории техники. Будет продолжена публикация в «Архиве Маркса и Энгельса» конспектов и выписок Маркса по истории аграрных отношений в России, а также других

рукописных материалов основоположников марксизма. Новые материалы Маркса и Энгельса включаются в состав второго издания их Сочинений и систематически публикуются Институтом в нашей периодической печати. В настоящее время возобновляется начатая еще до войны публикация документов Первого Интернационала; в первую очередь готовятся протоколы Генерального Совета, в которых особенно ярко отразилась практическая революционная деятельность творцов научного коммунизма.

Огромную роль в идеологической жизни нашей партии сыграло предпринятое по решению XIII съезда РКП(б) издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Оно начало выходить в 1928 и закончилось в 1946 году. Это издание, вышедшее в 29 томах (34 книгах), содержит около полутора тысяч произведений и около трех тысяч писем Маркса и Энгельса. Выпуск первого издания Сочинений бесспорно явился большим достижением нашей Коммунистической партии. Сравнение этого издания с изданиями Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшими за рубежом, во Франции, в Италии, в Японии [1], бесспорно показывает, что русское издание явилось наиболее полным собранием трудов основоположников марксизма.

В подготовке собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса приняли участие многие специалисты по философии, политической экономии, истории. Тем не менее, это издание не лишено серьезных недостатков. Ряд существенных ошибок и неточностей, а иногда и грубых искажений был допущен в переводах, а также в редакционных предисловиях, особенно в первых томах, выпущенных под руководством Рязанова. Это издание было снабжено очень скудным научно-справочным аппаратом. В настоящее время многие тома этого издания, выпускавшегося сравнительно небольшим тиражом, стали уже библиографической редкостью.

---

[1] Не представляется возможности дать здесь характеристику всех этих изданий; наряду с полезными есть среди них и такие, как французское издание под редакцией правого социалиста Бракке, оппортунистические предисловия которого резко противоречат всему содержанию и духу произведений творцов научного коммунизма.

По решению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Институт марксизма-ленинизма начал с 1955 г. выпускать второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

На основе опыта вышедших томов можно уже подвести некоторые научные итоги второму изданию Сочинений и попутно ответить на недоуменный вопрос, который иногда задается научным сотрудникам Института — почему они так много тратят времени на подготовку каждого тома, коль скоро произведения К. Маркса и Ф. Энгельса,— причем некоторые из них многократно,— уже издавались на русском языке.

* * *

В связи с подготовкой второго издания Сочинений научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма проделывается большая научная работа.

Во-первых, это очень трудоемкая и сложная работа по обследованию многочисленных газет и журналов, в которых сотрудничали Маркс и Энгельс, с целью выявления их еще не обнаруженных статей, установления их авторства. Как известно, статьи Маркса и Энгельса публиковались в «Neue Rheinische Zeitung» в виде передовых, без подписи. Многие их статьи были помещены также в качестве передовых и в «New-York Daily Tribune». В некоторых газетах статьи Маркса и Энгельса печатались под тем или иным корреспондентским значком.

Самым достоверным источником для установления авторства Маркса и Энгельса является их переписка между собой и с третьими лицами и сохранившиеся почти полностью записные книжки Маркса за 50-е и начало 60-х годов, в которых наряду с приходо-расходными записями его жены, адресами, а иногда и детскими каракулями содержатся ценнейшие для подготовителей томов Сочинений пометки о статьях, посланных в «New-York Daily Tribune».

Если за тот или иной отрезок времени нет прямых свидетельств об авторстве Маркса и Энгельса, то большую роль при выявлении их статей играет тщательный анализ их содержания и стиля. Совпадение тематики и развиваемых в статье мыслей с уже известными статьями

основоположников марксизма, а также характерные для Маркса и Энгельса особенности стиля, их литературный почерк — все это является важными факторами при установлении авторства.

Каковы результаты работы по собиранию литературного наследства основоположников марксизма видно из того, что уже в вышедших в свет 18 томах Сочинений включено около 400 работ, не входивших в первое издание. Часть из них была обнаружена ранее, при подготовке томов собрания Сочинений Маркса и Энгельса на языке оригинала — Marx-Engels Gesamtausgabe (MEGA). Большинство же этих новых статей и документов было выявлено при подготовке второго издания.

Наряду с включением новых статей, некоторые работы, уже входившие в первое издание, публикуются во втором издании в более полном виде. Так, в 1 томе второго издания работа Маркса «К критике гегелевской философии права» впервые дана в том виде, как она дошла до нас в рукописи.

Значительно отличаются по своему составу от первого издания и тома второго издания, содержащие статьи Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune». Наряду с включением вновь обнаруженных статей, ряд статей, уже входивших в первое издание, печатается в более полном виде. В первом издании статьи Маркса и Энгельса из «Tribune», как правило, посвященные сразу нескольким различным вопросам, разбивались на части и группировались по их тематике; при этом целые абзацы, иногда части статей опускались, поскольку они не вмещались в рамки этой тематики. Во втором издании статьи из «Tribune» публикуются так, как они были напечатаны в газете.

В первом издании статьи Маркса и Энгельса, печатавшиеся в «Neue Rheinische Zeitung» и в «New-York Daily Tribune» без подписи, были опубликованы без указания на то, кому именно — Марксу или Энгельсу — принадлежит та или иная статья. При подготовке второго издания проделана большая работа по установлению того, кем именно из основоположников марксизма написана данная статья. Однако в отношении ряда статей установить это пока не удалось.

При определении состава вышедших томов второго издания, наряду с включением новых статей и более полной публикацией некоторых работ Маркса и Энгельса, был произведен отсев ряда статей, ошибочно включенных в первое издание. В процессе исследовательской работы было установлено, что некоторые из них принадлежат перу Вильгельма Вольфа, ряд статей были написаны Дронке, Веертом и другими соратниками Маркса и Энгельса. В сравнении с вновь включенными статьями число исключаемых статей незначительно.

Трудно в небольшой статье дать полную характеристику содержания новых работ Маркса и Энгельса, включенных в уже вышедшие тома второго издания.

Здесь достаточно сказать, что в 4 томе помещены новые статьи Маркса, направленные против буржуазных экономистов — фритредеров; группа статей Энгельса, опубликованная в чартистской газете «Northern Star» и содержащая характеристику политической обстановки во Франции накануне крушения Июльской монархии; статьи Энгельса из газеты «Réforme», в которых он, обобщая опыт борьбы английских чартистов, стремился сделать его достоянием французских рабочих; ряд статей и выступлений Маркса и Энгельса, в которых впервые формулируются основные принципы пролетарского интернационализма и намечается политика пролетариата по отношению к национально-освободительному движению угнетенных народов.

В 5 и 6 тома включен ряд вновь выявленных статей из «Neue Rheinische Zeitung», посвященных июньскому восстанию парижского пролетариата, критике берлинского и франкфуртского Национальных собраний, борьбе Маркса и Энгельса за единую демократическую германскую республику. Особое место в 6 томе занимает обнаруженная при подготовке второго издания серия статей Энгельса, содержащая яркие жанровые картинки политической жизни тогдашней Швейцарии.

В 5 и 6 томах опубликованы новые статьи и документы, весьма важные для понимания тактики Маркса и Энгельса в революции 1848—1849 годов, их отношения к мелкобуржуазной демократии, их борьбы за образование массовой пролетарской партии. Чрезвычайно ценным

политическим документом является впервые публикуемое в 6 томе «Заявление» Маркса и его сторонников от 14 апреля 1849 года об их выходе из Рейнского окружного комитета демократов. Это организационное отделение от мелкобуржуазной демократии явилось важным шагом на пути к практическому осуществлению поставленной Марксом и Энгельсом задачи — созданию массовой партии германского пролетариата. Как известно, поражение германской революции, высылка Маркса из Пруссии, прекращение выхода «Neue Rheinische Zeitung» помешали реализации этих планов основоположников марксизма. Группа новых статей в 5 и 6 томах освещает деятельность редакции «Neue Rheinische Zeitung», многочисленные судебные и полицейские преследования, которым подвергалась эта газета, члены ее редакции и, в особенности, ее главный редактор — Карл Маркс.

В 7 томе большой интерес представляет вновь обнаруженная статья Маркса «Конституция Французской республики, принятая 4 ноября 1848 года», содержащая боевую критику буржуазной демократии. Анализируя статью за статьей этой конституции, Маркс доказывает, что «буржуазия может быть демократичной на *словах,* но не хочет быть демократичной на *деле,* что она признает правильность принципа, но никогда не осуществляет его на практике» [1].

В том 8 включен не входивший в первое издание памфлет К. Маркса и Ф. Энгельса «Великие мужи эмиграции».

В 9 и 10 томах содержится ряд новых статей из «New-York Daily Tribune», освещающих экономику капиталистических стран, в частности Англии, и среди них интересная с экономической точки зрения статья Маркса «Банковский акт Пиля». В этих же томах публикуется ряд новых статей основоположников марксизма, посвященных Крымской войне и дающих весьма ценный дополнительный материал для характеристики политической позиции Маркса и Энгельса в этой войне.

Большой теоретический интерес представляет опубликованный в 10 томе рукописный отрывок статьи Маркса

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 535.

из серии «Революционная Испания». Анализируя причины неудачи испанской буржуазной революции 1820—1823 годов, Маркс объясняет ее тем, что «революционная партия не сумела связать интересы крестьянства с движением городов»[1]. Маркс формулирует здесь главное условие успеха буржуазных революций — вовлечение в борьбу против феодализма широких крестьянских масс.

В 9 и 10 томах содержится также ряд новых статей, посвященных чартизму и стачечному движению в Англии.

Свыше сотни новых статей Маркса и Энгельса, не вошедших в первое издание, включено в 11, 12, 13, 14, 15 тома Сочинений Маркса и Энгельса. Достаточно сказать, что только в 14 том вошло 42 ранее не известные статьи Маркса и Энгельса из «Новой американской энциклопедии». Эти новые статьи, в частности, значительно расширяют представление об Энгельсе как военном историке и теоретике, они показывают, что его военные знания распространялись на самый широкий круг вопросов, вплоть до деталей военного дела. Большой интерес представляет включенная в этот том статья «Алжир», в которой Энгельс разоблачает зверские методы колониальной политики Франции в этой многострадальной стране.

Много нового найдет читатель в 16, 17 и 18 томах Сочинений, относящихся к периоду деятельности Первого Интернационала. Это ряд новых документов Маркса и Энгельса, характеризующих их руководящую роль в Международном Товариществе Рабочих, их борьбу против реформистских и сектантских элементов в Интернационале. К числу этих документов относятся составленные Марксом и Энгельсом проекты резолюций Генерального Совета, протокольные записи их речей на заседаниях Генсовета, многочисленные материалы, связанные с подготовкой и проведением конгрессов и конференций Интернационала, с руководством его отдельными секциями и федерациями. Огромный интерес представляют впервые публикуемые наброски докладов Маркса по ирландскому вопросу. В этих рукописях содержится яркое обличение колониальной политики господствующих классов Англии в отношении Ирландии и пламенная защита

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 632.

справедливой национально-освободительной борьбы ирландского народа.

Во второе издание Сочинений включается также ряд материалов, ранее опубликованных в «Архиве Маркса и Энгельса» и мало известных широкому читателю. К их числу относятся, например, незаконченная работа Энгельса по истории Ирландии, а также написанные Марксом первый и второй наброски «Гражданской войны во Франции», в которых содержится много важных мыслей Маркса о диктатуре пролетариата, о сломе буржуазной государственной машины, о политике пролетариата в отношении крестьянства и т. д., мыслей, получивших в окончательном варианте этой работы Маркса более сжатое изложение.

Таков далеко не полный перечень того нового, что отличает состав второго издания Сочинений от первого.

Большая работа проделывается научными сотрудниками по уточнению дат написания произведений Маркса и Энгельса. Эта работа имеет немаловажное значение для составления дат жизни и деятельности основоположников марксизма и для подготовки к написанию их научных биографий.

В большинстве вышедших томов второго издания имеется раздел «Приложения». В нем впервые публикуется на русском языке ряд важных документов, представляющих большой интерес для истории марксизма, истории рабочего и социалистического движения, для научных биографий Маркса и Энгельса. Это протоколы заседаний различных организаций, в которых участвовали Маркс и Энгельс (Центрального комитета Союза коммунистов, брюссельской и парижской общин этого Союза, брюссельской Демократической ассоциации, кёльнского Демократического общества, кёльнского Рабочего союза, Генерального Совета Первого Интернационала и т. д.); сообщения о народных собраниях и митингах, в которых принимали участие Маркс и Энгельс; резолюции и обращения, подписанные в числе других лиц также основоположниками марксизма; материалы о полицейских и судебных преследованиях Маркса и Энгельса; их различные биографические документы; документы I Интернационала.

Из числа опубликованных в приложениях документов заслуживает особого внимания напечатанный впервые в 8 томе протокол заседания Центрального комитета Союза коммунистов от 15 сентября 1850 г., на котором произошел раскол Союза коммунистов. Раньше из протокола этого заседания были известны только выдержки, приводимые Марксом в работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Опубликованный теперь полностью протокол этого важного заседания ярко свидетельствует о том, что Маркс прилагал все усилия, чтобы сохранить единство в Союзе, и что виновником раскола была авантюристская фракция Виллиха—Шаппера.

Помещенные в приложениях к томам документы ценны тем, что они дают ранее неизвестный или малоизвестный материал о практической революционной деятельности основоположников марксизма, об их борьбе за пролетарскую партию.

Не только широкий круг читателей, но и ученые-специалисты в различных областях общественных наук найдут для себя во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса много нового[1].

Таким образом, как показывает практика, в процессе подготовки второго издания делается новый значительный шаг вперед в деле собирания и публикации литературного наследства основоположников марксизма, а также различных документов, весьма важных для изучения жизни и деятельности Маркса и Энгельса.

* * *

После определения состава тома и составления его проспекта научными сотрудниками Института проводится очень тщательная и трудоемкая текстологическая работа.

Во-первых, заново проверяются расшифровки произведений Маркса и Энгельса, которые дошли до нас в виде рукописей. Надо отметить, что расшифровка руко-

[1] Для исследователей, изучающих ранний период формирования взглядов Маркса и Энгельса, представляет большой интерес опубликованный Институтом сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений» (1956). В этом сборнике «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса впервые опубликованы на русском языке в том объеме, в каком они дошли до нас.

писей, в особенности Маркса, представляет собой чрезвычайно сложную работу, требующую больших навыков и высокой научной квалификации. Как известно, почерк Маркса на редкость мелок и неразборчив. На четырех страницах почтовой бумаги Маркс вместо обычных 4-х страниц текста помещал иногда до 10 страниц. При бисерном почерке Маркс еще сокращал слова, порою выбрасывал все гласные, так что вместо десятка букв оставалось три-четыре. Часто слова так неразборчивы, что понять их можно только в контексте — а для этого требуется не только совершенное знание языков, на которых писал Маркс, но и хорошее знание предмета, той области наук, того круга вопросов, о которых идет речь в данном месте рукописи Маркса. При универсализме интересов и энциклопедичности познаний Маркса это задача не из легких.

Весьма трудной является расшифровка писем Маркса также из-за их многоязычия: в основной, в большинстве случаев, немецкий текст вкраплены отдельные слова, выражения, фразы, а порою и целые абзацы на английском, французском, итальянском, латинском и других языках — так что расшифровщик должен быть таким же полиглотом, каким был Маркс.

Говоря о работе по расшифровке рукописей и писем Маркса и Энгельса в Институте марксизма-ленинизма, нельзя не упомянуть имени Н. И. Непомнящей, которая вот уже тридцать лет делает эту не очень приметную для внешнего мира, но в высшей степени сложную, ответственную и уникальную по своей квалификации работу.

При подготовке к печати произведений Маркса и Энгельса проводится сравнение их с рукописями, если они сохранились, и со всеми прижизненными их изданиями, а также с авторизованными переводами этих произведений на иностранные языки.

В результате этих сравнений вносятся иногда изменения в ранее опубликованный Институтом текст того или иного произведения Маркса и Энгельса. Так, например, входящий в 4 том 2 издания известный «Циркуляр против Криге» был в первом издании Сочинений напечатан в переводе не с литографированного издания этого циркуляра, а с текста, обработанного «истинным

социалистом» Люнингом и напечатанного им в журнале «Westphälische Dampfboot». В результате в публикацию была включена часть текста, принадлежащая не Марксу, а Люнингу и содержащая рассуждения такого рода: «...железная необходимость... проложит путь социалистическим реформам посредством преобразования современных условий обмена»[1]. Как известно, Маркс доказывал необходимость изменения путем революции способа производства, а не преобразования путем реформ условий обмена. Приведенная фраза выдержана в духе Прудона, а не Маркса. В результате сравнения с настоящим оригиналом — с литографированным экземпляром «Циркуляра против Криге» — эти чужеродные наслоения были из него удалены.

При наличии нескольких прижизненных изданий того или иного произведения основоположников марксизма в основу перевода берется последнее издание на том языке, на котором написано данное произведение. Однако сравнение ряда прижизненных изданий и их авторизованных переводов на различные языки позволяет выявить важные разночтения, показывающие последующее развитие теории марксизма, позднейшее уточнение того или иного положения. Такого рода важнейшие разночтения указываются под строкой. Так, при публикации работы Маркса «Наемный труд и капитал» в 6 томе второго издания под строкой указаны разночтения с подготовленным Энгельсом изданием этой работы в 1891 году. В текст этого издания Энгельс внес изменения, которые относятся к одному важному пункту, а именно: в 40-х годах, когда Маркс работал над «Нищетой философии» и «Наемным трудом и капиталом», он полагал, что рабочий продает за заработную плату капиталисту свой труд, однако в конце 50-х годов Маркс пришел к выводу, что рабочий продает капиталисту не свой труд, а свою рабочую силу. Этот вывод имел решающее значение для разработки учения Маркса о прибавочной стоимости. При переиздании «Наемного труда и капитала» в 1891 г. Энгельс привел его текст в соответствие с дальнейшим развитием экономической теории Маркса.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. V, стр. 95.

К опубликованной в 4 томе «Нищете философии» сделано несколько сносок, воспроизводящих пометки Маркса на экземпляре, подаренном им в 1876 г. Наталии Утиной. Эти пометки показывают, что Маркс позже был не удовлетворен некоторыми формулировками и положениями, содержащимися в этой работе, и намеревался внести поправки на основе дальнейшего развития своего экономического учения. Так, в том месте, где говорится, что «труд продается и покупается», в экземпляре Утиной была сделана пометка «рабочая сила»[1]. В другом месте в экземпляре Утиной к выражению «пролетариат феодальных времен» Маркс сделал пометку «трудящийся класс»[2], подчеркнув этим неточность применения понятия «пролетариат» к средневековью.

Сравнение различных прижизненных изданий, авторизованных переводов и проверка по источникам цитат, имеющихся в произведениях Маркса и Энгельса, позволяют также устранить немалое число опечаток и других типографских погрешностей в печатном оригинале, как например, в датах, в цифрах, в географических названиях, в именах собственных, в ссылках на страницы источников и т. д.

Большую дополнительную текстологическую работу несколько иного характера проводят научные сотрудники при подготовке статей Маркса и Энгельса, напечатанных в «New-York Daily Tribune».

Как известно из переписки Маркса и Энгельса, редакция «Tribune» иногда произвольно обращалась с их статьями, в особенности с теми, которые она публиковала без подписи, в качестве передовых. Она вписывала в эти статьи целые предложения и даже абзацы, иногда резко противоречащие взглядам Маркса и Энгельса.

Так, например, к статье Энгельса «Что будет с Европейской Турцией?» редакцией газеты было сделано следующее добавление: «В настоящее время долгом тех, кто хотел бы помочь народному делу в Европе, является оказание всяческого содействия развитию промышленности, просвещения, уважения к закону...» и т. д. Этот явно чужеродный кусок, как и другие аналогичные продукты

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 93.
[2] Там же, стр. 144.

творчества редакции «Tribune», переносится во втором издании в примечания или оговаривается в них.

Некоторые свои и Энгельса статьи из «New-York Daily Tribune» Маркс посылал в переработанном виде в другие газеты, например в чартистскую «People's Paper» или в демократическую немецкую газету «Neue Oder-Zeitung». В таких случаях под строкой указываются важнейшие разночтения между вариантами этих статей. В том случае, если разночтения слишком многочисленны, если один и тот же материал подан Марксом в двух различных аспектах, с различной акцентировкой, то в томе печатаются оба варианта статьи.

Вся эта большая и разнообразная по своему характеру текстологическая работа несомненно повышает научное качество второго издания в сравнении с первым.

* * *

Самой трудоемкой и сложной работой научных сотрудников Института при подготовке к печати томов Сочинений является сличение с оригиналом переводов и исправление, редактирование этих переводов. Сохраняя все ценное, что было в прежних русских переводах произведений Маркса и Энгельса, научные сотрудники Института стремятся улучшить качество перевода, устранить все имеющиеся в нем ошибки и неточности.

К сожалению, до сих пор еще иногда приходится слышать мнение, что редактирование переводов трудов Маркса и Энгельса является якобы технической, а не научной работой. Надо сказать, что Энгельс, которому приходилось самому переводить, а также редактировать переводы трудов Маркса и своих собственных произведений, придерживался на этот счет совсем иного взгляда. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать его статью «Как не следует переводить Маркса». В этой статье Энгельс критикует Джона Бродгауса[1], который в октябре 1885 г. напечатал в журнале «To-Day» первые страницы своего перевода «Капитала». Показав, как Бродгаус превращает гениальные мысли Маркса в полнейшую бессмыслицу, как всем своим переводом он дока-

[1] Под этим псевдонимом, как видно из писем Энгельса, скрывался один из основателей Социал-демократической федерации — Г. Гайндман.

зывает, что ничего не понял в анализе Маркса, Энгельс делает вывод, что Бродгаус — не тот человек, который способен переводить Маркса, «особенно потому,— пишет Энгельс,— что он, по-видимому, совершенно не представляет себе, что̀ такое подлинно добросовестная *научная работа*»[1]. (Подчеркнуто нами.— *Е. С.*)

В письмах самого Маркса содержится немало справедливых упреков по адресу переводчиков, которые по невежеству, по недомыслию, а иногда по злому умыслу до неузнаваемости искажали текст его произведений. О переводчике такого типа Маркс писал, что он из traduttore (по-итальянски — переводчика) превращается в traditore (предателя).

Следовательно, Маркс и Энгельс придавали переводу своих произведений огромное научное и политическое значение.

Как уже сказано выше, в первом издании Сочинений, в особенности в тех томах, которые были выпущены под руководством Рязанова, имеется немало ошибок, неточностей и даже грубых искажений в переводах. Иногда здесь, видимо, не обошлось и без злого умысла, так как в числе переводчиков и подготовителей у Рязанова было немало меньшевиков. Но чаще это объяснялось неправильными принципами перевода, ошибочным представлением, будто для перевода достаточно знать язык, с которого переводишь, и язык, на который переводишь. Однако такой «чисто филологический перевод» неизбежно чреват грубыми ошибками.

Для обеспечения хорошего качества перевода необходимо не два, а три условия. Во-первых,— знание того языка, с которого переводишь, во-вторых,— знание того языка, на который переводишь и, в-третьих,— знание материи предмета, того круга идей (экономических, философских, политических и т. д.) и тех «реалий», то есть тех фактов, событий и обстоятельств, теперь порою очень мало или совершенно неизвестных, о которых идет речь в произведениях классиков марксизма. Только при наличии этих трех условий перевод может быть действительно добросовестной научной работой. Особенно необходимы эти требования при подготовке к изданию

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 238.

Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, так как речь идет о переводе произведений творцов научного коммунизма, у которых каждое слово — на вес золота.

Образцом высокого качества переводов произведений Маркса и Энгельса являются переводы, сделанные В. И. Лениным или отредактированные им. Кроме произведений «Гражданская война во Франции», «Бакунисты за работой» и «Писем к Кугельману», переводы которых были проредактированы Лениным, в его собственные произведения вкраплено огромное количество переведенных им цитат из произведений Маркса и Энгельса.

Особенно ценны ленинские переводы с точки зрения строгой и точной научной терминологии. Хотя Плеханов и его соратники по группе «Освобождение труда» и положили начало созданию русской марксистской терминологии, основная заслуга и в этом важном деле несомненно принадлежит В. И. Ленину.

Переводы Ленина чрезвычайно поучительны, они тщательно изучаются научными сотрудниками Института и широко используются ими при подготовке второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Приведем несколько примеров улучшения переводов во втором издании в связи с использованием ленинской терминологии. В новом издании термин «anarchie industrielle», переведенный в первом издании как «промышленная анархия», дается в ленинском переводе: «анархия производства». Термин «échange individuel», переведенный в первом издании описательно — «обмен между отдельными лицами»,— дан в ленинском переводе: «индивидуальный обмен». Термин «patriarchalische Zustände» был передан в первом издании неточно и ненаучно, как «патриархальное состояние», теперь он переводится по Ленину: «патриархальный строй». Английское выражение «middle-class» переводится теперь не как «средний класс», а в соответствии с переводом Ленина и толкованием Энгельса, как «буржуазия» и т. д.

Вообще терминологической работе при подготовке второго издания придается очень большое значение. В произведениях Маркса и Энгельса, этих энциклопедически образованных людей, кроме терминов, свойственных марксизму, как науке, встречается много терминов

из самых различных областей знания (математики, физики, военного дела, агрохимии, техники и т. д.). В соответствии с этим большое внимание уделяется уточнению терминов в соответствии с их употреблением в специальной научной литературе, относящейся к данной области знания; при этом проводится унификация в переводе одних и тех же терминов на протяжении всего второго издания.

К чему приводит «чисто филологический перевод», перевод без знания существа предмета и соответствующей терминологии, видно из следующих примеров. В первом издании термин «Klassen-steuer», означающий существовавший в Пруссии «поразрядный налог», был переведен как «классовый налог», чем искажался смысл этого выражения: речь шла не о классовом характере налога, а об определенном порядке налогообложения. Слово «Illuminaten» — название одной из масонских сект, было переведено, как «просветители», чем грубо искажался смысл текста (отрицательная оценка Энгельса иллюминатов ошибочно переносилась на просветителей XVIII века). Ряд неудачных переводов затемнял смысл употребляемых Марксом и Энгельсом научных терминов. Так, например, выражение «ausgedehnte Produktion» переводилось как «развитое производство» вместо «расширенного производства».

Приведем также ряд примеров грубых ошибок в переводах первого издания, уже не связанных с терминологией.

Первый пример показывает, какую роковую роль в переводе может сыграть запятая.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, говоря об идеологии вообще и немецкой в особенности, обосновывают положение, что образование идей, представлений, мышление людей являются порождением их материальных отношений. И далее следует фраза: «Von der geistigen Produktion, wie sie in der Sprache der Politik, der Gesetze, der Moral, der Religion, Metaphisik usw. eines Volkes sich darstellt, gilt dasselbe»[1].

Во втором издании это место переведено следующим образом: «То же самое относится к духовному производ-

[1] Marx-Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung Bd. 5, S. 15.

ству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа» [1].

В первом же издании после слова «в языке» была поставлена запятая, и фраза приобрела следующий вид: «То же самое можно сказать о духовном производстве, как оно выражается в языке, политике, законах, морали, религии, метафизике и т. д. того или другого народа» [2].

Таким образом, язык был поставлен на одну доску с политикой, законами, моралью, религией и другими надстроечными категориями, носящими, как известно, классовый характер. В результате внесения лишней запятой получилась грубая теоретическая ошибка; которую могли использовать сторонники Марра для защиты своей концепции о классовом характере языка.

В работе «Принципы коммунизма» — первом наброске «Манифеста Коммунистической партии»,— Энгельс, говоря о тех мероприятиях, которые осуществит пролетарская революция в целях перехода к социалистическому обществу, называет и такое мероприятие, как «gleicher Arbeitszwang für alle Mitglieder der Gesellschaft bis zur vollständigen Aufhebung des Privateigentums». В прежних изданиях было переведено: «одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности» вместо «одинаковая обязательность труда для всех членов общества» [3].

К числу ошибок в переводе, грубо искажавших текст основоположников марксизма, относится перевод слова «Abfälle», не раз встречающегося в статье Энгельса «Борьба в Венгрии». В этой статье Энгельс, бросая ретроспективный взгляд на исторические судьбы славян, которые в эпоху раннего средневековья населяли всю территорию Австрии, прослеживает как в эту компактную славянскую массу постепенно вклинивались с запада — немцы, с востока — мадьяры, с юга — турки. В результате масса славянского населения была разрезана этими клиньями на части, оторванные друг от друга. И далее Энгельс говорит о южных славянах, как о «Völkerabfälle»,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 24.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 16.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 333.

т. е. «обломках народов». «Это только *обломки народов,* продукт в высшей степени запутанного *тысячелетнего развития»*. Такой перевод дан во втором издании [1].

В первом же издании слово «Völkerabfälle» было переведено вместо «обломки народов» — «отбросы народов». Немецкое слово «Abfall» имеет в русском языке ряд синонимов — и «остатки», и «обрезки», и «обломки», и «отбросы». Из большого числа синонимов переводчик в первом издании выбрал слово «отбросы», хотя по всему ходу рассуждений Энгельса речь у него идет об обломках, остатках народов. Незачем разъяснять политический смысл такого перевода. Это тот самый случай, когда, по словам Маркса, переводчик превращается в предателя!

Еще больше в переводах всякого рода нелепостей и бессмыслиц, проистекающих из-за отсутствия настоящей научной работы над переводом, из-за незнания подготовителем тех фактов, событий, лиц и т. д., о которых идет речь у Маркса и Энгельса. Ограничимся несколькими примерами.

В статье Маркса из «Neue Rheinische Zeitung» «Прусская контрреволюция и прусское судейское сословие» в оригинале имеется такая фраза: «Nicht zu verwechseln mit den «gutgesinnten» kölnischen «Essern»». В 6 томе второго издания стр. 149 переведено: «не смешивать с кёльнскими «благонамеренными Эссерами»» и дана сноска: «имеются в виду кёльнские адвокаты Эссер I и Эссер II». В первом издании переводчик, исходя из того, что слово «Esser» — в данном случае фамилия,— означает по-немецки «едок», перевел: «не смешивать с «благонамеренными» кёльнскими «едоками»». Пойми, кто может!

В памфлете «Великие мужи эмиграции» Маркс и Энгельс пишут о Готфриде Кинкеле, как о человеке, который с особой симпатией относится к почтенному сословию ремесленников и выдвигает фантастические проекты спасения цехового строя. И далее следует замечание: «вспомните «винкельблехиады» 1848 года» [2]. Слово «винкельблехиады» образовано от имени немецкого экономиста К. Г. Винкельблеха, выступавшего с реакционной

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 183.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 270.

теорией восстановления цехового строя. В прежнем переводе этого памфлета Маркса и Энгельса слово «винкельблехиада» было переведено как... «болтовня по закоулкам»! Переводчик поступил просто — разложил неизвестное ему слово на составные части: «Winkel» по-немецки «угол», «закоулок», на слово «Blech» он нашел в словаре производное выражение «Blechschwatzen» — что означает «болтать вздор» — и в результате состряпал фразу: «вспомните болтовню по закоулкам в 1848 году». Так получился сущий вздор, бессмыслица в переводе!

Такого рода переводы, разумеется, нельзя признать добросовестной научной работой.

Особенно много в старых переводах литературных ляпсусов, стилевых погрешностей. В упомянутой выше статье «Как не следует переводить Маркса» Энгельс, критикуя перевод Бродгауса, писал: «Из числа писателей нашего века у Маркса наиболее сильный и сжатый стиль... Сильный немецкий язык следует передавать сильным английским языком»[1]. Научные сотрудники Института при работе над переводами произведений Маркса стремятся, используя все богатейшие ресурсы русского языка, сохранить все своеобразие, силу, выразительность, сжатость, лаконичность стиля Маркса — писателя, которого можно и должно поставить в один ряд с величайшими мастерами художественной прозы.

Подводя первые итоги работы научных сотрудников Института над переводом Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, нельзя все же с абсолютной уверенностью утверждать, что в этом сложнейшем деле не обойдется без некоторых ошибок и неточностей. Однако самый принцип организации этой работы, как работы действительно научной, глубокое изучение теоретического и политического смысла того или иного произведения основоположников марксизма, серьезная текстологическая работа, тщательная проверка всех упоминаемых в тексте фактов, событий, организаций, учреждений, имен собственных и т. д.— все это внушает уверенность, что во втором издании Сочинений будет обеспечено значительно более высокое качество переводов, чем это было в первом издании.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 231.

* * *

Второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса сильно отличается от первого своим научно-справочным аппаратом. Кроме именного указателя, который был в первом издании, в нем имеются примечания, даты жизни и деятельности Маркса и Энгельса, указатель прессы и указатель географических названий. К 23 тому Сочинений, содержащему первый том основного труда Маркса «Капитал», даны также указатели цитируемой и упоминаемой литературы и предметный указатель. Такими же указателями предполагается снабдить тома, содержащие остальные части «Капитала», работы Энгельса «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», переписку Маркса и Энгельса. Ко всему изданию будет приложен справочный том с общим предметным и другими указателями.

Научно-справочный аппарат 2 издания является в известной мере итогом исследовательской работы, проделанной коллективом научных сотрудников по подготовке к изданию произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на протяжении многих лет. В то же время это и результат большой работы группы сотрудников, подготовляющей данный том и специализирующейся в той или иной области марксизма или по тому или иному периоду истории марксизма.

Несколько слов о типе примечаний. Было бы фантастической и бесполезной затеей давать примечания ко всем абсолютно фактам и событиям, упоминаемым в произведениях Маркса и Энгельса. Поэтому в примечаниях ко второму изданию не освещаются такие факты и события, которые известны из учебников средней школы или которые легко можно найти в энциклопедиях. Задача примечаний состоит в том, чтобы сделать более ясным и понятным для читателей текст Маркса и Энгельса и осветить такого рода факты и события, которые в настоящее время мало известны или совсем неизвестны. Несмотря на лаконичный характер примечаний, многие из них являются результатом большой исследовательской работы, своеобразными научными этюдами на ту или иную специальную тему.

В качестве примера приведем несколько примечаний, задача которых состоит в том, чтобы осветить неясные

места в тексте произведений Маркса и Энгельса, разъяснить непонятные современному читателю намеки.

В работе «Морализирующая критика и критизирующая мораль» в первом издании Сочинений не было понято и было просто опущено выражение «thrasonische», которое Маркс употребляет при характеристике так называемой «грубиянской литературы» XVI века. В примечании к 4 тому указывается, что это слово произведено от имени Фрасон — персонаж из комедии «Евнух» римского драматурга Теренция — образ хвастливого и глупого воина.

В статье «Контрреволюция в Берлине», написанной 11 ноября 1848 г. после назначения контрреволюционного министерства Бранденбурга, готовившего разгон берлинского Национального собрания, Маркс многократно, как своеобразный рефрен, повторяет фразу «Бранденбург в Собрании и Собрание в Бранденбурге» [1]. Происхождение этой фразы было неясным. Тщательные поиски, изучение прессы того времени позволили разрешить эту загадку. Как выяснилось, Фридрих-Вильгельм IV, подготовляя контрреволюционный государственный переворот в Пруссии, выдвинул такую альтернативу: «Либо Бранденбург в Собрании, либо Собрание в Бранденбурге». Реакционная «Neue Preussische Zeitung», пойдя еще дальше своего короля, перефразировала его слова таким образом, что «Бранденбург будет в Собрании и Собрание будет в Бранденбурге», куда оно действительно и было переведено. Следовательно, Маркс «обыгрывает» здесь слова Фридриха-Вильгельма IV, перефразированные газетой «Neue Preussische Zeitung».

В этой же статье Маркс пишет, что реакционные прусские деятели — Бранденбург и генерал Врангель «учатся арабскому языку у хигланов» [2]. Кто такие хигланы и при чем тут арабский язык — было совершенно непонятно. Изучение прессы позволило разрешить и эту загадку. Оказывается, в «Kölnische Zeitung» была напечатана заметка о мнимом африканском племени хигланов — полулюдей-полуобезьян; многие из них, говорилось в заметке, «учатся арабскому языку». В номере от 5 ноября 1848 г.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 6, стр. 10 и сл.
[2] Там же, стр. 14.

«Neue Rheinische Zeitung» высмеяла это сообщение, иронически заметив при этом, что в лице хигланов контрреволюционная партия в Пруссии получает достойное подкрепление. Так была внесена ясность в совершенно непонятный намек Маркса.

Можно было бы привести немало других примеров такого исследования неясных мест в произведениях Маркса и Энгельса, что облегчает понимание их читателем.

Значительная часть примечаний содержит сведения об истории написания тех или иных произведений Маркса и Энгельса, о прижизненных изданиях этих произведений, об их авторизованных переводах и изданиях на русском языке. Такие примечания являются важным материалом для научных биографий основоположников марксизма.

Кроме того, в примечаниях даются сведения об органах печати, в которых сотрудничали творцы научного коммунизма, а также о газетах и журналах, которые упоминаются в произведениях Маркса и Энгельса (число их достигает трех тысяч). Многие из этих газет и журналов, в особенности относящиеся к рабочей и социалистической печати, совершенно не отражены в существующих иностранных монографиях и справочниках по прессе. При составлении таких примечаний научные сотрудники используют хранящуюся в библиотеке Института ценнейшую коллекцию рабочей и социалистической печати XIX века. Эти примечания, при всей их краткости, вносят много новых данных в историю рабочей и социалистической печати различных стран.

Ряд примечаний посвящен характеристике рабочих, социалистических и демократических организаций разных стран, с которыми в той или иной мере были связаны Маркс и Энгельс или которые упоминаются в их произведениях и письмах. Эти краткие примечания часто являются результатом научно-исследовательской работы, изучения источников, монографий и т. д. Так работа над примечаниями к 16, 17 и 18 томам Сочинений потребовала изучения архивных документов, относящихся к деятельности Международного Товарищества Рабочих, привлечения протоколов Генерального Совета Интернационала, а также тщательного исследования прессы того времени и, в особенности, прессы Интернационала.

Многие примечания к томам Сочинений являются серьезным вкладом в изучение истории рабочего, социалистического и демократического движения различных стран.

Наконец, большое место занимают библиографические примечания, содержащие описание использованных или упомянутых Марксом и Энгельсом источников и литературы, притом именно тех изданий, которые были в руках Маркса и Энгельса. Ценнейшим подспорьем в этой работе является упомянутая выше уникальная коллекция этих источников и литературы, которая собирается в библиотеке Института на протяжении десятилетий.

Очень часто в произведениях Маркса и Энгельса имеются глухие упоминания источников и литературы — есть имя автора, но нет названия произведения, есть название произведения, но нет имени автора, нередко нет ни того, ни другого, а имеется лишь цитата без всяких намеков на источник. Для расшифровки таких «глухих» цитат требуется немалая работа. Приведем несколько примеров:

Одна из статей в «Neue Rheinische Zeitung» («Доклад Франкфуртской комиссии об австрийских делах») начинается так:

«Лет 40 тому назад жили люди, которые описывали «Германию в ее глубочайшем унижении»» [1]. Что же это за люди и какое описание Германии имеется в виду? Как было установлено, речь идет об анонимной брошюре «Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung» («Германия в ее глубоком унижении»), вышедшей в 1806 г. и направленной против наполеоновского господства.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс, сравнивая буржуазные и пролетарские революции, пишет, что в ходе пролетарских революций создается такое положение, когда отрезывается всякий путь к отступлению, когда сама жизнь заявляет властно:

Hic Rhodus, hic salta!
Hier ist die Rose, hier tanze!

Это означает в переводе:

Здесь Родос, здесь прыгай!
Здесь роза, здесь танцуй! [2]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 72.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 123.

Что касается первой части — «Здесь Родос, здесь прыгай!», то происхождение этого выражения известно: это слова из басни Эзопа «Хвастун», обращенные к человеку, утверждавшему, что якобы на острове Родос он совершал огромные прыжки. «Здесь Родос, здесь прыгай!» означают: докажи здесь, на месте, на что ты способен.

Но каково происхождение выражения: «Здесь роза, здесь танцуй!»? При подготовке второго издания удалось разрешить и эту загадку. Оказалось, что это цитата из предисловия Гегеля к его работе «Философия права». Гегель приводит там выражение из басни Эзопа: «Hic Rhodus, hic salta», а затем перефразирует его: «Hier ist die Rose, hier tanze» («Здесь роза, здесь танцуй»). Дело в том, что «Родос» означает по-гречески название острова, а также «роза». Перефраз понадобился Гегелю для того, чтобы в дальнейшем контексте употребить образное выражение: «роза на кресте современности». Почти через 20 лет после того, как Маркс занимался критикой гегелевской философии права, он вспомнил этот перефраз Гегеля!

И еще один пример: в том же «Восемнадцатом брюмера» Маркс, говоря об устроенной во Франции лотерее золотых слитков, пишет: «Эта лотерея была «Элизиума дочь»» [1]. Как выяснилось, у Маркса здесь игра слов. Он использовал для нее стихотворение Шиллера «К радости», в котором поэт воспевает радость — «дочь Элизиума», т. е. елисейских полей (у древних авторов елисейские поля — синоним рая). Елисейские поля, как известно, это также название проспекта в Париже; здесь находилась резиденция Луи Бонапарта во время его президентства. Такой сложный и витиеватый путь Маркс избрал, чтобы в образной форме сказать о причастности Луи Бонапарта к мошеннической лотерее золотых слитков.

Библиографические примечания дают читателю ясное представление относительно поистине необъятной эрудиции основоположников марксизма, колоссального количества использованной ими литературы и источников.

Как известно, Маркс и Энгельс в своих трудах часто использовали цитаты и образы из творений лучших

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 8, стр. 175.

писателей мира. В качестве примера может служить работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и, в особенности, его памфлет «Господин Фогт», который, как писал Ф. Меринг, «может доставить исключительное наслаждение литературным знатокам». Многие из цитируемых Марксом и Энгельсом авторов и из упоминаемых литературных персонажей теперь забыты и сведений о них не найти в самых солидных справочниках и монографиях литературоведов. При подготовке второго издания проделывается большая работа по раскрытию содержащихся в Сочинениях литературных цитат, а также упоминаемых Марксом и Энгельсом литературных и мифологических персонажей. Эта работа значительно облегчит возможность освещения вопроса о Марксе и Энгельсе, как величайших знатоках мировой литературы, вопроса, который еще ждет своего исследователя.

Таким образом, примечания во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, несмотря на их краткость, являются зачастую результатом кропотливой исследовательской работы,— изучения источников и литературы, просмотра соответствующей прессы, монографий, многочисленных энциклопедий и справочников на разных языках и по различным областям знания.

Во втором издании печатаются «Даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса», которые отсутствовали в первом издании. Правда, существует изданная нашим Институтом в 1934 году на немецком и на русском языках работа «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности». Эта работа была серьезным вкладом в изучение биографии Маркса и до сих пор она широко используется нашими и иностранными исследователями. Но и эта работа не лишена ошибок и недостатков, в ней имеется немало неточностей, которые исправляются в ходе подготовки второго издания.

Что касается Энгельса, то работы о нем, аналогичной биохронике К. Маркса, до сих пор не было издано. Однако в Институте марксизма-ленинизма в справочном кабинете сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса для такой работы уже собран огромный материал.

В «Датах жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса», публикуемых в томах второго издания

Сочинений, ставится задача отразить в хронологическом порядке три направления в деятельности основоположников марксизма: 1) их теоретическую, научную работу, 2) их публицистическую деятельность и 3) их практически-революционную борьбу вначале как революционных демократов, а затем как вождей международного пролетариата.

Хотя, по необходимости, в «Датах» указываются лишь важнейшие события и факты из жизни Маркса и Энгельса, однако в процессе этой работы удается внести целый ряд новых важных дат и уточнений в сравнении с ранее опубликованной биографической хроникой Маркса. В особенности много новых фактов относится к практически-революционной деятельности основоположников марксизма (деятельность их в Союзе коммунистов, в брюссельской Демократической ассоциации, в кёльнском Демократическом обществе и в кёльнском Рабочем союзе, их связь с чартистами, с обществом «Братские демократы», деятельность Маркса и Энгельса по руководству Международным Товариществом Рабочих — Первым Интернационалом,— их неустанная борьба за создание пролетарских партий в разных странах).

Биографический материал, собранный в «Датах жизни и деятельности» и частично в «Примечаниях», содержит ряд новых фактов, важных для научных биографий Маркса и Энгельса, для исследователей по истории марксизма и по истории международного рабочего и социалистического движения.

В состав научно-справочного аппарата томов входит также именной указатель. Чтобы дать представление о трудоемкости этой работы, достаточно сказать, что в произведениях Маркса и Энгельса упоминается более 10 тысяч имен, принадлежащих представителям разных эпох и разных народов. Это государственные и политические деятели, ученые, писатели, полководцы, деятели революционного рабочего и социалистического движения. Встречаются также имена малоизвестных или совсем неизвестных людей. Имена более или менее выдающихся государственных деятелей, писателей и ученых можно легко найти в национальных энциклопедиях и биографических справочниках разных стран, а также

в различных монографиях; однако здесь можно почерпнуть только фактический материал, но на политическую характеристику, данную в этих большей частью буржуазных источниках, положиться нельзя. Еще труднее обстоит дело, когда речь идет о деятелях, имена которых не попали в тома национальных энциклопедий или биографических справочников. Понятно, что в первую очередь это относится к деятелям рабочего и социалистического движения. И также понятно, что в именном указателе к Сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса главное внимание уделяется именно этим деятелям, именам которых не нашлось места в буржуазных справочниках. Для составления аннотаций к этим именам широко используется переписка Маркса и Энгельса с третьими лицами, переписка между собой этих третьих лиц — деятелей рабочего и социалистического движения разных стран, изучение протоколов различных демократических, рабочих и социалистических организаций, изучение демократической и рабочей печати. Таким образом, из именного указателя читатели получат краткие сведения не только о руководящих деятелях, но и о ряде менее известных членов Союза коммунистов, I Интернационала, рабочих и социалистических партий разных стран.

Наконец, наиболее важный составной элемент научно-справочного аппарата каждого тома — это редакционное предисловие Института марксизма-ленинизма. Предисловие является наиболее ответственной в теоретическом и политическом отношении частью аппарата тома, своеобразной квинтэссенцией всей научной работы подготовителя данного тома.

Основные задачи, которые ставятся в предисловиях к томам Сочинений, можно вкратце охарактеризовать следующим образом:

Характеристика идейного содержания, теоретического и политического значения важнейших произведений или групп произведений Маркса и Энгельса, входящих в данный том;

Выявление того места, которое занимает то или иное произведение в развитии философских, экономических и политических идей марксизма; определение того нового, что внесли Маркс и Энгельс в тот или иной период своей

деятельности в сокровищницу научного коммунизма в результате своих научных исследований и теоретического обобщения нового опыта международного рабочего движения;

Характеристика тактики Маркса и Энгельса на различных этапах их революционной деятельности, их неустанной борьбы за революционную пролетарскую партию как против реформизма, так и против сектантства, догматизма; выявление того общего и особенного, что отличало борьбу Маркса и Энгельса за партию на разных исторических этапах и в конкретных экономических и политических условиях разных стран.

Предисловия к томам Сочинений в их совокупности должны отразить творческий характер марксизма, установить важнейшие этапы в формировании и дальнейшем развитии великого учения Маркса, дать научно-обоснованную периодизацию истории марксизма. Руководящим принципом в этой работе является для сотрудников Института поразительная по своей глубине и научной точности периодизация истории марксизма, содержащаяся в работах В. И. Ленина «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Исторические судьбы марксизма», «Три источника и три составных части марксизма», «Государство и революция», а также многочисленные ценнейшие замечания Ленина по этому вопросу, содержащиеся во многих других его статьях и более крупных произведениях. Как показала жизнь, анализ работ Маркса и Энгельса, которые еще не были опубликованы и остались неизвестными Ленину, а также новых фактов из их биографий дает лишь новые подтверждения правильности содержащейся в работах В. И. Ленина периодизации истории марксизма.

Эта общая периодизация истории марксизма наполняется в предисловиях к Сочинениям конкретным содержанием. Главная идея, красной нитью проходящая через все предисловия к томам,— это важнейшее положение о творческом характере марксизма, о постоянном развитии и непрерывном совершенствовании Марксом и Энгельсом революционной теории и тактики пролетариата, о теснейшей связи великого учения Маркса с жизнью, с практикой революционной борьбы.

В предисловиях прослеживается, как формировались и развивались органически связанные между собой составные части марксизма; как постепенно складывалось и совершенствовалось научное мировоззрение пролетариата — диалектический и исторический материализм; как выкристаллизовывалось учение о прибавочной стоимости — этот краеугольный камень марксистской политической экономии; как на основе опыта рабочего и революционного движения создавалось и развивалось учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса, и, главное в марксизме,— учение о диктатуре пролетариата; как конкретизировались на опыте классовой борьбы идеи Маркса и Энгельса о роли пролетарской партии, о союзе пролетариата с крестьянством, о роли национально-освободительных движений; как наполнялся все более глубоким содержанием провозглашенный Марксом и Энгельсом великий принцип пролетарского интернационализма.

Объективное научное освещение генезиса марксизма, его становления и развития, строгое соблюдение принципа историзма в оценке тех или иных произведений Маркса и Энгельса приобретает особую важность в настоящее время в связи с попытками буржуазных ученых, в частности католических и евангелистских теологов, а также правых социалистов и их духовных собратьев — ревизионистов исказить историю марксизма, чтобы выхолостить революционную душу из учения Маркса. Стремясь «соединить» цельное материалистическое учение Маркса с кантианством или более модной разновидностью буржуазной идеалистической философии — экзистенциализмом, эти «теоретики» пытаются опереться на некоторые ранние работы Маркса, в особенности на его «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Искажая содержание и теоретическое значение этих рукописей, в которых отразился лишь один из этапов формирования марксизма, они пытаются доказать, будто самое главное, самое существенное в марксизме было уже найдено и сформулировано до 1844 года и что дальнейшее развитие учения Маркса совершалось не по восходящей, а по нисходящей линии. Цепляясь за отдельные формулировки из этой рукописи, еще носящие

следы влияния Фейербаха, и искусственно поднимая их до высот зрелого марксизма, эти псевдоученые пытаются подменить революционную теорию пролетариата так называемым «гуманным социализмом», дать учению Маркса этическое обоснование и таким образом превратить научный коммунизм в реакционную утопию [1].

В связи с этими попытками искажения марксизма и его истории особенно важно дать действительно научный, конкретно-исторический анализ каждой работы Маркса, выявить подлинное место, которое она занимает в становлении и развитии его учения.

Отмечая шаг за шагом новый вклад, который вносили в тот или иной период Маркс и Энгельс в сокровищницу научного коммунизма, предисловия Института в то же время предупреждают читателя против догматического, начетнического подхода к каждому слову, к каждой букве, которые содержатся в том или ином произведении основоположников марксизма.

Так, в предисловиях к томам, содержащим произведения Маркса и Энгельса, относящиеся к периоду становления марксизма, было обращено внимание читателей на то, что некоторые употреблявшиеся в это время Марксом и Энгельсом термины были в дальнейшем ими уточнены и изменены и что научная марксистская терминология вырабатывалась постепенно, по мере формирования и дальнейшего развития учения Маркса.

В предисловиях к более поздним томам отмечены отдельные положения и понятия, которые Маркс и Энгельс при дальнейшем развитии своего учения признали неудачными или даже неверными и заменили другими положениями и понятиями, как это было, например, с понятиями «стоимость труда», «цена труда».

Обращается внимание и на такие положения, которые, будучи верными для того времени, когда жили творцы научного коммунизма, стали неверными в новую эпоху — эпоху империализма и поэтому были пересмот-

---

[1] Об «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и их порочном истолковании в зарубежной буржуазной, социал-демократической и ревизионистской литературе см. содержательную работу Л. Пажитнова «У истоков революционного переворота в философии», Соцэкгиз, 1960.

рены Лениным, как, например, положение о невозможности построения социализма в одной стране.

В предисловиях и отчасти в примечаниях отмечаются некоторые высказывания, бывшие и для своего времени не совсем правильными. Так, в предисловиях к 6 и 8 томам говорится о прогнозе Энгельса относительно исторических судеб славянских народов, находившихся под гнетом австрийской монархии — чехов, хорватов и др. Верно подметив свойственную капитализму тенденцию к централизации, к образованию крупных государств, Энгельс недооценил другую, противоположную тенденцию, гениально подмеченную В. И. Лениным, а именно, борьбу малых народов против национального гнета за свою независимость, за создание собственной государственности. Отсюда вывод Энгельса — о неспособности малых народов к самостоятельному национальному существованию, об их постепенном поглощении более крупными соседями. Впрочем, касаясь вопроса об исторических судьбах малых славянских народов, Энгельс сделал следующую важную оговорку: «Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю,* они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность» [1]. Как отмечается в предисловии к шестому тому, «развитие входивших в состав Австрии славянских народов за сто лет, прошедших со времени написания этих произведений Энгельса, убедительно доказало жизнеспособность и стойкость этих народов, которые завоевали себе свободу и независимость, создали свою собственную государственность и успешно строят социалистическое общество» [2].

В предисловиях к томам Сочинений наряду с теоретическими проблемами освещаются и вопросы, связанные с тактикой Маркса и Энгельса, с ее изменениями в зависимости от конкретных условий революционной борьбы. Некоторые из этих вопросов неправильно освещались или почти совсем не освещались в литературе. Так, в предисловиях к 5 и 6 томам большое внимание уделено тактике Маркса и Энгельса в германской революции 1848—1849 гг., которая в свое время неверно оце-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 299.
[2] Там же, стр. XIII.

нивалась Мерингом, Розой Люксембург и Рязановым. В томах, содержащих статьи Маркса и Энгельса за время Крымской войны, освещен вопрос о позиции основоположников марксизма в этой войне, который совершенно не затронут даже в таком капитальном труде, как работа академика Е. В. Тарле о Крымской войне. В предисловиях к томам 13—18 раскрыты особенности позиции Маркса и Энгельса в вопросе о национальном объединении Германии, а также Италии, в период Гражданской войны в США 1861—1865 гг., во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., их отношение к Парижской Коммуне, их роль в разработке тактики революционного рабочего движения разных стран.

Институт стремится своими предисловиями помочь читателям в изучении марксистской теории, а также революционной тактики Маркса и Энгельса и их борьбы за пролетарскую партию. «Чтобы овладеть теорией предмета, надо знать историю предмета», говорил Гегель. Чтобы овладеть марксизмом, как живым творческим учением, надо изучать его в развитии, исторически. Этой задаче и призваны служить предисловия Института к томам Сочинений творцов научного коммунизма.

Такова та работа, которая проводится научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма над вторым изданием Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Нам кажется, что читателям, получающим в руки очередной том второго издания, полезно знать, сколько порою незаметного, но большого творческого труда в этот том вложено.

* * *

Публикация второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса является значительным событием в идеологической жизни нашей партии и советского народа. В настоящее время в нашей стране, кроме русского, выходит также и украинское издание Сочинений.

Второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса уже приобрело большое международное значение. Оно легло в основу аналогичных изданий в ряде стран на соответствующих языках. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса впервые издаются на немецком языке в Германской Демократической Респуб-

лике[1]. Эти Сочинения издаются также в Китайской Народной Республике, в Чехословацкой Социалистической Республике, в Польской Народной Республике, в Венгерской Народной Республике, в Болгарской Народной Республике, в Румынской Народной Республике. Издание Сочинений осуществляется также в Японии. Таким образом, впервые в ряде стран появятся Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса на родном языке.

В связи с выпуском Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на немецком языке Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС посылает в Германскую Демократическую Республику огромное количество фотокопий рукописей, писем, печатных произведений Маркса и Энгельса, микрофильмы различных газет и журналов, в которых они сотрудничали. Таким образом, литературное наследие основоположников марксизма, которое по вине германской социал-демократии оказалось утраченным для немецкого народа, теперь благодаря Коммунистической партии Советского Союза возвращается на родину Маркса и Энгельса — в Германию.

Жизнь со все большей настойчивостью требует возобновления начатого Институтом в 1927 г. Marx-Engels Gesamtausgabe (MEGA). Это издание представляет собой собрание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала, т. е. на тех языках, на которых они были написаны (не только на немецком, но и на английском, французском и других языках, в том числе и на русском). Кроме произведений и писем Маркса и Энгельса, в тома этого издания включалась значительная часть их подготовительных рукописей, конспектов, выписок и т. д. Вышло 7 томов произведений Маркса и Энгельса,

[1] В противовес этому весьма ценному изданию в настоящее время в ФРГ начат выпуск произведений Маркса в 8 томах «Karl Marx. Werke in acht Bänden». В проспекте этого издания, опубликованном в «Börsenblatt für den deutschen Buchhandel. Frankfurter Ausgabe» № 54, 8 июля 1960 г., издатели не скрывают своих грубо фальсификаторских намерений, а именно: подобрать и соответствующим образом «прокомментировать» некоторые произведения Маркса, в первую очередь, направленные против русского царизма, который в проспекте отождествляется... с большевизмом! Эта попытка «уничтожить марксизм» с помощью самого Маркса, превратить его произведения в орудие «холодной войны» заведомо не достигнет цели. Уж слишком это топорная работа!

охватывающих период до конца 1848 гола, а также 4 тома их переписки между собой. Кроме того, выпущен был специальный том (Sonderausgabe) с произведениями Энгельса «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы». Это издание было высоко оценено зарубежными учеными, даже из враждебного нам лагеря. Просьбы о возобновлении этого издания Институту приходится слышать постоянно. Дело это весьма сложное, оно требует большой работы и высококвалифицированных кадров. Однако и эта сложная задача может быть решена в сотрудничестве с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии, а также с учеными других стран. MEGA — это тот канал, через посредство которого произведения Маркса и Энгельса не в переводах, а в подлиннике станут доступными для прогрессивных ученых всего мира.

Интерес к произведениям творцов научного коммунизма сейчас велик как никогда раньше, и не только в странах Европы, но и в Азии, Африке и Латинской Америке. Все потуги нищих духом современных буржуазных и социал-демократических «теоретиков», а также их собратьев — ревизионистов извратить марксизм, объявить его «устаревшим» и тем самым преградить ему доступ к массам, обречены на провал. Безвозвратно ушла в прошлое эра господства буржуазной идеологии. Идеи Маркса и Энгельса, развитые Лениным, творчески обогащаемые коммунистическими и рабочими партиями всех стран на основе нового опыта борьбы трудящихся масс, стали ведущими идеями нашей эпохи. Марксизм-ленинизм нашел свое практическое воплощение и всемирно-историческое подтверждение в опыте Коммунистической партии Советского Союза и братских партий других социалистических стран. Растет и крепнет несокрушимый социалистический лагерь, который под знаменем марксизма-ленинизма прокладывает путь к лучшему будущему человечества — коммунистическому обществу. Идеи марксизма-ленинизма, овладевая все новыми и новыми миллионами людей, становятся все более могучей материальной силой, осуществляющей революционное преобразование мира.

А. И. МАЛЫШ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ МАРКСИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

В своих бессмертных произведениях, создававшихся в ближайшем содружестве с Энгельсом, Маркс вскрыл внутренние пороки и противоречия капитализма, определил экономические законы его движения и указал трудящимся верный путь в светлое будущее. Именно поэтому эксплуататорские классы не жалеют средств и всячески изощряются в борьбе с учением Маркса.

Поношение марксизма буржуазными политиками, учеными и литераторами стало модой почти с самых первых дней его победоносного шествия по странам и континентам. В свое время они говорили — между прочим также и в царской России,— что марксизм представляет собой собрание мертвых догм — совсем непонятных или малопонятных, никому ненужных, а потому-де и совершенно не опасных для капиталистического общества. Дальнейшие события, прежде всего широкое распространение и успехи рабочего движения, всемирно-историческое торжество идей коммунизма, вынудили буржуазную критику к более серьезной полемике. В ход пошли в числе прочих «аргументов» всякого рода доказательства якобы ненаучности марксовых положений, их мнимого несоответствия правде жизни. Среди незадачливых критиков Маркса и Энгельса стала излюбленной тема о том, будто марксизм, игравший известную познавательную роль в XIX веке, в новых условиях уже полностью устарел и изжил себя. Ряд авторов с нарочитым видом научного беспристрастия делает реверансы в сторону Маркса и Энгельса, называет их вели-

кими исследователями, однако великими «лишь» для своего времени.

После окончания второй мировой войны произошло дальнейшее резкое ослабление системы капитализма, образовалась мощная и все более крепнущая мировая система социализма. В этих условиях попытки во что бы то ни стало «покончить» с марксизмом, как и следовало ожидать, не только не прекратились, а, напротив, значительно усилились. Буржуазный книжный рынок, как никогда, наводняется всевозможными изданиями, которые предназначены затуманить глаза народным массам, обмануть и дезориентировать их. Многочисленная армия идеологов, выполняющих социальный заказ крупного капитала, на все лады тщится доказать, очевидным фактам вопреки, практическую непригодность и теоретическую несостоятельность марксистского учения. И особенно усердствует в этом правая верхушка социал-демократии.

Реформистские лидеры теперь шагнули дальше своих предшественников и даже не кокетничают с марксизмом. Они не только попирают марксистские принципы на практике, но и открыто отрекаются в своих выступлениях от знамени пролетарской революции. «Требование сделать политическую программу Карла Маркса и Фридриха Энгельса содержанием социал-демократической программы 1959 года,— говорил председатель Социал-демократической партии Германии Олленхауэр,— настолько немарксистское, насколько можно себе представить»[1]. В том же духе высказываются австрийские социалисты и представители других лишь по названию социалистических партий. «Попытка,— писал недавно некий Вернер Эйзельт в теоретическом органе Социалистической партии Австрии журнале «Die Zukunft»,— объяснить с помощью развитых Марксом понятий и его аналитического инструментария сегодняшнюю экономическую действительность будет столь же безуспешной, как и попытка обрабатывать алмазы с помощью каменного топора»[2]. Верность марксизму отождествляется

---

[1] Цитируется по журналу «Коммунист» № 3, 1960, стр. 96.
[2] «Die Zukunft», II. 1959, S. 314.

с догматизмом в научной работе и в политике, хотя догматизм несовместим с духом и сущностью марксизма, как развивающейся науки и руководства к действию для революционных рабочих партий.

Так называемая принципиальная программа СДПГ, принятая в 1959 г. на Годесбергском съезде партии, не содержит в себе ни грана научного социализма и свидетельствует о полном забвении вождями этой партии действительных интересов рабочего класса. Программа провозглашает своей целью установление пресловутого «демократического социализма» посредством частичных реформ, отвергая в то же время главные условия социалистических преобразований — диктатуру пролетариата и обобществление основных средств производства. «Демократический социализм» представляется его авторам всего лишь как некая «сумма деловых решений», возможных и необходимых в рамках клерикально-монополистического государства Западной Германии, в котором они видят «дефинитивную форму государственного строя, соответствующего целям социалистов» [1]. В противоположность марксизму, «демократический социализм» объявляет своими тремя источниками христианскую этику, гуманизм и классическую немецкую философию. Таким образом, ставятся «все точки над и»; этот новый образчик «социализма» смыкается на деле с реакционнейшей идеологией церкви, берет на свое вооружение туманные и демагогические лозунги якобы надклассового гуманизма, служащего обычно личиной для протаскивания угодных империалистической буржуазии и предельно лживых идей о всеобщем братстве людей, независимо от их имущественного и социального положения.

Разумеется, социал-демократы Западной Германии не составляют особого исключения. С подобного рода платформами выступают также их политические единомышленники и в других странах. Различие во взглядах, как и в практических действиях, между руководителями социал-демократических партий Германии, Австрии, Франции и т. д. сводится к некоторым чисто формаль-

[1] «Neues Deutschland», 6. II. 1960.

ным моментам при общности в главном — в проповеди мирной эволюции от капитализма к социализму, т. е., иными словами, в признании теории врастания капитализма в социализм, автоматического вырождения капитализма до такой степени, когда он становится своей совершенной противоположностью, в утверждении, что будто бы современные развитые капиталистические страны по существу своему являются уже, по крайней мере «отчасти», социалистическими. В конечном счете такая линия выражает задачу всемерного укрепления капиталистических отношений, она имеет своей прямой целью отвлечение народных масс от подлинно социалистических идеалов и классовой политической борьбы с монополистическим капиталом. В руках последнего современные социал-демократические партии ввиду предательской роли их руководства являются важнейшими проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, главным орудием идеологического разоружения этого класса в условиях общего кризиса капиталистической системы.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ КОНФЛИКТ В СОЗНАНИИ МАРКСА, ПОРОЖДЕННЫЙ НЕЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ ИЛИ НЕВЕЖЕСТВОМ ГОСПОДИНА СТРЭЧИ

Известно, что вскоре после смерти Маркса буржуазные профессора В. Лексис, Ю. Вольф, А. Лориа и подобные «литературные авантюристы» и «мелкие брехуны», как их всех по достоинству назвал Энгельс[1], подняли невероятную шумиху вокруг ими самими же измышленного «противоречия» между законом стоимости и теорией прибавочной стоимости Маркса, с одной стороны, и обыденным фактом получения капиталистами данной отрасли промышленности средней нормы прибыли. Они извели немало чернил, уверяя своих читателей, что Маркс попал в безвыходный тупик и что обещание разрешить указанное противоречие он не выполнил, да и не мог выполнить. По их словам, давая заведомо

[1] См. предисловие Энгельса к III тому «Капитала» (*К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 21).

нереальные обещания, Маркс тем самым прибег к «хитроумной уловке» при отсутствии серьезных аргументов в защиту развитой им трудовой теории стоимости. С опубликованием III тома «Капитала» эти крикуны вынуждены были уняться. Почва из-под их ног была выбита марксовой логикой и убедительностью доказательств превращения прибыли в среднюю прибыль не вопреки закону стоимости и прибавочной стоимости, а в полном соответствии и на незыблемой основе этого закона.

Мы сочли нужным упомянуть об этом факте, отнюдь не принесшем доброй славы хулителям Маркса, поскольку с помощью схожих и уже достаточно дискредитировавших себя в прошлом методов оперируют также и современные антимарксисты. Их расчет прост: авось кто-нибудь все же поверит, что сам Маркс разочаровался в своих важнейших выводах и считал их ошибочными.

В арсенале приемов псевдосоциалистических и всяких иных идейных оруженосцев современного капитализма не последнее место занимает неуклюжая ложь о том, что Маркс после опубликования I тома «Капитала» в 1867 г. вплоть до самой своей смерти находился в состоянии коренной внутренней переоценки собственных взглядов. Известный деятель и теоретик лейбористской партии Англии Стрэчи характеризует «Манифест Коммунистической партии», а заодно и I том «Капитала» как продукты молодости Маркса. По его мнению, причиной того, что Маркс не довел до конца работу над II и III томами «Капитала» был «неразрешимый конфликт в сознании автора, порожденный неожиданным развитием капитализма во второй половине XIX века» [1].

Не представляет, однако, большого труда опровергнуть подобную точку зрения и показать, что она является или продуктом нечистой совести ее сторонников, или, по меньшей мере, покоится на незнании прямо-таки общеизвестных фактов. Прежде всего, ко времени выхода I тома «Капитала» из печати Маркс оставил свою молодость позади — ему было тогда почти 50 лет. Созданию этого монументального произведения он посвятил

[1] *J. Strachey.* «Contemporary Capitalism», L., 1956, p. 103.

многие годы. Маркс вполне отдавал себе отчет в том, какое огромное значение будет иметь эта книга для рабочего движения. В одном из своих писем он писал о первом томе «Капитала» в канун его появления в свет: «Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)»[1]. Труд Маркса встретил горячий отклик в рабочих кругах, его великие идеи сразу же благотворно сказались на деятельности I Интернационала и других рабочих организаций.

Достаточно хорошо известно также, что чрезмерная нагрузка в течение длительного времени и постоянные материальные лишения не остались без последствий,— здоровье Маркса было очень подорвано. Эпистолярные и другие документы свидетельствуют, как тяжко болел Маркс, начиная с 40-летнего возраста и до конца своей жизни. В письме к З. Мейеру от 30 апреля 1867 г. он пишет: «...Почему я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать ***каждый*** момент, когда я бывал в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение [т. е. первый том «Капитала».— *А. М.*], которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью... Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине ***непрактичным,*** если бы подох, не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи»[2]. Энгельс в предисловии ко II тому «Капитала» писал, что оставленные Марксом рукописи II и III томов «Капитала», которые он перед самой своей смертью завещал Энгельсу, чтобы из них «что-нибудь сделать», «слишком часто носят следы напряженной борьбы с угнетающим болезненным состоянием»[3]. Помимо болезни, частые перерывы в теоретических занятиях Маркса вызывались необходимостью заработка для семьи. Львиную долю его времени погло-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 111.
[2] Там же.
[3] *К. Маркс.* «Капитал», т. II, 1955, стр. 4.

щали разнообразная практическая работа по руководству международным рабочим движением и непосредственное участие в революционных событиях.

Подготавливая к изданию первый том «Капитала», Маркс, вместе с тем, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, накапливал и обрабатывал материалы для последующих томов.

Черновая рукопись IV тома («Теории прибавочной стоимости») была написана в 1861—1863 гг., а II и III томов — в 1863—1865 гг., т. е. еще до того, как Маркс приступил к непосредственной подготовке в печать рукописи I тома. Примечательной чертой Маркса, как ученого, была несравненная добросовестность и исключительно строгая самокритика, с какой он старался «разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их» (Энгельс) [1]. Как известно, в I том «Капитала» уже после его выхода в свет автором были внесены многочисленные и весьма важные изменения, и второе издание во многом отличается от первого. Однако работу над книгой Маркс отнюдь не считал законченной. Ряд поправок предполагалось сделать в третьем ее издании. В дальнейшем Маркс имел в виду существенно обновить фактическую часть I тома «Капитала». Переработку и развитие глав о земельной ренте для III тома он хотел произвести, используя главным образом русские материалы. По его мнению, пореформенная Россия давала для анализа земельной ренты такой же богатый материал, как Англия при исследовании в I томе наемного труда в промышленности. Поэтому было предпринято тщательное изучение условий сельскохозяйственного производства и аграрных отношений в России по официальным документам, периодической прессе и другим источникам на русском языке. И если Маркс не успел завершить свой замысел, не издал ни II, ни III томов «Капитала», ни «Теорий прибавочной стоимости», то в этом нет его вины и это совсем не объясняется сфантазированным Стрэчи «конфликтом». Второй и третий тома «Капитала» уже после смерти Маркса подготовил к печати его верный

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. II, 1955, стр. 2.

друг и соратник Энгельс. Только Энгельсу была под силу огромная по своим масштабам и исключительная по своей сложности работа над черновыми рукописями Маркса, в результате которой были опубликованы II и III тома «Капитала». «Действительно,— указывал В. И. Ленин,— эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса» [1]. «Теории прибавочной стоимости», как IV том «Капитала», в соответствии с рукописями Маркса изданы впервые лишь в наши дни Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Все четыре тома «Капитала» характеризуются единством мысли их автора, поражают внутренней логической связью исследования. Через все книги этого гениального труда красной нитью проходит строго научная теория трудовой стоимости и прибавочной стоимости.

ЛЕГЕНДА О НАРОДНОМ КАПИТАЛИЗМЕ И ГОСУДАРСТВЕ ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ

Попытки доказать, что марксизм якобы всегда был «научно несостоятельной» и «порочной» системой, в общем потоке антимарксистской литературы все же не занимают преобладающего удельного веса. Центральное место уделяется тезису, будто экономическое учение Маркса в современных условиях сделалось уже историческим анахронизмом. Критики Маркса уверяют, что капитализм проделал такую эволюцию, которой не предвидел Маркс, и потому выводы его теоретических исследований, в лучшем случае, верны для Англии XIX века, но совершенно не подходят для оценки нынешнего положения в капиталистических странах. Упоминавшийся выше Стрэчи пишет: «В этой новой социальной и политической обстановке условия обмена между предпринимателями и наемными рабочими существенно видоизменились. Они видоизменились настолько, что стал необходим решительный пересмотр всех тех важных экономических и политических предсказаний относительно потребления, согласно которым жизненный уровень рабочих в капиталистическом обществе не может повышаться, что он

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 2, стр. 11.

должен в действительности падать»[1]. В аналогичном духе высказывался профессор социальной и политической истории Оксфордского университета лейборист Коул: «Бесспорно, что в наиболее развитых капиталистических странах, особенно в Соединенных Штатах, покупательная способность трудящихся масс со времени Маркса колоссально увеличилась, причем за последние годы более чем когда-либо; и хотя некоторые группы некогда привилегированных людей были вынуждены влиться в ряды пролетариата, главная тенденция идет в противоположном направлении — в сторону увеличения, относительного и абсолютного, среди трудящихся числа тех, которые имеют обеспеченное положение и располагают более высокими доходами... поэтому в вопросе «обнищания» Маркс, несомненно, ошибся, по крайней мере в отношении сегодняшнего капитализма»[2]. Если эти и им подобные авторы, отрицая существенные черты и следствия развития капитализма, пока предпочитали придерживаться установившегося наименования, то многие другие восстают даже против употребления самого слова «капитализм», требуя элиминации, уничтожения устаревшего понятия и замены его новым и более точным термином.

Изыскание «смягчающих» эпитетов к слову «капитализм» возведено на уровень государственной политики и им занимаются видные чиновники правительственного аппарата. Помощник министра труда США Д. Лодж сокрушался как-то, что это слово неприятным образом ассоциируется с колониализмом и эксплуатацией и было бы хорошо, имея в виду капитализм, говорить впредь «экономический гуманизм», «динамический капитализм», «социальный капитализм» или «народный капитализм». Наперед скажем,— затея явно бесполезная, ибо невозможно превратить «порося в карася».

Понятия «народный капитализм» и т. п. как нельзя лучше подходят под содержание нередко употреблявшихся Марксом в его сочинениях латинских слов — contradictio in adjecto, означающих бессмыслицу, проти-

[1] *J. Strachey*. Цит. соч., стр. 95.

[2] *G. D. H. Cole*. «Où en est le Capitalisme?» («Cahiers internationaux» № 82, 1957, p. 23—24).

воречие в самом определении, вроде деревянное железо, круглый квадрат, красивый урод и т. п.

Влиятельный журнал промышленных и финансовых кругов Западной Германии «Der Volkswirt» писал однажды с похвальной откровенностью, что смысл россказней о «народном капитализме» состоит в том, чтобы трудящихся «иммунировать в отношении коммунистической идеологии» [1]. Суть и назначение этого изобретения убедить всех и вся в том, что эксплуататорский капитализм старого образца канул в Лету и на смену ему пришел и приходит в процессе «мирной трансформации» некий новый строй, якобы пекущийся об интересах народа, при котором любой рабочий,— было бы только желание,— может стать тоже капиталистом, или в состоянии сполна удовлетворять все свои материальные и духовные потребности.

Пути для этого столь необычайного превращения, перед которым бледнеет даже «мудрость» алхимиков, пытавшихся превращать с помощью «философского камня» неблагородные металлы в золото, возможны, оказывается, самые разнообразные. Лишь бы только рабочий в конце концов перестал смотреть на самого себя как на объект эксплуатации со стороны фактических собственников средств производства и проникся сознанием своего «равноправного участия» в хозяйственной жизни. Рабочего зазывают в число акционеров капиталистических предприятий, а часто просто принуждают приобретать акции, что отражается на заработной плате, и без того недостаточной и обремененной всякими другими поборами. К примеру, в Западной Германии был выдвинут так называемый «план Хойслера», предусматривающий разделение заработной платы на две части: потребительскую и инвестиционную. Потребительская выплачивается рабочему наличными, а инвестиционную зачисляют прямо в счет капиталовложений [2]. Следовательно, «народный капитализм», рассчитанный на социальный обман и раскол рабочего класса, усыпление его классового сознания, служит в то же время для дополнительной

---

[1] «Der Volkswirt» № 18, 1957, S. 867.
[2] Там же.

мобилизации средств трудящихся в распоряжение крупной промышленности. Рабочий, таким образом, лишается части своего заработка, но он никак не может стать «совладельцем» предприятия, ибо голоса мелких акционеров ровным счетом ничего не значат против голосов капиталистов, продолжающих удерживать в своих руках решающие пакеты акций. При благоприятном течении дел доходы рабочего акционера могут компенсировать его расходы на покупку акций, в годы высокой конъюнктуры они немного могут даже превышать эти расходы, однако в период застоя и, особенно, кризиса такому акционеру грозят несомненные материальные потери и находящиеся в его владении акции явственно выступают при этом как дополнительная форма прямых поборов в пользу капитала. Вот почему система приобретения акций не имеет среди рабочего класса сколько-нибудь значительного успеха. В США, например, среди всей массы держателей акций рабочие составляют всего лишь около 3%, а общая стоимость их акций выражается еще более символической цифрой — 0,2% от общей стоимости акций, выпущенных в стране[1].

В многоголосом хоре буржуазно-реформистской критики марксизма заметную роль играют защитники и панегиристы современного буржуазного государства. Марксизм-ленинизм учит, что государство буржуазного общества представляет собой официальное выражение противоположности классов, орган классового угнетения эксплуатируемого большинства эксплуатирующим меньшинством. Современные критики Маркса утверждают, что ситуация коренным образом изменилась и государство капиталистических стран приобрело теперь совершенно новое качество. Приведем точку зрения профессора Коула: «Медленно, но верно политическая обстановка стала складываться в пользу того, что называют «государством всеобщего благоденствия». Маркс рассматривал государство по существу как классовый орган, преданный интересам правящего класса и осуществляющий принуждение в отношении большей части народа в

[1] *Г. Фабиюнке.* «Народный капитализм в теории и на практике», 1959, стр. 7—8.

интересах капиталистов, как класса... В более развитых капиталистических странах государство, даже если оно и сохранило в значительной мере свой прежний классовый характер, перестало быть просто орудием классового угнетения и в определенной степени стало также средством защиты интересов подчиненных классов и осуществления некоторого перераспределения дохода между богатыми и бедными»[1]. Если верить профессору Коулу, именно в Германии было заложено начало современного государства «всеобщего благоденствия». Как он сам выражается, этот «парадокс» случился главным образом потому, что германское государство, будучи феодально-милитаристским, имело сравнительно больше возможностей «приказывать» своим капиталистам. Право же, странная логика у профессора Коула. Выходит, что и милитаристский режим фашистской диктатуры Гитлера с его политикой жесточайшей внутренней реакции, внешней агрессии тоже был «государством всеобщего благоденствия», хотя именно он поверг немецкий народ в пучину неслыханных бедствий, организовал в порабощенных им странах «новый порядок», означавший настоящую каторгу для многих миллионов людей.

Теория «государства всеобщего благоденствия» предполагает, что государство в возрастающей степени берет на себя ответственность за благосостояние всех членов данного общества, использует свой авторитет и прерогативы для организации широкого жилищного строительства, субсидирования фермеров, социального страхования и т. д. Оно через финансовую систему и бюджет перераспределяет доходы,— у богатых отнимает часть их богатства, а бедным, наоборот, дает, так что уровень материального достатка постепенно нивелируется. Таковы слова, но далеко не таковы дела. Неопровержимые факты из самой действительности капиталистических стран разоблачают всю фальшь этой теории.

Со времени Маркса и Энгельса капитализм, конечно, претерпел немалые изменения. На рубеже XIX и XX веков сложилась новая стадия в его развитии — империализм,— глубоко исследовав которую, В. И. Ленин внес

---

[1] *G. D. H. Cole.* «Capitalism in the modern world», L., 1957, p. 6.

выдающийся вклад в сокровищницу марксистской политической экономии. Империализм второй половины XX века во многом отличен от того, каким он был полстолетия тому назад. Сузилась территориальная сфера его господства. Великая Октябрьская социалистическая революция, всемирно-исторические победы СССР и образование социалистического лагеря способствовали подъему национально-освободительной борьбы. Колониальная система империализма находится теперь в состоянии неудержимого и полного распада. Народы Азии, Африки и других континентов обретают долгожданную свободу и национальную независимость. Небывалой остроты достигли внутренние противоречия капиталистического способа производства. В сложившейся обстановке буржуазные правительства вынуждены действовать не только как орган политического насилия в отношении подавляющей массы населения, но и все больше, причем в масштабах неизмеримо больших, чем в прежние периоды истории капитализма, как важная «экономическая потенция». Происходит объективно необходимый процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, который выражается, в частности, в расширении удельного веса государственной собственности, т. е. в замещении частных монополий государственной капиталистической монополией, в участии государства в финансировании инвестиций, в разнообразных государственных мерах по обеспечению для крупного капитала внутреннего и внешнего рынков сбыта товаров, в субсидировании за счет казны экспорта капитала и т. д. Монополии рассчитывают с помощью государства наладить капиталистическую систему хозяйства. Они используют государственную машину как средство перераспределения к своей выгоде национального дохода, как средство усиления эксплуатации трудящихся в сфере производства. Особое место занимают планы использования ресурсов и возможностей государства финансово-промышленными магнатами для укрепления позиций капитализма в экономическом соревновании двух противоположных социально-экономических миров, в особенности в связи с стремительным научно-техническим прогрессом СССР за последние годы.

В то же время такие явления, как умножение государственной собственности, т. е. функционирование государства в качестве совокупного капиталиста, всевозможные виды «регулирования» экономической жизни, не исключая также известного вторжения в сферу деятельности частнокапиталистических предприятий, указывают на явную недостаточность внутренних возможностей механизма самого капиталистического хозяйства перед лицом колоссальной и непрерывно прогрессирующей концентрации производства, общественный характер которого требует уже иных форм управления. Создается такое положение, когда один частный капитал уже не может справиться с задачей использования и относительной организации производительных сил, не прибегая к регулярной и весьма значительной помощи правительственных институтов. Таким образом, при государственно-монополистическом капитализме как никогда очевидной становится, с одной стороны, абсолютная ненужность фигуры капиталиста в процессе производства, точнее в управлении этим процессом, с другой стороны, налицо высокая степень вызревания материальных предпосылок социализма. Своеобразие этой диалектики развития капитала отмечал еще Маркс: «Как только он [т. е. капитал.— *А. М.*] начинает чувствовать и сознавать себя в качестве границы развития, он прибегает к формам, которые, по видимости завершая господство капитала посредством обуздания свободной конкуренции, являются одновременно провозвестниками его разложения и разложения покоящегося на нем способа производства» [1].

Апологеты современного капитализма изображают буржуазное государство своеобразным «слугой двух господ», справедливым защитником и капиталистов и рабочих, некоей надклассовой силой, которая своим авторитетом, по крайней мере, смягчает социальные противоречия и конфликты, поскольку сразу не может их устранить. Однако в действительности, чтобы ни делал этот «идеальный арбитр» и «всеобщий благодетель», все его действия в конечном счете подчинены интересам монопо-

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Brl., 1953, S. 544—545.

листических союзов. Об этом неопровержимо свидетельствуют как состав, так и вся практическая деятельность правительственной машины.

Правительство США комплектуется целиком из доверенных лиц и прямых ставленников большого бизнеса. По данным В. Перло[1], в составе высшего административного аппарата США в 1955 году 272 важнейших поста (члены кабинета, их заместители, генеральные советники, послы в наиболее крупных странах) распределялись следующим образом: капиталисты — 150, профессиональное чиновничество и высшая техническая интеллигенция — 66, юристы — 30, кадровые военные — 14, профессиональные политические деятели — 12. Причем, к числу капиталистов должны быть отнесены также частично и представители других указанных категорий, обладающие крупной капиталистической собственностью. Сами по себе эти данные показывают, в чьих руках находится политическая власть в США и чью волю может выполнять такое государство. И тем не менее, сотни наемных писак уверяют, что оно денно и нощно печется о нуждах «всего народа», о бедствующих фермерах, о безработных, о престарелых и инвалидах, о 15 миллионах негритянского населения. Правительству США приписывается обеспечение жизненных требований трудящихся через механизм федерального бюджета, хотя известно, что свыше 60% его расходуется по статье «оборона», а социально-культурные расходы составляют совершенно мизерную долю. Следовательно, преобладающая часть бюджетных средств утекает в сейфы промышленных магнатов уже потому только, что они выполняют весьма прибыльные военные заказы казны.

В Федеративной Республике Германии, созданной под протекторатом и при решающей финансово-политической поддержке американского империализма, наблюдается полнейшее слияние экономической силы монополистического капитала с политической властью боннского правительства.

Первостепенное значение для достижения определенных целей западногерманских монополий имеют

[1] *V. Perlo*. «The Empire of High Finance». N. Y., 1957, p. 280.

предпринимательские союзы, координирующим органом которых является так называемый *Общий комитет немецкого промыслового хозяйства,* возглавляемый руководителями самых крупных концернов. Наибольшим влиянием в этом Комитете пользуются *Федеральный союз немецкой промышленности* и *Федеральное объединение немецких работодателей.* В их обязанности входит организация правительственной помощи частным предприятиям и предупреждение, а в необходимых случаях и прямое подавление «непомерных претензий» со стороны рабочего класса и профсоюзов в том, что касается условий труда и заработной платы[1].

Институт предпринимательских союзов выступает ревностным защитником интересов основных монополистических объединений, поддерживает постоянный контакт с правительственными органами и определяет линию их поведения. Стоило в одной из боннских канцелярий появиться проекту закона о поощрении и поддержке экспорта, который не во всем был удовлетворителен с точки зрения воротил крупной промышленности и торговли, как сразу же заговорил Союз немецкой промышленности. Был сделан ряд письменных и устных представлений. В результате старый проект заменили новым, и Союз немецкой промышленности впоследствии констатировал «далеко идущее осуществление наших желаний». В своих годовых отчетах за 1951—1958 годы Союз немецкой промышленности отмечает не менее 1450 таких представлений, причем учтены лишь те, которые касались важнейших вопросов[2]. Дополнительный свет на роль этого и других союзов проливает одно любопытное высказывание буржуазной газеты «Die Welt» от 7 июня 1956 года: «Прибывающим в Бонн туристам показывают здание бундестага и говорят: здесь издаются законы. Им показывают дворец Шаумбург и говорят: это резиденция федерального канцлера, отсюда осуществляется управление страной. Им показывают также, если они проезжают по Кобленцерштрассе, то или иное большое здание, построенное мощными союзами предпринимателей. Однако им, конечно, не говорят,

[1] См. «Beitrage zur Zeitgeschichte», Heft I, 1959.
[2] Там же.

что в этих зданиях сидят люди, которые хоть и не издают законы, зато заботятся о том, чтобы все делалось так, как этого хотят их хозяева».

Не менее 60 депутатов боннского парламента — это прямые представители верхушки предпринимательских кругов. В числе этих законодателей Роберт Пфердменгес, главный компаньон банкирского дома Оппенгейм, член наблюдательных советов концернов Тиссена, Клекнера, АЕГ, ДЕМАГ и других компаний, Вальтер Госман, один из директоров фирмы Деймлер-Бенц АГ, входящей в концерн Флика, Фриц Берендзен, в прошлом полковник гитлеровского вермахта, а теперь бригадный генерал бундесвера, представитель концерна Клекнера и т. п. достаточно известные и достаточно одиозные фигуры.

Секретом полишинеля давно уже стала самая тесная и непосредственная связь с капиталистическими монополиями как самого Аденауэра, так и его министров Шредера, Этцеля, Балке и других. Воротилы крупного бизнеса не скупятся на подачки видным правительственным чинам, а последние платят им верной службой. Система подкупов и коррупции внутри боннского государства носит столь широкий размах, что о ней иногда не в состоянии молчать даже буржуазная печать. Большую огласку приобрела грязная история, в которой оказались замешаны личный референт Аденауэра Килб и родная дочь канцлера, получавшие солидные взятки от фирмы Деймлер-Бенц АГ. Генеральный директор фирмы, когда его попросили высказаться по этому поводу, предпочел заявить: «Лучше не копаться в горшке, когда не знаешь, каков состав содержащегося в нем супа» [1]. Такой уклончивый ответ, по существу, красноречивее прямого признания.

Вполне естественно, что всю свою практическую политику боннское правительство подчиняет обеспечению не пресловутого «всеобщего благоденствия», а процветания и обогащения кучки монополистов за счет народных масс.

Разносчики теории «государства всеобщего благоденствия» с величайшим усердием стараются доказать,

[1] «Handelsblatt», 29. IX. 1958.

что, мол, буржуазные правительства, испытывая на себе «демократический нажим», по своей доброй воле прибегают к «социализации инвестиций», стоят на страже «равенства жертв» всех слоев населения для государственных надобностей, непрестанно думают о престарелых, инвалидах и т. д. Но у лжи короткие ноги.

О каком равенстве можно говорить в условиях Западной Германии, если, скажем, в результате денежной реформы, проведенной 21 июня 1948 года, основная масса населения взамен старых денег получила новых всего лишь из расчета 6,5% от номинала рейхсмарки, тогда как переоценка накопленных капиталов в денежной форме была произведена по коэффициенту 1 : 1,5. Или, далее, как выглядит налоговая политика правительства Аденауэра? Действующий закон о подоходном налоге дает монополиям весьма существенные льготы. Согласно этому закону, так называемые беспроцентные займы, которые предоставляются для целей «социального» жилищного строительства, в год их предоставления полностью освобождаются от подоходного налога. Лишь в последнее время эта льгота была несколько ограничена [1]. По этому закону не подлежат также налогообложению суммы, вкладываемые в судостроение.

В Западной Германии предпринято несколько налоговых реформ, и все они в большей или меньшей мере были на руку наиболее богатой и самой малочисленной части общества. Так называемая большая налоговая реформа 1954 года предусматривала общее снижение налогов на 30% со всех видов дохода. С формальной стороны такую реформу как будто бы не в чем упрекнуть. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в результате ее получается не выравнивание доходов, а еще большая их поляризация. К примеру, рабочий с годовым доходом 4000 марок выигрывает только 108 марок и чистая сумма его дохода увеличивается только на 2,9%, тогда как миллионер получает от 1 млн. дополнительно 451 тыс. марок и чистый его доход возрастает на 124% [2].

Аналогичная картина является типичной для капита-

[1] «Beitrage zur Zeitgeschichte», Heft I, 1959.
[2] Там же.

листических стран. Как указывал Н. С. Хрущев в докладе на сессии Верховного Совета СССР 5 мая 1960 года, в США поступления налогов возросли с 82 млрд. долларов в 1952 году, примерно, до 100 млрд. долларов в 1958 году. При этом поступление подоходного налога с прибыли корпораций снизилось за то же время с 22 до 18 млрд. долларов. При существующем строе иначе и быть не может. «Буржуазное государство, находясь на службе у капиталистов и их монополистических союзов, взваливает налоговое бремя прежде всего на плечи трудящихся масс. Наряду с эксплуатацией, которой подвергается рабочий класс со стороны капиталистов в процессе производства, буржуазное государство дополнительно эксплуатирует трудящихся, принудительно изымая значительную часть заработной платы в виде всякого рода налогов»[1]. Налоги составляют экономическую основу капиталистического государства и являются главным источником доходов в его бюджете. Без налогов просто не смогла бы функционировать разветвленная сеть органов государственного насилия, которое осуществляет крупная буржуазия ради собственного обогащения внутри «своей» страны и во внешних сферах своего влияния.

Правительства выше классового эгоизма — таков лейтмотив теории «государства всеобщего благоденствия». Сплошную фальшь этой теории иллюстрируют также сравнительно недавние экономические мероприятия французского правительства. Финансовые реформы 1958 года были одним из очень чувствительных покушений монополистического капитала на права трудящихся Франции.

Рабочих, служащих, интеллигенцию, подавляющее большинство крестьянства, определенные слои городской мелкой и средней буржуазии принуждают расплачиваться за последствия преступной политики, приведшей экономику страны в тяжелое положение и грозящей новыми еще бо́льшими осложнениями. Следуя в фарватере «атлантической солидарности», правящие круги Франции обременили государственный бюджет непомерными воен-

[1] *Н. С. Хрущев.* «Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа», 1960, стр. 15—16.

ными расходами, которые находятся на уровне 10% от национального дохода против 2,8% до второй мировой войны, хотя и в то время французская армия была, после немецкой, самой многочисленной в капиталистическом мире[1]. Бюджетом из года в год предусматривается новое увеличение ассигнований для военных нужд. Разорительная милитаризация, участие в империалистической гонке вооружений, грязная и преступная война в Алжире обусловили хронический дефицит государственного бюджета, дефицит внешнеторгового баланса, запущенность ряда отраслей национального производства, массовое обнищание.

Едва успев появиться на свет, Пятая республика — эта «республика без республиканцев» — начала сразу же под флагом оздоровления государственных финансов и всей экономики проводить законы, ухудшающие и без того нелегкие условия существования подавляющего большинства французской нации. При этом правительство, по существу, исходит из требований высшего органа монополистов Франции — Национального совета французских предпринимателей, которые были сформулированы на его чрезвычайной сессии 13 мая 1959 года и предусматривают для стимулирования активности частного капитала «стабилизацию франка» разнообразными средствами ограничения массового платежеспособного спроса.

В конце 1958 года, в шестой раз за послевоенный период, была предпринята девальвация франка в отношении доллара, паритет которого повышен с 420 до 493,7 франка[2]. Экспортеры Франции благодаря этому получили известные преимущества, в частности, некоторую возможность валютного демпинга на внешних рынках, т. е. продажи товаров по ценам ниже мировых, поскольку это временно позволял обусловленный девальвацией рост цен на внутреннем рынке. Сразу же подскочили вверх показатели в прейскурантах импортируемых товаров, в том числе и товаров массового потребления. Покупатели вынуждены платить за те же товары из

---

[1] «La Pensée», mars — avril, 1959.
[2] «Der Volkswirt», Heft 1, 1959, S. 20.

расчета на год в среднем на 300 млрд. франков больше, чем они платили до девальвации.

Вместе с тем правительство прибегло к целому ряду других средств «сбалансирования» чрезвычайно раздутого, главным образом за счет военных расходов, государственного бюджета. Увеличена общая сумма налогов на 309 млрд. франков, причем основная их тяжесть (около 75%) должна лечь на плечи рабочих и служащих[1]. А несколько раньше были узаконены существенные налоговые льготы для буржуазной «элиты»: освобождены от подоходного налога доходы по выпущенному в июне 1958 года внутреннему «золотому займу», который размещен в основном среди крупной буржуазии, освобождены от налогов на наследство и дарения также и облигации этого займа, предусмотрены большие налоговые скидки для капиталов, «репатриируемых» из-за границы. Большие льготы получили строительные фирмы в связи с освобождением их от налога на акционерные общества, а также благодаря новым благоприятным условиям кредита и отчислений на амортизацию. Такие льготы обойдутся казне к 1965 году не менее чем в 10 млрд. франков[2]. Вследствие одновременного сокращения специальных субсидий произошло сразу же повышение на 10—15% железнодорожных тарифов, а также платы за пользование газом и электричеством[3].

Принятым после длительных и настойчивых требований рабочего класса особым законом 1952 года во Франции была введена автоматическая система индексов, или скользящая шкала, предусматривающая обязательное увеличение заработной платы, как только розничные цены на предметы потребления и стоимость услуг поднимутся по сравнению с исходным до «критического уровня» — цифры 141,1. Этот закон пришелся явно не по вкусу пресловутым «двумстам семействам», заправляющим французской экономикой и политикой. Премьер-министр Мишель Дебре усмотрел в нем даже источник

[1] «Der Volkswirt», Heft I, 1959, S. 20; «Arbeit und Wirtschaft» № 2, 1959, S. 61.

[2] «Мировая экономика и международные отношения» № 4, 1959, стр. 115.

[3] «Arbeit und Wirtschaft» № 2, 1959, S. 61.

«вечной драмы» французов — не будь якобы такого закона, Франция избавилась бы от кошмара инфляции и безудержной дороговизны. Правительство, не посмев полностью и прямо отменить прогрессивный принцип индексирования, все же основательно урезало его действие. Закон формально сохраняет свою силу только для тех категорий трудящихся — всего 1 млн. человек из 12 млн., работающих по найму,— чья заработная плата не достигает гарантийного минимума. С первого февраля 1959 года одному миллиону человек были повышены ставки на 4,5%, что далеко не соответствует фактическому увеличению стоимости жизни[1].

Все то чрезвычайно куцее и ограниченное законодательство в социальных вопросах, которым при удобном случае буржуазия даже не прочь кичиться, было вырвано рабочим классом у капитала в результате острой и неустанной борьбы. Известных успехов в этой области после войны добился и французский народ. Новый режим Франции, однако, повернул во многом дело вспять. Правительственным ордонансом от 30 декабря 1958 года внесены большие изменения в общую систему социального обеспечения под тем предлогом, что она обходится слишком дорого для государственных финансов, хотя в действительности ресурсы бюджета никогда не использовались для приведения в равновесие системы социального обеспечения. В то же время средствами этой системы нередко покрывались расходы, которые целиком должно нести государство. Вопреки закону 1945 года, который устанавливал три источника доходов общей системы социального обеспечения,— а именно взносы рабочих и служащих, взносы предпринимателей и государственные дотации,— государство из своих денежных средств не только ничего не давало, но, наоборот, не упускало случая залезать в кассу системы.

Правительство предписывает, с одной стороны, увеличить процент отчислений от заработной платы в фонд социального обеспечения, а с другой стороны, значительно снижаются размеры последнего по сравнению с индивидуальными нормами, действовавшими до 30 де-

[1] «Мировая экономика и международные отношения» № 3, 1959, стр. 41; № 4, 1959, стр. 117.

кабря 1958 года. В результате этих мер потери трудящихся, пользовавшихся услугами системы, составят примерно 72 млрд. франков[1].

По ориентировочным подсчетам французских профсоюзов, в общем и целом правительство Франции, тоже слывущей «государством всеобщего благоденствия», обворовало трудящихся лишь в итоге названных финансовых реформ, предпринятых под шумок о «равенстве жертв», приблизительно на 860 млрд. франков в год. Это 61 360 франков на каждую семью, или два месячных заработка среднего рабочего![2]

Как известно, Маркс считал, что с развитием капитализма в обществе должна усиливаться также и классовая поляризация. «Законом является то, что в процессе экономического развития... ремесленник — или крестьянин,— производящий при помощи своих собственных средств производства, либо мало-помалу превращается в мелкого капиталиста, уже эксплуатирующего чужой труд, либо лишается своих средств производства {чаще всего бывает последнее...} и превращается в наемного рабочего»[3].

Упражняющиеся в антимарксизме авторы уверяют, что и тут Маркса постигла определенная неудача. Его предвидение, говорят они, подтверждается реальным ходом событий не полностью, а, в лучшем случае, только в той части, которая затрагивает будущее средних классов в городе. Впрочем, и здесь на смену исчезающим средним классам и слоям якобы то и дело приходит новое среднее сословие. В последнюю категорию произвольно зачисляют мелких и средних чиновников, интеллигенцию, наиболее квалифицированную часть рабочих, т. е. людей, не владеющих средствами производства и добывающих себе пропитание работой по найму. Что же касается крестьянства, то оно-де вполне уживается с капитализмом. «Крестьяне в Европе и фермеры в Америке,— говорит, например, Штернберг,— сохранили свое существование»[4]. При этом без всяких обиняков отрицают процесс дифференциации в сельском хозяйстве, поднимают

---

[1] «Économie et politique» № 55, 1959, p. 51.
[2] «Новое время» № 14, 1959, стр. 14.
[3] *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости», ч. 1, 1954, стр. 394.
[4] *F. Sternberg.* «Marx und die Gegenwart». Köln, 1955, S. 43.

на щит теорию устойчивости мелких и особенно средних крестьянских дворов, число которых будто бы продолжает оставаться «константным», выдают за действительность воображаемый факт «неожиданной консервации крестьянского сословия»[1].

Анализ статистических данных, однако, с несомненностью доказывает незыблемость марксистского положения о разорении широких крестьянских масс при капитализме. В современный период господства финансового капитала крестьяне в своем большинстве ведут отчаянную борьбу за существование, сплошь и рядом становятся жертвой неблагоприятно складывающегося для них соотношения цен на сельскохозяйственные и промышленные товары — так называемых «ножниц цен», стонут под непосильным бременем налогов, попадают в долговую кабалу к различным кредитным учреждениям, наконец, отчаявшись в этой борьбе, бегут с земли продавать себя за кусок хлеба в качестве наемных рабочих.

Динамика фермерских хозяйств в США за период с 1940 по 1950 год[2]

Средняя площадь земли, обрабатываемой одной фермой	Изменение числа ферм		Изменение числа ферм в 1950 г. к 1940 г. в %%
	увеличение	уменьшение	
Менее 10 акров[3]	—	21 488	— 4,2
от 10 до 29 акров	—	159 363	—15,7
от 30 до 49 »	—	143 047	—18,6
от 50 до 99 »	—	343 247	—18,8
от 100 до 179 »	—	207 179	—15,8
от 180 до 259 »	89	—	+0,2
от 260 до 499 »	19 297	—	+4,2
500 акров и больше	39 401	—	+14,9

Приведенная таблица камня на камне не оставляет от ходячих вульгарных теорий живучести так называе-

[1] «Periodicum» № 16, 1960, S. 1950.
[2] «Économie et politique», Janviér, 1958, p. 46.
[3] Акр = 0,4 *га*.

мой семейной фермы. Постепенно сокращается число мелких и средних ферм. И если при этом мельчайшие среди них исчезают относительно медленнее, то не потому, что обнаруживают высокую сопротивляемость перед стихией капиталистического рынка, а потому, очевидно, что их владельцы в массе своей являются рабочими с небольшим наделом.

Аналогичная картина характерна не только для США. Во Франции количество хозяйств с земельной площадью от 1 до 5 *га* за 27 лет (1929—1956 гг.) сократилось с 1 146 200 до 615 000, а из категории хозяйств от 5 до 10 *га* — соответственно с 717 600 до 503 000[1].

Буржуазные правительства обычно на словах с благими намерениями «регулируют» также и сельское хозяйство. Государственные меры в этой области, как бы они ни приукрашивались, ничего общего не имеют с обеспечением законных и справедливых чаяний преобладающей массы трудового крестьянства. И здесь на первом плане стоят интересы крупной промышленности и землевладения, военно-стратегические расчеты правящих кругов. Выигрывают от такого «регулирования» всякий раз богатые, страдают и разоряются — бедные.

По оценке журнала «Economist», две трети английских фермеров едва сводят концы с концами, получая в среднем доход, который равен скромной заработной плате водителя автобуса,— и это несмотря на то, что они работают в своих хозяйствах не 8 часов в день, а от зари до зари[2]. Государственный закон о помощи сельскому хозяйству, принятый в 1957 году, сформулирован, как указывает «Economist», таким образом, чтобы «нелегкую жизнь фермеров сделать еще более тяжелой». Уже одно это, восклицает журнал, представляет мрачную перспективу в «государстве всеобщего благоденствия»[3]. Что верно, то верно! Согласно указанному закону, свыше 95% государственной субсидии, предназначенной для стабилизации цен на сельскохозяйственные товары, выплачивается пропорционально размерам фермы. Львиную долю этих средств получают самые зажиточные

---

[1] «Économie et politique» № 37—38, 1957, p. 40.
[2] «The Economist», 28. II. 1959.
[3] Там же.

фермеры. А что касается мелких фермеров, то многие из них «предпочли бы отказаться от своего хозяйства, и одна из целей политики 1957 года, собственно, и состоит в том, чтобы ликвидировать такие хозяйства»[1].

Государственно-монополистическое «регулирование» сельского хозяйства Западной Германии, как и в других развитых капиталистических странах, носит характер методического наступления монополий и послушного им боннского правительства на права и жизненные интересы трудящегося крестьянства. Вот некоторые факты.

Выступивший в качестве докладчика в сентябре 1958 года на венской конференции Европейской конфедерации сельского хозяйства известный западногерманский промышленник Фриц Берг характеризовал дальнейшее существование огромного числа мелких и средних производителей в сельском хозяйстве как фактор неуверенности перед лицом «коммунистической угрозы»[2]. Из этого вытекает и определенная политика на уничтожение сотен тысяч крестьянских дворов, с масштабами которого могут только сравниться так называемые «Bauernlegen» (в Германии) и «Clearing of Estates» (в Англии), т. е. обезземеливание крестьян в эпоху первоначального накопления капитала. Согласно заведомо приукрашенным данным самого министра сельского хозяйства ФРГ, с 1949 года по 1957 год в Западной Германии прекратили существование 160 400 крестьянских хозяйств размером до 10 *га* земельной площади. Видные «аграрные эксперты» рекомендуют властям сократить в интересах «рентабельности» и лучшего «землеустройства» число крестьянских хозяйств от 2 до 20 гектаров земли с 1 100 200 в 1957 году до примерно 500 тысяч[3]. И надо отдать должное правительству ФРГ: оно прислушивается к голосу такого рода советников и со своей стороны оказывает на трудящихся крестьян всяческий нажим, вынуждая их рано или поздно к «бегству с земли», иногда внешне добровольному, иногда же и в порядке исполнения прямого приказа. Этой цели служат и известные правительственные решения

[1] «The Economist», 28. II. 1959.

[2] «Einheit» № 12, 1958, S. 1770.

[3] Там же, стр. 1771.

о ликвидации так называемой чересполосицы («Flurbereinigung»). Для огромного большинства крестьянских хозяйств с каждым годом создаются все более тяжелые условия. На конференции Аграрно-социального общества в июне 1960 года отмечалось, что еще в 1958 году в ФРГ крестьянину достаточно было иметь в своем пользовании 10—15 *га* земли, чтобы в общем и целом жить на незавидном уровне промышленного рабочего и в то же время вести «жизнеспособное и рентабельное хозяйство». Всего лишь за два года положение, как указывал в своем выступлении президент Крестьянского союза Шлезвиг-Гольштейна, настолько изменилось к худшему, что теперь для этого надо иметь уже минимум 20 *га* наиболее плодородной земли, а земли средних достоинств — даже 30 *га*[1]. А между тем средняя площадь землепользования в Западной Германии составляет 7,7 *га*[2].

Нельзя пройти мимо того симптоматичного факта, что искусственное удушение трудовых крестьянских хозяйств производится под знакомый аккомпанемент преступной пропаганды о народе без «жизненного пространства». Ответственные руководители ФРГ прямо-таки почти цитируют печально известные откровения гитлеровской исповеди «Моя борьба», умышленно разжигают реваншистские настроения, особенно апеллируя к бывшим переселенцам из областей за пределами границ Германии, установленных Потсдамской конференцией великих держав.

Таким образом, вульгарная легенда о народном капитализме и подобные ей легенды не в состоянии замаскировать истинную сущность государственно-монополистического капитализма. Природа современного капитализма в основном та же, что и сто лет тому назад. Ранее открытые марксистской политической экономией основные закономерности капитализма действуют и в условиях государственно-монополистического капитализма. Капиталистическое государство, при всей специфике его функций, в современных условиях продолжает

---

[1] «Die Welt», 13. VI. 1960.
[2] Там же.

оставаться, как и всегда, диктатурой буржуазии. Правда, по преимуществу оно находится в услужении самой богатой верхушки этого класса. В таких странах, как США, Англия, Франция, Западная Германия и др., государство выступает фактически в роли исполнительного комитета финансовой олигархии, которая использует его в своих узкокорыстных интересах, противоречащих жизненным интересам, чаяниям и нуждам широких народных масс. Государственно-монополистический капитализм, вопреки лживой пропаганде о «народном капитализме», об устранении классовых и социальных противоположностей, на самом деле в небывалой степени усиливает раскол общества на две непримиримо враждебные силы: монополии и эксплуатируемый ими народ.

ОБНИЩАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

В арсенале современной апологетики капитализма виднейшее место занимают прямые и косвенные атаки против учения Маркса о заработной плате, о жизненном уровне рабочих, т. е. именно против тех разделов экономической науки марксизма, которые непосредственно освещают вопросы, являющиеся наиболее близкими и понятными каждому трудящемуся. Всевозможные фальсификаторы не останавливаются даже перед таким нечистоплотным приемом, как прямое и сознательное искажение теоретических положений Маркса и, в частности, приписывают ему печально известный лассалевский «железный закон заработной платы», согласно которому заработная плата при капитализме не может превзойти физически необходимый минимум средств существования рабочего. К примеру, упоминавшийся выше Стрэчи твердит, что будто бы Маркс «фактически учил», что «для наемных рабочих невозможно повысить свой уровень жизни при капитализме», тогда как действительность-де свидетельствует об обратном положении вещей.

Великий учитель пролетариата в своих исследованиях не допускал никакой прямолинейности при изложении процессов, протекающих в реальной жизни того или иного государства, свойственных той или иной общественно-экономической формации. Сформулированные им

законы, не исключая и закона об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса, проявляются в самой различной форме и модифицируются в большей или меньшей степени в зависимости от места, времени и других конкретных условий действия этих законов. Марксизм-ленинизм учит, что обнищание трудящихся при капитализме имеет характер тенденции, развитие которой, однако, может несколько задерживаться на определенный период различными противодействующими факторами и силами. В числе последних решающее значение принадлежит силе самого рабочего класса, который прежде всего благодаря своей сплоченности и классовой организации вырывает у буржуазии те или иные уступки. Без такой постоянной борьбы с капиталом рабочие превратились бы в неспособных защитить себя послушных рабов, «они выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения»[1]. Маркс, Энгельс и Ленин придавали большое значение профсоюзам, считая их центрами сопротивления узурпаторским поползновениям капитала на жизненные права рабочих, школой боевого политического воспитания. Они высоко оценивали борьбу пролетариата за сокращение рабочего дня и радовались успехам в этой борьбе. Известно, кстати, что Энгельс в своих замечаниях к первому проекту Эрфуртской программы критиковал как ошибочный тот его пункт, где просто говорилось, что все больше становится численность и нищета пролетариата. Рабочие с их организацией, подчеркивал Энгельс, могут воздвигнуть определенную плотину против роста нищеты. Но и при этом вовсе не исключается рост необеспеченности существования[2].

Заработная плата — это превращенная форма стоимости особого товара — рабочей силы. Колебания в уровне заработной платы происходят вокруг этой стоимости, которая и сама по себе является тоже переменной величиной. Стоимость рабочей силы определяется двумя моментами: физически необходимым количеством средств существования для рабочего и его семьи в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 154.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 105.

целях нормального производства и воспроизводства товара рабочей силы и, кроме того, данными историческими, или общественными условиями, традиционным уровнем жизни в каждой отдельной стране. Отсюда следует, что уровень заработной платы, скажем в Англии в 1860 и в 1960 г., или в одно и то же время в Англии и США, во Франции и Западной Германии и т. д., никак не может быть одинаковым. Расходы, составляющие так называемый прожиточный минимум, каких-нибудь два столетия тому назад были иными, чем теперь, как по самой их структуре, так и по общей сумме. Каждой стране в зависимости от ее географических особенностей, специфики образа жизни в данный период и т. д. соответствует свой уровень стоимости рабочей силы и, следовательно, свой «нормальный» национальный уровень заработной платы. Значит, сравнение этих уровней по странам во многом беспредметно.

Как же, однако, обстоит дело с уровнем жизни рабочих в современных капиталистических странах и в том числе в США, которые восхваляются буржуазной прессой чуть ли не в качестве земного рая.

В обстановке послевоенной конъюнктуры в развитых капиталистических странах произошел известный рост денежной (номинальной) и реальной заработной платы рабочих и служащих,— в одних он был больше, в других меньше. Правда, некоторые из этих стран (в частности, Франция) еще не достигли даже и довоенных показателей среднедушевого потребления важнейших продуктов первой необходимости. Сам по себе этот рост не представляет чего-либо особенного и примечательного. Фазы циклического подъема производства обычно и раньше сопровождались растущей динамикой заработной платы, и Маркс отмечал в своих работах даже известную закономерность этого обстоятельства. Тем более понятно повышение заработной платы в последние 10—15 лет, так как, во-первых, вторая мировая война имела своим следствием исключительное ухудшение материальных условий жизни рабочего класса и всех трудящихся, а в таких странах, как Германия, Италия, Япония, были перейдены даже физически терпимые и возможные пределы. Стремясь к максимально возможным

прибылям, монополии отдавали себе отчет, что в их же корыстных интересах было кое-как накормить и одеть рабочий класс, выступающий основной производительной силой. Во-вторых, удовлетворение неотложных материальных нужд народов диктовалось также интересами реализации готовой продукции и не в последнюю очередь стремлением правящей верхушки ослабить влияние на рабочий класс и другие слои трудящихся все более очевидного прогресса социалистических стран в деле повышения благосостояния их населения. В-третьих, после войны, как никогда прежде, выросли силы рабочего класса, ведущего упорную и более организованную борьбу за свои экономические и политические права.

Как указывалось, известный рост заработной платы вовсе не гарантирует рабочим и служащим обеспеченного существования. И это верно в отношении каждой страны, не исключая также «балованного ребенка истории», Соединенных Штатов, которые в силу разного рода причин — и не в последнюю очередь благодаря тому, что мировые войны, и первая, и вторая, не только не разорили их экономику, а, наоборот, стимулировали ее развитие, что на их территорию со времени войны за независимость (1775—1783 гг.) и англо-американской войны 1812—1814 гг. не ступала нога ни одного солдата вражеских армий,— характеризуется в целом несколько лучшими условиями, чем, например, условия жизни населения большинства капиталистических стран Западной Европы. Многие миллионы американского народа, вне всякого сомнения, не разделяют восторженных оценок, на которые не скупятся европейские и другие прислужники капитализма, когда речь заходит о его заокеанской цитадели. Да и в книгах разноликих «попов буржуазии» нет-нет да и прорвется признание, звучащее резким диссонансом обычной апологетике и панегирикам. Вот что, например, писал, рисуя послевоенную картину жизни в США, профессор Гарвардского университета Голбрейс, занимавший в различное время также ряд ответственных постов в государственном департаменте и других органах.

«Каких-нибудь два миллиона фермерских семей, многие из них в южных Аппалачах, живут в примитивных и крайне нищенских условиях. Повсюду в городах встре-

чаются настоящие трущобы. Далеко не удовлетворителен удел расовых меньшинств, в частности негров. Точно то же самое можно сказать и о тех, кто живет на заработную плату, пенсии, вспомоществование. Американцы чувствуют, что их личная свобода серьезно урезана»[1]. Впрочем, тот же автор в своей более поздней работе «Общество изобилия»[2] впадает в явное противоречие с самим собой. Очевидно, в расчете на плохую память читателей и вопреки истинному положению вещей, он пишет, что примерно 25—30 лет тому назад США вступили в «эпоху изобилия». Повсюду в стране, будто бы, наблюдается «беспрецедентное изобилие», внутренний рынок насыщен до отказа потребительскими товарами, повсюду, несмотря на широкую торговую рекламу, пожирающую ежегодно около 10 млрд. долларов, не хватает покупателей, в стране исчезла безработица и т. д. Бедность, которая раньше была типичным и массовым явлением, теперь, уверяет нас Голбрейс, носит чисто случайный и «островной характер», она обусловлена не социальными причинами, а является результатом субъективных особенностей отдельных индивидуумов, «обиженных» самой природой — умственно неполноценных, больных всякого рода, алкоголиков и т. д. Не говоря уже о том, что перечисленные «субъективные особенности» очень часто, если не как правило, возникают из ненормальных социальных условий «американского образа жизни», все другие утверждения Голбрейса представляют собой прямую передержку фактов, очевидных для всякого честного наблюдателя и исследователя.

Даже цитированный уже Штернберг — проживающий долгое время в США правый немецкий социал-демократ — вынужден говорить, что развитие американского общества обнаруживает всего лишь тенденцию к устранению бедности и нищеты, однако никто в точности не знает, когда бедность и нищета исчезнут — через десять, пятнадцать или через двадцать лет.

Выступая в марте 1960 года в сенатской Комиссии по вопросам труда и общественного благосостояния,

---

[1] *J. K. Galbraith.* «American Capitalism». Boston, 1952, p. 2.
[2] *J. K. Galbraith.* «The Affluent Society». Cambridge, 1958.

известный своей преданностью капитализму председатель исполкома АФТ — КПП Д. Мини невольно нарисовал удручающую картину крайне тяжелой жизни значительных масс американского народа. По его словам, по крайней мере 20 миллионов рабочих «находятся в состоянии постоянной бедности или хуже, чем бедности... Они не могут позволить себе иметь хорошие жилища, достаточно одежды и во многих случаях достаточно пищи». Миллионы американцев, продолжал Мини, не обладают «свободой от нужды и страха», «положение низкооплачиваемых рабочих в США не улучшается, а, наоборот, становится все тяжелее... Следовательно, мы создали в нашем обществе все растущую группу, которую можно назвать «рабочие-бедняки» — миллионы мужчин и женщин, которые выполняют полезную производительную работу, но которые обречены в силу недостатков закона [имеется в виду закон «О справедливых условиях работы».— *А. М.*] жить в нищете всю свою жизнь»[1]. Следует отметить, между прочим, что выражение «рабочие-бедняки» имеет свою давнюю историю. Оно встречается не раз в работах экономистов XVIII и XIX веков, которые были использованы Марксом при написании им первого тома «Капитала»[2]. Стало быть, Мини по существу утверждает, что в США вместе с несметным богатством на одном полюсе, в руках воротил крупного капитала, накопилась бездна народной нищеты.

При характеристике материального положения трудящихся развитых капиталистических стран должно учитываться также то немаловажное обстоятельство, что монополии этих стран в течение длительного времени эксплуатировали и в определенной форме продолжают эксплуатировать богатейшие материальные и людские ресурсы своей периферии, т. е. зависимых и колониальных территорий. Получаемые за этот счет огромные сверхприбыли образуют источник сознательной подкормки известных слоев рабочего класса метрополий.

В результате хозяйничания империалистов положение с питанием значительной части населения земного

---

[1] «Правда», 19. III. 1960.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 285, 629, 769—770.

шара после второй мировой войны стало еще хуже, чем оно было до нее. По данным буржуазной печати, в настоящее время ежегодно умирает голодной смертью от 30 до 40 млн. человек. Главные районы голода — это Азия, Африка, Южная Америка. Средний годовой доход одного североамериканца в тридцать раз больше годового дохода жителя Индии [1]. Представляет интерес сравнение заработной платы коренных африканцев и выходцев из Европы, занятых в Африке (в процентах к заработной плате европейцев) [2]:

автомеханики	5,07
каменщики	11,74
рабочие кирпичных заводов	11,74
маляры	8,75
электромонтеры	9,52
строители электростанций	9,09

Как видно, монополии богатых капиталистических стран не стесняются в средствах. «Цивилизаторская миссия», которую они выполняют в слаборазвитых районах,— это сущий грабеж, цинично прикрываемый благовидными фразами.

Величина заработной платы — важный, но далеко не единственный показатель жизненного уровня рабочих. Прежде всего нельзя забывать о безработице и ее последствиях. Резервная промышленная армия в США исчисляется миллионами человек. В среднем за месяц она составляла: в 1954 г.— 3230 тыс. чел., в 1955 г.— 2654 тыс., в 1956 г.— 2551 тыс. человек. Последующие годы отмечены дальнейшим ростом безработицы. Уже к началу 1961 г. в США насчитывалось примерно 6 млн. только полностью безработных. Многомиллионную армию составляют безработные Японии. В Западной Германии вплоть до 1959 г. биржи труда регистрировали обычно более 1 млн. ищущих работу.

В США около одной трети безработных не имели работы (по данным на январь 1959 г.) в течение 15 и более недель, т. е., по условиям законодательства этой страны, уже потеряли право на специальное пособие и могут

[1] «Die Zukunft», Heft II. 1959, S. 292—293.
[2] Там же, стр. 295.

уповать лишь на жалкие крохи благотворительных местных учреждений[1]. Тем не менее президент Эйзенхауэр открыто заявил на пресс-конференции 18 февраля 1959 года, что правительство не видит оснований для продления сроков выплаты пособий. Вполне естественно, что это его заявление вызвало бурю негодования. Об ужасающих картинах народного бедствия пришлось говорить даже лидерам КПП — АФТ и отдельным конгрессменам на массовой конференции по вопросам безработицы в апреле 1959 года в Вашингтоне как о «проблеме № 1». И в этих условиях разве не издевательством над здравым смыслом и элементарной совестью звучит прославление США идеологами буржуазии как страны «всеобщего благоденствия», в которой бедность и нищета — всего лишь «островочки» среди океана полнейшего изобилия!

В Англии и Франции безработица не имеет столь значительных размеров, хотя и здесь она достаточно велика. Согласно официальной статистике, число полностью безработных в Англии долгое время находится на уровне 500—600 тыс. человек. Однако даже газета «Times» отмечала 2 декабря 1958 года, что эти данные министерства труда не учитывают всех безработных и что в действительности их было около 1 млн. человек. Безработным, причем только зарегистрированным, гарантируется мизерное пособие в пределах 20% среднего заработка промышленного рабочего. Прогрессивная общественность Англии требует радикального пересмотра системы помощи по безработице.

Нет недостатка во всевозможных заклинаниях от безработицы. В отдельных странах существует даже подобие планов обеспечения полной занятости — обычно в соответствии с «научными» постулатами Кейнса. Этот мессия современного капитализма в своих трудах пропагандировал разумность поддержания высокой конъюнктуры методами «государственного дефицитного финансирования». Следует, поучал он, идти на любые меры, если они поощряют «склонность к потреблению». «Сооружение пирамид, землетрясения, даже войны могут по-

[1] «The Economist», 28. II. 1959, p. 783—784.

служить к увеличению богатства...»[1]. Огромную долю экономического потенциала империалистических государств поглощает военная машина, и все-таки безработица не убывает. Напротив, наблюдается почти неуклонный рост резервной армии труда. В этом отчасти находят свое выражение капиталистические последствия научно-технического прогресса в промышленности. Как и всегда, капиталисты стремятся выжать максимум прибыли из возможно меньшего числа своих наемных рабов, поэтому они увеличивают интенсивность труда. Новая техника выступает как сила враждебная рабочему классу, и служит одной из причин выталкивания все большей массы людей из производственного процесса. Следовательно, в нынешних условиях имеет место отнюдь не «технологическая безработица». Ведь страны социалистического лагеря развивают технику еще более быстрыми темпами, однако трудящиеся в этих странах полностью и навсегда избавлены от угрозы безработицы. В отличие от капиталистических стран здесь проводится последовательная линия на облегчение условий труда и сокращение рабочего дня для всех категорий рабочих и служащих. Уже в 1960 г. в СССР введен всеобщий 7-часовой рабочий день, а отдельные категории рабочих и служащих работают только 6 часов в день. В будущем имеется в виду дальнейшее сокращение рабочего дня. Значит, все дело именно в характере общественного и социального строя.

Существование хронической безработицы, нищенское положение безработных и членов их семей, не оставляет камня на камне от хвастливых уверений идеологов буржуазии о «всеобщем благоденствии» в странах капитала и подтверждает справедливость слов великого Маркса, который еще свыше ста лет тому назад говорил, что законом капитализма является такое положение, когда «лес рук, простертых вверх с требованием работы, становится все более густым, а сами руки — все более худыми»[2]. К тому же резервная армия оказывает постоянное давление на уровень заработной платы занятой части населения.

---

[1] *Дж. М. Кейнс.* «Общая теория занятости, процента и денег». 1948, стр. 124.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 458.

Одним из признаков ухудшающегося положения наемных рабочих следует считать безжалостную интенсификацию труда, результатом чего является катастрофический рост несчастных случаев на производстве, нередко со смертным исходом. Обратимся в связи с этим к данным по ФРГ.

Несчастные случаи
в народном хозяйстве Западной Германии
(на каждую тысячу застрахованных) [1]

Годы	Промышленность	Строительство	Сельское хозяйство	Транспорт	Торговля
1950	86,5	93,8	27,3	106,8	52,4
1951	93,3	119,7	30,1	112,5	50,6
1952	104,4	131,0	29,4	115,0	51,7
1953	110,5	142,3	31,7	112,7	57,4
1954	116,6	145,3	32,7	109,8	62,6
1955	120,8	148,4	34,4	113,9	70,8
1956	124,0	147,8	33,7	119,1	74,7
1957	128,8	141,6	33,1	120,0	74,5
1958	135,6	181,3	34,9	117,4	77,2

Эти цифры говорят сами за себя. Общее повышение денежной заработной платы в ФРГ было достигнуто в послевоенный период в значительной степени за счет невероятного перенапряжения мускульной и нервной силы рабочих. Условия труда в отдельных отраслях настолько тяжелы, а техника безопасности настолько плохо поставлена, что рабочие вынуждены искать другого места, даже рискуя быть длительное время без заработка. Именно по этой причине, например, угольная промышленность шести стран Западной Европы, образовавших так называемое Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), в том числе и угольная промышленность ФРГ, даже в условиях общего переполнения рынка труда, испытывала хронический недостаток рабочей силы.

[1] Deutsches Wirtschaftsinstitut. Bericht 22, 1959, S. 7.

В эпоху империализма невиданных размеров достигает концентрация производства и капитала. Открытый В. И. Лениным закон возникновения монополии из концентрации подтверждается всецело также и новейшими данными. Приведем всего лишь один пример. В Соединенных Штатах при благоприятной конъюнктуре производится за год около 100 млн. тонн стали, из них на долю только компании «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн» приходится более 30 млн. тонн[1].

Марксу не довелось наблюдать концентрацию экономической силы, материальных богатств, а следовательно, и политической силы в подобных масштабах, но ему принадлежит четко сформулированное положение об относительном обнищании трудящихся, выражающемся в уменьшении их доли в национальном доходе. Сохраняет ли это положение свою актуальность сегодня?

Всевозможные критики марксизма не жалеют пороха, доказывая, что концентрация производства и капитала будто бы не сопровождается соответствующей концентрацией доходов, что, более того, по мере концентрации производства и капитала происходит, вопреки Марксу, выравнивание, нивелировка доходов, в результате чего исчезают постепенно как слишком богатые, так и слишком бедные, и все граждане, от рождения равные, становятся равными, хорошо обеспеченными и в действительной жизни. Вот типичный образчик рассуждения такого рода: «Сейчас в Европе и Америке не тот капитализм, который был во времена Маркса, не тот, каким он должен быть, согласно ожиданиям Маркса, в период, непосредственно предшествующий социалистической трансформации,— капитализм, совершенно подорванный поляризацией классов, капитализм с небольшим числом капиталистов и неимущим рабочим классом, представляющим большинство населения. Нынешний капитализм характеризуется сильнейшей промышленной концентрацией, однако это такой капитализм, при котором концентрация доходов не соответствует данной концентрации промышленности, при котором, напротив, произошло сильное нивелирование доходов в результате повышения

[1] «Der Volkswirt» № 43, Beilage, 25. X. 1957, S. 63.

жизненного уровня широких рабочих масс. Это такой капитализм, при котором власть крупного капитала не является неограниченной»[1]. «Промышленная концентрация в последние десятилетия не сопровождалась концентрацией доходов»[2],— так говорит Штернберг, охваченный чувством безудержного преклонения перед режимом современных рыцарей наживы. Однако и тут он не всегда последователен: очевидно, желая прослыть объективным, он кое-где в своей книге делает такие признания, которые, по существу, опрокидывают всю шаткую пирамиду его основной аргументации. Впрочем, он скорее вынужден делать такие признания, поскольку сокрытие ряда фактов не по плечу даже весьма искусным фальсификаторам действительности. Оказывается, что современная американская верхушка — примерно 5% от всего населения — владеет 18% всей суммы личных доходов. А если взять «самый верхний» 1% — то на долю только этой элиты приходится около 8% всей суммы личных доходов. Причем, Штернберг оговаривается, что эти показатели неравенства, в действительности, «вероятно, еще больше»[3]. По более точным данным американского прогрессивного экономиста В. Перло, на долю 1% всех лиц, получающих доходы в США, в 1948 году приходилось 19% совокупной суммы личных доходов, а на долю наиболее состоятельных 5% среди всех получателей доходов — даже $^1/_3$ этой суммы. В течение 1946—1956 годов отношение реальной заработной платы рабочего класса к созданной его трудом стоимости сократилось на 11%. В то же время прибыли монополий по сравнению с довоенным периодом возросли более чем в шесть раз[4].

Марксистско-ленинскую теорию абсолютного и относительного обнищания трудящихся при капитализме не могут поколебать никакие увертки вульгарной буржуазной политической экономии. Для сознательных пролета-

---

[1] *F. Sternberg.* Цит. соч., стр. 22—23.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же, стр. 62.
[4] «Мировая экономика и международные отношения» № 3, 1960, стр. 14.

риев она является компасом и призывом к неустанной борьбе с рабством наемного труда во имя благородных социалистических целей.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ — НЕИЗБЕЖНЫЙ СПУТНИК КАПИТАЛИЗМА

Одним из «самых тяжких» теоретических заблуждений Маркса и Энгельса современные критики марксизма объявляют то, что основоположники марксизма подчеркивали неизбежность обострения и взрыва противоречий капиталистической системы. С легкостью необыкновенной критики марксистской теории твердят о том, что в действительности ничего подобного не наблюдается, что Маркс целиком ошибся, что перед нами процветающий капитализм, что «капитализм на Западе не трещит по швам, а все больше укрепляется» и т. д.[1]

Отдельные авторы — буржуа и правые социалисты, ренегаты рабочего движения — определяют нынешнюю стадию в развитии капитализма как последнюю в том смысле, что в недрах ее сглаживаются сами собой всякие антагонизмы и противоречия, в том числе и противоречия воспроизводства, и уже начался процесс постепенного мирного превращения анархического капитализма в некий плановый социализм, и все это при сохранении частной собственности на средства производства и буржуазного государства. Марксу приписывается также вздорная теория «автодеструкции», т. е. автоматического краха капиталистических порядков, хотя всякий, кто мало-мальски знаком с марксизмом, не может не помнить знаменитой формулы Маркса — «экспроприаторов экспроприируют», подразумевающей ликвидацию господства капитализма только в результате активных революционных действий пролетариата.

Марксистской теорией установлено, что имманентная основа экономических кризисов заключается в самом процессе производства и накопления, что они обусловливаются основным противоречием капитализма — противоречием между общественным характером производ-

---

[1] «Periodicum» № 16, 1960, S. 11.

ства и частной формой присвоения. Эти кризисы проистекают «из самого процесса производства» [1]. Отрицать их неизбежность при капитализме, значит отрицать прежде всего исходные условия капитализма — частную собственность на основные средства производства, наличие продукта как товара, раздвоение товара на товар и деньги и то отношение, в котором деньги находятся к наемному труду.

Современная буржуазная политическая экономия и в унисон с нею правые лидеры социал-демократических партий в своей критике экономического учения марксизма-ленинизма часто применяют тот аргумент, что капитализм сейчас будто бы избавлен от угрозы острых экономических кризисов, расшатывающих его основы, а о величайшем потрясении, каким был мировой кризис 1929—1933 гг., или умалчивают, или говорят как о чем-то случайном, как об ошибке руководства, которая никогда больше не должна повториться. В своих наукообразных рассуждениях нынешние «теоретики» бескризисного развития капиталистической экономики по существу исходят из тех же самых ложных предпосылок «метафизического равновесия» продавцов и покупателей, «тождественности спроса и предложения» и других, которыми оперировали вульгарные буржуазные экономисты во времена Маркса и Энгельса. Справедливости ради, однако, надо заметить, что довольно часто прорываются иные голоса, полные страха и тревожных ожиданий. Чувство беспокойства, которым охвачены широкие слои населения Соединенных Штатов, достаточно хорошо и в образной форме выразил профессор Голбрейс в цитированной выше книге «Американский капитализм». Он пишет:

«Говорят, что таковы аэродинамические условия и такова нагрузка на крылья шмеля, что в принципе он не должен летать. Тем не менее, он летает, и сознание того, что им игнорируется высокий авторитет Исаака Ньютона и Орвилла Райта должно держать насекомое в постоянном страхе падения... Шмель успешно летает, но безопасность этого насекомого не обеспечена... Жизнь среди

---

[1] *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости», ч. II, 1957, стр. 502.

шмелей имеет примечательное сходство с жизнью в Соединенных Штатах в последние годы. Тот факт, что эта жизнь такова, что ею игнорируются правила, заставляет людей предполагать, что все должно кончиться ужасным крахом... Это ведет к мрачным предчувствиям и неуверенности» [1].

Для таких настроений есть свои серьезные причины. Развитие капиталистической экономики, несмотря на государственно-монополистическое регулирование, а отчасти даже и вследствие такого регулирования, в последний период носит исключительно противоречивый, прерывистый характер и совершается на очень шаткой основе, в значительной мере под воздействием различных временных и искусственных факторов.

Верно, что после кризиса 1929—1933 гг. капитализм не испытывал столь же острых мировых кризисов перепроизводства. В чем кроется причина этого? Дело здесь в «самих производительных силах и тех структурных изменениях, которые они вызывают в способе производства», как уверяет нас Мишель Люснэ [2], или в чем-то другом?

Нет нужды говорить, что очередной кризис, начавшийся в 1937 г., был прерван в своем дальнейшем развитии гонкой вооружений в основных капиталистических странах, а затем и самой войной, для ведения которой потребовалось огромное напряжение всех производительных сил воюющих стран.

После окончания второй мировой войны капитализм встал перед целым рядом новых специфических проблем, определивших в совокупности с другими моментами своеобразие экономического цикла. Остановимся только на некоторых.

Прежде всего, как только закончилась война, в порядок дня большинства капиталистических стран встала назревшая необходимость массового обновления основного капитала в промышленности, а также создания производственных мощностей взамен выведенных из

---

[1] *J. K. Galbraith.* Цит. соч., стр. 1.

[2] «Des Quelques caracteristiques du capitalisme contemporain», par Michel Lucenay («Cahiers internationaux» № 81, 1957).

строя в результате военных действий, демонтажа и по другим причинам. Благодаря этому чрезвычайно расширился внутренний рынок, поглощавший, главным образом, продукцию первого подразделения общественного производства. В то же время значительных размеров достиг товарный экспорт развитых капиталистических стран.

Росту совокупного спроса в известной степени способствовало то обстоятельство, что в годы войны широкие массы населения буквально во всех странах имели весьма и весьма ограниченные возможности удовлетворения своих нужд в продовольствии, одежде, жилищах и т. д. Рынок товаров массового потребления расширялся не только за счет реального платежеспособного спроса, но и за счет потенциальной платежеспособности. В настоящее время, особенно в Соединенных Штатах, небывало широкое распространение приобрели продажи в рассрочку. К концу 1955 г. потребительский кредит в США составил 36,2 млрд. долларов при валовом общественном продукте в 377 млрд. долларов. Продажи в рассрочку достигли 15—17% от всей суммы розничного товарооборота. Ими воспользовались свыше 40% американских семей[1].

Длительное поддержание совокупного спроса на относительно высоком уровне не в последнюю очередь объясняется ростом милитаризма в главных капиталистических странах, правящие круги которых, сопротивляясь требованиям народов о разрядке международной напряженности и оседлав коня «холодной войны», ассигнуют из года в год огромные суммы для оплаты военных заказов, для создания запасов стратегического сырья, содержания раздутых армий. Эта статья расходов разбухает, тем более что происходит быстрый прогресс в средствах вооружения и уже накопленные средства то и дело приходится заменять новыми, более современными видами.

Военные расходы развитых капиталистических стран находятся сейчас на беспрецедентно высоком уровне и естественно, что они до поры до времени могут играть

[1] «Der Volkswirt» № 40, 1956, S. 12—14.

роль известного стимулятора капиталистической конъюнктуры. Однако они действуют и в обратном направлении, обусловливая в конечном счете падение платежеспособного спроса населения.

Послевоенный опыт показывает, что перечисленные основные факторы подъема промышленности постепенно исчерпывают себя и что вообще весь механизм «регулируемой» экономики, характерный для государственно-монополистического капитализма, не устраняет кризисов перепроизводства. И в современных условиях сохраняется цикличность экономического развития, хотя, конечно, это развитие приобрело свою специфику: цикл стал более коротким, а кризисы более частыми, общее падение производства не обязательно бывает столь глубоким, как, например, в 1929 г., а последующая фаза подъема менее значительна как по времени, так и по результатам, чем в прежние периоды, кризисный спад производства далеко не всегда сопровождается снижением товарных цен и т. д. Со времени окончания второй мировой войны США, в частности, пережили три экономических кризиса, приведшие вследствие вызванного ими замедления развития экономики к прямой потере продукции стоимостью в 113 млрд. долларов и к косвенной потере продукции стоимостью в 300 млрд. долларов [1]. В 1960 г. начался новый промышленный спад. А между тем в США, как ни в какой другой стране, находят широкое практическое применение антикризисные рецепты Кейнса. Не подлежит сомнению, что в будущем капитализм не может быть избавлен от кризисов перепроизводства в национальных рамках, а также и от мировых экономических кризисов. Углубляющиеся противоречия капиталистической экономики, как и до сих пор, несмотря на все формы государственного регулирования, будут и могут разрешаться на некоторое время лишь насильственным путем — путем периодических кризисов.

* * *

В. И. Ленин указывал в свое время: «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет

[1] «Коммунист» № 7, 1960, стр. 30.

прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»[1]. Так и сейчас. Буржуазия устами ее литературных приказчиков и государственных деятелей лжет и клевещет на марксизм-ленинизм, пытается всячески принизить его великое значение потому, что чувствует силу этого учения, видит, как слабеют и рушатся все устои капитализма. Марксизм-ленинизм торжествует одну победу за другой. По дороге, указанной гениальными учителями пролетариата Марксом, Энгельсом и Лениным, проложенной впервые в истории Коммунистической партией Советского Союза, идет уже свыше одной трети населения земного шара. Этой дорогой навстречу своему счастью пойдет все человечество.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 20, стр. 453.

Б. А. КРЫЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ НА ПРОЛЕТАРСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В своих произведениях Маркс и Энгельс сформулировали основные положения учения о партии пролетариата, разработали основы ее программы, стратегии и тактики. Впервые в истории они указали на то, что пролетарская партия призвана возглавить революционную борьбу трудящихся масс и довести ее до победы — до установления диктатуры пролетариата и построения коммунизма. «Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить,— писал Энгельс,— необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г.,— чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовую партию» [1].

Одним из выдающихся документов, отражающих борьбу основоположников научного коммунизма за пролетарскую партию, является памфлет Маркса «Господин Фогт», появившийся в свет в 1860 году [2]. Этот памфлет — пример сокрушительного отпора врагам пролетарского движения, прибегающим к гнусным приемам клеветы и фальсификации фактов.

* * *

Памфлет Маркса «Господин Фогт» написан в период начавшегося оживления пролетарского и демократического движений. Первый в истории капитализма мировой экономический кризис 1857—1858 гг., как и предсказывали

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 416.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 395—691.

основоположники научного коммунизма, вызвал новый подъем революционной классовой борьбы пролетариата и национально-освободительного движения угнетенных народов. Со всей остротой в этот период встает вопрос о необходимости для рабочего класса самостоятельной пролетарской партии. Маркс и Энгельс считали, что новый революционный подъем может увенчаться победой рабочего класса лишь в том случае, если сложится и окрепнет революционная пролетарская партия, продолжательница и преемница первой международной коммунистической организации — Союза коммунистов 1847—1852 годов. Поэтому они усиливают свою деятельность, направленную на подготовку почвы для создания партии рабочего класса, ведут большую работу по собиранию, воспитанию и сплочению пролетарских борцов. Опираясь на сохранившееся после роспуска Союза коммунистов ядро пролетарских революционеров, Маркс и Энгельс стремятся расширить и укрепить международные пролетарские связи.

Вожди рабочего класса ищут новых средств и возможностей для более широкого распространения коммунистических идей, для воспитания и сплочения пролетарских революционеров. Как известно, Маркс и Энгельс всегда придавали огромное значение пролетарской печати, рассматривая ее как могучее средство пропаганды и агитации и мощное орудие воздействия на народные массы. Не имея возможности из-за материальных трудностей создать свой собственный орган печати, Маркс и Энгельс летом 1859 г. начинают сотрудничать в лондонской газете «Volk», издававшейся мелкобуржуазными демократами. Под влиянием Маркса, который становится редактором и администратором газеты, она изменяет свое направление и по существу превращается в орган пролетарских революционеров. На страницах газеты «Volk» Маркс и Энгельс пропагандировали важнейшие положения революционной теории, выступали с обоснованием тактики пролетариата, вели непримиримую борьбу против представителей мелкобуржуазной идеологии, разоблачали реакционную внутреннюю и внешнюю политику ряда европейских стран. Несмотря на то, что в августе 1859 г. из-за недостатка денежных средств выпуск га-

зеты прекратился, газета «Volk» сыграла крупную роль в распространении марксистских идей и сплочении разобщенных во время реакции пролетарских борцов. Изданис газеты «Volk» явилось одним из важных этапов на пути формирования пролетарской партии.

Буржуазия, напуганная успехами коммунистического движения, усилила травлю вождей пролетариата. Через своих агентов и идеологов она распространяла о Марксе и его соратниках всякие гнусные измышления. Маркс писал в одном из писем в феврале 1860 года, что против него и его единомышленников направлены «огромные усилия всего официального мира... который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал уголовный кодекс, а прошел через всю уголовщину» [1]. Одним из таких рупоров «официального мира» был вульгарный демократ и платный бонапартистский агент Карл Фогт, который в декабре 1859 г. выпустил полную злобной клеветы на пролетарских революционеров грязную брошюрку «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»». Памфлет Маркса «Господин Фогт» был ответом на клевету Фогта.

В своей брошюре Фогт, прибегая к фальсификации фактов и прямой лжи, гнусно клеветал на Маркса. Фогт пытался опорочить революционную деятельность Маркса, в особенности его роль в Союзе коммунистов, приписывая вождю рабочего класса корыстные цели. В своей чудовищной клевете на Союз коммунистов Фогт докатился до того, что изобразил Маркса и его единомышленников группой заговорщиков, тайно связанных с полицией. В частности, Фогт нагло утверждал, будто бы Маркс с провокационными целями вовлекает рабочих в заговоры, а затем, угрожая им разоблачением, вымогает у них деньги. В своем злопыхательстве против коммунистов Фогт не знал предела. Он приписывал Марксу и его друзьям изготовление фальшивых денег с целью искусственного насаждения революций в Германии, Франции и Швейцарии. Наконец, этот клеветник пытался бросить тень на орган пролетарских революционеров газету «Volk», заявив, что она будто бы была филиалом реакционной баварской «Allgemeine Zeitung» и получала

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 323.

средства из сомнительных фондов. Подобными злобными измышлениями заполнены все страницы жалкой книжонки Фогта. Клевета Фогта перекликалась с обвинениями, сфабрикованными прусской полицией и выдвинутыми против членов Союза коммунистов на процессе 1852 г. в Кёльне, а также с клеветническими выпадами против Маркса со стороны враждебной пролетариату мелкобуржуазной эмиграции.

Конечно, эти гнусные измышления Фогта не заслуживают внимания современного читателя, хорошо знакомого с жизнью и деятельностью великого вождя пролетариата, и кажутся теперь в лучшем случае смехотворными. Однако сто лет тому назад, когда марксизм только еще пробивал себе дорогу, клевета Фогта могла нанести серьезный ущерб рабочему движению. Почти при полном отсутствии революционных органов печати господствующим классам нетрудно было выдать фогтовские измышления за правду. Маркс писал Энгельсу 3 февраля 1860 г., что атака Фогта против него «должна означать grand coup [решительный удар.— *Б. К.*] буржуазной вульгарной демократии... против всей партии» [1]. Буржуазия восторженно подхватила клевету Фогта, которая пошла гулять по газетам. «Ликование буржуазной прессы, разумеется, безгранично»,— писал Маркс Энгельсу 31 января 1860 года [2]. Такие буржуазные органы печати, как немецкие газеты «Freischütz» и «National-Zeitung», английская газета «Daily Telegraph», французский журнал «Revue contemporaine» и др. сразу же после появления брошюрки Фогта перепечатали содержащиеся в ней измышления, обвиняя Маркса перед публикой, у которой, по его словам, «не было никакого критерия для суждения о моей личности» и которая была склонна «из партийных предрассудков верить самым нелепым вещам» [3]. Известно, что буржуазия, пользуясь тем, что в ее руках находятся все основные средства пропаганды, всегда пыталась и пытается при помощи клеветы и дезинформации бороться с коммунистическим движением. «Во все времена и повсюду,— пишет Маркс,— сикофанты господ-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 485.
[2] Там же, стр. 481.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 624.

ствующего класса так же подло клеветали на передовых политических борцов и писателей, защищавших интересы угнетенных классов»[1].

Маркс справедливо расценивал выступление Фогта, как стремление буржуазии нанести формирующейся пролетарской партии решительный удар и морально уничтожить ее в глазах общества. Маркс обычно не считал нужным отвечать на выпады, направленные против него лично. Но в данном случае, когда была задета честь партии, он не мог оставаться в стороне. «Лишь в самых редких, исключительных случаях,— писал Маркс,— когда речь шла об интересах партии, как, например, в кёльнском процессе коммунистов,— отвечал я в печати на бесчисленные ругательства, которыми меня осыпали в течение десяти лет в немецкой и немецко-американской прессе»[2].

Создавая памфлет «Господин Фогт», Маркс ставил перед собой две задачи.

Во-первых, он считал необходимым разоблачить Фогта,— разоблачить не как случайного клеветника, а как «индивидуума, представляющего целое направление»[3].

Ведь Фогт был одним из характерных представителей агентов и идеологов буржуазии, через которых она осуществляла травлю пролетарских революционеров и клеветала на них. Маркс же считал особенно важным на том этапе борьбы за партию ограждать складывающиеся и еще неокрепшие партийные ряды от клеветнической травли, вносящей дезорганизацию в рабочее движение и подрывающей доверие рабочих к своим руководителям. При этом опасность выступления Фогта усугублялась еще тем, что этот злопыхатель и клеветник слыл демократом, пользующимся большим влиянием в демократических кругах, и имел дутую славу крупного ученого-естествоиспытателя.

Во-вторых, в интересах укрепления влияния и авторитета пролетарских революционеров в массах Маркс стремился показать их героическую прошлую и настоящую

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 442.
[2] Там же, стр. 624.
[3] Там же, стр. 400.

деятельность, их высокий моральный облик, их благородные взгляды и цели в подлинном, не искаженном клеветой виде.

Обе эти задачи были подчинены основной общей цели — борьбе за пролетарскую партию, причем не только защите ее прошлой деятельности, но прежде всего борьбе за ее будущее. Маркс писал в одном из писем в феврале 1860 г., что борьба с Фогтом имеет решающее значение для исторического оправдания партии и ее будущего положения [1].

Над памфлетом против Фогта Маркс работал с величайшей тщательностью, с колоссальным напряжением сил почти целый год. Он считал настолько важным выступить в защиту формирующейся партии, что даже прервал работу над «Капиталом» — произведением, которое считал делом всей своей жизни. Чтобы получить материал, рисующий в подлинном свете деятельность пролетарских революционеров и изобличающий Фогта, Маркс разослал во все концы света около 50 писем лицам, с которыми он и Энгельс соприкасались в своей работе или которые могли ему сообщить сведения о Фогте. При этом он послал письма не только своим единомышленникам, но и совсем незнакомым людям, в числе которых были даже друзья Фогта, например, участник баденского восстания Ломмель. Надо сказать, что все эти лица оказались в данном случае честными и объективными людьми, они с негодованием встретили измышления Фогта и дали Марксу очень важные сведения, чтобы помочь его разоблачениям. Однако Маркс не ограничился рассылкой писем. Он хотел выступить против Фогта во всеоружии, или, как он сам говорил, «обработать «свою приятную тему» до известной степени артистически» [2]. Поэтому он изучает огромное количество книг и документов. Не довольствуясь этим, Маркс в феврале 1860 г. едет к Энгельсу из Лондона в Манчестер, где обсуждает с ним план полемической работы против Фогта и просматривает находящиеся у него материалы по истории Союза коммунистов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXV, стр. 295.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 416.

О характере литературы, изученной Марксом для изобличения Фогта, ярко свидетельствуют как сам памфлет, так и записные книжки Маркса. Для раскрытия близости Фогта с бонапартистскими кругами Марксу пришлось ознакомиться с различными брошюрами французских продажных писак, изданными главным образом бонапартистским издательством Дантю. Среди них и анонимные брошюры, и книжонки, написанные бонапартистскими агентами Пететеном, Эдмоном Абу, Гранье де Кассаньяком, Делаодом и другими. Маркс убедительно показывает, что другой опус Фогта «Исследования о современном положении Европы» является не чем иным, как переложением на немецкий язык этих брошюр, а также официального органа Второй империи «Moniteur».

Среди материалов, использованных Марксом для своего памфлета,— десятки газет и журналов, которые он тщательно изучал,— от передовых «Neue Rheinische Zeitung», органа пролетарских революционеров во время революции 1848—1849 гг., и «The Peoples Paper», органа чартистов, до архиреакционных — бонапартистского журнала «Revue contemporaine» или прусской юнкерской газеты «Kreuz-Zeitung». Маркс широко использовал не только немецкую, французскую, английскую, но также и швейцарскую, итальянскую, венгерскую, австрийскую и американскую прессу.

В одной из записных книжек Маркса [1] мы находим подробные выписки из протоколов заседания франкфуртского Национального собрания, которые он цитирует в своем памфлете. Эти выписки характеризуют Фогта, как предателя немецкого народа в 1849 году.

Маркс изучил огромное количество официальных документов, данные из которых он приводит в своей работе. Среди них документы, относящиеся к истории рабочего движения, как, например, отчет о состоявшемся летом 1859 г. Центральном празднестве просветительных обществ немецких рабочих в Западной Швейцарии. Из этого документа Маркс почерпнул ценный материал, разоблачающий поддержку Фогтом агрессивной политики

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5578.

Наполеона III. Сюда относятся также документы и исследования по истории ряда государств, в частности «Парламентские дебаты Хансарда», английские Синие книги, «История государства Российского» Карамзина и др. Маркс, как это видно из записной книжки[1], в 1860 г. усиленно занимается изучением внешней политики и истории многих государств,— отчасти это нужно было ему в связи с написанием памфлета против Фогта. Фогт в своей брошюрке «Исследования о современном положении Европы» для того, чтобы доказать необходимость войны Наполеона III против Австрии, якобы ради освобождения Италии, извращает и подтасовывает исторические факты не только периода 50-х годов, но и более раннего периода, неуклюже и ненаучно пытаясь найти в прошлом оправдание для действий французского бонапартистского правительства. Для того чтобы разоблачить эти распространяемые Фогтом «исторические» концепции, Маркс стремился выяснить подлинную картину истории международных отношений. Он составляет хронологические выписки, в которых зафиксированы важнейшие внешнеполитические события всемирной истории.

Выписки Маркса занимают около полутора печатных листов и охватывают огромный период с 1520 по 1852 год. В них отражена история и внешняя политика Англии, Франции, России, Австрии, Пруссии, Венгрии, Испании, итальянских государств, Нидерландов, Турции, Соединенных Штатов. В памфлете «Господин Фогт» Маркс использовал,— по-видимому, из этих выписок — данные о сепаратных предложениях английского премьер-министра лорда Бьюта, сделанных им во время Семилетней войны в 1762 г. русскому посланнику Голицыну и австрийскому министру Кауницу[2]; о Сатмарском мире 1711 г. между Габсбургами и венгерским дворянством[3]; о Немировском конгрессе 1737 г. и, в частности, о позиции России на этом конгрессе по вопросу о Дунайских княжествах[4]; о тайном договоре 1815 г. Австрии, Франции и

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5578.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 504.
[3] Там же, стр. 505.
[4] Там же, стр. 511.

Англии, заключенном ими во время Венского конгресса против России и Пруссии[1].

Огромное значение разоблачению Фогта придавал Энгельс. Он оказал Марксу большую помощь в написании памфлета против клеветника. Переписка между Марксом и Энгельсом свидетельствует о том, что Маркс постоянно обращался к своему другу за советами при написании своей полемической работы. Так Маркс сообщает Энгельсу 31 января 1860 г. о клевете Фогта на члена Союза коммунистов Вильгельма Вольфа[2]. Маркс об этом узнал пока еще не из самой брошюрки Фогта, которую он еще к тому времени не приобрел, а из изложения ее в берлинской «National-Zeitung». Фогт в своей книжонке нагло утверждает, будто бы Вольф в 1850 г. направил пролетариям Германии циркулярное послание, одновременно передав его ганноверской полиции. Естественно, что это была такая же ложь, как и другие утверждения Фогта.

1 февраля 1860 г. Энгельс уже сообщает Марксу, что он в тот же день увидится с Вольфом и скажет ему, чтобы он подумал, какой материал можно собрать о Фогте. Кроме того, Энгельс пишет, что он за это время приведет в порядок бумаги за 1850—1852 гг. и просит Маркса «разыскать нашу старую эмигрантскую рукопись»[3]. Энгельс имел в виду написанный им вместе с Марксом памфлет «Великие мужи эмиграции», который при их жизни не был опубликован[4]. Этот памфлет был широко использован Марксом при написании «Господина Фогта», особенно в той части, где дается сокрушительная критика вредной деятельности мелкобуржуазной эмиграции, занимавшейся после революции 1848—1849 гг. игрой в революционные заговоры.

Первого же февраля Энгельс встретился с Вольфом. В результате их беседы в берлинской «Volks-Zeitung», в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и гамбургской «Reform» появилось заявление Вольфа, опровергающее ложь

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 504.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 481.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 483.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 247—352.

Фогта. Это заявление Маркс использовал также и в своем памфлете[1].

Через Энгельса Маркс просит Вольфа сообщить ему сведения об эмигрировавшем в Швейцарию немецком журналисте Брассе, участнике революции 1848—1849 гг. в Германии[2]. Вольф был знаком с Брассом, а Марксу важно было получить о нем сведения, так как он был другом Фогта и, несмотря на это, отказался помогать ему в его бонапартистской пропаганде. Брасс еще 12 ноября 1859 г. публично заявил в швейцарской печати, что «в письме к Фогту он отверг *французское кормовое корыто,* которое хотел подставить ему Фогт»[3]. Марксу важно было доказать в своем памфлете, что даже друзья Фогта осуждают его действия.

Наконец, Маркс обращается к Энгельсу с просьбой оказать ему непосредственную помощь в создании памфлета против Фогта. Как известно, Энгельс очень серьезно занимался разработкой теории и истории военного искусства, его перу принадлежит целый ряд военно-теоретических исследований. Марксу же надо было в своем памфлете отразить ряд вопросов, связанных со стратегическим положением отдельных стран Европы, чтобы разоблачить изложенную Фогтом в печати концепцию, направленную на расчленение Германии. В письме от 25 июня 1860 г. Маркс просит Энгельса помочь ему в этом вопросе[4]. Через несколько дней Энгельс сообщает Марксу, что он немедленно напишет для него соответствующий раздел. У нас нет конкретных данных, кем был написан раздел о стратегическом значении некоторых областей Центральной Европы, но обещание Энгельса в письме к Марксу дает все основания предполагать, что этот раздел написал он.

Маркс также обратился к Энгельсу 9 июля 1860 г. с просьбой помочь ему разоблачить фальсификаторские заявления Фогта по поводу Дунайских княжеств, а также по поводу «бескорыстия и незавоевательной политики» Наполеона III, который-де «после «славного» крымского

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 445.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 502.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 555.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 513, 515.

похода... не захватил ни «русской», ни «турецкой» территории». Надо полагать, что Энгельс выполнил и эту просьбу Маркса. Во всяком случае все эти проблемы разбираются на страницах памфлета «Господин Фогт». Так, по поводу Крымской войны Маркс пишет: ««Славная крымская кампания», в которой объединенные силы Франции, Англии, Турции и Сардинии после двух лет «завоевали» половину русской крепости, потеряв взамен ее в пользу России целую турецкую крепость (Карс), а при заключении мира на Парижском конгрессе вынуждены были скромно «просить» у неприятеля «разрешения» беспрепятственно переправить свои войска домой,— эта кампания действительно была всем, чем угодно, но только не «наполеоновской»»[1].

В ряде писем Энгельс торопит Маркса с завершением издания его брошюры, так как он придавал большое значение ее своевременному выходу, считая, что в случае задержки она может потерять свою злободневность.

Жена Маркса Женни сообщила Энгельсу 14 августа 1860 г., что она думает «на этой неделе начать переписку брошюры». «Это дело слишком затягивается,— продолжает Женни.— И мне представляется, что Карл делает эту вещь чересчур основательно»[2]. Отвечая Женни 15 августа 1860 г., Энгельс журит Маркса за то, «что до сих пор еще ничего не сделано с издателем». «Приложите все старания к тому,— настаивает он,— чтобы были предприняты шаги относительно издателя *немедленно* и чтобы брошюра была, наконец, закончена. Иначе мы разрушим все свои возможности и в конце концов *вовсе* не получим издателя»[3].

В сентябре — ноябре 1860 г. в переписке между Марксом и Энгельсом оживленно обсуждается вопрос о том, как назвать полемическую работу Маркса против Фогта. Этот вопрос имел принципиальное значение, так как важно было подходящим заглавием привлечь внимание читателей. 25 сентября 1860 г. Маркс в письме к Энгельсу предлагает назвать свою работу «Да-Да Фогт».

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 531.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXII, стр. 521.
[3] Там же, стр. 522.

Маркс поясняет, что Да-Да — это «арабский писатель, которым Бонапарт пользуется в Алжире точно так же, как Фогтом в Женеве». Маркс отмечает, что заглавие «Карл Фогт» кажется ему неудобным, потому что он не хотел бы поставить «Карл Маркс» под «Карлом Фогтом» [1]. В ответ на предложение Энгельса назвать памфлет просто «Господин Фогт» [2] (Энгельс считал, что «*то* заглавие самое неудачное, которое можно понять лишь после того, как прочтешь полкниги» [3]), Маркс сообщает ему: «В вопросе о заглавии я тебе уступил и (вчера) поставил «Господин Фогт»» [4].

Материал для ответа Фогту Маркс начал собирать с конца января 1860 года. 8 ноября 1860 г. он отметил в своей записной книжке, что закончил написание работы против Фогта [5]. Несколькими днями позже Маркс написал предисловие, пометив его 17 ноября. Это и является датой окончательного завершения работы Маркса над «Фогтом».

Памфлет вышел в свет 1 декабря 1860 года; он был издан в Лондоне книгоиздательством Печа и напечатан в типографии Хиршфельда. При жизни Маркса и Энгельса памфлет не переиздавался.

Одновременно с собиранием материала для книги против Фогта Маркс с целью более широкого изобличения его возбуждает процесс против берлинской буржуазной «National-Zeitung», которая в январе 1860 г. в двух передовых статьях воспроизвела клеветническое содержание фогтовской книжонки. После отклонения его жалобы прусскими судебными инстанциями, Маркс, уже в сентябре 1860 г. закончивший в основном работу над памфлетом, заново пишет дополнительную главу «Процесс», в которой подвергает уничтожающей критике прусскую судебную систему. По этому поводу он сообщает Энгельсу 13 ноября 1860 года: «Главу *о процессе,* занимавшую первоначально две страницы, я, в связи с приговором Верховного суда, написал совсем заново» [6].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 529—530.
[2] Там же, стр. 530.
[3] Там же, стр. 534.
[4] Там же, стр. 538.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5578.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 537.

После переработки она составила более чем два печатных листа.

Даже многие друзья Маркса не понимали такой его настойчивости и искренне считали, что он напрасно теряет время. Но для Маркса и Энгельса вопрос был ясен. Надо было донести до масс дело пролетарской партии во всем его величии и чистоте и не позволить врагам пролетариата очернить и опорочить его.

* * *

В памфлете «Господин Фогт» Маркс раскрывает весь отталкивающий облик Карла Фогта, этого героя немецких обывателей и мещанских эмигрантских кругов. Во время революции 1848—1849 гг. в Германии Фогт принадлежал к трусливым и ограниченным лидерам левой мелкобуржуазной фракции франкфуртского Национального собрания. Маркс показывает, что деятельность Фогта в 1848—1849 гг. фактически носила контрреволюционный характер. Он был, по утверждению «Neue Rheinische Zeitung», ««надежным сигнальщиком», предостерегающим от революции» [1]. Эмигрировав после революции в Швейцарию, Фогт в конце 50-х годов становится платным агентом Наполеона III и получает деньги из его фондов. В этом Маркс убеждается, познакомившись с рядом печатных выступлений Фогта.

В остро сатирической форме Маркс шаг за шагом разоблачает клевету Фогта на пролетарскую партию, не оставляя камня на камне от его гнусных вымыслов. Маркс дает уничтожающую характеристику этому злопыхателю, раскрывая всю совокупность методов, к которым прибегал презренный сикофант буржуазии с целью опорочить благородную деятельность пролетарских революционеров. Маркс разоблачает Фогта и как грязного лжеца, и как фальсификатора фактов, занимающегося подтасовкой цитат, и как жалкого плагиатора.

«Обманщик он и всякой лжи отец»,— говорит Маркс о Фогте. Этими словами великого итальянского поэта Данте Маркс характеризует всю сущность Фогта и его грязной писанины. Фогт показан Марксом как отъявленный

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 428.

лжец, который в этой области может тягаться только с шекспировским персонажем Джоном Фальстафом. При помощи десятков писем и документов, которые Маркс приводит в своем памфлете, он на конкретных примерах уличает Фогта в самой бессовестной лжи. Маркс показывает, что все повествование Фогта соткано из противоречащих друг другу утверждений, так что «жирный негодяй» никак не может свести концы с концами. Маркс отмечает, что клеветнические измышления Фогта голословны, они лишены какой бы то ни было аргументации. Ведь Фогт не может привести ни одного доказательства своим вздорным вымыслам. Фогт называет, например, Маркса и его партийных товарищей «серной бандой», которую он изображает как общество, занимающееся грязными политическими делами. Действительно, общество под таким названием существовало в Женеве после революции 1848—1849 годов. Но, во-первых, как показывает Маркс, он и его единомышленники не имели к нему никакого отношения и даже не знали о его существовании, а, во-вторых, эта организация никогда не носила политического характера и объединяла безобидную и веселую компанию гуляк из числа немецких эмигрантов. Поистине с убийственным сарказмом высмеивает Маркс фогтовское утверждение о том, что «серная банда» — этот фальсификатор, конечно, имеет в виду не настоящую «серную банду», а членов Союза коммунистов — будто бы посылала в Германию к ряду лиц сотни писем с угрозой выдать этих людей полиции, если они к определенному сроку не пришлют деньги. «Почему же Фогт ни *«одного»* из этих писем не напечатал? — спрашивает Маркс.— Потому что серная банда писала *«сотни»*. Если бы угрожающие письма были столь же дешевы, как ежевика, Фогт все же поклялся бы, что мы не должны увидеть ни одного письма. Если бы его завтра призвали к суду чести... и потребовали объяснений по поводу «сотен» «угрожающих писем», то он вынул бы из-за пояса, вместо письма, бутылку вина, прищелкнул бы пальцами и языком и, с колыхающимся от силеновского хохота животом, воскликнул бы... «Долг платежом красен, мир держится возмездием!»» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 420.

Не пролетарские революционеры, говорит Маркс, а Фогт был связан с полицией и не раз оказывал ей услуги. Еще во время революции 1848—1849 гг. Фогт, как показывает Маркс, помогал полицейским властям некоторых стран задерживать при переходе немецкой границы участников революции и ссылать их в Америку. После же поражения революции Фогт вступил в непосредственный контакт с женевской полицией и доносил ей на эмигрантов, бежавших в Швейцарию.

Чего только не выдумывает Фогт, чтобы приписать Марксу заговорщические планы. Так, он сочиняет басню о том, как ему удалось в Лозанне расстроить опасный заговор, будто бы подготовленный пролетарскими революционерами во главе с Марксом. Эту вздорную фогтовскую болтовню Маркс опровергает на основании письма, присланного ему мелкобуржуазным демократом Ломмелем, который проживал в Швейцарии. Хотя, как указывалось выше, Ломмель и был другом Фогта, он назвал утверждения последнего о подготовке заговора в Лозанне «чистейшей фантазией» и «ложью». Да и сам противоречивый характер бессвязных рассуждений Фогта дал Марксу блестящую возможность уличить его в самой беззастенчивой лжи. «Из Ветхого завета известно, что осел видел то, чего не видел пророк,— пишет Маркс.— И тогда становится ясным, почему Фогт *увидел* заговор, о котором в ноябре 1859 г. у него было предчувствие, что он его «расстроил» в июне 1859 года» [1].

Маркс убедительно показывает, что Фогт даже не оригинален в своих измышлениях. В своей брошюрке он частенько переписывает тот вздор, который и ранее распространялся о Марксе врагами пролетарского движения. «Милую привычку к плагиату,— метко замечает Маркс,— он инстинктивно переносит из области естественноисторического в область полицейского книгосочинительства» [2]. Значительную часть своих вымыслов Фогт позаимствовал из одной грязной книжонки немецкого мелкобуржуазного эмигранта Абта, которого за клевету исключили из женевского Общества немецких рабочих.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 444.
[2] Там же, стр. 413.

Как известно, буржуазные идеологи, широко применяя такие средства, как ложь и клевету, для мнимой объективности часто прибегают к «цитированию» произведений прогрессивных деятелей, против идей которых они выступают. При этом они вырывают цитаты из контекста или грубо искажают их. Маркс наглядно показывает, что подобные махинации являются одним из излюбленных приемов Фогта. Например, пытаясь «уличить» вождей рабочего класса в тайной заговорщической деятельности, Фогт «цитирует» отдельные места из работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Но как цитирует? Он перевирает и извращает текст «Разоблачений», перелагая его, по образному выражению Маркса, «на свой «иносказательный» полицейско-тарабарский жаргон». При этом Фогт бесстыдно утверждает, будто «Маркс сам говорит» так. «Жирный негодяй,— иронически замечает Маркс,— забывает только привести страницу *«Разоблачений»,* где Маркс это *«сам говорит»»* [1].

«Охотничьим рассказам» Фогта, его «Вшивиаде»,— так Маркс образно называет клеветнические вымыслы этого платного агента буржуазии по одноименному названию сатирической поэмы английского писателя конца XVIII — начала XIX века Питера Пиндара (Джона Уолкота),— вождь рабочего класса противопоставляет настоящую картину развития международного коммунистического движения. На основании многочисленных документов Маркс в подлинном свете показывает героическую борьбу пролетарских революционеров на протяжении более чем десяти лет, начиная с возникновения Союза коммунистов. Маркс рисует исторические условия, в которых протекала деятельность Союза, показывает его характер и цели, освещает борьбу пролетарского направления против сектантских элементов.

Раскрытие подлинной истории зарождения международного пролетарского движения делает памфлет «Господин Фогт» ценнейшим историческим источником. Наряду с работами Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» и «Рыцарь благородного сознания»,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 423.

с произведениями Маркса и Энгельса «Великие мужи эмиграции» и со статьей Энгельса «Недавний процесс в Кёльне», памфлет «Господин Фогт» положил начало марксистской историографии в области истории международного коммунистического движения.

В памфлете «Господин Фогт» Маркс показывает несовместимость авантюристско-заговорщической тактики с подлинными задачами организации пролетарской партии и формирования классового сознания пролетариата. Еще в Союзе коммунистов большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступало против предлагаемой сектантской фракцией Виллиха — Шаппера авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета объективных закономерностей и реальной политической обстановки в Европе. И позднее Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу против планов мелкобуржуазной эмиграции, направленных на искусственное насаждение революций. В частности, Маркс развенчивает авантюру мелкобуржуазного демократа Кинкеля с так называемым «немецко-американским революционным займом»[1]. Этот заем Кинкель и другие лидеры мелкобуржуазной эмиграции пытались в 1851—1852 гг. распространить в кругах немецких эмигрантов и американцев немецкого происхождения, для того чтобы мобилизовать денежные средства в целях немедленного устройства революции в Германии, хотя для этого не было никаких объективных условий. Эта псевдореволюционная деятельность эмигрантских группировок наносила огромный вред рабочему движению, толкая пролетариат на бесплодное растрачивание сил. Маркс беспощадно разоблачал устроителей «игры в революцию». Кинкель полагает, иронически отмечал он, «что с устройством революций дело обстоит так же, как со строительством железных дорог. Если только есть деньги, то имеешь в одном случае железную дорогу, а в другом — революцию»[2]. Измышлениям Фогта и других идеологов буржуазии о заговорщических планах комму-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14 (см. главу «Полицейщина», а также «Приложения», раздел 6, «Война мышей и лягушек»).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 678.

нистов Маркс противопоставляет подлинный смысл разработанной им и Энгельсом научной теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Коротко обобщая ряд положений из «Манифеста Коммунистической партии», «Нищеты философии», «Классовой борьбы во Франции», Маркс научно обосновывает объективные закономерности возникновения пролетарской революции.

Идеологи и агенты буржуазии, тщетно пытаясь опровергнуть всепобеждающую силу учения Маркса, любят и в наше время распространять клевету о насильственном экспортировании революции странами социалистического лагеря. Коммунистическая партия Советского Союза и братские компартии всегда отвергали бредовые вымыслы буржуазии о привнесении коммунистами революции в другие страны методом экспортирования.

Буржуазия, как известно, прилагает все усилия к тому, чтобы отравить сознание рабочего класса, внести в его ряды раскол, заразить его своей тлетворной идеологией. Влияние буржуазной идеологии на пролетариат Маркс и Энгельс справедливо рассматривали как один из источников реформизма в рабочем движении. Поэтому не случайно выступление Маркса в памфлете «Господин Фогт» в защиту пролетарской партии тесно связано с его борьбой против проникновения буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в ряды пролетариата. Серьезным препятствием на пути создания пролетарской партии в тот период была деятельность мелкобуржуазных вульгарных демократов. Со времени революции 1848—1849 гг. немецкая мелкобуржуазная демократия, многие представители которой уже тогда по существу играли предательскую роль, проделала эволюцию вправо и переживала процесс разложения и деградации. Значительная часть демократов как в Германии, так и в эмиграции выродилась в придаток буржуазных либералов. Некоторые из них выступали, подобно Фогту, как подголоски бонапартистских кругов и немецкой контрреволюционной буржуазии. Обосновавшись в различных союзах и обществах, главным образом в эмигрантских, многие вульгарные демократы занимались мелочными спорами и дрязгами и демагогически спекулировали фразами о ре-

волюции. Свою политическую деятельность они превратили в поприще для карьеризма, склок и интриг. Маркс дает уничтожающую характеристику этим дрязгам и склокам, называя их «великой войной мышей и лягушек» [1]. Действия вульгарных демократов, как показывает Маркс, приносили большой вред рабочему движению, мешая сплочению рабочего класса. Выступление против вульгарных демократов представлялось Марксу необходимым в виду особой важности в тот момент отстаивания самостоятельных идейных и тактических позиций формирующейся пролетарской партии и ограждения ее от мелкобуржуазного влияния.

Убедительным примером борьбы Маркса и Энгельса против мелкобуржуазной вульгарной демократии является отпор, который Маркс дал на страницах своего памфлета одному из ее представителей — Карлу Блинду. Этот «государственный муж», как иронически называл его Маркс, в 1859 г. занимался грязными интригами, чтобы устранить Маркса и его единомышленников из газеты «Das Volk» [2].

Карл Блинд, как неопровержимо доказал Маркс, написал и опубликовал в Лондоне в июне 1859 г. анонимную листовку «Предостережение», в которой разоблачались бонапартистские происки Фогта и, в частности, его стремление подкупить немецких писателей, побудив их выступить в духе наполеоновской пропаганды [3]. В июне же Либкнехт переслал листовку в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», где она была помещена в виде статьи. Фогт затеял процесс против «Allgemeine Zeitung», обвинив ее в клевете. Поскольку Либкнехт обратился к Марксу в августе 1859 г. от имени редакции «Allgemeine Zeitung» с просьбой сообщить доказательства обвинений, содержащихся в листовке «Предостережение», Маркс потребовал от Блинда, чтобы тот признался в авторстве листовки. Для Маркса это имело значение потому, что Фогт объявил автором листовки Маркса, нагло обвиняя его в том, что он сделал Блинда козлом отпущения за

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 677.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 444.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14 (раздел VII, «Аугсбургская кампания»).

свою партию. Для Маркса было важно также разоблачить в лице Блинда трусливую позицию мелкобуржуазной вульгарной демократии, которая фактически лила воду на мельницу бонапартистских кругов. Отказавшись от авторства листовки, Блинд фактически сыграл роль пособника Фогта, так как лишил возможности «Allgemeine Zeitung» получить от него доказательства в подтверждение фактов, опубликованных в статье «Предостережение». Конечно, аугсбургская «Allgemeine Zeitung», напечатавшая статью «Предостережение», выступала против бонапартизма совсем с иных позиций, нежели Маркс и его соратники. Эта консервативная газета в 50—60-х годах поддерживала династические планы объединения Германии под главенством Австрии, препятствием чему являлась бонапартистская Франция. Отсюда и происходила антибонапартистская направленность политики «Allgemeine Zeitung». Однако Маркс в интересах дела пролетариата считал в данном случае необходимым поддержать «Allgemeine Zeitung», поскольку речь шла об общей задаче — разоблачении бонапартизма, независимо от целей, которые перед собой ставила каждая сторона. Ведь защищая пролетариат от проникновения в его ряды буржуазной идеологии, Маркс и Энгельс вовсе не были противниками всякого соглашения с представителями буржуазии. В «Господине Фогте» Маркс продолжает отстаивать выработанную им и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» тактику поддержки революционным пролетариатом всех прогрессивных партий и течений, борющихся против реакций. Выступая за единство пролетариата со всеми прогрессивными силами для борьбы против антинародных режимов и агрессивных планов, Маркс и Энгельс учили, что пролетариат при этом должен сохранять полную самостоятельность и не идти ни на какие уступки и компромиссы по принципиальным вопросам. Маркс допускал временные блоки даже с консервативными оппозиционными элементами, если такие блоки в интересах пролетариата.

Поэтому Маркс пошел навстречу «Allgemeine Zeitung», когда ее редакция попросила его в октябре 1859 г. представить ей для процесса доказательства того, что автором листовки «Предостережение» был Блинд. Маркс

направляет с этой целью в Аугсбург письменное заявление лондонского наборщика Фёгеле, где Фёгеле доказывает авторство Блинда. В этой связи Маркс писал редактору «Allgemeine Zeitung» 19 октября 1859 года: «Пока я участвовал в немецкой прессе, я нападал на «Allgemeine Zeitung», а «Allgemeine Zeitung» нападала на меня. Но это, конечно, отнюдь не мешает тому, чтобы я по мере сил помог «Allgemeine Zeitung» в том случае, когда она выполняет, по моему убеждению, *первую* обязанность прессы — обязанность разоблачать шарлатанство» [1].

Ярким свидетельством борьбы Маркса за единство оппозиционных сил для отпора реакции является впервые опубликованное в 1959 г. его письмо к немецкому буржуазному журналисту Э. Фишелю,— единомышленнику английского консервативного публициста Уркарта, выступившего против внешней политики английского правительства Пальмерстона [2]. В письме, которое Маркс написал в мае 1860 г., в разгар работы над памфлетом против Фогта, он в принципе выражает согласие на предложение Фишеля сотрудничать в проектируемом им органе «Deutsche Zeitung». Маркс считал, что несмотря на большие расхождения между ним и издателями проектируемой газеты, по некоторым вопросам с ними возможно временное сотрудничество. В частности, Маркс хотел использовать «Deutsche Zeitung» для борьбы с бонапартизмом во Франции, который был в то время одним из главных оплотов европейской реакции и очагов войны. Согласие Маркса на сотрудничество в газете Фишеля находилось в непосредственной связи с написанием памфлета «Господин Фогт», в котором он большое место уделяет разоблачению бонапартизма. Страницы памфлета «Господин Фогт», посвященные критике бонапартизма, являются дополнением и продолжением его работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Борьбу против бонапартизма Маркс и Энгельс рассматривали как первостепенную задачу пролетарских революционеров. Особенно вредным для рабочего движения

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 692.
[2] См. «Вопросы истории КПСС» № 3, 1959, стр. 19.

они считали получившее широкое распространение проникновение бонапартистских агентов в пролетарскую и демократическую среду. В памфлете «Господин Фогт» Маркс убедительно доказывает, что К. Фогт — подкупленный бонапартистский агент. Это Маркс подозревал еще в апреле 1859 г., когда Фрейлиграт познакомил его с так называемой «Программой» Фогта, присланной им Фрейлиграту (Фогт собирался издавать газету). Маркс пишет Энгельсу 22 апреля 1859 г., что в этой программе заметно предпочтение Бонапарту[1]. В бонапартистской деятельности Фогта Маркс окончательно убеждается, познакомившись с его жалкой книжонкой «Исследования о современном положении Европы». Маркс пишет в памфлете «Господин Фогт», что эта книга не оставила у него «никакого сомнения о связи его [Фогта.— *Б. К.*] с бонапартистской пропагандой»[2]. Маркс показывает, что брошюрка Фогта, вышедшая в марте 1859 г., т. е. за месяц до австро-франко-итальянской войны, была написана по указке из Франции и понадобилась хозяевам Фогта для идеологической обработки общественного мнения Европы, чтобы облегчить Наполеону III проведение агрессивной политики. «*Фогт* был лишь одним из бесчисленных рупоров,— отмечает Маркс,— которыми шутовской чревовещатель из Тюильри пользовался для вещания на чужих языках»[3].

В своем памфлете Маркс показывает, что Фогт был связан с разветвленной агентурой, созданной во многих странах бонапартистскими кругами, играл роль вербовщика бонапартистских агентов и действовал совместно со своими разбросанными по разным странам союзниками. С неподражаемым сарказмом рисует Маркс «патронов и сообщников» Фогта, среди которых пребывают и такие крупные политические деятели, как глава женевского правительства Джемс Фази, вступивший в прямой сговор с Наполеоном III и предавший национальные интересы Швейцарии.

Попутно с изобличением бонапартистских махинаций Фогта, Маркс дает убийственную характеристику бона-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 401.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 485.
[3] Там же, стр. 527—528.

партистскому режиму во Франции и самому Наполеону III[1]. Маркс, отчасти прибегая к цитатам из своей работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», раскрывает сущность бонапартизма. Его отличительными чертами являются политика лавирования между классами, кажущаяся самостоятельность государственной власти, демагогическая апелляция ко всем общественным слоям, прикрывающая защиту интересов эксплуататорской верхушки. Разоблачая беззастенчивые методы господства наиболее контрреволюционных элементов буржуазии в форме бонапартистской диктатуры, Маркс показывает, что в целях сохранения эксплуататорского строя буржуазия передает власть в руки самых оголтелых авантюристов и допускает применение шантажа, подкупа, грубой демагогии и прочих грязных средств.

Маркс, вскрывая всю гнилость и непрочность режима государственного переворота, показывает, что антинародная внешняя и внутренняя политика Франции к концу пятидесятых годов зашла в тупик, выход из которого Наполеон III надеялся найти путем развязывания «локализованной» войны с Австрией. Эта война, указывает Маркс, ничего общего не имела с освобождением Италии от ига Австрии, как изображал дело Луи Бонапарт, а была продиктована стремлением Луи Бонапарта и его клики упрочить бонапартистский режим во Франции путем сравнительно легких побед, расширить французскую территорию за счет итальянских земель и помешать развитию революционного движения в Италии. Маркс до конца разоблачает подлинную сущность пресловутого «принципа национальностей» Наполеона III, прикрываясь которым он осуществлял свою агрессивную внешнюю политику. Маркс клеймит также другие европейские реакционные силы, оказывающие дипломатическую поддержку Франции во время подготовки войны в Италии. Маркс разоблачает, в частности, сговор Луи Наполеона с представителем английской буржуазно-аристократической олигархии Пальмерстоном,

[1] Разоблачение Марксом бонапартистских происков Фогта, а также бонапартизма, см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, разделы VIII, IX и X («Да-Да Фогт и его исследования», «Агентура» и «Патроны и сообщники»).

развязавший Наполеону III руки в осуществлении итальянской авантюры, а также служившее тем же целям соглашение между бонапартистской Францией и царской Россией.

В тесной связи с разоблачением бонапартизма стоял вопрос о борьбе за преодоление политической раздробленности таких стран, как Германия и Италия. Бонапартистскую Вторую империю Маркс и Энгельс справедливо считали препятствием на пути достижения германского и итальянского единства.

В связи с революционным подъемом, наступившим в европейских странах после мирового экономического кризиса 1857—1858 гг., проблема объединения Германии, а также Италии встала с особой остротой. Основоположники научного коммунизма считали необходимым определить тактику пролетариата в этом вопросе. Выступление Маркса в памфлете «Господин Фогт» по вопросу о германском и итальянском единстве явилось своего рода ответом «королевско-прусскому социалисту» Лассалю, который защищал проводимый Бисмарком план объединения Германии династическим путем под главенством Пруссии и оправдывал вмешательство Наполеона III в дело объединения как Германии, так и Италии. Эти взгляды Лассаль высказал в выпущенной им брошюре «Итальянская война и задачи Пруссии». Лассаль утверждал, что Наполеон III в Италии будто бы осуществляет «великое и справедливое, цивилизаторское и в высшей степени демократическое дело» [1]. Маркс писал Энгельсу, разоблачая антипролетарскую тактику Лассаля, что последний на деле «дует в одну дудку с Фогтом» [2]. Маркс и Энгельс решительно выступали против вмешательства других государств в дело объединения Германии и Италии и считали, что вопрос об объединении этих стран должны решать сами немецкий и итальянский народы. Националистическим взглядам Лассаля, Фогта и других вульгарных демократов, Маркс противопоставил план революционно-демократического объединения как Германии, так и Италии путем свержения

[1] *Ferdinand Lassalle.* «Gesammelten Reden und Schriften». Bnd. I, Brl. 1919, S. 43.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 461.

реакционных монархических режимов. Маркс и Энгельс предостерегали пролетариат от содействия бисмарковской программе объединения Германии, призывая его следовать революционной тактике; выступая за развертывание широкого народного движения в целях достижения германского и итальянского единства, они боролись за гегемонию пролетариата в этом движении. В. И. Ленин целиком оправдывал программу действий Маркса и Энгельса. Он указывал, что хотя Германия «объединилась по-бисмарковски», «история оправдала Бебеля и Либкнехта», которые, как известно, руководствовались указаниями Маркса и Энгельса. «Только последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта,— писал В. И. Ленин,— только их «неуступчивость» национализму, только их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху» помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о *фундаменте* партии»[1].

Памфлет «Господин Фогт», а также написанные незадолго до этого брошюры Энгельса «По и Рейн» и «Савойя, Ницца и Рейн» были первыми произведениями основоположников научного коммунизма, в которых они публично выступали против тактики Лассаля, не называя, правда, его имени. Эти работы Маркса и Энгельса отражают предварительный этап развернувшейся позднее борьбы пролетарских революционеров с лассальянством, которое явилось проводником реформизма и оппортунизма в немецком рабочем движении.

Большое место в своей работе «Господин Фогт» Маркс уделяет разоблачению внешней политики европейских государств, охватывая значительный период с середины XVIII века до шестидесятых годов XIX века. Маркс и Энгельс всегда рассматривали проблемы международных отношений в тесной связи с вопросами о перспективах революционно-освободительного движения. Основоположники марксизма считали одной из важнейших задач пролетарских революционеров овладение тайнами международной политики, чтобы иметь возможность

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 19, стр. 265—266.

разоблачать направленные против интересов народа дипломатические козни и захватнические планы господствующих классов. Считая, что рабочий класс способен оказывать активное противодействие шовинистической и агрессивной политике правящих классов, Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость для рабочего класса придерживаться в международных конфликтах своей собственной революционной линии, рассчитанной на полное осуществление буржуазно-демократических преобразований в Европе и на подготовку условий для победы пролетарской революции. Именно с таких позиций, с позиций пролетарского интернационализма, подходит Маркс к освещению международных проблем и в памфлете «Господин Фогт», разоблачая применяемые дипломатией господствующих классов методы запугивания и шантажа, грубого вмешательства во внутренние дела малых стран, натравливания одних наций на другие.

Буржуазные государства прибегают к самым разнообразным методам расправы с коммунистическим и рабочим движением. Они организуют судебные процессы над прогрессивными деятелями, применяют к ним репрессии, используют прессу и другие виды пропаганды, издают реакционные законы, создают широкую сеть шпионажа. В книге «Господин Фогт» содержится богатый материал, раскрывающий гнусные средства борьбы буржуазии с революционным пролетариатом и его вождями.

Маркс беспощадно бичует использование прусским государством суда для расправы с пролетарской партией. Он вскрывает тенденциозность и пристрастие буржуазной юстиции, показывает классовый характер буржуазного «правосудия». Как известно, прусское правительство организовало в 1852 г. в Кёльне провокационный процесс над членами Союза коммунистов. Процесс был сфабрикован при помощи гнусной системы полицейских провокаций, шпионажа, лжесвидетельств и подлога. Предварительное заключение кёльнских подсудимых длилось полтора года. «Прусская полиция и посольство,— отмечает Маркс,— Хинкельдей со всей своей сворой, почта и местные власти, министерства внутренних дел и юстиции — все они в течение этих 1½ лет прила-

гали огромные усилия, чтобы создать какой-нибудь corpus delicti [состав преступления.— *Б. К.*]» [1]. Несмотря на полное отсутствие улик, семеро подсудимых на основании подложных документов и лжесвидетельств были приговорены к заключению в крепости сроком от трех до шести лет. И это неудивительно. Ибо, как отмечает Маркс, *«оправдать обвиняемых значило осудить правительство»* [2].

Классовый характер буржуазной юстиции особенно явственно проявился в возбужденном Марксом процессе против берлинской «National-Zeitung». Как уже отмечалось, Маркс апеллировал к берлинскому суду с целью привлечения редактора этой газеты Цабеля к ответственности за воспроизведение фогтовской клеветы на партию. Жалоба Маркса была отвергнута четырьмя судебными инстанциями, и дело даже не дошло до открытого разбирательства. Прусские суды мотивировали свой отказ, в частности, тем, что в жалобе Маркса якобы не усматривается публичного интереса. Это была обычная юридическая уловка. В действительности прусское правительство просто не хотело предоставлять Марксу трибуну для выступления в защиту интересов пролетариата. Как во времена Маркса, так и теперь буржуазия пыталась и пытается лишить возможности передовых борцов пролетариата отстаивать свои взгляды. Маркс разоблачает утверждения апологетов капиталистического общества о том, что буржуазное право якобы служит всему народу. В действительности, как показывает Маркс, оно охраняет интересы только господствующих классов. «Во всех государствах мира, а значит, и в прусском государстве,— отмечает Маркс,— под публичным интересом понимается *правительственный интерес.* Прусское правительство не видело и не могло видеть *«какого-либо очевидного публичного интереса»* в возбуждении *преследования* против «демократа» Цабеля за клевету на меня. Оно было заинтересовано скорее в противоположном» [3].

Общеизвестно, что одним из главных орудий борьбы буржуазии против пролетарского движения, против

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 437.
[2] Там же, стр. 439.
[3] Там же, стр. 633.

марксизма является пресса. Через свою прессу буржуазия всегда осуществляла травлю пролетарских борцов и клеветала на них. И если для памфлета в Германии не нашлось даже издателя — памфлет был напечатан в Лондоне,— то для фогтовской клеветы немецкие буржуазные газеты охотно предоставили свои страницы. Такова уж пресловутая свобода печати в капиталистическом мире, которой могут пользоваться только господствующие классы. Маркс в своем памфлете разоблачает продажность и беспринципность буржуазной печати, ее полную зависимость от власть имущих.

Перед нами проходит целая галерея подкупленных писак, которые, подобно Фогту, за деньги готовы были распространять про вождей пролетариата любую клевету. Маркс отмечает, что «*Фогт* не одинокий, борющийся за свой страх и риск партизан» [1], у него имеется целая плеяда таких же гнусных сообщников, подвизающихся в различных буржуазных газетах. Среди них корреспондент газеты «Freischütz» Эдуард Мейен, который «нашпиговал целых пять номеров» своей газеты «неудобоваримой болтовней» из грязной брошюрки Фогта [2]. Или же вышеупомянутый Цабель из «National-Zeitung», превратившийся из мелкого журналиста благодаря грязным спекуляциям в ее редактора. Цабель умудряется, как отмечает Маркс, из 278 страниц фогтовской книжонки «сотворить пять небольших газетных столбцов, не пропустив *ни одной* клеветы Фогта против меня и моей партии» [3].

По словам Маркса, Цабель не оставляет без внимания ни «одного атома подлости» из грязных фогтовских измышлений. «Сколько же злости понадобилось,— пишет Маркс,— чтобы страдающую водянкой голову Цабеля точно волшебством превратить в гидравлический пресс с такой силой давления!» [4].

Особенно убийственную характеристику дает Маркс английской либеральной газете «Daily Telegraph», которая тоже перепечатала клевету Фогта. Маркс сравни-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 578.
[2] Там же, стр. 605.
[3] Там же, стр. 637.
[4] Там же.

вает «Daily Telegraph» с «большой бумажной центральной клоакой»[1], куда стекаются все социальные нечистоты. Владелец этой газеты Леви за звонкую монету готов был помещать в ней самые грязные сообщения. «Превратив социальные нечистоты Лондона в газетные статьи,— отмечает Маркс,— он превращает затем грязные статьи в медь и, наконец, медь в золото». Маркс показывает, что оценку, данную им газете «Daily Telegraph», вполне можно распространить на многие другие буржуазные немецкие, английские, французские и швейцарские газеты. Критика Марксом буржуазной печати, как одного из средств борьбы господствующих классов против пролетарской партии, составляет одну из самых сильных сторон памфлета «Господин Фогт» и в наши дни сохраняет в полной мере всю силу и злободневность.

* * *

Памфлет «Господин Фогт» отличается не только глубиной содержания, но и блестящей формой: по своим художественным достоинствам он может соперничать с лучшими образцами мировой сатирической литературы. Меринг был абсолютно прав, когда писал, что книга Маркса «может доставить исключительное наслаждение литературным знатокам»[2]. Использованные Марксом в этом памфлете афоризмы, цитаты и литературные образы из многих известных и малоизвестных художественных произведений делают его критику Фогта и других врагов рабочего движения еще более острой и меткой.

Известно, что Маркс был прекрасным знатоком художественной литературы. Диапазон его знаний в этой области поистине огромен, хотя Маркс и не занимался специально исследованием вопросов литературы и искусства. Особенно любил Маркс Шекспира. По свидетельству французского социалиста Поля Лафарга, мужа дочери Маркса Лауры, Маркс считал Шекспира одним из величайших драматических гениев, «которых породило человечество»[3]. Великий английский драматург пользо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 608.
[2] *Ф. Меринг*. «Карл Маркс. История его жизни». 1957, стр. 317.
[3] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». 1956, стр. 64.

вался в семье Маркса всеобщим признанием, его сочинения были настольной книгой в доме. Как рассказывает друг и соратник Маркса и Энгельса Вильгельм Либкнехт, во время воскресных семейных прогулок в Хэмстед-Хис, в Лондоне, Маркс читал наизусть целые сцены из Шекспира, причем его часто сменяла жена Женни, которая была тоже большим знатоком произведений этого писателя [1]. Поэтому не случайно, что Маркс более тридцати раз на страницах своего памфлета обращается к образам и цитатам из произведений Шекспира. Маркс сравнивает Фогта то с Джоном Фальстафом, персонажем, соединяющим в себе черты лгуна, хвастуна и обжоры, то с Полонием, олицетворяющим образ хитрого и болтливого царедворца. «Для фальстафовских натур,— отмечает Маркс,— характерно то, что они не только сами раздутые, но и все раздувают» [2]. Эта меткая характеристика Маркса как нельзя больше подходит к Фогту, занимавшемуся грубыми измышлениями.

В памфлете «Господин Фогт», как в зеркале, нашли отражение все любимые поэты и писатели Маркса. Это Данте, Гёте, Гейне, Сервантес, Кальдерон, Камоэнс и, наконец, Бальзак, которого, по словам Либкнехта, Маркс ставил выше всех романистов; он даже собирался по окончании «Капитала» написать специальное исследование о «Человеческой комедии» [3]. Разоблачая беспринципность буржуазной прессы, Маркс, например, сравнивает редактора берлинской «National-Zeitung» Цабеля с продажными журналистами из романа Бальзака «Утраченные иллюзии». «Каким образом некий толстяк, которого я в студенческие годы в Берлине знавал как физически и духовно опустившегося балбеса,— саркастически отмечает Маркс...— каким образом вышеназванный жирный болван превратился в главного редактора «National-Zeitung», ее пайщика и «имеющего лишние деньги демократа» — только богам известно. Люди же, прочитавшие известный роман Бальзака и изучившие эпоху Мантёйфеля, могут об этом догадываться» [4].

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». 1956, стр. 115.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 432.
[3] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». 1956, стр. 65.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 630.

Как уже отмечалось, Маркс в памфлете «Господин Фогт» поражает энциклопедичностью своих знаний в области художественной литературы. Он широко использует образы не только популярных, но и малоизвестных поэтов. Так Маркс мастерски вводит в ткань повествования средневековых немецких поэтов и писателей Иоганна Фишарта, Готфрида Страсбургского, Вальтера фон дер Фогельвейде, Вольфрама фон Эшенбаха и других. О том, с какой тщательностью Маркс работал над обогащением своего памфлета художественными образами, свидетельствуют выписки, которые он сделал в своей записной книжке [1]. Мы находим в ней прежде всего несколько отрывков из «Божественной комедии» Данте. В записной книжке содержатся также использованные Марксом в памфлете отрывки из средневекового германского эпоса XII века — «Имперской хроники», в которой в полулегендарной форме рассказывается история римских и германских императоров со времен Цезаря. Маркс остроумно пользуется выражениями из этого произведения, изобличая Фогта в его деятельности, направленной на подкуп журналистов в целях пропаганды в пользу политики Наполеона III. Например, Маркс, цитируя «Имперскую хронику», сравнивает Фогта с германским императором, который отправил «гонцов ко всем князьям земель немецких... а также злато предлагал» [2]. В той же записной книжке имеются выписки из «Песни о Людовике» — стихотворения неизвестного немецкого средневекового поэта, написанного в конце IX века. Стихотворение представляет собой панегирик западнофранкскому королю Людовику III. Маркс блестяще пользуется этим образом, чтобы разоблачить прославление Фогтом Наполеона III в брошюре «Исследования о современном положении Европы». С таким же успехом Маркс использует сделанные им в записной книжке выписки из поэм английского поэта-сатирика XVIII века Александра Попа «Дунсиада», в которой изображается царство «Dulness», царство «Тупости». Маркс сопоставляет ситуацию, нарисованную Попом, с тупой политикой, прово-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1102.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 553.

димой берлинской «National-Zeitung». «Но царство «Dulness» у Попа,— пишет Маркс,— отличается от царства «National-Zeitung» тем, что там «теперь уж правит Дунс второй, как прежде правил первый», между тем как здесь все еще правит старый болван «Dunce the first»», т. е. Дунс первый, Болван первый. Так Маркс образно называет редактора этой газеты Цабеля [1].

Читая «Господина Фогта», нельзя не восхищаться тем, как Маркс мастерски умел использовать художественные образы. Например, изобличая контрреволюционную деятельность Фогта во время революции 1848—1849 гг. в Германии, Маркс цитирует его выступление в мае 1849 г. во франкфуртском Национальном собрании во время дебатов по поводу внесенного членом Собрания немецким поэтом Уландом воззвания к немецкому народу. Фогт в своем выступлении пытался оклеветать члена Союза коммунистов, соратника Маркса и Энгельса Вильгельма Вольфа, назвав его речь в Собрании «нечистотами» и «грязью». Маркс, разоблачая Фогта, очень удачно заключает его выступление следующими перефразированными словами из знаменитой баллады Уланда «Проклятие певца»: «Und was er spricht — ist Kot», т. е. то, «что он [Фогт.— *Б. К.*] ни скажет — грязь» [2]. У Уланда не «грязь», а «бич». Перефразировка Маркса била метко в цель еще и потому, что в Национальном собрании речь шла о внесенном на его рассмотрение воззвании Уланда. Это делало обращение Маркса к стихотворению поэта тем более остроумным.

Произведения Маркса по своей выразительности могут соперничать с произведениями лучших писателей мира. Вильгельм Либкнехт говорил о «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», что в этом произведении стиль Маркса «клеймит и убивает», что здесь «соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте. Здесь стиль становится stilus, то есть тем, чем он был в руках римлян,— острым, стальным клинком, который пишет и колет. Стиль — кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце» [3]. Эти

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 602—603.
[2] Там же, стр. 478.
[3] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». 1956, стр. 97.

замечательные слова Либкнехта можно без всяких оговорок также отнести и к памфлету Маркса «Господин Фогт».

Памфлет «Господин Фогт» является примером того, каким могучим средством против врагов научного коммунизма и врагов рабочего движения была в руках Маркса художественная литература.

* * *

Памфлет «Господин Фогт» свидетельствует о большом умении основоположников научного коммунизма разоблачать врагов рабочего класса, если даже они выступают и не с открытым забралом. Позднейшие документы, не известные Марксу в момент написания памфлета, целиком подтвердили правильность его и Энгельса предвидения того, что Фогт — подкупленный бонапартистский агент. В опубликованных французским правительством в 1871 г. после падения Второй империи ведомостях о расходовании секретных фондов Луи Наполеона указывалось, что Фогт в августе 1859 г. получил от французского императора 40 000 франков. Это дало повод Энгельсу выступить еще раз с разоблачением Фогта. Он это сделал в статье «Еще раз господин Фогт», напечатанной в № 38 газеты «Der Volksstaat» от 10 мая 1871 года.

В этой статье, великолепной по форме и содержанию, блещущей остроумием и сарказмом, Энгельс пригвождает Фогта к позорному столбу, раскрывая его полную беспринципность и продажность. После поражения Наполеона III при Седане и падения Второй империи Фогт выпустил в Биле брошюрку «Политические письма Карла Фогта к Кольбу», в которой высказался против аннексии Германией Эльзас-Лотарингии и вообще писал прямо противоположное тому, что он проповедовал в «Исследованиях». Наполеон III — это уже не освободитель национальностей, как его изображал Фогт в 1859 г., а *«коронованный злодей, отравляющий все, к чему он прикасался»* [1]. Энгельс легко разгадал хитрый

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 312.

маневр Фогта. Он показал в своей статье, что Фогт стремится замести следы своего бонапартистского прошлого, своих выступлений в роли бонапартистского агента и нажить себе политический капиталец в качестве «обличителя» павшей Второй империи и провозвестника «передовых» взглядов. Энгельс сбрасывает маску «демократа» с Фогта, полностью разоблачая его как демагога.

В качестве убийственного и неоспоримого свидетельства против Фогта, изобличающего всю его низость, Энгельс приводит выдержку из ведомостей французского правительства о получении Фогтом в 1859 г. 40 000 франков и показывает, что Фогт служил Наполеону, пока ему платили и пока его хозяин был у власти, и как подлинный лакей стал поносить своего барина, когда тот потерпел банкротство. Статья Энгельса, которая является как бы продолжением памфлета «Господин Фогт», окончательно снимает все покровы с Фогта.

Работа «Господин Фогт», которую Энгельс назвал «лучшим полемическим произведением» Маркса, а также статья Энгельса о Фогте — это боевые памфлеты, проникнутые страстным духом партийности и непримиримости к врагам рабочего класса. В этом и заключается причина того пренебрежения, с которым к памфлету «Господин Фогт» относились оппортунистические лидеры II Интернационала и правой социал-демократии.

Работы Маркса и Энгельса учат беспощадной борьбе со всякими стремлениями опорочить и извратить марксистско-ленинскую теорию и особенно марксистско-ленинское учение о партии.

Л. И. ГОЛЬМАН

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О КОЛОНИАЛЬНОМ ЗАКАБАЛЕНИИ ИРЛАНДИИ АНГЛИЕЙ В ПЕРИОД АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс и Энгельс исключительно много внимания уделяли истории Ирландии. Их интерес к судьбам этой первой английской колонии был тесно связан как с их теоретической, так и с их практически-революционной деятельностью. Вырабатывая основы политики рабочего класса по национально-колониальному вопросу, обосновывая руководящие принципы пролетарского интернационализма, Маркс и Энгельс на примере ряда угнетенных стран вскрывали исторические корни современной им системы колониального порабощения экономически отсталых народов крупными капиталистическими государствами. Ирландия входила в число тех стран, из истории покорения которых основоположники марксизма черпали обширный материал для разоблачения системы колониализма.

Особенно тщательно Маркс и Энгельс изучили историю Ирландии в период I Интернационала, когда в связи с подъемом национально-освободительного движения в этой стране ирландский вопрос приобрел большую остроту и потребовал от вождей пролетариата выработки четкой линии, которой должно было руководствоваться Международное Товарищество Рабочих [1]. Маркс, готовя свои выступления по ирландскому вопросу на заседаниях Генерального Совета Интернационала, на собрании Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне,

[1] Подробности об этом см. в нашей статье «Ирландский вопрос в I Интернационале и борьба Маркса и Энгельса за принципы пролетарского интернационализма», опубликованной в сборнике «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию», М., 1955 г.

собрал в своих предварительных набросках к этим выступлениям значительный материал по истории «Зеленого острова». Историю этой страны он изучал и раньше в процессе работы над корреспонденциями в «New-York Daily Tribune» и над «Капиталом»[1]. Весьма интенсивно изучением истории Ирландии занимался Энгельс. В 1869—1870 гг. он работал над специальной книгой об Ирландии. В этой книге, судя по сохранившемуся плану, история Ирландии должна была быть освещена с древних времен до 1870 года. Но из 4-х задуманных глав Энгельс сумел написать лишь первую («Природные условия») и часть второй («Древняя Ирландия»). Вторая глава осталась незаконченной, а глава третья — «Английское завоевание» (1169—1691) — и четвертая — «Английское господство» (1691—1870) — ненаписанными[2]. Деятельность в Генеральном Совете Интернационала, франко-прусская война, Парижская Коммуна и другие события, потребовавшие все внимание вождей пролетариата, помешали Энгельсу завершить его труд. Но среди рукописного наследства Энгельса сохранились обширные материалы, относящиеся ко всем периодам истории Ирландии, в которых наряду с выписками и подбором фактов содержится много собственных замечаний Энгельса, раскрывающих его взгляды на важнейшие проблемы истории Ирландии и Англии[3].

[1] Сохранились наброски речи Маркса по ирландскому вопросу, которую он должен был произнести на заседании Генерального Совета 26 ноября 1867 г., однако по ряду причин не произнес, а также его доклада на эту же тему, прочитанного 16 декабря 1867 г. в лондонском Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 459—478). К этим наброскам имеются еще и подготовительные материалы, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма. В архиве хранится также значительное количество выписок Маркса из книг по истории и экономике Ирландии, в том числе большая рукопись по истории этой страны периода подъема национально-освободительного движения в конце XVIII века и восстания 1798 года. Ниже будут указаны те выписки или упоминания книг, которые имеют отношение к ирландскому вопросу в период английской буржуазной революции.

[2] См. *Ф. Энгельс.* «План работы по истории Ирландии» и «История Ирландии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 718—719, 479—524).

[3] Эти материалы частично опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, но большей частью еще не изданы.

Как видно из рукописного наследства и опубликованных уже работ и писем Маркса и Энгельса, оба основоположника научного коммунизма проявляли особый интерес именно к тем периодам истории Ирландии, когда эта страна стала объектом колонизаторских устремлений господствующих классов соседнего, более обширного и экономически развитого острова. С пристальным вниманием отнеслись они и к истории ирландского народа в период английской буржуазной революции середины XVII века. Такой интерес к этому периоду был обусловлен его огромным значением в исторических судьбах как английского, так и ирландского народа. Это было время рождения на обломках феодализма новой капиталистической Англии, сопровождавшееся беспримерным по своим кровавым методам и масштабам грабежом отсталых стран, в первую очередь соседней Ирландии,— яркий пример того, насколько был прав Маркс, когда он сравнивал исторический прогресс при капитализме с отвратительным языческим идолом, который «не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [1]. Именно в этот период закладывались основы того режима колониального угнетения Англией Ирландии, который потом сохранялся в течение столетий и пережитки которого существуют по сей день. «Зеленый остров» в эту эпоху — эпоху первоначального накопления — был превращен в опытное поле, на котором английские колонизаторы вырабатывали и совершенствовали методы колониального господства, применяя их потом к другим попавшим в их тенета народам. Английская буржуазная революция явилась важной вехой в закабалении ирландского крестьянства английской новой аристократией, нажившейся на расхищении ирландских земель, в формировании тех отношений между ирландскими арендаторами и чужеземными лендлордами, которые, как указывал Маркс, напоминали отношения «между грабителем, извлекающим свой пистолет, и путешественником — свой кошелек» [2]. Для Маркса и Энгельса, всесторонне исследовавших генезис капиталистического общества и, в частности,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т 9, стр. 230.
[2] Там же, стр. 164.

происхождение порожденной им колониальной системы, история англо-ирландских отношений того периода давала яркий материал для выяснения многих особенностей указанного процесса. Изучение истории этих отношений дало возможность вскрыть ряд закономерностей буржуазной революции, показать ее ограниченность, обосновать и конкретизировать положение исторического материализма о коренной противоположности между буржуазной и пролетарской революциями, о том, что смена феодальной формации буржуазной означает лишь изменение формы классового господства и эксплуатации, что только победа пролетариата призвана навсегда уничтожить всякий социальный и национальный гнет.

Немало поучительного извлекли Маркс и Энгельс из истории героического сопротивления ирландского народа английским завоевателям в период революции XVII века. Освободительная борьба ирландского народа уже на этой стадии раскрывала многие особенности движения угнетенных народов против колониального рабства.

Таким образом, история Ирландии указанного периода интересовала Маркса и Энгельса со многих точек зрения. Исследование событий этого периода позволило им сделать ряд выводов, чрезвычайно важных для развития марксистской исторической науки, для понимания многих черт и сторон английской буржуазной революции и буржуазных революций в целом; оно позволило вскрыть грязные и кровавые источники происхождения колониальной системы капитализма; помогло выявить плачевные последствия колониального подчинения слабых стран и для трудящихся самой угнетающей нации, показать оборотную сторону грабежа чужих народов для самой метрополии и тем самым исторически обосновать один из главных тезисов пролетарского интернационализма: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Недаром, показывая значение изучения Марксом и Энгельсом англо-ирландских отношений для выработки интернационалистской платформы по национальному вопросу, В. И. Ленин специально привел выдержку из письма Энгельса Марксу от 24 октября 1869 г., в которой говорилось о губительном влиянии на исход английской революции кромвелевского господства «по-

военному» в Ирландии и создания за счет ее колониального грабежа новой аристократии [1].

Анализ высказываний, рукописных материалов, замечаний, выписок Маркса и Энгельса, относящихся к данной проблеме, показывает, что они первые в историографии дали подлинно научное, материалистическое освещение этой проблеме, до конца раскрыли ее главные стороны. Эти материалы дают дополнительные данные о Марксе и Энгельсе как о великих корифеях исторической науки, создавших подлинно научную концепцию происхождения и развития буржуазного общества; они свидетельствуют о том, что Марксом и Энгельсом как историками была внесена ясность в ту область, которую особенно тщательно фальсифицировала и затушевывала буржуазная историография — в область истории закабаления и грабежа колониальных народов. В этих материалах особенно наглядно виден вклад Маркса и Энгельса в историографию английской буржуазной революции, характер, движущие силы и всемирно-историческое значение которой были впервые показаны только в трудах основоположников марксизма. Они первыми показали также и роль этой революции в складывании грабительской колониальной системы капиталистических государств.

* * *

Насколько глубоко и тщательно изучали основоположники марксизма историю Ирландии периода революции XVII века, явствует из того обширного круга источников, которые привлек Энгельс для исследования этого периода, работая над своей книгой. Этот круг можно установить, опираясь на выписки Энгельса, а также на принадлежащую ему библиографию — список книг по истории Ирландии, составленный им по каталогам манчестерских библиотек [2]. Многое из этих источников

---

[1] См. *В. И. Ленин*. «О праве наций на самоопределение» (Соч., 4 изд., т. 20, стр. 408).

[2] Против многих названий значатся библиотечные шифры, свидетельствующие о том, что список составлялся для непосредственного практического использования упомянутой в нем литературы (см. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2556).

и литературы было известно и Марксу, о чем говорят его рукописи, опубликованные труды и переписка.

Из официальных публикаций Энгельсу несомненно было хорошо знакомо «Полное собрание ирландских статутов» — собрание парламентских актов, королевских прокламаций и указов, относящихся к Ирландии [1]. На соответствующие места этого издания Энгельс ссылается в своих «Выписках по истории Ирландии XVII и XVIII веков» [2]. Энгельс пользовался также собранием документов, извлеченных из архивов крупнейших государственных деятелей того времени. Во многих местах своих выписок и заметок он упоминает, например, известную «Государственную переписку Страффорда» [3]. Томас Уэнтворт, граф Страффорд — знаменитый вдохновитель абсолютистской политики Карла I — был в 1632—1640 гг., во время беспарламентского правления Карла I, наместником Ирландии. Большая часть его писем относится к его деятельности в качестве правителя этой страны и является ценным источником для характеристики колонизаторской политики английского абсолютизма в период, непосредственно предшествовавший английской буржуазной революции.

Весьма важным источником, относящимся к предреволюционному и отчасти к революционному периоду, является собрание королевских хартий, отчетов комиссаров и других документов, связанных с колонизацией Ольстера (графства Дерри и Колрайн) купцами и ростовщиками, или, как их тогда называли, «авантюристами», из лондонского Сити, которые основали для этой цели в 1609 г. специальное «Ирландское общество» (другое название — «Лондонская компания»). Эти документы были изданы в 1832 году в сборнике, носившем название «Сжатый обзор деятельности Ирландского общества» [4]. Энгельс упоминает сборник в своем библиографическом

---

[1] «Statutes of Ireland at large». Dublin, 1765.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 176—177.

[3] «Strafford's State Letters», v. 1—2. London, 1739.

[4] «A Concise View of the Irish Society». London, 1832. О колонизаторской деятельности этой компании см. книгу: *Ю. М. Сапрыкин.* «Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII вв.». М., 1958, стр. 170—173.

списке. Кроме того, материалы из него он приводит в своих выписках из книги ирландского автора Дж. Годкина «Война за землю в Ирландии» [1], где Энгельс дает краткую характеристику деятельности «Ирландского общества», отмечая участие торгово-промышленных слоев тогдашней Англии в колониальной эксплуатации Ирландии [2].

Ко времени республики и протектората (1649—1660) относится наиболее богатое и разностороннее собрание документов из всех изданий аналогичного типа, которыми пользовался Энгельс, работая над «Историей Ирландии». Это знаменитое «Собрание государственных бумаг» Джона Терло, известное также под названием «Документы Терло» (Thurloe Papers) [3]. Терло занимал с 1652 по 1660 г. пост секретаря Государственного совета Англии и, помимо других возложенных на него обязанностей, осуществлял также верховный надзор за всем почтовым ведомством. Через его руки проходила переписка множества официальных лиц. В архиве государственного секретаря оседали донесения дипломатических агентов, шпионов, чиновников, крупных деятелей армии, губернаторов колоний, в том числе и правителей Ирландии, а также многие перлюстрированные республиканской цензурой и перехваченные письма противников кромвелевского режима. Часть документов имеет самое прямое отношение к ирландским делам.

Среди рукописей Маркса мы обнаруживаем выписки из «Собрания писем и речей Кромвеля», изданного известным английским консервативным историком и социологом Карлейлем [4]. Судя по воспроизведенным выдержкам из речей вождя английской буржуазной революции и главного вдохновителя колониального покорения Ирландии, Маркса, в данном случае, интересовала

---

[1] *J. Godkin.* «The Land-War in Ireland». London, 1870.

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Годкина (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2629).

[3] *J. Thurloe.* «A Collection of State Papers», v. I—VII. London, 1742.

[4] *Th. Carlyle.* «Oliver Cromwell's Letters and Speeches». Первое издание в 2-х томах вышло в 1845 году. Маркс, однако, как это видно из его выписок, пользовался трехтомным изданием 1847 г., сделав выписки из 2 и 3 томов.

именно эта сторона деятельности Кромвеля, так как выдержки касаются улаживания дел английских колонистов (солдат-поселенцев и купцов-авантюристов) в Ирландии и репрессий против мятежных ирландцев [1]. В материалах Энгельса данное издание не значится. Однако есть основания считать, что и Энгельс был знаком с ним, поскольку литературная деятельность Карлейля была в поле его зрения по крайней мере уже с 1844 г., когда Энгельс впервые выступил с критической оценкой памфлета Карлейля «Прошлое и настоящее» [2].

В списке, составленном Энгельсом, значатся также «Мемуары» Уайтлока, опубликованные в 1682 г.[3] и книга Эдмунда Борлеса «История отвратительного ирландского мятежа» [4]. Первое сочинение принадлежит перу известного политического деятеля и дипломата, занимавшего крупные государственные посты в период республики и протектората. Описывая события, происходившие в Англии с 1625 по 1660 г., Уайтлок часто затрагивает и ирландские дела. Вторая работа написана сыном одного из верховных судей Ирландии Джона Борлеса, управлявшего страной вместе со своим коллегой Уильямом Парсонсом в первые годы революции (1640—1643). Работа эта является пасквилем на ирландское национальное движение и представляет собой фальсификаторскую попытку задним числом оправдать действия Борлеса-старшего и его соратника, внесших немалую лепту в колониальное ограбление ирландского народа и ускоривших своей политикой вспышку ирландского восстания. Борлес и Парсонс, отмечал Энгельс, были людьми, проповедовавшими в Ирландии «истребление, как евангельскую истину» [5].

Уайтлок в своих «Мемуарах» и Борлес-младший в своем сочинении стремятся в общем оправдать политику Долгого парламента в Ирландии. Энгельса интересо-

---

[1] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3711.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 572—597.

[3] *B. Whitelocke.* «Memorials of the English Affairs». London, 1682.

[4] *E. Borlace.* «The History of execrable Irish Rebellion». London, 1680.

[5] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 151).

вали, однако, и свидетельства об Ирландии, исходящие из другого лагеря, от королевской, роялистской партии. Хотя эта партия некоторое время и считалась союзницей ирландских повстанцев, указанные свидетельства, как правило, также отличались весьма тенденциозным отношением к ирландцам. Кавалеров (роялистов) и круглоголовых (сторонников парламента), несмотря на всю их взаимную враждебность, несмотря на то, что одни представляли интересы феодальной аристократии, а другие — буржуазии и «нового дворянства», роднило общее чувство ненависти и шовинистического предубеждения к ирландским «варварам» и «папистам». Обе стороны обнаружили заинтересованность в колониальном грабеже Ирландии. Тем не менее роялистские писатели в пылу полемики со своими политическими противниками и под влиянием классовых антипатий к ним часто проливали свет на самые темные стороны политики враждебной им партии в Ирландии, а литературные защитники последней, в свою очередь, раскрывали правду о вероломных действиях там английских роялистов. Сопоставление этих взаимных обвинений служило Энгельсу одним из средств для того, чтобы выяснить подлинную картину бурных событий на «Зеленом острове», разобраться в сложных перипетиях происходившей там борьбы.

При этом в доступных в то время Марксу и Энгельсу источниках был один существенный пробел. Если не считать включенные в общие сборники документов ирландские петиции и ремонстрации, ни один из этих источников не отражал точки зрения самих ирландцев. Их взгляды нашли свое выражение лишь в написанных и опубликованных значительно позже сочинениях, авторы которых отзывались о событиях того времени в порядке исторических и публицистических реминисценций [1]. Энгельс, тщательно изучавший все, что исходило от самого угнетенного народа, должен был особенно ощущать

[1] К числу таких сочинений относится, например, работа известного ирландского политического деятеля XVIII века Дж. Керри «Историческое и критическое обозрение гражданских войн в Ирландии» (*J. Currey.* «An Historical and Critical Review of the Civil Wars in Ireland». Dublin, 1775). Энгельс упоминает эту работу в своем библиографическом списке.

этот пробел, свидетельствующий о незаинтересованности английских официальных органов и историков в публикации ирландских материалов.

Из книг роялистских писателей в библиографическом списке и других материалах Энгельса неоднократно упоминается известное сочинение Эдуарда Гайда, лорда Кларендона «История мятежа и гражданских войн в Англии с приложением исторического обзора ирландских дел»[1]. Эта книга проникнута заскорузлым консервативным духом и объясняет английскую революцию не иначе, как наказанием, ниспосланным богом англичанам за их грехи. Всячески оправдывая поведение королевской партии в Англии, Кларендон старался изобразить в благоприятном свете и ее действия в Ирландии, возлагая ответственность за «ирландский бунт» на ставленников парламента. Однако, несмотря на свою ненависть к Кромвелю, Кларендон оправдывает его истребительную войну против еще более ненавистных ему ирландских повстанцев. По справедливому замечанию видного русского историка А. Савина, он готов был видеть в покорении Кромвелем Ирландии огнем и мечом истинный перст божий[2].

Подробные сведения об ирландских событиях сообщает другой роялистский автор — Джемс Таучет, лорд Кэслхевен. Он одно время находился на службе в войсках ирландской Конфедерации, в период, когда кавалеры состояли в союзе с ней. Вернувшись после реставрации в Англию, он опубликовал в 1680 г. свои «Мемуары»[3]. Они были внесены в список литературы, составленный Энгельсом. В этом списке упоминается также имя маркиза Кланрикарда, главнокомандующего королевской армией в Ирландии в последний, заключительный

---

[1] *Ed. Clarendon.* «A History of the Rebellion and Civil Wars in England, to which is added an historical View of the Affairs in Ireland». Oxford, 1807.

[2] См. *А. Савин.* «Лекции по истории английской революции». Л., 1924, стр. 387. Характеристику взглядов Кларендона см. также в работе «Английская буржуазная революция XVII века». М., 1954, т. II, стр. 218—219.

[3] *J. Touchet, Castlehaven.* «The Memoirs of his Engagement and Carriage in the Wars of Ireland». London, 1680.

период борьбы. Книга «Мемуаров» Кланрикарда фактически является собранием писем и документов [1].

Внимание Энгельса привлекло также сочинение еще одного очевидца ирландских событий середины XVII века. Французский дворянин Франсуа Ля Буллэ ле Гу, известный путешественник по Индии и восточным странам, в 40-е годы XVII века участвовал в английской гражданской войне на стороне Карла I. В 1644 г. он на некоторое время был послан с поручением в Ирландию. Впоследствии, составляя для Людовика XIV описание своих путешествий, он включил в него и воспоминания об ирландской поездке. Книга ле Гу вышла в 1653 году. В 1837 г. был издан английский перевод тех мест из нее, которые относятся к Ирландии [2]. Этим изданием и пользовался Энгельс, сделавший из него выписки.

Судя по выпискам, ле Гу заинтересовал Энгельса как очень наблюдательный путешественник. Он описывает не только происходившие на его глазах эпизоды повстанческой войны в Ирландии, но и сообщает много бытовых деталей о населении Ирландии того времени. От него не укрылись высокомерие и ненависть, с которыми английские колонизаторы относились к ирландцам. Например, ле Гу пишет, что для ирландцев лучше было бы попасть в руки турок, чем англичан [3].

Большую ценность для изучения истории Ирландии периода революции и реставрации Стюартов представляет собой фундаментальное сочинение английского историка Томаса Кэрта «Жизнеописание герцога Ормонда» [4]. Кэрт не был современником описываемых им событий, он жил в конце XVII — начале XVIII века. Но, будучи страстным коллекционером исторических документов, он получил доступ к семейному архиву герцогов Ормондов; в его руки попали документы Джемса Ормонда, королевского главнокомандующего в Ирландии в годы граж-

---

[1] *U. Burry. Clanricard.* «The Memoirs and Letters». London, 1757.

[2] «Voyages et observations du sieur de la Boullaye le Gouz, gentilhomme angevin». Paris, 1653. Английское издание: «Tour of M. de la Boullaye le Gouz in Ireland 1644». London, 1837.

[3] См. *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Ля Буллэ ле Гу (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2541).

[4] *Th. Carte.* «An History of the Life on James duke of Ormond», vol. I—III. London, 1735—1736.

данской войны (до назначения Кланрикарда) и ирландского лорда-наместника в годы реставрации Стюартов. По своим политическим убеждениям Кэрт был якобитом-роялистом. Книга его проникнута определенной тенденцией — возвеличить Стюартов и их приверженцев, в частности Ормонда. Зато политических врагов Стюартов Кэрт не щадит. Деятельность парламентских чиновников, произвол и жестокость начальников парламентских отрядов в Ирландии изображаются им без всяких прикрас. Главную ценность книги Кэрта составляет обилие приводимого им фактического материала, который сам говорит за себя. Специальное собрание документов, приложенное автором к своему труду, заполняет весь 3-й и часть 2-го тома. На книгу Кэрта Энгельс ссылается во многих своих выписках из сочинений других авторов (О'Конора, Мерфи и др.), для которых труд Кэрта послужил основным источником [1]. Энгельс сделал также собственные выписки из этой книги и, если судить по ним, нашел в ней интересный для себя материал как об ирландском восстании 1641 г., так и о его причинах, в частности, данные о сгоне с земли ирландских кланов чиновниками Якова I и Карла I перед революцией [2].

Особое место среди источников занимают трактаты об Ирландии знаменитого Уильяма Петти. Основоположники марксизма всегда отдавали дань уважения этому «гениальнейшему и оригинальнейшему исследователю-экономисту» [3]. Маркс в «Капитале» называет его отцом политической экономии и в некотором роде изобретателем статистики [4]. Многие экономические исследования Петти были построены на ирландских статистических материалах, в частности, его «Политическая анатомия Ирландии» [5], которую Маркс цитирует в «Капитале» не менее 4 раз и подвергает анализу в «Теориях прибавочной стоимости» [6]. Этот важнейший историко-экономиче-

---

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 141, 162, 165, 172.
[2] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2555.
[3] *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», 1957, стр. 219.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 282.
[5] *W. Petty.* «The political anatomy of Ireland». London, 1691.
[6] *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости», ч. 1, 1954, стр. 342—343.

ский источник широко использовал и Энгельс, как это видно из частых ссылок на него во многих выписках и заметках Энгельса. Петти оставил также много других работ об Ирландии, из которых некоторые были законспектированы Энгельсом [1].

Чтобы понять интерес Петти к Ирландии, следует вспомнить некоторые факты из его биографии. Петти (род. в 1623 г.) провел необычайно бурную жизнь, сменив десяток занятий. Предприимчивый, разносторонне одаренный, ученик и друг Гоббса, он достиг глубоких знаний во многих науках: в медицине, биологии, физике, а также в технических науках, не говоря уже о политической экономии. Он изобрел копировальный станок, был профессором медицины в Оксфорде, доктором физики, членом-учредителем Королевского научного общества и т. д. Не меньше, чем знаний, Петти, однако, жаждал богатства. Назначенный в 50-е годы врачом при английской армии в Ирландии и став лейб-медиком ее главнокомандующего Генри Кромвеля, сына протектора, он сколотил себе целое состояние, участвуя в спекуляции солдатскими наделами из конфискованных у ирландцев земель.

После реставрации Стюартов Петти, сумев зарекомендовать себя верным слугой нового режима, был назначен управляющим королевскими землями в Ирландии и получил потом звание пэра. «Смелый мыслитель, но совершенно фривольный армейский хирург,— отзывался об этой стороне деятельности Петти Маркс,— который одинаково был способен грабить Ирландию под эгидой Кромвеля, как и, пресмыкаясь, вымаливать у Карла II титул баронета за этот грабеж» [2].

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* Выписки из трактатов Петти о народонаселении (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2521).

Сочинения Петти с конца XVII века переиздавались редко. Только в 1899 г. вышло двухтомное собрание его экономических и статистических работ (на русском языке издано в 1940 г.). В 1927 г. были опубликованы неизданные рукописи Петти (Petty Papers). Об их значении как источника для изучения истории Ирландии см. книгу С. И. Архангельского «Аграрное законодательство английской революции 1649—1660 гг.». М., 1940, стр. 146—147.

[2] *К. Маркс.* «К критике политической экономии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 40).

Лично заинтересованный в эффективной эксплуатации ирландской колонии, Петти был автором ряда проектов, направленных на укрепление экономических и политических позиций английских колонизаторов. В «Политической анатомии Ирландии» он всячески пропагандирует идею полного слияния Англии и Ирландии, вернее — поглощения первою последней. Предвосхищая 1801 год, он предлагает провести унию между двумя королевствами, рассчитывая таким путем устранить возможность повторения «мятежа» 1641 года [1]. Ему принадлежал также проект превращения Ирландии в сырьевую скотоводческую базу для английской промышленности и план переселения 1800 тысяч местных жителей Ирландии (почти всего коренного населения!) в Англию, чтобы использовать их труд в английской промышленности и сельском хозяйстве [2].

Подобными колонизаторскими тенденциями проникнуты все большие и малые произведения Петти об Ирландии, что вполне отвечало его стяжательским жизнеустановкам и буржуазной идеологии. Однако в его ирландских трактатах собраны исключительно ценные фактические данные по экономической и социальной истории, которые к тому же прошли обработку первоклассного статистика. «Это действительно рациональная статистика Ирландии»,— отзывается Маркс о «Политической анатомии Ирландии» в замечаниях к своим извлечениям из этой работы [3]. Сведения Петти конкретны, точны, обстоятельны. Об Ирландии он говорит свойственным ему языком «политической арифметики» — языком «чисел, весов и мер». Путем искусного суммирования прямых цифровых данных и анализа косвенных он определяет

[1] См. *В. Петти.* «Экономические и статистические работы». М., 1940, стр. 105—106.

[2] Подробнее о планах Петти см. в книге «Английская буржуазная революция XVII века», т. 1, стр. 438.

[3] *К. Маркс.* Выписки из сочинения Петти «Политическая анатомия Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1691). Следует сказать, что при всех своих колонизаторских тенденциях, Петти был противником расистского третирования ирландцев, фанатического религиозного преследования их и националистических предрассудков, проявлявшихся по отношению к ним многими из его современников. См., например, *В. Петти.* «Экономические и статистические работы», М., 1940, стр. 103, 139.

численность населения Ирландии до и после революции, размеры земельного владения различных групп населения, как ирландцев, так и англичан, колебания рыночных цен. Он дает непревзойденное для того времени статистическое описание торговли, сельского хозяйства и промышленности Ирландии, рассматривая их в динамике, учитывая изменения, происходившие в разные периоды времени. Для выяснения социальных и экономических последствий английской революции, особенно проблемы перемещения земельной собственности, разорения и обнищания ирландского населения в результате колонизаторской политики англичан, сочинения Петти являются неоценимым источником.

Помимо первоисточников Маркс и Энгельс в своих исследованиях по истории Ирландии широко использовали имеющуюся историческую литературу. Энгельс в связи с работой над книгой об Ирландии просмотрел и изучил множество трудов по истории Англии и ее первой колонии. Среди этих трудов многие имеют непосредственное отношение к периоду английской буржуазной революции. Так в библиографическом списке Энгельса отмечены имена трех английских историков конца XVII — середины XVIII века, оставивших сочинения об Ирландии — Ричарда Кокса, Фердинанда Уорнера и Томаса Леланда [1]. Из этих трех авторов Уорнер специально занимался историей событий в Ирландии периода революции, остальные тоже уделили им весьма большое место. Все трое — поборники вигов и апологеты колонизаторской политики последних. Леланд относительно более объективен, чем другие, и этим, возможно, следует объяснить то, что Энгельс в своих материалах ссылается на него довольно часто [2].

Из библиографического списка Энгельса видно, что он не прошел мимо сочинений таких «столпов» буржуазной историографии как Галлам, Макинтош, Фруд,

---

[1] *R. Cox*. «Hibernia Anglicana». London, 1690.— *F. Warner*. «The History of Rebellion and Civil War in Ireland». London, 1767.— *Th. Leland*. «The History of Ireland from the Invasion of Henry II», v. I—III. London, 1773.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 144, 176, 258—260.

Гизо[1]. В его списке значится также вышедшая в 1824—1828 гг. «История английской республики» анархиста Уильяма Годвина — работа, проникнутая мелкобуржуазно-утопическими тенденциями, но в целом написанная с радикально-демократических позиций[2]. С некоторыми работами английских буржуазных авторов Энгельс знакомился не для извлечения каких-либо полезных исторических сведений, а главным образом, с целью собирания материала для критики колонизаторских концепций. Среди работ, на примере которых Маркс и Энгельс выявляли фальсификаторский и шовинистический характер английской буржуазной историографии, не последнее место занимала знаменитая «История Англии со времени вступления на престол Якова II» Томаса Бабингтона Маколея — этого, по словам Маркса, «систематического фальсификатора истории», подделавшего ее «в интересах вигов и буржуазии»[3]. Первый том пятитомного сочинения Маколея посвящен обзору событий, предшествующих «славной революции» 1688 г., которая является главным сюжетом этого историка и которую он пытается всячески возвеличить в противовес подлинной революции 1640—1660 гг., совершенной руками народных масс и имевшей гораздо более глубокие последствия, чем верхушечный государственный переворот 1688 года[4].

Энгельс сделал некоторые характерные извлечения из этого обзора, касающиеся Ирландии, сопроводив их резко критическими замечаниями. В них подчеркивается колонизаторская сущность рассуждений Маколея о причинах и характере ирландского восстания 1641 года. «Маколей,— пишет Энгельс,— изображает ирландское восстание 1641 г., как мятеж, поднятый ирландцами против английских и шотландских поселенцев, ставший возможным вследствие удаления Страффорда и благодаря сме-

[1] Характеристику некоторых из этих работ см. в книге «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II, стр. 220—222.

[2] *W. Godwin.* «History of the Commonwealth of England», vol. 1—4. London, 1824—1828.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 728, 283.

[4] *T. B. Maucaulay.* «The History of England from the accession of James the Second», vol. I. London, 1854.

нившему его слабому правительству» [1]. Таким образом, в изображении Маколея восстание ирландского народа против колонизаторов выглядит как распря между ирландским и англо-шотландским населением «Зеленого острова», а общий смысл его высказываний сводится к совету держать Ирландию в постоянном суровом подчинении. Стараясь умалить размеры того огромного земельного грабежа, который был произведен в Ирландии в период английской буржуазной революции в пользу новой английской земельной знати, Маколей, как отмечает Энгельс, утверждал, что в период реставрации сторонников Кромвеля якобы заставили возвратить третью часть их приобретений в Ирландии. На деле реставрированная монархия Стюартов целиком сохранила у бывших республиканцев их земли, захваченные в Ирландии, и таким образом заключила компромисс с ними за счет интересов коренных ирландцев, которые в годы революции сражались под знаменем Стюартов и были на этом основании лишены своих владений. Путем фальсификации истории Маколей, указывает Энгельс, «оправдывает эту низость реставрации и подтверждение экспроприации народа, экспроприированного под предлогом роялизма» [2].

Выписки Энгельса из работы Маколея свидетельствуют о глубоко критическом подходе основоположников марксизма к книгам буржуазных авторов. В то же время, прекрасно ориентируясь в литературе, Маркс и Энгельс умели выбирать для своей работы лучшие из этих книг, содержащие, при всех неизбежных недостатках в концепциях их авторов, ценный фактический материал.

По истории Ирландии, однако, имелось не очень много работ, отвечающих этому требованию. Энгельс в 1872 г. в письме к Боркгейму отмечал, что познакомиться с историей этой страны по одному какому-либо руководству невозможно, ибо такого доброкачественного руководства не существует [3]. Тем не менее, к некоторым историческим работам, выделявшимся среди других, Маркс и Энгельс отнеслись с бо̀льшим вниманием. К числу их

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Маколея (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2524).

[2] Там же.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 219.

относится, в частности, четырехтомная «История Ирландии» Томаса Мура [1], выдающегося ирландского поэта, автора «Ирландских мелодий» и знаменитой поэмы «Лала Рук». Написанная в 30—40-х годах XIX века, эта работа долгое время вообще была по существу единственным серьезным систематическим изложением истории Ирландии с древних времен. Четвертый, последний, том работы Мура кончается 1646 годом, охватывая, таким образом, ряд важных событий периода английской буржуазной революции.

В книге Мура имеется немало пробелов, наивных истолкований исторических явлений, романтического приукрашивания некоторых событий. Однако в целом четырехтомник Мура послужил Энгельсу весьма ценным подспорьем хотя бы уже в силу того, что это произведение, написанное ирландцем, было свободно от шовинистических тенденций, которыми отличались книги об Ирландии английских буржуазных авторов. По этой книге Энгельс составил детальнейшую «Хронологию Ирландии», доведенную также до 1646 года [2], использовав, однако, для этих целей и ряд других исторических работ. Помимо этого он сделал из книги Мура обширные выписки.

Весьма важное значение для изучения истории колониального покорения Ирландии в период английской буржуазной революции имела и имеет сейчас книга Джона Прендергаста «Кромвелевское устроение Ирландии», вышедшая в 1865 году [3]. Автор ее — ирландский адвокат, занимавшийся также археологией и историей. В 1846 г. Прендергаст, разъезжавший в качестве адвоката при ленстерском суде по провинции и попутно производивший исследования в области генеалогии некоторых ирландских семейств, обнаружил в графстве Типперери обширный материал, касающийся колонистов,

---

[1] См. *Th. Moor.* «The History of Ireland», v. I—IV. Paris, 1835—1846.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 107—156.

[3] *J. Prendergast.* «The Cromwellian Settlement of Ireland». London, 1865. Второе издание вышло в 1870 году. (Некоторые советские историки переводят термин «Settlement» как «землеустройство», см. В. М. Лавровский и М. А. Барг. «Английская буржуазная революция». М., 1958, стр. 348).

которые были поселены здесь еще при Кромвеле. Дальнейшие поиски привели его к открытию новых неизвестных документов. Так, в одной из заброшенных тюремных башен Дублинского замка он нашел книгу распоряжений парламентских комиссаров периода республики XVII века, уполномоченных «урегулировать» ирландские земельные дела, иными словами, произвести конфискацию земель у ирландцев и распределить их между английскими колонистами. Кроме того, Прендергаст сумел воспользоваться рядом частных архивов, в том числе архивом упомянутого выше историка Кэрта, а также привлечь к изучению неопубликованные книги протоколов и распоряжений кромвелевской палаты жалоб, функционировавшей при дублинском казначействе, английские памфлеты того времени и другие материалы. На основании этого Прендергаст и написал свою работу.

Энгельсу с трудом удалось найти эту важную для него книгу. Только в середине января 1870 г. он обнаружил ее в одной из второразрядных манчестерских библиотек. Вскоре за тем ему прислали ее книготорговцы [1]. Затруднения с розыском книги легко объяснимы. Исторические документы, которые собрал и довольно добросовестно переложил автор, раскрывают потрясающую картину земельного грабежа и кровавого насилия, скрывающихся за довольно благопристойно звучащим термином: «Cromwellian Settlement». Сам Прендергаст приходил к выводу, что три крупных насильственных экспроприации ирландских земель — при Кромвеле, при реставрации Стюартов и после «славной революции» (из них первая была наиболее значительной) — являлись актами вопиющей несправедливости. Покорение Кромвелем Ирландии, по его словам, не имеет себе аналогии в истории, за исключением, может быть, завоевания вандалами Испании. «Однако,— тут же добавлял он,— было бы несправедливым по отношению к вандалам сравнивать их с англичанами 1652 г., так как вандалы пришли как чужеземцы и завоеватели в век господства силы и варварства и они не подвергли к тому же покоренный народ изгнанию, хотя и захватили и разделили его земли» [2].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 280, 282.

[2] *J. Prendergast*. «The Cromwellian Settlement of Ireland». London, 1865, Preface, p. XI.

Такое открытое обвинение англичан в вандализме, обоснованное историческими документами, не могло, разумеется, прийтись по вкусу английской буржуазной публике. «Нет ничего удивительного,— писал Энгельс, ознакомившись с работой Прендергаста,— что книгу нельзя достать. Лонгман и К^0 [английские издатели.— *Л. Г.*] должны были страшно злиться, что их заставили поставить свои имена под *такой* книгой»[1]. Автор сочинения снискал репутацию ирландского революционера, хотя он был только либералом.

Исторические взгляды Прендергаста носили печать его политической ограниченности. Энгельс и Маркс (последний также был знаком с книгой Прендергаста) высказали ряд критических замечаний в его адрес, вскрывавших либерально-объективистские тенденции, которые автор нередко допускал при освещении англо-ирландских отношений. Маркс, например, указывал, что Прендергаст «оптимистически рисует англо-норманский период в розовых красках»[2]. Энгельс также отмечал идеализацию им взаимоотношений Англии и Ирландии в отдельные исторические периоды[3]. Главную ценность книги Маркс и Энгельс видели в ее обширной документации. Из книги Прендергаста Энгельс составил особенно подробные выписки, содержащие обширный материал для характеристики ирландской политики английской республики XVII века.

Ценный материал по истории XVII века Маркс и Энгельс обнаружили в монографии Джона Никласа Мэрфи «Ирландия, ее промышленность, политический строй и социальные отношения», хотя основное содержание книги и относится к XIX столетию[4]. Замалчиваемая обычно или, в лучшем случае, рассматриваемая как компиляция буржуазными историками и библиогра-

---

[1] Энгельс — Марксу 25 января 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 282).

[2] Маркс — Энгельсу 17 декабря 1869 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 274).

[3] См. Энгельс — Марксу 25 января 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 282).

[4] *J. N. Murphy.* «Ireland, industrial, political and social». London, 1870.

фами [1] работа Мэрфи была по достоинству оценена лишь Марксом и Энгельсом. Маркс привел во втором издании первого тома «Капитала» ряд почерпнутых из нее данных об ирландских фермах [2]. Энгельс написал на основании главным образом этой книги «Заметки к истории ирландских конфискаций», ярко раскрывающие сущность ирландской политики Тюдоров, Стюартов, Кромвеля и преемственность между колонизаторскими мероприятиями английского абсолютизма и английской буржуазной республики [3]. Он сделал из книги Мэрфи также подробные выписки и снабдил рядом выдержек из нее свои конспекты других книг по Ирландии.

Немало сведений по аграрному вопросу в Ирландии в период революции XVII века Энгельс почерпнул и в упоминавшейся уже книге Джемса Годкина «Борьба за землю в Ирландии». Автор этой работы считал борьбу за землю между завоевателями и завоеванными главной осью всей ирландской истории [4]. Хотя Годкин часто допускает антиисторическое смешение эпох, будучи не в состоянии раскрыть существо колонизаторской политики англичан в разные периоды и классовые корни этой политики, тем не менее Энгельс, как это видно из его выписок, высоко оценил тот большой исторический материал, который автор привел в обосновании своего главного тезиса.

Такова в общих чертах была та документально-фактическая база, на основе которой Маркс и Энгельс строили свои выводы, исследуя ирландский вопрос в эпоху английской буржуазной революции. Критически изучив все доступные в то время исторические источники, применив к анализу исторических событий метод материалистической диалектики, основоположники марксизма, как будет показано ниже, всесторонне исследовали изучаемую проблему.

---

[1] См. отзыв о книге Мэрфи «Saturday Review of Political Literature, Sience and Art», приведенный в «Alibone's Critical Dictionary of English Literature». Supplement, v. II. Philadelphia, 1902.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 716.

[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 249—263.

[4] См. *J. Godkin*. «The Land-War in Ireland». Preface.

* * *

Большой заслугой Маркса и Энгельса является то, что они впервые поставили важнейшие факты ирландской истории XVI и XVII веков, в том числе и события периода английской буржуазной революции, в прямую связь с социальными явлениями, вызванными процессом первоначального накопления. Иными словами, они связали эти факты с генезисом капитализма в Англии, с первоначальным этапом складывания и утверждения капиталистического способа производства в этой стране. Тем самым объяснение крупнейших перемен, которые произошли за эти два столетия в жизни ирландского народа, было поставлено на подлинно научную почву.

А перемены были действительно велики. К началу XVI века Ирландия была еще разделена на две части: английскую колонию в восточной части страны, получившую название «Пейл» («Ограда»), и область коренных ирландцев (Irishry), окружавшую эту колонию с юга, запада и севера. Завоевательные экспедиции англо-нормандских феодалов в 1169—1171 годах не привели к полному покорению острова. «Номинальное завоевание. Им не удалось завладеть даже третью королевства»,— отмечал Маркс[1]. Такое разделение острова на две враждующих между собой части сохранилось до 20—30-х годов XVI века.

В социальном отношении Ирландия также была как бы расколота на две части. Английская колония являлась своеобразным слепком с английского средневекового общества. В ней действовали в более или менее видоизмененной форме английские феодальные порядки: манориальная (поместная) система с ее атрибутом — вилланством (крепостничеством), ленные отношения, различные формы английского феодального держания, средневековое английское право. За пределами «Пейла» процветали архаические отношения, свойственные ранним ступеням развития феодализма: пережитки родового строя, патриархальная власть клановых вождей, древнее

---

[1] *К. Маркс.* Подготовительные материалы к непроизнесенной речи по ирландскому вопросу (26 ноября 1867 г.) (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2116).

брегонское право. Непрерывное столкновение этих двух в известной мере чужеродных друг другу миров не мешало развиваться одновременно процессу ассимиляции, который породил в Ирландии еще и третий, промежуточный элемент, так называемых англо-ирландцев. «Смешение английских рядовых колонистов с ирландцами, англо-норманской знати с ирландскими вождями» — так характеризует этот процесс Маркс[1]. При этом и внутри самого «Пейла» жило много ирландцев, составлявших здесь, по большей части, класс бесправных, обремененных барщиной и оброком крепостных крестьян.

В течение XVI и первой половины XVII века (до начала английской революции) вся Ирландия попадает под власть англичан, при этом уцелевшие на большей части острова кланы сгоняются с земли, местная клановая знать подвергается истреблению, англо-ирландские феодалы — потомки первых завоевателей, породнившихся с клановой верхушкой,— также терпят сильнейший урон; ряд районов острова попадает в руки чужеземных землевладельцев из числа новых пришельцев. Корни этих изменений Маркс и Энгельс видели в изменившихся общественных условиях в самой Англии, в развернувшемся там бурном процессе первоначального накопления, который выдвинул на арену новые классы, охваченные жаждой колониальных захватов, приобщил к колонизаторской деятельности, наряду с разорившимся дворянством, торговую буржуазию и денежных воротил. Ирландия первой испытала на себе всю силу колонизаторских вожделений этих классов. Английская колониальная система — один из главных рычагов первоначального накопления — стала складываться на полях «Зеленого Эрина» еще до того, как развитие английского мореплавания и деятельность английских флибустьеров и торговых компаний втянули в ее орбиту заморские страны, а победа над торговыми соперниками отдала в руки англичан колониальные владения в Америке и на Индийском океане.

Как показали Маркс и Энгельс в своих исследованиях,

---

[1] *К. Маркс.* Набросок доклада по ирландскому вопросу в лондонском Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих (16 декабря 1867 г.) (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 466).

ирландский народ пережил все кровавые испытания, которые нес народным массам процесс первоначального накопления. Но этот процесс не возвысил Ирландию, как Англию, в ранг первой промышленной и торговой нации, не создал предпосылок для развития ее собственной промышленности, не привел даже к образованию в ней буржуазной земельной собственности. Ирландия стала только объектом процесса первоначального накопления, не сделавшись его субъектом. С самого начала этот процесс совершился в Ирландии в форме колониальной экспансии Англии, напоминающей по своему характеру завоевание европейскими колонизаторами Вест-Индии, Индонезии и Африки на заре капиталистического развития. Недаром, говоря о колониальных предприятиях в Ирландии английских «авантюристов» (купцов, ростовщиков), Энгельс замечал, что «они осуществлялись совершенно так же, как те, которые предпринимались в Америке», т. е. путем варварского грабежа и экспроприации местного «туземного» населения [1]. Маркс указывал в своем докладе по ирландскому вопросу, что в Ирландии «завоевательная война» велась, «как против краснокожих индейцев (в ранние времена)» [2]. Конфискация и меч — эти два слова, подчеркивал он, служили символом английской политики в Ирландии [3]. Неудивительно, что в результате всего этого Ирландия не превратилась в промышленную капиталистическую страну, а, наоборот, была низведена до положения аграрных задворок метрополии, с крайне неразвитыми производительными силами и отсталыми, по существу феодальными, формами землевладения. Первая колония Англии в этом отношении полностью разделила судьбу всего колониального мира при капитализме.

Для того чтобы превратить Ирландию в арену колониального грабежа методами первоначального накопления, требовалось прежде всего устранить все пре-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Мура «История Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2515).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 466.

[3] См. *К. Маркс.* Подготовительные материалы к непроизнесенной речи по ирландскому вопросу (26 ноября 1867 г.) (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2116).

пятствия на пути к полному политическому господству над островом. Эту задачу выполнило абсолютистское правительство Тюдоров. Распространением англиканской реформации на Ирландию в 1536 году оно положило начало грабежу ирландских земель под предлогом борьбы против католицизма. С этого времени английские короли — в том числе и королева-католичка Мария — неуклонно проводят в жизнь политику экспроприации местного населения, колонизации острова и подчинения его власти английской короны. Особенно энергично эта политика стала проводиться при Елизавете (1558—1603). «Протестантская реформация и первое полное завоевание Ирландии»,— обозначает Маркс время царствования Тюдоров [1]. В эти годы Ирландию наводняют «протестантские авантюристы», выходцы из среды поднимающейся английской буржуазии, а также, — употребляя принятое в то время обозначение земельных спекулянтов и плантаторов,— «предприниматели из дворян» («gentlemen undertakers»). Из этих слоев формируется класс новых чужеземных лендлордов в Ирландии, проводивших политику экспроприации ирландских кланов — как их феодальной верхушки, так и рядовых общинников — и оттеснивших на задний план англо-ирландскую знать.

Колонизаторы встретили упорное сопротивление ирландского народа. Все время Тюдоров заполнено столкновениями англичан с ирландскими кланами. Особенной силы достигло восстание против англичан под руководством ольстерских клановых вождей Гуга О'Нейля (графа Тирона) и Гуга О'Доннеля (графа Тирконнеля) в 1595—1603 гг., принявшее характер национально-освободительной борьбы против захватчиков. «Ольстер был последней частицей независимой Ирландии,— пишет Маркс.— Война О'Нейля и О'Доннеля против Елизаветы была не просто клановой войной, но настоящей национальной войной Ирландии против Англии» [2].

При новой династии Стюартов на весь покоренный остров была целиком распространена колониальная

---

[1] *К. Маркс.* Подготовительные материалы к наброску непроизнесенной речи по ирландскому вопросу (26 ноября 1867 г.) (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2116).

[2] Там же.

администрация. Наместник Карла I Страффорд подверг страну таким насилиям, судебным репрессиям и финансовым вымогательствам, какие английское абсолютистское правительство при всех его деспотических замашках все же не решалось применять у себя дома. Полным ходом шел процесс экспроприации местного населения и колонизации острова «*Елизавета* колонизовала *Манстер, Яков I* — *Ольстер,* но *Ленстер* и *Коннот* еще не были очищены. *Карл I* попытался очистить *Коннот*»,— отмечает Маркс[1]. Стюарты внесли также нечто новое в методы колониального грабежа, как это показал в своих работах Энгельс. Помимо религиозных и политических предлогов для конфискаций они пустили в ход юридическую казуистику, систему расследований «законных» прав на владения и т. д. Таким путем в Ирландии было значительно приумножено число обездоленных и обезземеленных, ждавших только случая, чтобы подняться против иноземных притеснителей.

Период английской буржуазной революции (с 1640 по 1660 г.) явился следующим крупным этапом в колониальном покорении Ирландии. «Первое национальное восстание в Ирландии, ее вторичное полное завоевание и новая частичная колонизация»,— такое обозначение дает Маркс этому периоду, раскрывая его главное историческое содержание[2]. Энгельс также рассматривает это время как важную веху в процессе превращения Ирландии в колонию буржуазной Англии — процессе, начало которому было положено Тюдорами и который завершился окончательным подчинением «Зеленого острова» англичанами в конце XVII века, после подавления второго крупнейшего восстания ирландцев в 1689—1691 годах. В плане книги Энгельса по истории Ирландии весь период, охватывающий этот процесс, выделен как специальный подраздел под заглавием: «Покорение и экспроприация»[3]. Из этого видно, что Энгельс считал ирландские события периода английской революции зве-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 467.

[2] *К. Маркс.* Подготовительные материалы к непроизнесенной речи по ирландскому вопросу (26 ноября 1867 г.) (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2116).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 719.

ном в той цепи колонизаторских действий, которые привели к закабалению ирландского народа.

3 ноября 1640 г. открылся Долгий парламент; в Англии началась буржуазная революция, а через год, осенью 1641 г. Ирландия уже была охвачена восстанием против английского господства. Английские историки много раз пытались фальсификаторски истолковать характер и причины этого восстания. Чаще всего они изображали его как католическую реакцию на пуританскую политику английской революции, как вспышку католического фанатизма. Английский буржуазный историк Данлоп заявлял, что для восстания вообще не было никаких резонных поводов. «Дать удовлетворительные объяснения причинам мятежа, который вспыхнул 23 октября 1641 г.,— пишет он,— весьма трудно, главным образом вследствие того, что достаточных мотивов для восстания вообще не было» [1]. Не трудно убедиться в откровенно апологетическом характере этого утверждения, назначение которого заключалось в том, чтобы объявить бессмысленным бунтом восстание, вызванное экспроприаторской политикой английских колонизаторов.

Маркс и Энгельс первыми в исторической науке показали, что ирландское восстание было не реакционным мятежом в пользу абсолютизма, как его и по сей день изображают английские историки-шовинисты, а прежде всего ярким проявлением сопротивления ирландского народа колониальной, завоевательной политике Англии. Маркс считал возможным назвать ирландское движение 1641—1652 гг., учитывая всю его сложность и противоречивость, «ирландской революцией 1641 года» [2], подчеркнув тем самым революционно-освободительный характер борьбы ирландцев за независимость в этот период. Как отмечено в выписках Энгельса, восстание ирландцев было вызвано многими причинами. Земельный грабеж, политика сгона ирландских кланов с земли, экспроприация ирландских крестьян самыми варварскими методами,

---

[1] *R. Dunlop.* «Ireland from the Earliest Times, to the Present Day». Oxford, 1922, p. 99.

[2] *К. Маркс.* Подготовительные материалы к непроизнесенной речи по ирландскому вопросу (26 ноября 1867 г.) (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2116).

беспощадная эксплуатация их новыми лендлордами, насильственное насаждение колониальных и полицейских порядков, кровавые репрессии, осуществляемые часто под флагом религиозных преследований, судебный произвол и вымогательства — таковы были главные из них. Вся полуторавековая история хозяйничания английского абсолютизма в ирландской колонии явилась, в сущности, подготовкой почвы для всеобщего восстания, которое должно было вспыхнуть рано или поздно.

Вопрос о характере ирландского восстания 1641 г. Энгельс осветил также в письме к дочери Маркса Женни Лонге от 24 февраля 1881 года. В этом письме Энгельс подверг резкой критике попытки французского мелкобуржуазного публициста и историка Реньяра изобразить — вполне в духе английской либеральной историографии — борющуюся Ирландию середины XVII века «английской Вандеей». Энгельс иронически писал, что при сопоставлении событий английской буржуазной революции XVII века с французской буржуазной революцией конца XVIII века Реньяр упустил из виду «маленькую разницу», а именно, что «французская революция хотела *дать* землю народу, а Английская республика хотела в Ирландии *отнять* землю у народа» [1]. Основную причину ирландского восстания Энгельс видел в колониальном по своему характеру земельном грабеже, который англичане систематически производили в Ирландии. Энгельс приводит слова упомянутого уже ирландского историка Прендергаста о том, что, по мнению англичан, бог совершил ошибку, отдав такую прекрасную страну, как Ирландия, ирландцам, и в течение веков англичане стараются исправить эту ошибку. «Вся аграрная история Ирландии,— писал Энгельс,— это ряд конфискаций ирландских земель с целью передачи их английским колонистам» [2]. Отмечая, что в XVII веке Ирландия «созрела для новой конфискации» и что английская революция дала новый стимул английской буржуазии и обуржуазившемуся дворянству для колонизаторских предприятий на «Зеленом острове», Энгельс подчеркивал прогрессив-

[1] «Средние века», выпуск XIX, М. 1961, стр. 5.
[2] Там же.

ность сопротивления ирландского народа политике колонизаторов и несостоятельность отождествления его с вандейскими мятежниками, являвшимися орудием контрреволюционных сил [1].

Энгельс в своих выписках показывает, что к моменту восстания как в самой Ирландии, так и за ее пределами, скопилось много горючего материала. Ограбленные и частично обезземеленные ирландские кланы по существу не прекращали сопротивления и до 1641 года. Разоренные ирландцы, в том числе и дворяне, бродяжничали по стране. Многие из них эмигрировали за границу и, поступив на иностранную службу, ждали только случая свести счеты с поработителями их родины. Из среды ирландских офицеров-эмигрантов вышли военные руководители восстания. Изгнанные ирландские католические священники, обосновавшиеся в Риме, Мадриде и Париже, составляли «дипломатический корпус» для будущего инсуррекционного правительства [2]. В самой Ирландии даже старые английские колонисты и англо-ирландские лорды были недовольны тем предпочтением, которое оказывалось новым пришельцам, захватившим в свои руки главные колониальные должности. «Старинные английские джентри также оттеснены на задний план», — констатировал Энгельс [3].

Главными участниками борьбы, отмечает Энгельс, были ирландские народные массы, пострадавшие от земельных конфискаций. Организаторы сорвавшегося в октябре 1641 г. заговора в Дублине, послужившего сигналом к восстанию (О'Мур, Мак-Гир, Мак-Магон и другие представители экспроприированной клановой верхушки), опирались — указывает он — «главным образом на ирландцев, подвергшихся изгнанию в результате колонизации» [4]. Вспыхнувшее вслед за тем восстание под

---

[1] «Средние века», выпуск XIX, М. 1961, стр. 5.

[2] См. *Ф. Энгельс.* Выписка из книги Годкина «Борьба за землю в Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2629).

[3] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста «Кромвелевское устроение Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2553, 2598, 2646).

[4] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 146).

руководством Фейлима О'Нейля в Ольстере, которое за одну неделю охватило 6 графств, отличалось такой интенсивностью именно потому, что в Ольстере колонизаторская политика проводилась наиболее энергично и жестоко. Восстание быстро перекинулось на юг и в центральные графства, где, по словам Энгельса, «поднялись все кланы, согнанные Яковом I с земли» [1]. Все это показывает, что восстание явилось стихийным ответом ирландских масс на экспроприацию, что это было прежде всего народное, освободительное восстание.

В дальнейшем ряды восставших расширились. Из-за границы стали прибывать ирландские отряды, дворяне-эмигранты, духовенство. В борьбу стали втягиваться различные общественные слои, в том числе и англо-ирландская знать.

Распространению восстания, как указывал Энгельс, во многом способствовала ирландская политика Долгого парламента. Колониальная администрация в Ирландии оказалась в основном в руках сторонников парламента, который не был склонен что-либо менять в колониальной системе его предшественников. На постах руководителей дублинского правительства оставались Парсонс и Борлес, испытанные колонизаторы школы Якова I и Страффорда. Английские буржуазные политики обнаружили даже еще больший колонизаторский пыл, чем деятели абсолютистского режима. Очень скоро был усвоен взгляд на ирландский земельный фонд как на источник для пополнения парламентской кассы и расплаты с кредиторами. «В феврале {1642 г.},—отмечает Энгельс,—...в Лондоне было основано общество, обратившееся к парламенту с петицией, в которой оно предлагало продать 10 миллионов акров ирландской земли, подлежащей конфискации, и на эти средства вести в Ирландии истребительную войну, причем само оно брало на себя роль посредника» [2]. Впоследствии подобная программа была осуществлена Кромвелем. Буржуазия заимствовала таким образом из арсенала английского абсолютизма способ превращения земельного грабежа в статью государ-

[1] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 148).

[2] Там же, стр. 147.

ственного бюджета. Уже на этом примере Энгельс отчетливо показал преемственность в колониальной политике старого и нового режима, не говоря уже о сходстве в практических методах его проведения. Эту преемственность постоянно подчеркивал и Маркс.

Уже на первой стадии колониальные вожделения английского «нового дворянства» и буржуазии в отношении Ирландии проявлялись в весьма кровожадных формах. Энгельс отмечает, что еще до начала восстания «в английском парламенте раздавались прямые угрозы истребления всех католиков» [1]. Парсонс, предвосхищая свирепые речи Кромвеля об уничтожении ирландских амалекитян, публично заявлял, что «через год в Ирландии не должно остаться ни одного католика» [2]. Характеризуя позицию парламентской партии в Ирландии и подчеркивая ее сходство с последующей политикой Кромвеля, Энгельс писал: «Верховные судьи, как и вообще господствовавшая в то время в Ирландии партия, действовали по плану, состоявшему в том, чтобы истребить всех ирландских и англо-ирландских католиков и поселить вместо них английских и шотландских протестантов. См. позднее план Кромвеля» [3]. Когда восстание началось, представители парламентского лагеря отнеслись к нему как к весьма удобному поводу для удовлетворения своей «жажды конфискации [Konfiskationslust.— *Л. Г.*]» [4]. «Им восстание было даже на руку,— писал Энгельс,— они желали подчинить страну не иначе, как в результате жестокой борьбы, сопровождающейся *земельными конфискациями*» [5]. Английские правители пустили в ход систему провокаций, рассчитанную на то, чтобы в «мятеже» оказалось прямо и косвенно замешано как можно больше лиц ирландского и англо-ирландского происхождения, на владения которых вследствие этого можно было бы

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 163).

[2] Там же.

[3] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 147).

[4] Это выражение Энгельс употребляет в выписках из книги Годкина (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2629).

[5] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 148).

наложить руку. Борлес, Парсонс и другие действовали под девизом: «Чем больше мятежников, тем больше конфискаций» [1].

Против повстанцев в то же время была начата истребительная война. Приписываемые ирландцам англичанами акты жестокости, если бы даже они и были совершены, блекнут по сравнению со зверствами усмирителей, засвидетельствованными их собственными приказами и признаниями. Так, например, приводимая Энгельсом из документов Кэрта инструкция верховных судей начальнику карательных сил предписывала ему: «наносить вред, убивать, сдирать кожу и уничтожать всеми средствами и способами, какие только он сможет применить, всех упомянутых мятежников, их приверженцев и пособников, сжигать, разорять, опустошать, разрушать, срывать и уничтожать все селения, города и дома, в которых находятся или находились эти мятежники и где они получали помощь и приют, а также все хлебные поля и луга в этих местностях, *убивая и истребляя всех живущих там людей, способных носить оружие*» [2]. Что это предписание не осталось мертвой буквой, показывают, например, действия губернатора Дублина Чарлза Кута, который, по словам Энгельса, рыскал по Пейлу и «только и делал, что убивал, поджигал, разрушал в соответствии с данными ему инструкциями» [3]. В Манстере подобным образом действовал сэр Артур Сентледжер.

В результате провокаций и свирепых репрессий к восстанию примкнули — впервые в истории Ирландии — англо-ирландские лорды и джентри Пейла, чьи классовые симпатии, однако, были далеко не на стороне восставших. Их побудило к этому само же дублинское правительство, которое своими мерами (секвестр на поместья, осадное положение, судебные преследования и казни «подозрительных» и т. д.), по словам Энгельса, прямо-таки загоняло их в ряды повстанцев [4].

[1] *Ф. Энгельс.* «Заметки к истории ирландских конфискаций» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 258).

[2] Там же.

[3] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 149).

[4] См. *Ф. Энгельс.* «Выписки из истории Ирландии XVII и XVIII вв.» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 164).

Однако с присоединением англо-ирландской знати ирландский национальный лагерь много проиграл в смысле единства и сплоченности. К движению присоединился элемент, который вносил в него разложение и толкал его на путь компромисса. Крупнейшей заслугой Энгельса как историка Ирландии является то, что он разобрался в сложном составе этого движения и в том клубке классовых противоречий, которые его раздирали.

В Ирландии, указывал он, в результате неоднородности ирландского движения и раскола самих колонизаторов на сторонников парламента и роялистов создалось «на редкость запутанное положение»[1]. Среди борющихся сил Энгельс различает четыре следующие основные группировки: 1) ирландские католики, или — как Энгельс называл их в другом месте — старокатолическая партия, 2) англо-ирландцы, 3) партия короля (кавалеры), 4) пуритане (круглоголовые, сторонники парламента). Первые две группировки составили основную массу ирландских конфедератов, когда движение приобрело более четкие организационные формы и в октябре 1642 г. в Килкенни было созвано Генеральное собрание ирландской Конфедерации, а также был сформирован Верховный совет, выполнявший функции инсуррекционного правительства. Обе эти группировки соперничали друг с другом, боролись за влияние в Конфедерации и составляли как бы два различных крыла в движении. Они преследовали различные цели и расходились в отношении способов их достижения. В основе их разногласий, как показывал Энгельс, лежали классовые, а отчасти и национальные противоречия между массой ирландских крестьян и экспроприированным ирландским дворянством, с одной стороны, и англо-ирландской католической знатью, с другой.

Социальной опорой ирландской национальной партии,— если ее так можно назвать, учитывая, что ирландская нация в собственном смысле слова тогда еще только начинала складываться,— были, таким образом, крестьяне, в значительной мере подвергнутые экспроприации, а также лишенная своих земель клановая верхушка,

[1] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 155).

т. е. ирландское экспроприированное дворянство. К ней примыкало также репрессированное католическое духовенство. Влиянием последнего объясняется то, что эта партия, по словам Энгельса, «прежде всего стремилась восстановить католическую религию во всем ее блеске» [1]. Следует сказать при этом, что поскольку почти все колонизаторские меры англичан проводились в Ирландии под флагом защиты англиканства и очень часто осуществлялись в форме религиозных гонений, движение сопротивления неизбежно должно было также облечься в форму защиты старой религии — католицизма. Маркс и Энгельс постоянно указывали, что только кровавые религиозные преследования и использование церковной политики как средства колониального разбоя создали такие прочные позиции католицизму в Ирландии и обусловили приверженность к нему ирландских масс. Однако основным требованием ирландской партии, отвечавшим интересам большинства поддерживавших ее элементов, было возвращение отобранных земель и изгнание иноземных захватчиков. Энгельс подчеркивал, что она добивалась «национальной независимости и возвращения своих прежних владений» [2].

Коренные ирландцы стояли за более решительные методы борьбы, были противниками перемирий и переговоров с представителями короля, добивались, вопреки стремлениям англо-ирландцев, полного разрыва с английскими роялистами. «Отстаивать дело Ирландии с оружием в руках в борьбе как с королем, так и с английским парламентом»,— так характеризует Энгельс линию, которой они старались придерживаться [3]. На примере разногласий между обеими партиями по вопросу об отношении к английским роялистам Энгельс особенно четко показывает разницу в их исходных социальных позициях. Англо-ирландцы, указывал он, вели переговоры с королем в расчете на то, что он подтвердит и гарантирует их

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 152).

[2] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 166).

[3] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 152).

владельческие права, в то время как отстаивавшиеся ими соглашения «были совершенно бесполезны для коренных ирландцев, *так как последние были уже полностью* экспроприированы»[1].

В противоположность коренным ирландцам партия англо-ирландцев рекрутировалась из ирландизированных потомков английских завоевателей, частично сохранивших еще в своих руках свои земли. Их целью было закрепить эти земли за собой и добиться некоторых политических и религиозных уступок. Они и не думали о независимости страны, рассчитывая осуществить свои требования путем сделки с королем. Энгельс указывал, что «ненависть к ирландцам и трусость имущих классов» заставили эти слои долгое время колебаться, прежде чем примкнуть к восстанию[2]. Присоединившись к нему, они, отмечает Энгельс, повели себя изменнически по отношению к своим союзникам. Они сговаривались с английскими роялистами за спиной ирландцев и за счет их интересов, которые постоянно приносились в жертву. «Другими словами,— писал Энгельс,— ирландцы должны были *драться,* англо-ирландцы же могли заключать договоры и *предавать ирландцев*»[3]. Характерно, что во всех заключенных между Конфедерацией и роялистами соглашениях (в 1643 г. перемирие с королевским эмиссаром Ормондом, в 1646 г. мирный договор сначала с другим агентом Карла I Глеморганом, потом с Ормондом) отсутствовало такое решающее для коренных ирландцев условие, как возвращение конфискованных прежде владений. Этими сделками с кавалерами англо-ирландская знать подрывала единство Конфедерации и одновременно отдавала ее материальные средства в распоряжение английской контрреволюционной партии. «Ее денежные и продовольственные ресурсы,— писал Энгельс,— вместо того, чтобы поступить в распоряжение конфедератов, достались правительственной армии»[4]. Англо-ирландские

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 164)

[2] Там же, стр. 166.

[3] Там же, стр. 169.

[4] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 168). Речь идет о королевской армии в Ирландии

лорды и джентри, в силу классовых симпатий, подчинили ирландское национальное движение интересам той из враждующих в Англии сторон, чье дело было обречено.

Энгельс рассматривал как большое несчастье для ирландского движения то обстоятельство, что все главные органы Конфедерации находились в руках англо-ирландцев. Они заключили предательское перемирие с Ормондом в момент, когда дела конфедератов шли блестяще и, как отмечал Энгельс, «несколькими ударами можно было бы закончить войну»[1]. Только осенью 1646 г. состав Верховного совета был изменен и в нем приобрели некоторое влияние представители коренных ирландцев. Но затем опять возобладали англо-ирландские элементы, продолжавшие конспирировать с английскими роялистами, хотя к тому времени те уже были разгромлены в Англии. «Раздоры между умеренными англо-ирландцами и более радикальными ирландцами продолжались и дела пошли плохо»[2].

Обострение внутренней борьбы, разложение и разброд в рядах ирландской Конфедерации обеспечили англичанам к моменту высадки Кромвеля 15 августа 1649 г. значительный перевес сил. В 1650 г. исход кампании был уже решен. Однако для того, чтобы полностью покончить с повстанческой армией, которая, согласно записи Энгельса, окончательно распалась на «мелкие отряды, расположенные в лесах, болотах и горах, откуда их не легко было выбить»[3],— понадобилось еще два года напряженных военных действий и 30 000 солдат. Только в 1652 г. англичанам удалось, опустошая местность и лишая ирландцев провианта, окончательно подавить ирландское восстание.

Главную ответственность за такой исход борьбы Маркс и Энгельс возлагали на англо-ирландскую знать. Однако существенную роль, как отмечал Энгельс, сыграли и ошибки самой национальной партии, неодно-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 167).

[2] Там же, стр. 170.

[3] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста «Кромвелевское устроение Ирландии» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2553, 2598).

родность ее состава, отсталость и несознательность крестьянской массы — ее главной опоры, неспособность ее выделить собственных вождей, более стойких и последовательных, чем верховодившие этой партией дворяне-эмигранты и католические священники. Ирландские круги, как показывает Энгельс, часто плелись в хвосте у англо-ирландских лордов и не умели ни разоблачать их предательские происки, ни противодействовать им. «Ирландцы знали, что их предали,— пишет Энгельс по поводу перемирия, заключенного Ормондом и Конфедерацией в 1643 г.,— но все же соблюдали условия договора» [1]. Вскрывая слабые стороны ирландского национального движения того времени, Маркс указывал, что руководителями «во время восстания против Кромвеля» были «англо-ирландские клановые вожди и попы» [2].

На примере ирландских событий 1641—1652 гг. Энгельс показал, какой вред национальному движению наносят реакционные внешние силы, используя его в своих целях. Прямой ущерб делу ирландцев, как отмечает Энгельс, причинили интриги Рима и реакционных католических держав, в которые давало себя вовлечь даже наиболее радикальное крыло ирландского движения. Папские агенты Скарампи, Ринуччини и др. пытались подчинить это движение своему влиянию, разжечь католический фанатизм, превратить Ирландию в один из центров борьбы международных контрреволюционных сил тогдашней Европы против буржуазной пуританской Англии. Эта подозрительная возня вокруг ирландской Конфедерации международных реакционных элементов создавала неправильное представление о характере происходивших в Ирландии событий и оправдывала даже в глазах демократических слоев Англии, не заинтересованных в колониальном грабеже, военные и полицейские мероприятия Кромвеля.

Энгельс подчеркивает, что с ирландскими конфедератами вели в высшей степени двусмысленную игру английские роялисты. Они стремились использовать ирландское движение и в то же время не отказывались от традицион-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 168).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 465.

ных колонизаторских покушений на ирландские земли, не считая зазорным по отношению к «ирландским дикарям» любое вероломство и обман. Сам коронованный глава роялистов подавал в этом пример своим сторонникам. Заключая то или иное соглашение с ирландцами, Карл I, по словам Энгельса, «никогда и не помышлял ратифицировать этот договор»[1]. Его уполномоченный и главнокомандующий в Ирландии Ормонд «вел в Килкенни переговоры с конфедератами с целью выудить у них деньги для короля и, при случае, надуть их во время утверждения пунктов договора»[2]. Энгельс сравнивает этого запутавшегося в собственных кознях монарха с Фридрихом-Вильгельмом IV прусским, приводя мнение о нем английского историка Галлама, считавшего, что он поступал более вероломно по отношению к своим ирландским «союзникам», чем по отношению к своим протестантским врагам[3].

Заправилы роялистской партии, в частности Ормонд, обнаружили такую же тягу к наживе за счет грабежа ирландских земель, как и впоследствии главари парламентской армии. В этом, как отмечает Энгельс, уже тогда наметилась точка соприкосновения между кавалерами и круглоголовыми, известная общность их стремлений по отношению к Ирландии — одна из основ будущего компромисса 1660 г., приведшего к падению английской республики.

Своими исследованиями Маркс и Энгельс пролили свет на подлинную сущность ирландской политики пришедших в результате революции к власти новых классов и их представителей: лидеров Долгого парламента и позднее руководителей индепендентской республики. Политика парламентского правительства по отношению к Ирландии, как показывает Энгельс, не претерпела существенных изменений после оттеснения пресвитериан и перехода власти в руки вождей армии. Индепенденты во главе с Кромвелем, наоборот, оказались, как отмечали Маркс и Энгельс, наиболее последовательными вырази-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Хронология Ирландии» («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 155).

[2] Там же, стр. 153.

[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 155, 167.

телями колониальных вожделений английской буржуазии и «нового дворянства». Они с готовностью взялись за дело усмирения ирландского восстания колонизаторскими методами, заимствованными у абсолютной монархии,— показатель ограниченности буржуазной революции и эксплуататорской природы тех классов, которых она поставила у власти.

Английские буржуазные историки в той или другой форме старались обелить ирландскую политику Кромвеля. Откровенный апологет колонизаторов Данлоп изображал его свирепые колонизаторские меры чуть ли ни как акт возмездия ирландцам за «всю невинную кровь, пролитую с момента вспышки мятежа» [1]. Известный историк английской буржуазной революции Гардинер оправдывал эти меры тем, что Кромвель в силу национальных и религиозных традиций не мог якобы относиться к ирландцам иначе, как к врагам. При этом он затушевывал классовые корни этой «традиционной вражды» к ирландцам, идущей от английской колонизаторской и эксплуататорской верхушки, и выдавал ее за общенациональное чувство, присущее якобы всему английскому народу [2]. В таком же духе рисовал ирландскую политику Кромвеля ученик и продолжатель Гардинера Ферс, заявлявший даже, что эта политика содержала много «мудрого и оригинального» [3].

Кромвель совершил колониальный грабеж Ирландии под флагом борьбы с мятежными ирландскими и англий-

[1] См. *R. Dunlop*. «Ireland from the Earliest Times». Oxford, 1922, p. 115. Широко пущенная в ход английской буржуазной историографией клеветническая версия о жестокости ирландских повстанцев неоднократно разоблачалась Энгельсом. Вот, например, что писал он по поводу подобных, идущих еще от английских колонизаторов XVII века, измышлений в упомянутом выше письме к Женни Лонге от 24 февраля 1881 года: «Ирландские католики оказываются здесь в таком же положении, как Парижская Коммуна. Версальцы истребили 30 000 коммунаров и объявили это ужасами Коммуны. Английские протестанты при Кромвеле истребили по меньшей мере 30 000 ирландцев и, чтобы замаскировать свои зверства, *создали* легенду, будто это было сделано для того, чтобы отомстить за убийство 30 000 протестантов ирландскими католиками». («Средние века», выпуск XIX, М. 1961, стр. 4).

[2] См. *S. Gardiner*. «History of the Commonwealth and Protectorate», v. IV. London, 1916, p. 79.

[3] *Ch. Firth*. «Oliver Cromwell». London, 1900, p. 275.

скими роялистами, из которых первые к тому же изображались религиозными противниками — «папистами». Маркс и Энгельс совершенно отчетливо показали, что его экспедиция в Ирландию носила совсем иной характер, чем подавление контрреволюционного мятежа. Энгельс указывал, что она с самого начала была задумана как колониальное предприятие, направленное против всего ирландского народа, а не против горстки кавалеров, к этому времени уже разгромленных в Англии. В этой экспедиции в первую очередь видели способ рассчитаться с кредиторами — «авантюристами»,— которые еще семь лет назад внесли в парламентскую кассу изрядные суммы под обеспечение ирландскими землями. На эти средства еще тогда была навербована карательная армия против ирландских повстанцев, но вспыхнувшая в самой Англии гражданская война помешала послать ее в Ирландию [1]. С этого времени правительство вынуждено было ограничиваться только символическим увеличением обещанного земельного возмещения своим кредиторам. Однако Кромвель поставил реализацию этого плана на практическую почву, надеясь также расплатиться ирландскими землями с солдатами и офицерами парламентской армии. Таким образом, в его экспедиции оказались заинтересованы в первую очередь собственнические элементы Англии, побуждаемые жаждой наживы, ждавшие прибыли, в виде ирландской добычи, на вложенный капитал. Главной целью Кромвеля было восстановление пошатнувшегося колониального господства Англии в Ирландии и осуществление нового колониального ограбления этой страны в интересах буржуазии и «нового дворянства».

Среди мотивов экспедиции не последнюю роль играло стремление индепендентской верхушки втянуть демократические, левеллерские элементы армии в колониальные авантюры, увлечь их перспективой земельного обогащения, ослабив тем самым демократический лагерь в самой Англии.

Маркс и Энгельс отчетливо показали, что методы, примененные Кромвелем для покорения Ирландии, вполне

---

[1] См. цитированное выше письмо Энгельса Женни Лонге, 24 февраля 1881 г. («Средние века», выпуск XIX, М. 1961, стр. 5).

соответствовали колонизаторским целям и характеру его политики. Война в Ирландии, подчеркивал Энгельс, велась Кромвелем так же, как наместниками Елизаветы и Якова, «но с еще большей жестокостью, так как сопротивление было упорнее» [1]. Превращение целых местностей в пустыню, истребление без разбора «виновных» и невинных, кровавым символом которого явилась резня, учиненная Кромвелем в ирландских городах Дрогеде и Уэксфорде, массовая продажа пленных в рабство и ссылка их на Барбадос, Ямайку и в Виргинию и т. д.— все это вместе с потерями в повстанческой войне, эпидемиями и эмиграцией привело к сокращению коренного ирландского населения, по подсчетам Петти, приводимым Энгельсом, на 504 000 человек [2]. Маркс, указывая, что Кромвель осуществил вторичное полное завоевание Ирландии (первое было делом рук Тюдоров), дает следующую характеристику тем способам, с помощью которых это было достигнуто: «Кромвель и его зять Айртон. Кровопролития (в Ирландии), поголовное изгнание населения целых графств, переселение их жителей в другие местности, продажа множества ирландцев в рабство на вест-индские острова» [3]. Энгельс называл время кромвелевских репрессалий «самым мрачным периодом во всей истории Ирландии» [4].

Уцелевшие от меча ирландцы были подвергнуты Кромвелем таким полицейским гонениям, каких еще не знал многострадальный «Зеленый остров». Страффорд не разрешал ирландцам выезжать за границу. Кромвель отнял у них право передвижения по самой Ирландии. В Конноте было создано, как отмечает Энгельс, своего рода ирландское гетто, которое запрещалось покидать под страхом смерти. Католическая религия фанатически преследовалась. Простая встреча на дороге с католическим священником могла стоить конфискации имущества.

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2553, 2598).

[2] *Ф. Энгельс.* «Заметки к истории ирландских конфискаций». («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 258—259).

[3] *К. Маркс.* Подготовительные материалы к наброску непроизнесенной речи по ирландскому вопросу (26 ноября 1867 г.) (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2116).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 494.

За непочтительный отзыв о лорде-протекторе грозило обвинение в государственной измене.

Главным делом Кромвеля и его сторонников было, как указывали Маркс и Энгельс, грандиозное обезземеливание ирландского населения, превосходившее все, что предпринималось в Ирландии раньше. Основоположники марксизма рассматривали эту насильственную экспроприацию как один из самых наглядных примеров колониального грабежа. Конфискация владений участников ирландского восстания, как и всех, кто имел к нему хотя бы косвенное отношение, которая началась уже сразу после высадки армии Кромвеля, была санкционирована знаменитыми кромвелевскими актами «об устроении Ирландии» 12 августа 1652 г. и 26 сентября 1653 года [1]. Провозглашение в них принципа зависимости размеров конфискуемой земли от степени виновности,— причем только две из восьми категорий виновных отделывались частичной конфискацией и переселением в Коннот, а остальные 6 категорий подвергались казни или изгнанию,— означало на практике, как подчеркивал Энгельс, возрождение казуистических адвокатских приемов первых Стюартов. Критерий «виновности» был чрезвычайно неопределенным, и это создавало почву для любых злоупотреблений. Достаточно было, например, доказать, что то или иное лицо ирландского происхождения ничем не подтвердило «своего сочувствия парламенту и враждебного отношения к королю», чтобы причислить его к 8-й категории виновных, терявших треть своих земель (7-я категория теряла две трети) [2].

Частично амнистированные ирландцы и англо-ирландцы должны были переселиться на запад, в Коннот и Клер, где им предполагалось выделить участки, равные той доле, которую за ними сохранили. Однако об эквивалентном возмещении в пустынном Конноте практи-

---

[1] Первый из этих актов касался в основном лишения владельческих прав участников восстания, второй («Акт об удовлетворении») — наделения за счет конфискованных земель кредиторов парламента, офицеров и солдат парламентской армии.

[2] См. *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста. Это место приводится в виде выдержки в «Архиве Маркса и Энгельса», т X, стр. 259—260.

чески не могло быть и речи. Кроме того, английские власти резервировали здесь лучшие участки для своих целей, а ирландцам отводили наделы, «только убедившись, *что эти земли ничего не стоят*»[1]. При наделении постоянно имели место, как показывает Энгельс на основании документов Прендергаста, обмеры, жульническое присвоение земли членами комиссий и «авантюристами», скупка за бесценок участков ирландцев и т. д. Само переселение осуществлялось как грубая военно-полицейская мера. Сроки давались крайне ограниченные, неподчинение приказу о выезде грозило смертью. В разоренной войной, лишенной жилищ провинции переселившихся ждали суровые лишения. Это переселение, по-видимому, и породило ирландскую пословицу: «Убирайся в преисподнюю или в Коннот!»[2].

Проведение в жизнь актов «об устроении» превратило Ирландию в арену грандиозной земельной спекуляции. Многие земельные захваты были вообще произведены явочным порядком, как отмечает Энгельс, «без всяких правовых оснований»[3]. Среди самих колонизаторов началась борьба за распределение добычи. Наибольшую жажду обогащения проявили буржуа-«авантюристы» и высшие армейские чины. «Офицеры,— указывает Энгельс,— жадно стремились приобрести ирландские земли взамен недополученного жалованья; иное положение среди солдат: им не приходилось претендовать на многое. Но прежде всего явились авантюристы»[4]. Как «авантюристы», так и офицеры наживались также и за счет английских солдат. Энгельс приводит в своих выписках большое количество примеров надувательства офицерами солдат при выделении им их участков, а также хищнических сделок, в результате которых «солдатские обязательства» переходили в руки предприимчивых старших чинов, вроде покупки капитаном Балетом

[1] См. *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста. Это место приводится в виде выдержки в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, стр. 259—260.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 494.

[3] *Ф. Энгельс.* «Заметки к истории ирландских конфискаций». («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 262).

[4] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2553, 2598).

земель целой роты за бочку пива. «Солдатская колонизация» была осуществлена на практике далеко не в тех размерах, как предполагалось[1]. Большинство земель досталось буржуазно-ростовщическим элементам из офицерского состава армии, а также штатским дельцам и ростовщикам. Из солдат-колонистов в условиях колониального режима и полуфеодального аграрного строя не образовался класс капиталистических фермеров. Большинство их вскоре опустилось в ряды ирландских нищих арендаторов и ассимилировалось с последними. Прендергаст, ссылаясь на очевидцев, утверждал, что «многие дети солдат Оливера не знали ни одного слова по-английски»[2]. Говоря об итогах поселенческих мероприятий Кромвеля, Энгельс прямо указывал, что «план демократической колонизации провалился и была создана новая аристократия»[3].

Выписки Энгельса дают представление о характере нового пополнения класса крупных землевладельцев в Ирландии. К нему принадлежали генералы и старшие офицеры кромвелевской армии Айртон, Кут, Садлер, Ормсби и др., не говоря уже о семействе самого Кромвеля, которое приобрело обширные имения. «Итак, и ты, Оливер!» — бросает по этому поводу ироническую реплику Энгельс[4]. Сюда относятся также «джентльмены» из лейб-гвардии протектора, офицеры и даже унтер-офицеры привилегированных частей, например, артиллерии, большая группа военных и гражданских чиновников, вроде армейского хирурга Петти, и прежде всего алчные спекулянты — «авантюристы». Многие из них не были даже кредиторами правительства. Ирландские земли достались им почти даром — были «попросту дарованы», как

---

[1] Цифра 2 385 915 английских акров, которую приводит Мерфи в качестве размера владений солдат, удержанных ими после реставрации (см. эту таблицу в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, стр. 261), по-видимому, включает и владения офицеров кромвелевской армии, так как он этой категории вообще не упоминает в своей таблице. Очевидно, не имея данных о соотношении солдатских и офицерских владений, он включил их в одну графу, не сделав при этом необходимой оговорки.

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2553, 2598).

[3] Там же.

[4] Там же.

писал Энгельс[1]. Эти буржуазные стяжательские элементы вскоре стали заправскими помещиками, из их среды возникли новые аристократические семьи.

Энгельс показывает, что кромвелевские землевладельцы не изменили методов эксплуатации, применяемых тюдоровскими и стюартовскими колонистами. При них были закреплены сложившиеся еще ранее классовые и национальные отношения в ирландской деревне. Часть ирландских крестьян — так же как и в предыдущий период — была превращена в кабальных арендаторов. «Офицеры,— констатирует Энгельс,— тут же стали помещать ирландцев в качестве держателей, так как других у них не было»[2]. При переселении ирландцев в Коннот, правительство, учитывая эти хозяйственные потребности новых помещиков, разрешило последним оставлять столько крестьян, «сколько необходимо было оставить для работы на нового лорда»[3].

Колониальный режим, полуфеодальная аренда, хозяйственная отсталость и узость внутреннего рынка — все это препятствовало и при Кромвеле, как и при Тюдорах и Стюартах, созданию в Ирландии условий для развития капитализма.

Из прежних английских крупных землевладельцев-колонистов лишь часть понесла временный ущерб в итоге кромвелевских мероприятий, а именно та, которая примкнула к королю. В целом прежние английские помещики в Ирландии сравнительно мало пострадали. Многие из них принадлежали с самого начала к парламентскому лагерю; даже признанные виновными (по 8-й категории) англичане, согласно акту «об устроении», теряли только пятую часть своих земель и, главное, в отличие от ирландцев, не подлежали переселению в Коннот. Кроме того, те из них, которые понесли ущерб, были, как правило, с избытком компенсированы в период реставрации за счет того же фонда конфискованных ирландских земель. Энгельс отчетливо показал, что режим реставрации закрепил основы английского колониального

---

[1] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Прендергаста. (ЦПА ИМЛ, ф. 1. оп. 1, ед. хр. 2553, 2598).

[2] Там же.

[3] Там же.

господства в Ирландии, заложенные Тюдорами и Кромвелем, и по существу санкционировал и дополнил произведенный последним земельный грабеж. Анализ ирландской политики Стюартов после реставрации, произведенный Энгельсом, вносит важный вклад в раскрытие сущности того компромисса между кромвелевскими землевладельцами и вернувшимися из эмиграции аристократами, которому режим реставрации обязан самим своим происхождением. Этот анализ говорит о том, что этот компромисс в значительной мере был заключен на почве колониального ограбления Ирландии. Одним из его негласных и строго соблюдавшихся условий было сохранение за нажившимися в годы революции стяжательскими элементами из буржуа и обуржуазившихся дворян их ирландских владений и вознаграждение уцелевших представителей старой феодальной знати ирландскими землями за потерянные как в Ирландии, так и в Англии имения.

Выписки Энгельса наглядно показывают, что этот компромисс осуществлялся в первую очередь за счет ирландского народа. Новое королевское правительство прежде всего поспешило заверить республиканских помещиков, бывших «цареубийц», в неприкосновенности их владений. «30 ноября [1660 г.— *Л. Г.*] — отмечает Энгельс — выпущена декларация «об устроении Ирландии», которая по существу подтверждала кромвелевское распределение земель и устанавливала для ирландцев такое толкование понятия невиновности, что почти для всех из них была исключена возможность возвращения собственности» [1]. В то же время английские роялисты, как показывает Энгельс, были щедро вознаграждены. Ормонд, например, помимо прежних владений, получил еще 130 000 акров. Крупные подачки достались бывшим республиканским генералам, способствовавшим реставрации, а также фаворитам нового правительства, например, любовнице Карла II герцогине Кливленд и, как выражается Энгельс, «прочей придворной дряни» [2].

Обойденными оставались даже те бывшие ирландские землевладельцы, которые сражались за короля. Правда,

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.». («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 176).

[2] Там же, стр. 184.

в новом акте «об устроении Ирландии», принятом парламентом Карла II в 1662 г., было объявлено о возвращении земель «невиновным папистам», но этот акт имел такое количество оговорок и предоставлял столько льгот в пользу захвативших ирландские земли протестантских землевладельцев, что практически делал почти неосуществимым пересмотр владельческих прав. Права на компенсацию лишался всякий «невиновный папист», если он не мог доказать, что в течение всего периода гражданских войн был активным сторонником короля. Системе казуистических придирок, примененной Кромвелем, был дан обратный ход. Если раньше лишали земли за отсутствие доказательств полной благонадежности по отношению к парламенту, то теперь в праве на землю было отказано тем, кто не мог подтвердить своего стопроцентного роялизма. Бывшие ирландские владельцы, по словам Энгельса, по существу «попали из огня да в полымя» [1].

Сама процедура разбора прошений о возврате земель, как указывал Энгельс, оставляла для ирландцев мало надежд. Комиссия по разбору жалоб успела разобрать только 800 жалоб из 4000 и была досрочно распущена. Исполнение ее решений возлагалось на наместника, и многие из них, вследствие этого, как отмечает Энгельс, «оставались только на бумаге» [2]. Работа этой комиссии, тем не менее, возбудила страсти в среде колонизаторов. Уступая английским землевладельцам, правительство в 1665 г. издало в дополнение к акту «об устроении» новый «объяснительный акт», аннулировавший все оставшиеся неразобранными жалобы; этот закон был прозван ирландцами «черным актом».

Таким образом, реставрированное правительство окончательно закрыло все пути для хотя бы частичного восстановления прав экспроприированных ирландских владельцев. Результаты произведенных в период республики конфискаций были в основном закреплены монархией Карла II. Если до 1641 г. до двух третей возделываемых земель еще принадлежало ирландцам и англо-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.». («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 179).

[2] Там же, стр. 180.

ирландцам, то к 1675 г. в руках англичан из 12,2 миллиона английских акров оказалось 8 460 037, т. е. более двух третей всей земельной площади. За время республики и реставрации к английским колонизаторам перешло не менее 4 560 037 акров [1]. Свыше 1 200 000 акров было дополнительно отобрано у ирландцев в конце XVII века в результате подавления ирландского восстания 1689—1691 годов [2]. Не был смягчен при реставрации и суровый полицейско-колониальный режим, установленный в Ирландии Кромвелем.

Итак, дальнейшее историческое развитие, как показал Энгельс, укрепило положение и расширило состав того класса английских помещиков в Ирландии, формирование которого происходило за счет прямого грабежа и экспроприации ирландского крестьянства и отчасти ирландских дворян. Заложенные еще при Тюдорах материальные основы английского лендлордизма были в период английской революции и последующие периоды значительно расширены. Монополия класса лендлордов на ирландские земли была укреплена и сам он получил существенное пополнение. В Ирландии окончательно сложилось привилегированное землевладение полуфеодального, а не буржуазного типа, покоящееся на эксплуатации, употребляя выражение В. И. Ленина, «посредством бесконечно разнообразных форм закабаления мелких землевладельцев» [3].

Буржуазная республика XVII века выполнила роль акушерки рождавшегося в Ирландии помещичьего землевладения! Для Маркса и Энгельса это не было парадоксом. Еще в 50-е годы Маркс отмечал половинчатый характер и известный консерватизм английской буржуазной революции, наличие в тогдашней Англии длительного

[1] Эти данные почерпнуты Энгельсом из таблицы Мэрфи. Они согласуются с приводимыми тут же данными Петти, который ведет исчисление в ирландских акрах (ирландский акр = 1,62 английского акра). См. *Ф. Энгельс.* «Заметки к истории ирландских конфискаций». («Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 262). Помимо 8 460 037 акров в руках англичан находилась еще значительная часть из 824 391 акра спорных земель, «официально не признававшихся собственностью».

[2] Там же, стр. 263.

[3] *В. И. Ленин.* «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» (Соч., 4 изд., т. 13, стр. 387).

союза между буржуазией и значительной частью крупных землевладельцев, перестраивавших свое хозяйство на капиталистический лад, но прибегавших еще ко многим докапиталистическим методам эксплуатации. Этот союз составлял «существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение»[1]. Далее Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что ареной действия была колониальная Ирландия, а в колониях капитализм вообще имеет свойство консервировать и даже насаждать архаические пережитки старины. Та же английская буржуазная республика сохранила и даже развила рабство в вест-индских владениях. В области колониальной политики она восприняла старорежимные абсолютистские традиции в большей мере, чем в других областях. И в этом отношении Энгельс считал возможным противопоставить английской революции более последовательную буржуазно-демократическую французскую революцию, которая, по крайней мере, в период якобинской диктатуры, во время наибольшего влияния масс на ход событий отказалась от колонизаторских традиций абсолютизма. Вот это глубокое сравнение, сделанное им мимоходом среди его выписок: «Французская революция конфисковала земли дворянства в пользу народа! Англичане упразднили право земельной собственности как дворян, так и крестьян [речь идет об ирландцах.— *Л. Г.*], искоренив как тех, так и других, и создали новое дворянство. Франция во всяком случае не приобрела колоний и не удержала своей власти над теми, какие у нее были. Только после 18-го брюмера была направлена экспедиция на Сан-Доминго»[2].

Следует еще раз подчеркнуть, что отсутствие определенно выраженных колонизаторских устремлений Энгельс отмечает лишь у наиболее передовой, связанной с народными массами, части французских буржуазных революционеров XVIII века. В целом класс французской

---

[1] *К. Маркс.* «Рецензия на книгу Гизо «Почему удалась английская революция?»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 222).

[2] *Ф. Энгельс.* Выписки из книги Мура «История Ирландии». (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2515).

буржуазии в лице таких своих представителей как жирондисты, термидорианцы, и позднее Бонапарт — душитель революции и одновременно ее душеприказчик — обнаружил такие же колониальные вожделения, как и английская буржуазия во времена Кромвеля. Поэтому выявленные Марксом и Энгельсом на примере английской революции XVII в. тенденции к колониальной экспансии характерны и для других революций, гегемоном которых была буржуазия. Сравнение Энгельса говорит лишь о том, что эти тенденции во время французской революции, в момент ее наивысшего подъема, проявлялись гораздо слабее — показатель ее гораздо большей последовательности, глубины и демократизма.

Маркс и Энгельс показали, что покорение Ирландии английской буржуазной республикой имело реакционные последствия для исторического развития как Ирландии, так и самой Англии.

Укрепив колониальный режим в Ирландии, Кромвель и его сторонники надолго лишили ее возможности самостоятельного развития, обрекли на длительный экономический и социальный упадок и прозябание. Осуществленные ими грандиозные земельные конфискации, правда, подорвали до основания ирландский патриархально-феодальный строй, архаическую клановую систему, господствовавшую до этого у ирландцев. Однако это разрушение клановых отношений в Ирландии было произведено не в результате вызревания новых прогрессивных элементов в самой стране, а руками иноземных завоевателей, посредством грубого насилия и грабежа. Оно не сопровождалось созданием условий для внутреннего прогресса, а, наоборот, было связано с установлением колониального рабства и полукрепостнической кабалы для огромного большинства населения. Обезземеливание ирландцев методами первоначального накопления не только не носило характера буржуазного аграрного переворота, а, наоборот, привело к превращению этой страны в полуфеодальный придаток капиталистической Англии, в крепость лендлордизма. Это обезземеливание на столетия законсервировало в аграрном строе Ирландии пережитки крепостничества, тормозившие всякое прогрессивное развитие.

Велика заслуга основоположников марксизма и в выяснении влияния политики республики в Ирландии на судьбы самой революции в Англии. Создавая новую аристократию на «Зеленом острове», отмечали они, Кромвель основал оплот реакции, подорвал мощь английской республики. «Английская реакция в Англии (как во времена Кромвеля),— говорил Маркс,— коренилась в порабощении Ирландии»[1]. Обогатившаяся на ирландских экспроприациях, получившая возможность по-феодальному грабить ирландских крестьян и по-капиталистически реализовывать награбленное в Англии, буржуазно-помещичья верхушка обнаружила сильнейшее тяготение к реставрации монархической власти — гарантии от «анархии» и влияния демократических элементов. Установление протектората Кромвеля в 1653 г.— первый шаг на этом пути — не случайно последовало сразу же после ирландского «устроения».

Таким образом, если в самой Англии конфискация земель роялистов в годы революции явилась ударом по контрреволюционному дворянству, то осуществленное под предлогом борьбы против роялистов колониальное расхищение земель в Ирландии привело к созданию нового оплота для лендлордизма, нового очага контрреволюции. Этот двойственный характер аграрной политики и законодательства английской буржуазной революции, как показали Маркс и Энгельс, ярко отражает всю ее противоречивость и ограниченность.

Конфискации в Ирландии,— говорят материалы, собранные Марксом и Энгельсом,— не только усилили собственнические слои в Англии, но и создали для них возможность сговора с эмигрантами-роялистами. В наличии оказалось даровое средство вознаградить дворян за утрату их имущества в Англии, открылась дверь для сделки, на основе которой Стюарты были вновь возведены на престол. Кроме того, частичным участием солдатских масс в разделе конфискованных земель были значительно ослаблены позиции демократической партии в Англии. Энгельс писал Марксу 24 октября 1869 года:

---

[1] Маркс — Энгельсу, 10 декабря 1869 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 231).

«для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной характер, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию» [1]. «Завоеванием Ирландии Кромвель ниспроверг английскую республику»,— указывал Маркс [2]. В письме Кугельману от 29 ноября 1869 г. он выразил эту же мысль следующим образом: «английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию» [3].

* * *

Из приведенного обзора видно, что своими исследованиями по истории Ирландии в период английской буржуазной революции Маркс и Энгельс с материалистических позиций осветили целую сумму проблем, которые не в состоянии были по-научному разрешить или же сознательно искажали представители буржуазной историографии. Работы Маркса и Энгельса по ирландской истории этого периода лишний раз свидетельствуют, что только основоположниками марксизма был заложен научный фундамент для всестороннего изучения процесса возникновения буржуазного общества, ранних буржуазных революций, истории колониальной политики буржуазных государств, национально-освободительного движения против колониализма. Маркс и Энгельс впервые в историографии дали научный анализ причин и движущих сил ирландского восстания 1641—1652 годов. Они до конца раскрыли социальные корни, характер и последствия ирландской политики господствующих классов Англии в период революции XVII века и показали преемственность между этой политикой и колониальными предприятиями англичан на «Зеленом острове» в предшествующий, а также в последующий периоды. В противовес буржуазным историкам, старательно затушевывавшим колониальную направленность этой политики, всегда искусственно рассматривавшим, например, ирландскую экспедицию Кромвеля как нечто совершенно отличное от других актов колониальной экспансии анг-

---

[1] *Маркс, Энгельс, Ленин.* «О пролетарском интернационализме». М. 1957, стр. 72.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 407.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, М. 1953, стр. 231.

лийской республики (например, в Вест-Индии и т. д.), основоположники марксизма до конца разоблачили колонизаторскую сущность действий английских буржуазных усмирителей Ирландии середины XVII века. Они первые в науке вскрыли диалектическую связь между событиями, происходившими в колониальной Ирландии и в английской метрополии, и показали обратное влияние колониального покорения Ирландии буржуазной республикой на судьбы английской революции.

Значение работ Маркса и Энгельса по истории Ирландии изучаемого периода не исчерпывается, однако, их историко-теоретическим содержанием. Эти работы не только пример глубочайшего исторического исследования, но и образец последовательной борьбы против хищнической системы колониализма, страстной защиты интересов угнетенных и эксплуатируемых, горячего сочувствия их освободительному движению. Благородный облик Маркса и Энгельса как непримиримых противников колониального рабства и социального гнета виден в каждой странице их рукописей по истории Ирландии. Именно эти рукописи правдиво раскрывают страшную картину колонизаторских «подвигов» буржуазии, которые она совершала даже в пору своего исторического расцвета, когда она была еще прогрессивным, поднимающимся классом. Они показывают, что одновременно с бурным процессом накопления богатств, складывания основ буржуазного общества, развития промышленного производства, мореплавания, торговли, буржуазной культуры в передовой капиталистической стране, Англии, на задворках этого возникающего капиталистического мира творились самые дикие зверства, происходил наглый грабеж населения целой страны. Редко где оборотная сторона буржуазного прогресса проявлялась столь отчетливо, редко где кровь и грязь, источаемые, по словам Маркса, новорожденным капитализмом, оставили такое количество следов и пятен, как здесь.

Являясь беспощадным обличением системы колониализма на ее ранних стадиях развития, работы Маркса и Энгельса служат острым оружием в борьбе против современных колонизаторов, упорно стремящихся и ныне сохранить обломки этой прогнившей и обреченной

историей на гибель системы. Эти работы направлены на воспитание интернациональной солидарности с борцами за свободу и независимость своих стран, на упрочение сознания того, что колониальный гнет губителен не только для угнетенной, но и для угнетающей нации. Они учат народы быть непримиримыми к этому гнету, избегая исторической участи англичан, которые в XVII веке поплатились за преступления своих господствующих классов на «Зеленом острове» гибелью республики, и в течение столетий должны были терпеть притеснения со стороны землевладельческой аристократии, превратившей ограбленную Ирландию в свою цитадель.

Ф. Г. РЯБОВ

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И БОРЬБА АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ ЗА ПРИЗНАНИЕ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ

Отношение Маркса и Энгельса к движению английских рабочих за признание Французской республики на втором этапе франко-прусской войны 1870—1871 гг. еще не было предметом ни одного специального исследования.

Между тем позиция Маркса и Энгельса в этом вопросе была одним из проявлений борьбы основоположников марксизма за сплочение международного пролетариата вокруг выработанной Марксом интернационалистской и антимилитаристской программы действий Международного Товарищества Рабочих. Участие Генерального Совета в организации кампании английских рабочих за дипломатическую поддержку Французской республики, дискуссия, которая была проведена в Совете по этому вопросу, отражают важный момент в деятельности Маркса и Энгельса, направленной на отстаивание самостоятельной внешней политики рабочего класса в противовес корыстной и агрессивной внешней политике буржуазии.

История борьбы Генерального Совета за оказание помощи французскому народу, ставшему на втором этапе войны жертвой агрессии прусских юнкеров и немецкой буржуазии, ярко подчеркивает антимилитаристский характер той внешней политики, которую отстаивали Маркс и Энгельс, раскрывает еще одну страницу их борьбы против захватнических устремлений эксплуататорских классов, за мир между народами. Позиция Маркса и Энгельса в данном вопросе является образцом умелого применения гибкой, и в то же время принципиальной

тактики в сложных исторических условиях, примером диалектического подхода к обстановке при выработке тактической линии пролетариата. Наконец, данная тема позволяет на конкретном примере проследить борьбу Маркса и Энгельса с реформистскими течениями в английском рабочем движении, а также с буржуазными «попутчиками», пытавшимися навязать рабочему классу авантюристические, левацкие лозунги и повести его за собой.

Источниками для изучения данного вопроса, помимо опубликованных работ и писем Маркса и Энгельса, явились документы, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В первую очередь надо отметить протоколы Генерального Совета Интернационала, которые сохранили нам, хотя часто и в несовершенной записи, высказывания Маркса и Энгельса по многим принципиальным вопросам текущей политики 1870—1871 годов. Обсуждение на Совете вопросов, связанных с франко-прусской войной, показывает, как Маркс и Энгельс направляли кампанию английских рабочих за признание Французской республики, как они боролись против влияния буржуазных политиков. В протоколах и письмах деятелей рабочего движения (Эккариуса, Юнга, Дюпона, Аплгарта) к Марксу и Энгельсу содержится также и весьма интересный фактический материал.

Очень важны для данной темы материалы английской рабочей и демократической печати, газет «Eastern Post» и «Bee-Hive»: описание митингов и демонстраций, статьи и письма, отражающие мнения рабочих.

Особую группу источников составляют материалы архива внешней политики России — донесения русских дипломатов из Лондона и хранящиеся в этом архиве вырезки статей по внешнеполитическим вопросам из крупнейших западноевропейских газет. Эти материалы привлечены для сравнения честной и принципиальной позиции английских рабочих со своекорыстной политикой британского кабинета. Изучение секретных дипломатических документов подтверждает многие оценки деятельности английской дипломатии, данные Марксом и Энгельсом.

* * *

Еще задолго до начала франко-прусской войны Маркс и Энгельс предвидели неизбежность военного столкновения между Пруссией и Второй империей. Энгельс еще в январе 1870 г. подчеркивал в письме к Марксу неосуществимость надежд на мир между этими государствами [1]. 12 июля, когда многие еще надеялись на мирное разрешение кризиса, Маркс предложил Генеральному Совету выпустить в случае начала войны антивоенное воззвание [2].

19 июля, в день начала войны, этот вопрос обсуждался Генеральным Советом вторично. За выпуск воззвания высказались Дж. Хейлз, Б. Лекрафт, Ч. Марри, Дж. Милнер. Было решено, что воззвание должно касаться только настоящей войны, а не вопроса о войнах вообще, как сначала предлагал Хейлз. Генеральный Совет по предложению Хейлза поручил составление воззвания Марксу, который работал над ним 20—23 июля. 23 июля воззвание было утверждено рабочим органом Генерального Совета — Постоянным комитетом. 26-го воззвание утвердил Генеральный Совет, который постановил выпустить его тиражом в 1000 экземпляров и перевести на все основные европейские языки. На этом же заседании члены Совета (Р. Аплгарт, М. Бун, К. Степни, Хейлз, Д. Харрис, Г. Юнг, Лекрафт, Маркс и др.) собрали 1 фунт 13 шиллингов на покрытие расходов по печатанию [3].

28 июля первая публикация воззвания появилась в «Pall Mall Gazette», куда Маркс послал его 25 июля. Через Эккариуса воззвание было направлено в «Times», где оно не было помещено, как предполагал Маркс, из-за резких разоблачений политики русского царизма [4]. 30 июля воззвание было опубликовано в консервативной газете «Manchester Courier» и затем обошло почти всю

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 277.

[2] Протокольная книга Генерального Совета. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/4, л. 88).

[3] Там же, л. 94.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 361.

провинциальную прессу Англии. 2 августа вышло первое отдельное издание воззвания на английском языке и в тот же день Генеральный Совет постановил выпустить его дополнительным тиражом в 1000 экземпляров.

Маркс лично принимал большое участие в распространении воззвания. 50 экземпляров было им послано немецкому демократу-эмигранту Е. Освальду, который в свою очередь содействовал распространению его на континенте и в Лондоне. Экземпляры воззвания были также посланы Марксом французскому республиканцу П. Таландье; в Женеву, в орган Интернационала — газету «Égalité»; И. Ф. Беккеру для журнала немецких секций Товарищества в Швейцарии «Vorbote»; В. Либкнехту в Лейпциг для органа Социал-демократической рабочей партии — газеты «Volksstaat». По свидетельству Эккариуса, до 13 августа члены Генерального Совета распространили около 2000 экземпляров воззвания [1].

Воззвание произвело в Англии весьма сильное впечатление, о чем свидетельствует и широкая публикация его в английских газетах. С похвалой отозвались о нем и такие видные буржуазные авторитеты, как Д. С. Милль, Э. Бизли и другие. Энгельс писал о воззвании: «Адрес научит populus [народ.— *Ф. Р.*] всех классов, что теперь только рабочий класс обладает еще *действительной* Foreign policy [иностранной политикой.— *Ф. Р.*]. Он очень хорош» [2].

В воззвании Генерального Совета Маркс обосновал позицию рабочего класса по отношению к войне. Маркс считал, что со стороны Германии война является национальной и оборонительной, войной против предпринятой в захватнических и династических целях агрессии Наполеона III, направленной на расчленение Германии. Маркс считал, что война против бонапартистской Франции устранит последние препятствия к объединению Германии.

В противоположность мелкобуржуазным демократам типа К. Блинда, занявшим шовинистическую позицию и обвинявшим в развязывании войны только правительство

---

[1] Эккариус — Беккеру, 13 августа 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/16).

[2] Энгельс — Марксу, 31 июля 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 364).

Франции и даже французский народ, Маркс разоблачил захватническую политику как Наполеона, так и Бисмарка. Маркс проводил резкое различие между династическими прусскими и общенациональными немецкими интересами, он показал, что бонапартистская агрессия оказалась возможной в результате провокационных действий Пруссии. Маркс подчеркивал, что «в то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы»[1]. В воззвании Маркс определил задачи рабочего класса как Франции, так и Германии.

Задачей рабочего класса Англии, по мнению Маркса, было укрепление братской солидарности с пролетариатом воюющих стран. Судя по отдельным высказываниям в переписке, Маркс и Энгельс стояли, на этом этапе войны, за нейтралитет Англии и считали, что английские рабочие должны давать решительный отпор всяким попыткам вовлечь их страну в войну на стороне любой из воюющих держав.

Маркс и Энгельс были с самого начала уверены в неизбежном поражении и падении Второй империи. Анализируя ход военных приготовлений Пруссии и Франции и их планы, Энгельс, еще до начала военных действий, 22 июля, писал Марксу: «я считаю невозможным для Бонапарта счастливый исход кампании»[2]. Ту же мысль Энгельс повторил в письме от 31 июля[3].

Маркс и Энгельс считали, что в начавшейся войне победа Германии более выгодна с точки зрения перспектив развития мирового рабочего движения. «Если победят пруссаки,— указывал Маркс,— то централизация state power [государственной власти.— *Ф. Р.*] будет полезна для централизации немецкого рабочего класса. Перевес немцев перенесет, далее, центр тяжести западноевропейского рабочего движения из Франции в Германию. А достаточно только сравнить движение с 1866 г. до нынешнего дня в обеих странах, чтобы видеть, что герман-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 5.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 358.
[3] Там же, стр. 365.

ский рабочий класс теоретически и организационно превосходит французский. Его перевес на мировой сцене над французским будет вместе с тем перевесом *нашей* теории над теорией Прудона и т. д.»[1]. Победа же бонапартистской Франции, по мнению Энгельса, была бы гибельна для самостоятельного рабочего движения в Германии.

То, что единство Германии достигается под главенством реакционнейшего юнкерского правительства и «в прусской казарме», Маркс и Энгельс считали неизбежным злом, которое должно парализоваться развитием рабочего движения в стране и усиленной борьбой немецких рабочих против превращения оборонительной войны в захватническую.

При этом Маркс и Энгельс предвидели опасность использования юнкерством и буржуазией военных побед для осуществления захватнических планов, для отторжения от Франции Эльзаса и Лотарингии. Борьба против шовинизма, французского и прусского — последний был на этом этапе войны поддержан значительными слоями английской буржуазии — пронизывает все выступления и высказывания Маркса и Энгельса о войне. Опасения Маркса и Энгельса все больше подтверждались по мере приближения краха Второй империи. Опьяненные победами прусская военщина и немецкая буржуазия выступали с требованиями аннексии Эльзаса и Лотарингии, отвергали всякую мысль о почетном мире с Францией. Вырабатывая тактическую линию немецкого пролетариата, Маркс и Энгельс в знаменитом письме Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии указывали, что захват французских провинций создаст предпосылки для новых, еще более опустошительных войн в Европе. Маркс и Энгельс указывали на ответственность, которая ложится на немецкий рабочий класс в связи с упомянутыми событиями. Письмо это, посланное за подписью одного Маркса, было почти целиком включено Комитетом в манифест о войне, выпущенный 5 сентября 1870 года.

Маркс и Энгельс всегда считали, что пролетариат должен занимать самостоятельную позицию во внешне-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 355.

политических вопросах, активно вмешиваться во внешнюю политику господствующих классов с целью разоблачения и срыва захватнических антинародных планов правительств, добиваться такого оборота событий, который больше всего соответствовал бы его интересам. В 1870 г. они тоже считали, что рабочий класс не должен оставаться в стороне от охватившего Европу политического и военного кризиса. «*Только рабочий класс,*— писал Маркс 26 июля 1870 г. Освальду,— представляет собой действительную силу, способную оказать сопротивление рецидиву национальных антагонизмов и всей современной дипломатии» [1]. Считая нужным использовать всякую возможность для протеста против захватнической войны, Маркс 3 августа подписал воззвание «К немецкому и французскому народу», составленное демократом Освальдом, поскольку оно не противоречило воззванию Генерального Совета. По настоянию Маркса в этом воззвании было указано, что со стороны Германии война носит оборонительный характер [2].

Большую роль в пропаганде тактической линии Генерального Совета во время войны сыграли «Заметки о войне» — цикл из 59 статей Энгельса о франко-прусской войне. Эти статьи публиковались в лондонской «Pall Mall Gazette» с 29 июля 1870 по 18 февраля 1871 года.

Консервативная «Pall Mall», одна из аристократических газет Лондона, имеющая большое распространение в военных кругах, сделала 20 июля Марксу предложение поехать в качестве военного корреспондента в Германию и находиться при немецкой главной квартире [3]. Маркс отказался, но через его посредство между Энгельсом и редактором «Pall Mall Gazette» Ф. Гринвудом было достигнуто соглашение о публикации военных обзоров. Сначала эти статьи посылались Энгельсом в газету через Маркса, затем Энгельс стал посылать их непосредственно, чтобы они помещались по возможности сразу же после написания. От поездки в немецкий штаб Энгельс отказался из-за возможных осложнений с прусской

[1] «Вопросы истории КПСС» № 2, 1958, стр. 15.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 370.
[3] Там же, стр. 356.

военной полицией; кроме того, он справедливо опасался, что его кругозор будет там сужен [1].

Почему Маркс и Энгельс выбрали именно «Pall Mall Gazette» для публикации военных статей? Ответ на этот вопрос дает сам Маркс в письме Энгельсу от 3 августа 1870 года:

«Несмотря на все drawbacks [отрицательные стороны.— *Ф. Р.*], «Pall Mall» имеет два преимущества:

Во-первых, из солидных газет она единственная, проявляющая некоторую *оппозицию против России.* Это в ходе войны может приобрести важное значение.

Во-вторых, в качестве gentelmen's paper par excellence [преимущественно газеты высшего общества.— *Ф. Р.*] она задает тон во всех и, в особенности, в военных *клубах.*

В-третьих, она *единственная не продажная газета* в Лондоне» [2].

Публикация статей о войне в такой газете давала возможность эффективного воздействия на общественное мнение Англии.

«Заметки о войне» являются замечательным примером пролетарской военной журналистики. В них обнаружилось исключительное понимание Энгельсом военного дела, его глубокая военная и военно-историческая эрудиция. В своих статьях Энгельс показал, что успехи немецких войск были обусловлены преимуществом немецкой военной системы и общим национальным подъемом в Германии, вызванным бонапартистским покушением на ее единство. Наоборот, «кошмар Второй империи» деморализовал французский народ и армию, привел французскую военную организацию к развалу. Политический кризис внутри страны обусловил военные поражения. Именно этому была обязана Германия своими победами [3].

Энгельс в «Заметках о войне» показал себя замечательным знатоком стратегии. Его предсказания (раскрытие немецкого плана кампании, предвидение судьбы армии Мак-Магона и места седанского сражения и т. д.)

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 358.
[2] Там же, стр. 371.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 76, 98—99.

не раз оправдывались[1]. Глубокий анализ военных действий приводил в восторг специалистов. Своим политическим направлением статьи Энгельса оказывали на общественное мнение Англии воздействие в духе позиции Генерального Совета. На втором этапе войны, когда — после Седана — она приобрела захватнический характер со стороны Германии, Энгельс в своих статьях указывал единственно возможный для Франции путь ведения военных действий, после уничтожения ее регулярной армии: организация подлинно народного сопротивления вторгшемуся врагу, формирование новых войсковых соединений, развертывание партизанской войны и нанесение ударов по растянутым немецким коммуникационным линиям. Эти стратегические и тактические выводы Энгельса, как показали военные события, были совершенно верными.

В «Заметках о войне» резко критиковались капитулянтская тактика правительства национальной обороны и промахи французского командования, особенно в действиях под Парижем. Энгельс доказывал неспособность этого правительства возглавить народное сопротивление, в то время как во втором воззвании Генерального Совета о войне Маркс разоблачил реакционную сущность этого правительства и его боязнь народных масс, поднявшихся на защиту своей страны.

Разбирая вопрос о средствах обороны Франции, Энгельс защищал принципы подлинной всеобщей воинской повинности, действительно всеобщего военного обучения народа. Анализируя принципы прусской военной системы, он доказал, что немецкая армия является «вооруженным народом» только по названию. В действительности же эта армия оторвана от народа и является послушным орудием для проведения реакционной агрессивной внешней политики и для подавления народа внутри страны. Превращение армии в настоящий «вооруженный народ» несовместимо с агрессивной внешней и контрреволюционной внутренней политикой.

Эти положения Энгельса имели чрезвычайно важное значение и для Англии, так как война показала необхо-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 18—19, 68.

димость проведения в этой стране военной реформы. В Англии шли споры между сторонниками различных систем. Показывая преимущества и недостатки прусской и французской военных систем, Энгельс выступал в защиту прогрессивного в тех условиях принципа действительной всеобщей воинской повинности.

Большое место в «Заметках о войне» занимает разоблачение зверских методов ведения войны немецкой армией, реквизиций, варварских бомбардировок городов, сожжения деревень, расстрелов пленных партизан и мирных жителей. Эти разоблачения сыграли немалую роль в преодолении пруссофильских настроений части английского общества.

Указывая на наиболее эффективные средства борьбы с оккупантами, на важность широкого применения тактики активной малой войны и обучения новых армий в ходе самих военных действий, Энгельс подчеркивал, что у Франции было достаточно сил для успешного сопротивления агрессору, силы которого, как он отмечал, все больше истощались. Эту точку зрения Энгельс отстаивал даже после тяжелых поражений, которые французские войска потерпели во второй половине ноября — начале декабря 1870 г. и в середине января 1871 года. Даже после сдачи Парижа Энгельс считал сопротивление возможным.

Таким образом Энгельс фактически вступил в полемику с буржуазной прессой Англии. Последняя в это время выступала в духе капитулянтских тенденций самой французской буржуазии, которая предавала национальное дело Франции, стремясь к подавлению революционного движения в стране. Английская пресса доказывала безнадежность сопротивления и советовала Франции любой ценой заключить мир, уступив Германии Эльзас и Лотарингию. Доказывая, что дело Франции отнюдь еще не проиграно, Энгельс, таким образом, с военной точки зрения обосновывал требования английских рабочих к своему правительству: признать республику во Франции и оказать ей дипломатическую помощь.

Как же отнеслись к первому этапу войны господствующие классы Англии и английский пролетариат? В целом английское буржуазное общественное мнение высказалось против войны. Война вызвала биржевую панику,

сильные затруднения при фрахте судов, нарушения в торговле с европейским континентом и рост цен на импортные колониальные товары (хлопок, сахар). Цены на хлопок, например, с начала войны до января 1871 г. повысились в полтора раза. Некоторое оживление было только в торговле оружием.

Английская буржуазия обвиняла Наполеона III в провоцировании династической войны и желала победы Пруссии, так как опасалась чрезмерного усиления бонапартистской Франции, несомненно поглотившей бы в случае победы Люксембург и Бельгию. К тому же Франция была гораздо более серьезным торговым конкурентом, чем Пруссия. Английские буржуазные газеты поэтому весьма сочувственно отнеслись к успехам немецких армий в первой половине августа 1870 года. Парижская консервативная газета «Liberté» с раздражением писала 23 августа: «Газеты, пользующиеся решающим влиянием, говорят об успехах Пруссии так, как будто унижения Франции могут давать только повод для веселья» [1].

Часть английской буржуазии, в первую очередь манчестерцы, активно выступали в пользу мира. Фритредерское Общество мира даже пожертвовало 20 фунтов на распространение воззвания Генерального Совета Интернационала о войне. На эти деньги И. Ф. Беккер организовал перевод и печатание воззвания на немецком и французском языках в Швейцарии общим тиражом в 30 000 экземпляров.

Однако наиболее активно выступил за мир рабочий класс Англии. Отражая в данном случае настроения массы рабочих, во главе движения за сохранение нейтралитета и скорейшее прекращение войны встали лидеры тред-юнионов. В самом начале войны около 50 членов Лиги реформы во главе с тред-юнионистом У. Кримером организовались в Рабочий комитет мира. Секретарем его был член Генерального Совета, один из лидеров тред-юнионов Б. Лекрафт. Комитет высказался за нейтралитет Англии и призывал правительство предпринять действия в пользу мира. В то же время Комитет

[1] Архив внешней политики России (далее АВПР), ф. «Пресса», д. 102, л. 269.

не проявил понимания внешней политики английской буржуазии и олигархии. Он изображал эту политику как последовательно нейтральную и высказывался за ее полную поддержку.

30 июля в английской тред-юнионистской газете «Bee-Hive» появился антивоенный протест исполнительного комитета Лиги рабочего представительства. Исполком писал: «Это война монархов, движимых личным честолюбием; она является диким нарушением всех принципов цивилизации, религии, морали и здоровой национальной политики». «Рабочие желают,— говорилось далее в этом протесте,— чтобы народы добивались осуществления своих различных национальных интересов в духе дружбы по отношению друг к другу». Лига рабочего представительства решительно высказалась против вступления Англии в войну. Лига заявила, что Англия обременена долгами, порожденными предыдущими войнами, которые велись в интересах знати, что рабочие не желают сражаться за королей и императоров и считают, что все споры должны быть разрешены мирным путем. Рабочие, говорилось в протесте, готовы жертвовать собой и своим имуществом в борьбе за честь и национальные интересы Англии, но не желают драться из-за ссоры правителей [1].

Близкими по духу к этим заявлениям были высказывания лидера тред-юнионов Р. Аплгарта в нью-йоркской газете «World», корреспондентом которой он был: «Если бы рабочие были достаточно мудры, короли должны были бы сражаться сами, и я уверен, что если бы рабочие сознавали свою силу и были бы достаточно мудры, чтобы пользоваться ею, мы не видели бы больше рабочих какой-либо страны, принужденных брать в руки меч, чтобы убивать своих братьев-трудящихся из других стран, с которыми они не ссорились и от всего сердца желали жить мирно... Рабочий класс может предотвратить войну, если он только будет достаточно мудр, чтобы использовать свою силу» [2].

Таким образом даже из выступлений реформистских лидеров можно заключить, что английские рабочие не

[1] «The Bee-Hive», 30.VII.1870, стр. 371.

[2] *A. W. Humphrey.* «Robert Applegarth: Trade Unionist, Educationist, Reformer», p. 234—235.

одобряли бонапартистскую политику Второй империи, приведшую к войне, и считали, что она может кончиться только поражением Франции. Они высказывались за строгий нейтралитет Англии, сурово порицали правительство за то, что оно не предприняло энергичных мер для предотвращения войны, но, в отличие от буржуазного общественного мнения, отнюдь не радовались прусским победам, а весьма настороженно относились к Пруссии и были решительными противниками каких-либо акций в ее пользу.

Характеризуя отношение английских рабочих к возможности вступления Англии в войну, Маркс писал: «Что же касается объявления войны, то это могло бы вызвать чертовски серьезное tuck [столкновение.— *Ф. Р.*] между powers that be [власть имущими.— *Ф. Р.*] и лондонским пролетариатом. Настроение рабочих здесь decidedly [решительно.— *Ф. Р.*] против подобного рода «государственных деяний»» [1]. Несомненно, что на позицию английских рабочих весьма сильно повлияла антимилитаристская агитация, развернутая Генеральным Советом с самого начала войны.

Позиция Генерального Совета на первом этапе войны оказала известное влияние и на представителей буржуазной демократии Англии. В этом отношении показательна появившаяся в сентябрьском номере буржуазно-либерального журнала «Contemporary Review» статья одного из лидеров буржуазных радикалов Р. Хаттона «Политики войны — Бисмарк и Луи-Наполеон».

Хаттон обличал политику Наполеона III, династические и захватнические цели войны. Статья проникнута уверенностью в неизбежном поражении Второй империи. В статье имеются признаки, явно свидетельствующие о знакомстве автора с воззванием Генерального Совета и «Заметками о войне» Энгельса. Хаттон, в частности, не возлагал вину только на одну сторону: «В то время как Германия принуждена к участию в войне... граф Бисмарк только кажется менее ответственным за призыв к оружию, чем император» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 362.
[2] «The Contemporary Review», v. 15, September 1870, p. 175.

Вслед за Энгельсом, Хаттон указывает на зависимость состояния вооруженных сил Франции от политической обстановки и общего развала и деморализации в стране, вызванной Второй империей.

Либеральное английское правительство Гладстона внешне соблюдало в войне строгий нейтралитет. На деле этот нейтралитет был благожелательным по отношению к Пруссии. Во время франко-прусских переговоров в первой половине июля 1870 г. английская дипломатия воздержалась от решительного вмешательства в развертывавшийся кризис и не предприняла серьезных действий для его преодоления. Министр иностранных дел Гренвил в Лондоне и английские послы Лайонс в Париже и Лофтус в Берлине не сделали ни одного решительного возражения против действий Франции и Пруссии, правительства которых неизменно ставили английских дипломатов в известность о своих предстоящих акциях. Более того, английские дипломаты, содействуя сначала снятию кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол, в дальнейшем заявили, что недовольство Пруссии продолжающимся дипломатическим нажимом Франции является законным. За несколько дней до объявления войны — 9 и 13 июля — Гренвил отклонил предложения Италии и России о коллективном посредничестве держав [1]. В двадцатых числах августа королева Виктория, ссылаясь на конституционные обычаи и прерогативы правительства, отклонила просьбу французской императрицы Евгении о мирном посредничестве.

Такая политика английского кабинета объективно способствовала развязыванию войны и была выгодна Пруссии, особенно если учесть ее огромное военное преимущество, о котором английский кабинет несомненно был информирован. Французские газеты в августе 1870 г. не без основания обвиняли английское правительство в фактической поддержке Пруссии. С такими же заявлениями выступали в парламенте и представители оппозиции, например А. Кокрен.

---

[1] *A. Sorel.* «Histoire diplomatique de la guerre franko-allemande». T. I. Paris, 1875, p. 95; *K. Rheindorf.* «England und der deutsch-französische Krieg 1870/71». Bonn und Leipzig, 1923, S. 40.

Английская правящая олигархия, в противоположность широким слоям буржуазии, не исключала возможности военного вмешательства. Еще до начала войны «Morning Post» писала: «Англия желает уклониться от вмешательства в борьбу, но она хочет остаться бдительной и без колебаний выступить в защиту прав нейтральных государств, в случае если им будет грозить опасность со стороны какой-либо воюющей державы» [1].

Под нейтральными государствами прежде всего понималась Бельгия. Опубликование в конце июля 1870 г. Бисмарком составленного в 1867 г. проекта франко-прусского договора о присоединении Бельгии к Франции, предложенного французским правительством, вызвало в Англии большое недовольство и тревогу. Тотчас же были сделаны соответствующие представления в Берлине и Париже. Около 10 августа 1870 г. английское правительство предложило одновременно и Пруссии и Франции заключить договор о совместном обеспечении бельгийского нейтралитета. В случае нарушения его одной из воюющих сторон Англия должна была совместно с другой воюющей державой выступить против нарушителя.

Маркс в письме к Энгельсу 1 августа 1870 г. раскрыл внешнеполитические устремления английской правящей верхушки и указал на их причины: «Здешняя olygarchy за военное вмешательство Англии в пользу Пруссии. После того как в течение 18 лет она пресмыкалась перед Бонапартом и должным образом использовала как saviour of rents and profits [спасителя рент и прибылей.— *Ф. Р.*], она рассчитывает теперь найти в солидной богобоязненной Пруссии a more respectable and safer policemen of the continent [более респектабельного и более надежного полицейского на континенте.— *Ф. Р.*]. Однако этим молодцам следует быть осторожнее. В народе уже повсюду говорят: «That damned German dynasty of ours wants for its family purposes to involve us in the continental war» [«Эта проклятая наша немецкая династия хочет ради своих семейных целей впутать нас в континентальную войну».— *Ф. Р.*]» [2].

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», д. 102, 1870, л. 99.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 366.

Воинственному настроению правящих кругов не суждено было возобладать. Народ был решительно против войны. Не хотела войны и значительная часть буржуазии, пруссофильские симпатии которой были не настолько сильны, чтобы побудить ее воевать в интересах Пруссии. Английское правительство осталось нейтральным. В 20-х числах августа в близкой к правительству Гладстона газете «Daily News» появилась статья об основах внешней политики в настоящий момент, в которой говорилось, что Англия возьмется за оружие только в самом крайнем случае; однако она слишком тесно связана с обеими воюющими странами, чтобы оставаться безучастной; ее цель — мирное посредничество, когда одна из держав его попросит, а вторая согласится на него; но нейтральные державы должны остерегаться чересчур поспешного выступления в неудачный момент, когда посредничество не будет способствовать установлению длительного и прочного мира. Это означало отказ от всякого активного вмешательства.

Несомненно, что твердо высказанное мнение английских рабочих, которое сформировалось в значительной степени под влиянием ясной и четкой позиции Генерального Совета Интернационала, оказало известное воздействие на политику правительства, вынужденного при всех его воинственных настроениях в целом придерживаться нейтралитета.

* * *

5 сентября 1870 г. в 4 часа утра Маркс получил от Ш. Лонге из Парижа телеграмму с сообщением о провозглашении 4 сентября республики во Франции[1]. Часть наполеоновской армии сложила оружие при Седане, другая часть была заперта в Меце, сам император попал в плен. Цели оборонительной войны были достигнуты, опасность французской агрессии и основное препятствие объединению Германии — устранены. В случае продолжения военных действий, а к этому стремились и прусское юнкерство и немецкая буржуазия, война окончательно становилась со стороны Пруссии захватнической.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 394.

Французский народ должен был теперь отстаивать целостность своей страны. Во франко-прусской войне начинался новый этап, вся международная обстановка коренным образом менялась, необходимо было определить новые задачи рабочего класса.

6 сентября Маркс получил от члена Парижского федерального совета Интернационала Бахруха официальную просьбу, адресованную Генеральному Совету в Лондоне, о выпуске нового воззвания Интернационала о войне[1]. В этот же день эта просьба обсуждалась на Генеральном Совете. Произошла дискуссия о характере предполагаемого воззвания, в которой участвовали Маркс, Дж. Харрис, У. Таунсенд, Дж. Уэстон, О. Серрайе, М. Бун. В ходе дискуссии Уэстон и Харрис высказались за обращение с призывом к правительствам прекратить военные действия. Маркс выступил против этого. Воззвание, по его мнению, должно было быть обращено не к правительствам, а к рабочим, чтобы призвать их выступить против аннексии французской территории, которая приведет к новым войнам в Европе. Совет поручил составление воззвания комиссии, в которую вошли Г. Юнг, Милнер, Серрайе и Маркс[2]. В этот же день Маркс, сообщая об этом Энгельсу, обратился к нему с просьбой прислать свои соображения по поводу попыток немецких шовинистов изобразить аннексию Эльзаса и Лотарингии как необходимое условие безопасности Германии[3], что Энгельс немедленно выполнил. Маркс работал над воззванием до 9 сентября. В этот же день оно было утверждено на специальном заседании Генерального Совета, который постановил отпечатать его в 1000 экземплярах[4].

12—14 сентября вышла в свет листовка с текстом воззвания. 20 сентября Генеральный Совет постановил напечатать оба воззвания отдельной брошюрой тиражом также в 1000 экземпляров.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 394.

[2] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/4, лл. 269—271).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 394.

[4] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/4, л. 272).

Во втором воззвании Маркс разоблачил захватнические планы немецкой буржуазии и ее правителей, лицемерно прикрываемые патриотическими фразами. Маркс доказал, что требуемая немецкими «патриотами» аннексия Эльзаса и Лотарингии не только не имеет ничего общего с заботой о безопасности Германии, но и чрезвычайно опасна, так как таит в себе угрозу серьезных международных осложнений и военных столкновений в будущем. С исключительной прозорливостью Маркс во втором воззвании определил расстановку сил в Европе на ближайшие 50 лет: франко-русский союз и неизбежное его столкновение с Германией.

Второе воззвание Генерального Совета о франко-прусской войне имеет исключительное значение с точки зрения выработки основ тактики пролетариата во внешней политике, в вопросах о войне и мире. Маркс, последовательно защищая принципы пролетарского интернационализма, обосновал в нем непримиримое отношение пролетариата к аннексиям и захватническим войнам. Народ, допускающий угнетение и ограбление другого народа, сам не может быть свободным — таков один из основных тезисов воззвания. Маркс здесь развил мысли, уже высказанные в первом воззвании и в упомянутом выше письме Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии.

Подчеркивая во втором воззвании, что долг рабочих всех стран добиться почетного для Франции мира, не допустить ограбления ее прусским завоевателем, Маркс в то же время разъяснял рабочим Франции и других стран классовую сущность провозглашенной во Франции республики и подлинный облик ее правителей. Предостерегая рабочие массы от увлечения буржуазно-республиканскими иллюзиями, Маркс указывал на контрреволюционный состав правительства национальной обороны, на возможность сговора его с врагом за спиной и за счет трудящихся масс, на стремление этого правительства сохранить остатки режима Второй империи, бонапартистских чиновников и генералов и использовать их для подавления народа. Республиканскую форму правления и предоставляемые ею рабочему классу возможности Маркс призывал использовать для укрепления его клас-

совой организации, для усиления бдительности по отношению к контрреволюционным замыслам буржуазных республиканцев. Подходя к оценке Французской республики с пролетарских классовых позиций, Маркс стремится направить борьбу за поддержку республики по линии разоблачения ее буржуазных заправил и их политики, по линии разоблачения капитулянтских и контрреволюционных тенденций, по линии укрепления подлинно народного сопротивления прусским захватчикам и использования всех возможностей для развития самостоятельного пролетарского движения во Франции.

Во втором воззвании Маркс разоблачил пруссофильские симпатии английского правительства. Он указал, что интернационалистским долгом английских рабочих является помощь Французской республике, необходимая для отпора внешнему врагу и успешного развития рабочего движения во Франции: «Английские рабочие уже сделали некоторые шаги в том направлении, чтобы посредством оздоровляющего давления извне сломить нежелание их правительства признать Французскую республику. Теперешней медлительностью английское правительство хочет, должно быть, загладить антиякобинскую войну 1792 г. и ту непристойную поспешность, с которой оно признало coup d'état [государственный переворот.— *Ф. Р.*]. Английские рабочие, кроме того, требуют от своего правительства, чтобы оно всеми силами противилось расчленению Франции, к которому бесстыдно призывает часть английской печати. Это та самая печать, которая в течение целых двадцати лет боготворила Луи Бонапарта как провидение Европы и которая восторженно аплодировала мятежу американских рабовладельцев. Теперь, как и тогда, она ратует за интересы рабовладельцев.

Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* во всех странах призовут рабочий класс к действию. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 281.

Второе воззвание не получило в Англии такого широкого распространения, как первое. Буржуазная пресса не откликнулась на него. «Кроме «Spectator», который поместил о манифесте статью с претензиями на глубину, и короткой выдержки в «Pall Mall», все газеты в Лондоне попытались нас замолчать»,— писал Маркс Энгельсу 16 октября[1].

Почему английские газеты, так широко публиковавшие первое воззвание, замалчивали второе?

Дело в том, что изменившаяся в сентябре 1870 г. международная обстановка вскрыла глубокие различия в позиции по отношению к войне пролетариата и английской буржуазии, различия, не в такой мере дававшие себя знать на первом этапе войны. В июле — августе 1870 г. английская буржуазия, побуждаемая своими классовыми интересами, была в целом недовольна войной и поэтому более или менее сочувственно отнеслась к антивоенному первому воззванию Генерального Совета, хотя этот документ и выражал противоположную классовую точку зрения. Тогда в вопросах иностранной политики внешне наметилось некоторое сходство взглядов буржуазии и английского пролетариата, хотя они и подходили к этим вопросам с совершенно различных и по существу враждебных классовых позиций. Но иллюзия этого внешнего единства взглядов рассеялась, как только в сентябре 1870 г. изменилась обстановка, начался новый этап войны, и различный классовый подход к событиям дал себя почувствовать с особой силой. Пала наполеоновская империя, казавшаяся английской буржуазии одной из опор «порядка», хотя она относилась отрицательно к захватническим устремлениям бонапартизма. К республике английская буржуазия относилась с недоверием, опасаясь, что ее провозглашение вызовет подъем революционного движения во Франции и других странах, и желая восстановления империи. Активных действий рабочего класса, к которым призывало воззвание Генерального Совета, английские эксплуататорские классы боялись больше всего. Поэтому английская буржуазная пресса и постаралась замолчать этот документ.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 403.

Нельзя при этом забывать и резкую антипрусскую направленность второго воззвания. А в начале сентября английская буржуазия отнюдь не собиралась менять свои прусские симпатии. Недаром Маркс писал 14 сентября деятелю бельгийского рабочего движения С. Де Папу: «Английская пресса, за исключением небольшого количества газет, подкуплена. Большинство — Бисмарком, меньшинство — Луи Бонапартом» [1].

Но совсем иной прием встретило второе воззвание со стороны рабочих и демократической общественности Англии. Воззвания Генерального Совета о войне, выразившие также и позицию международного пролетариата, отражали настроения и мысли английских рабочих, указывали им пути действий. Поэтому эти документы были широко распространены среди рабочих и значительно способствовали росту авторитета Интернационала в Англии. Рабочие и демократические организации обращались в Генеральный Совет с просьбой прислать листовки с текстами обоих воззваний и раздавали их на рабочих митингах и демонстрациях. Члены Интернационала (например, Э. Дюпон) использовали воззвания при агитации за присоединение тред-юнионов к Международному Товариществу Рабочих. Английские рабочие высоко оценили воззвания и полностью одобрили их интернационалистскую направленность.

В распространении второго воззвания принимали участие главным образом члены Генерального Совета. Сам Маркс послал его Освальду, Бизли, Де Папу для бельгийских газет Международного Товарищества Рабочих «Internationale» и «Liberté», Либкнехту — для «Volksstaat», Беккеру — для «Vorbote» [2].

5—10 сентября Маркс принял деятельное участие в подготовке кампании рабочих митингов за признание республики. На заседаниях Генерального Совета в августе — сентябре 1870 г. Маркс почти каждый раз выступал с сообщениями об антивоенных выступлениях в США, Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии. Информацию об этом Маркс получал из США от

---

[1] «L'Actualité de l'Histoire» № 25, 1958, стр. 28.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 75, 77.

Ф. А. Зорге, из Франции от П. Лафарга, Обри и Серрайе, из Германии от Либкнехта и находившихся там в августе Аплгарта и К. Степни, из Бельгии, возможно, от Де Папа, к которому обращался с соответствующей просьбой. Так как не только буржуазная, но даже рабочая пресса Англии не публиковала таких сведений, то эти сообщения Маркса были чрезвычайно важны для участников кампании. Английским рабочим, по-видимому, через членов Генерального Совета, было известно о солидарных с ними действиях пролетариата на континенте и в Америке, о чем свидетельствуют речи рабочих ораторов на митингах. Такая солидарность укрепляла решимость английского пролетариата в борьбе за помощь Французской республике.

Выдвигая задачу добиться дипломатического признания Англией Французской республики, Маркс считал необходимой консолидацию всех демократических сил Англии для общего давления на правительство. Действуя на рабочую массу через английских членов Генерального Совета, он пытался оказать влияние на демократическую общественность через Бизли и других английских буржуазных демократов-позитивистов. Отношение Маркса к позитивизму и его представителям в Англии было в целом отрицательным, особенно в связи с притязаниями позитивистов на преобладающее влияние в рабочем движении. Но при данных обстоятельствах Маркс считал возможным временно воспользоваться поддержкой позитивистов. Однако Маркс рассматривал демократических деятелей только как союзников и попутчиков рабочего класса, а не как вождей и руководителей движения.

Маркс вступил в оживленную переписку с одним из лидеров позитивистов Бизли по вопросам организации действий в защиту Французской республики. Так, например, 12 сентября 1870 г. Маркс писал Бизли: «Парижский федеральный совет бомбардирует меня телеграммами все по вопросу: *признание Англией Французской республики*. Действительно, это сейчас *самое важное* для Франции. Это — единственное, что вы можете в настоящее время для нее сделать. Прусский король официально обращается с Бонапартом как с правящим монархом Франции. Он хочет восстановить его на пре-

столе. Французская республика не будет существовать официально до тех пор, пока британское правительство ее не признает. Но нельзя терять времени. Неужели вы позволите вашей королеве и вашим олигархам злоупотреблять по указке Бисмарка огромным влиянием Англии?» [1].

Чтобы разбить созданный английской прессой вокруг второго воззвания Генерального Совета заговор молчания, Маркс 16 сентября обратился к Бизли с просьбой: «Я думаю, что Вы оказали бы величайшую из возможных услуг *Интернационалу*,— и я позаботился бы о том, чтобы Ваша статья была перепечатана в *наших* газетах в Испании, Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Дании, Венгрии, Германии, Франции и Соединенных Штатах,— если бы вы поместили в «Fortnightly Review» что-нибудь об Интернационале, о Манифестах Генерального Совета, о войне и о том обращении, которому мы подвергаемся со стороны этой образцовой прессы, этой «свободной» английской прессы!» [2]. Маркс также снабдил Бизли материалами для этой статьи, которая была написана Бизли и опубликована в «Fortnightly Review» в ноябре 1870 года.

Кроме борьбы за признание республики, Маркс считал другой внешнеполитической задачей английского рабочего класса в то время борьбу против дипломатического сотрудничества буржуазной Англии с русским царизмом. Формально между Россией и Англией не было никаких обязательств относительно каких-либо совместных действий. Однако изучение секретных дипломатических документов, в частности донесений русского посла в Лондоне Бруннова, подтверждает предположение Маркса и Энгельса о тайном контакте между царской и английской дипломатией в важнейших внешнеполитических вопросах. Все внешнеполитические акции Англии в июле — августе 1870 г., направленные на укрепление благоприятного для Пруссии и ее немецких союзников нейтралитета европейских держав, были предприняты с благословения и полного согласия царской дипломатии. Маркс был прав,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 77.
[2] Там же.

когда писал еще 3 августа: «...в действительности также настоящий план и Гладстона — *англо-русский союз*. Тут должны энергично вмешаться English members [английские члены.— *Ф. Р.*] *Интернационала*»[1]. По мнению Маркса и Энгельса, такое сотрудничество английского и царского правительства носило глубоко контрреволюционный характер. Оно было направлено на мобилизацию европейских контрреволюционных сил на случай, если поражение Франции вызовет революционные события в Европе. Это сотрудничество увеличивало опасность вступления в европейскую войну на стороне Пруссии царской России, что усилило бы захватнические притязания прусских правящих классов. Дипломатические акции царской России и английского правительства в пользу Пруссии на втором этапе войны тормозили развертывание сопротивления французского народа прусским завоевателям.

Задаче разоблачения этих опасных действий английской и царской дипломатии были подчинены многие выступления Маркса и Энгельса, связывавших борьбу за оказание отпора прусскому агрессору с борьбой против царского самодержавия и разоблачением антинародной внешней политики английской правящей олигархии. Этим объясняются и последующие выступления Маркса и Энгельса против признания Англией принципов вооруженного нейтралитета в морской войне. Отказ от этих, самих по себе прогрессивных принципов, по мнению Маркса и Энгельса, явился бы в тот момент известным средством обуздания русского царизма и ослабления угрозы вмешательства его в европейские дела.

Позиция Генерального Совета на данном этапе войны была с военной точки зрения блистательно обоснована Энгельсом в статьях уже упомянутой серии «Заметок о войне», которые были написаны им после 2 сентября. В этих статьях Энгельс переносит центр тяжести с разоблачения режима и стратегии бонапартистской Франции на анализ ресурсов и средств сопротивления французского народа агрессору.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 371.

* * *

В борьбе за признание Французской республики английский рабочий класс выступил весьма активно, проведя одну из самых энергичных политических кампаний.

Провозглашение республики во Франции было встречено английскими рабочими с большим энтузиазмом. По далеко не полным данным в одном только Лондоне с 6 по 24 сентября (время наибольшей активности) состоялось 18 митингов солидарности с Французской республикой. Такие же митинги состоялись в Бирмингеме, Манчестере, Гринвиче, Ньюкасле уже 5 сентября. До 9 сентября в редакцию газеты «Bee-Hive» поступило 60 тысяч заявлений, авторы которых требовали от правительства посредничества с целью мира [1].

В Лондоне первый митинг солидарности с Французской республикой был созван Лигой рабочего представительства 6 сентября. Собравшиеся выразили свое сочувствие Франции и требовали от правительства предпринять действия с целью прекращения войны и заключения почетного для Французской республики мира [2]. В организации этого митинга участвовал член Генерального Совета Т. Моттерсхед.

9 сентября Лига созвала более широкое собрание, на котором было принято большое и аргументированное обращение к правительству. Лига еще раз осудила войну, которая была вызвана не национальными интересами, а борьбой за влияние в Европе между Бонапартами и Гогенцоллернами, и высказала надежду на установление в будущем добрососедских отношений между Германией и Францией на основе заключения справедливого мира. Английские рабочие, говорилось далее в адресе, сурово осуждают намерения Пруссии аннексировать часть французской территории: «Эти попытки были бы только созданием предпосылок для будущей войны и во имя человечности необходимо энергично протестовать против них». Аннексия, указывалось в обращении, приведет к тяжелым

---

[1] «The Bee-Hive», 10. IX. 1870, стр. 467.
[2] Там же.

последствиям для рабочих Франции и Германии. В обращении отмечалось, что английские рабочие считают недостаточным в новой обстановке, сложившейся после 4 сентября, продолжение политики нейтралитета. Нейтралитет Англии, говорилось в обращении, не способствует делу мира, а только соответствует интересам власть имущих. Рабочие Англии требуют, чтобы правительство отнеслось внимательно к их словам и настаивают на признании республики [1].

Крупные митинги и демонстрации состоялись в Лондоне 9, 10, 13, 16 и 17 сентября. В них участвовали не только английские, но и ирландские рабочие, немецкие, итальянские, французские революционные эмигранты.

На всех митингах принимались резолюции солидарности с республикой, с требованием ее немедленного признания английским правительством.

19 сентября состоялась большая демонстрация на Трафальгар-сквер, в которой участвовало 10—12 тысяч человек. Выступавшие ораторы потребовали от правительства немедленного признания Французской республики и призывали рабочий класс страны объединить свои усилия для давления на кабинет. Одновременно была принята резолюция, призывающая Пруссию прекратить войну, поскольку с падением империи во Франции устранены ее причины. Подобные же резолюции были приняты 19 сентября на митинге в Бретфорде, 23 и 24 сентября на митингах в Лондоне.

В середине сентября 1870 г. из Лондона в Париж к правительству национальной обороны была направлена тред-юнионистская делегация во главе с Дж. Оджером для вручения приветственного адреса, принятого на одном из рабочих митингов. Вручая этот адрес Ж. Фавру, Оджер рассказал о проходящих по всей Англии митингах за признание Французской республики, отражающих перемену настроения в Англии в пользу Франции, и выразил надежду на скорое заключение мира. Оджер сообщил также о симпатиях английских рабочих к Французской республике и о действиях в ее защиту [2].

---

[1] «The Bee-Hive», 10. IX. 1870, стр. 465—466.
[2] «The Bee-Hive», 24. IX. 1870, стр. 502.

Посылка этой делегации к правительству национальной обороны, а не к французским рабочим обществам выражала оппортунистические тенденции руководства тред-юнионов, в частности Оджера, действовавшего явно вопреки второму воззванию Генерального Совета, в котором разоблачалась контрреволюционная сущность этого правительства.

Организаторами и активными участниками митингов в защиту республики во Франции были как деятели английского рабочего движения, тред-юнионисты, так и представители радикально-демократических и республиканских кругов: Бизли, Дж. Холиок, Ч. Брэдло.

Большую роль в организации митингов английских рабочих с требованием признания Французской республики сыграл Генеральный Совет Интернационала. «Я привел здесь все в движение,— писал Маркс Энгельсу 10 сентября 1870 г.,— чтобы рабочие (в понедельник открывается ряд митингов) принудили свое правительство признать Французскую республику. Гладстон в первый момент was willing enough [был склонен к этому.— *Ф. Р.*]. Но против — *королева,* которая находится под влиянием прусских инструкций, и олигархическая часть кабинета!»[1]. В Лондоне в организации митингов из состава Генерального Совета участвовали Аплгарт, Оджер, Моттерсхед, Дж. Уэстон, Эккариус, Ф. Лесснер, Дж. Кон, Г. Юнг, Дж. Хейлз, Г. Лопатин; в Манчестере — Э. Дюпон. Члены Генерального Совета находились в постоянном контакте с Марксом, информируя его о своих действиях и намерениях. Например, Аплгарт, отправляясь в качестве представителя тред-юниона плотников в составе рабочей делегации к Гладстону, предварительно попросил у Маркса свидания для обсуждения этого вопроса[2]. Подобным же образом действовали Юнг, Хейлз, Дюпон.

Эта деятельность Генерального Совета получила высокую оценку со стороны тред-юнионов, как об этом свидетельствуют письма некоторых из них, а также факт присоединения ряда тред-юнионов к Интернационалу.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 398.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/24, л. 1.

Авторитет Интернационала вырос и в буржуазно-демократических кругах Англии; так, отмечая важность деятельности Генерального Совета в этот период, Бизли писал Марксу: «Я... как можно основательнее пустил в ход оба ваши «Воззвания»... я думаю, что их значимость трудно преувеличить. Я теперь более, чем когда-либо, убежден в полезности Интернационала... Сообщите мне, могу ли я действовать вместе с вами» [1].

Против движения английских рабочих за признание республики во Франции выступил руководимый правым тред-юнионистом У. Р. Кримером Рабочий комитет мира. Этот Комитет находился под влиянием фритредерского буржуазно-пацифистского Общества мира и сыграл роль одного из проводников влияния английской буржуазии в рабочем движении. Комитет продолжал догматически отстаивать позицию строгого нейтралитета, несмотря на изменившуюся обстановку, аргументируя это тем, что выступления в защиту республики во Франции могут якобы привести к ухудшению отношений и даже к войне с Пруссией. Кример и другие лидеры Комитета пытались помешать организации совместных действий рабочих и представителей буржуазно-демократических кругов, в то время как Маркс считал это допустимым средством, придающим в данный момент движению бóльшую силу и размах.

Одно из столкновений между Кримером и сторонниками активных действий в пользу Французской республики произошло 13 сентября 1870 г. на рабочем митинге в Линкольн Ин Филдсе, на котором строгие нейтралисты сначала имели перевес. Положение было исправлено срочно вызванными на митинг членами Генерального Совета, которые помогли провести резолюцию, противоположную взглядам Кримера и Общества мира. На митинге 13 сентября присутствовал Маркс [2].

Английская печать, близкая к рабочим и демократическим организациям, занимала позицию, сходную с позицией митингов. «Bee-Hive» требовала от правительства активного вмешательства и внешнеполитических акций

[1] Бизли — Марксу, 14 сентября 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2172).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 403.

в пользу Франции. 24 сентября, обращаясь к министру иностранных дел Гранвиллу, газета писала: «Если вы видите человека, убивающего другого на улице, считали бы вы своим долгом вмешаться, несмотря на риск? Где же в таком случае разница между долгом по отношению к одному человеку и по отношению к великой нации?» [1]. Газета поддерживала активные действия рабочих Англии в пользу мира и признания республики.

Вся эта широкая кампания свидетельствовала о решительном и быстром изменении отношения английских рабочих к войне. Если в августе месяце они энергично высказывались против бонапартистской Франции, считая ее главной виновницей начавшейся несправедливой войны, то теперь, в сентябре, они решительно стали на защиту Франции *республиканской,* против прусского захватчика.

«Общественное мнение изменяется с исключительной быстротой»,— отмечал Бизли в письме к Марксу от 18 сентября. 20 сентября он писал: «Общественное настроение становится лучше с каждым днем. Я не надеюсь, что Англия будет действовать даже самым осторожным образом, но все это возбуждение настраивает массу в нашу пользу» [2].

Сентябрьская кампания за признание республики завершилась посещением «большой и влиятельной делегацией» премьер-министра Гладстона 28 сентября 1870 года. В делегацию входили представители Генерального Совета Интернационала, Лиги рабочего представительства, тред-юнионов сапожников, плотников, краснодеревщиков, сигарочников, металлистов — всего представители около 100 рабочих и демократических организаций. Среди делегатов были лидеры буржуазно-демократических кругов Холлиок, Р. Конгрив, Дж. Поттер, Ллойд Джонс, Бизли, Летхам, Осборн. Из членов Генерального Совета в качестве его представителей и представителей тред-юнионов присутствовали Аплгарт, Эккариус, Дж. Уэстон, Хейлз, Кон, Марри, Лопатин.

Выступавшие от имени делегации Летхам и Дж. Поттер заявили, что рабочие Лондона и провинции требуют

[1] «The Bee-Hive», 24.IX.1870, стр. 497.

[2] Бизли — Марксу, 18 и 20 сентября 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2177 и 2178).

от правительства признать республику и воспрепятствовать попыткам «расчленения» Франции. Рабочие видят в этом долг правительства и считают себя достаточно политически влиятельными, чтобы потребовать от правительства рассмотреть вопрос о признании республики и содействии заключению мира без аннексий и на условиях, исключающих повторение войны. Делегация делает такое заявление также и от имени демократических сил Германии, протестующих против захватнической политики своих правительств. «Рабочие Англии недовольны тем, что правительство не признает республику,— заявил Поттер.— Делегация заявляет достопочтенному джентльмену, что, по ее мнению, правительство должно в признании республики действовать так же быстро и свободно. как и в признании монархии... Делегация считает, что продолжению войны нет оправданий... Рабочий класс далек от того, чтобы желать вооруженного вмешательства Англии, но он верит, что влияния ее правительства в союзе с другими нейтральными государствами будет достаточно для установления мира» [1].

Выступившие затем Хауэлл, Ллойд Джонс, Аплгарт и Осборн высказались в том же духе.

В своем ответе Гладстон заявил о своем удовлетворении фактом посещения делегации. Он долго и многословно заверял делегатов о полном согласии правительства с их мнением, убеждая, что «никто так сильно, как правительство ее величества, не желает прекращения войны» [2]. Гладстон отклонил упреки по поводу быстрого признания империи в 1852 г., ссылаясь на то, что она была признана после плебисцита. В то же время Гладстон уклонился от прямого ответа на требования рабочих о признании Французской республики, заявив, что можно признать только постоянное правительство Франции, получившее санкцию плебисцита или учредительного собрания, а не временное, каким фактически является правительство национальной обороны. Премьер выразил лицемерные надежды на скорые выборы во Франции, после которых Англия признает любое правительство. Так как выборы во Франции состояться, конечно, не

[1] «The Bee-Hive», 1.X.1870, стр. 513.
[2] Там же.

могли («Bee-Hive» законно спрашивала премьера, как можно провести «свободные выборы» во время войны, когда треть страны занята врагами), то уклончивые заявления Гладстона — по поводу протестов против планов аннексии Эльзаса и Лотарингии он не сказал ничего определенного — означали фактически полное отклонение требований рабочих и демократической общественности под маской сочувственных фраз.

После 28 сентября 1870 г. в английском движении за признание Французской республики начинается спад. В октябре — декабре почти нет сообщений о митингах и демонстрациях английских рабочих в пользу республики во Франции. По-видимому, медоточивые речи и неопределенные обещания Гладстона, как опасался на заседании Генерального Совета 4 октября Дж. Хейлз, подействовали успокаивающим и отвлекающим образом на рабочие и демократические массы. Однако, несмотря на падение активности английских рабочих, Маркс и вместе с ним Генеральный Совет твердо отстаивали ту точку зрения, что единственной возможной формой помощи Франции является борьба за признание республики. «Нельзя сделать ничего другого, кроме оказания давления на правительство, чтобы оно признало республику, и развивать движение против пруссофильства буржуазии и ее правительства»,— заявил Маркс 4 октября на Генеральном Совете при обсуждении результатов посещения делегацией Гладстона [1]. 11 октября Генеральный Совет подтвердил это мнение и в ответе бирмингемскому священнику О'Нейлу высказался за борьбу под лозунгом признания республики, а не посредничества держав [2].

О неуклонном стремлении Маркса и его сторонников возобновить активную кампанию против захватнических планов Пруссии, в защиту Французской республики свидетельствует состоявшийся в конце октября 1870 г. митинг Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне и лондонского рабочего клуба «Тевтония». Этот митинг был организован в ответ на собрание, созванное «бисмарковским» лондонским немецким клубом «Freund-

[1] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/4, л. 278).
[2] Там же, л. 279.

schaft» с целью выразить, якобы от имени массы немецких рабочих в Лондоне, согласие с аннексионистскими требованиями Бисмарка. Первая попытка, 11 октября, провести такое решение была сорвана оппозицией рабочих, и только на вторичном заседании 18 октября клуб «Freundschaft» смог принять соответствующую резолюцию.

Просветительное общество и клуб «Тевтония» устроили свое собрание несколькими днями позже и в своей резолюции резко выступили против клеветнического изображения немецких рабочих в Лондоне сторонниками аннексии. Сама аннексия была названа «преступлением против международного права». Резолюция отмечала ее полную бессмысленность с точки зрения безопасности Германии и вздорность бисмарковского требования «материальных гарантий»[1]. Резолюция митинга была проникнута идеями, близкими содержанию второго воззвания Генерального Совета и «Заметок о войне» Энгельса, что объясняется участием в организации этого митинга членов Генерального Совета, сторонников Маркса и Энгельса — Эккариуса и Лесснера. Митинг Просветительного общества немецких рабочих является единственным митингом в октябре 1870 г., о котором сохранились сведения.

Тем не менее, спад активности в деле организации митингов и демонстраций за признание Французской республики отнюдь не означал перемену в настроении масс. В ноябре 1870 г. демократический журнал «Contemporary Review» отмечал: «Громадное большинство английских рабочих глубоко симпатизирует Франции в ее теперешней борьбе, обстоятельства которой изменились»[2].

Демократическая печать продолжала требовать от правительства активных действий в защиту Франции, указывая, что надежды на «умеренность» Пруссии и прекращение ею войны после падения империи не оправдались. Продолжение войны после Седана, по совершенно правильному мнению «Contemporary Review», означало превращение ее в войну против французского народа.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 188, ед. хр. 6675.

[2] «The Contemporary Review», v. 15, 1870, p. 660.

Демократические круги Англии требовали от английского правительства взять на себя инициативу в организации коллективного выступления нейтральных государств Европы в пользу мира. Выдвигалась идея передачи спорных вопросов между Францией и Пруссией на рассмотрение европейского конгресса. «Мы не имеем политических интересов в этой войне...— утверждала демократическая печать,— мы настоятельно заинтересованы только в одном, в прочном мире между Францией и Германией» [1].

В письме к Кугельману от 13 декабря 1870 г. Маркс так характеризовал настроения в Англии: «Здесь, в Англии, в начале войны настроение общества было ultra-прусским, теперь его сменило прямо противоположное... Кроме решительной симпатии народной массы к республике и досады привилегированных классов по поводу очевидного союза Пруссии и России, по поводу наглого тона прусской дипломатии со времени военных успехов,— кроме этого, всеобщее негодование вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников и тому подобные повторения Тридцатилетней войны» [2].

Каковы же были причины временного свертывания митингов и демонстраций в защиту республики? Во-первых, рабочая масса несомненно была сбита с толку заверениями Гладстона о полном согласии с рабочими требованиями и о решении правительства признать любое правительство Франции после выборов. Такое заявление премьера заставило рабочих поверить в то, что признание республики состоится в самое ближайшее время, поскольку правительство национальной обороны первоначально назначило выборы на 16 октября.

В распространении иллюзий относительно намерения английского правительства немедленно признать Французскую республику и содействовать прекращению войны сыграли немалую роль оппортунистические лидеры тред-юнионов. Вопреки линии Маркса, намеченной во втором воззвании Генерального Совета и предусматривающей

[1] «The Contemporary Review», v. 15, 1870, p. 658—659.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 80.

сочетание борьбы за поддержку Французской республики с разоблачением политики всех европейских государств, в том числе и своекорыстной английской дипломатии, лидеры тред-юнионов старались удержать кампанию за поддержку республики во Франции в рамках лояльности по отношению к Гладстону и его правительству. Здесь проявилась «респектабельность» английских правых тред-юнионистов и тяготение к сотрудничеству с буржуазией. Лидеры тред-юнионов способствовали обману Гладстоном английских трудящихся демагогическими фразами и посулами.

Во-вторых, по всей Европе в это время усиленно циркулировали слухи о мире, возбуждаемые переговорами Фавра и Бисмарка и поездками бывших бонапартистских дипломатов и генералов Ренье, Буйе и Бурбаки из Франции в Числхерст, где жила бывшая императрица Евгения, а из Числхерста в Мец и Версаль. Эти слухи усиленно муссировались в английской буржуазной прессе и оказывали благоприятное влияние на биржевые курсы.

Наконец, в-третьих, внимание английских рабочих было в значительной мере отвлечено начавшимся в первых числах ноября 1870 г. новым международным кризисом, вызванным денонсацией царской Россией статей Парижского договора 1856 г., ограничивавших ее вооруженные силы на Черном море.

* * *

Для того чтобы глубже понять причины неудачи сентябрьской кампании английских рабочих за признание Французской республики, необходимо рассмотреть некоторые стороны внешней политики буржуазной Англии в конце 1870 года.

Испуганное чрезмерным усилением Пруссии, испытывающее давление общественного мнения внутри страны, английское правительство после Седана предприняло некоторые нерешительные шаги в помощь Франции. При посредстве Гранвилла и Лайонса 18 сентября в Ферьере под Парижем состоялось свидание Фавра с Бисмарком, окончившееся безрезультатно. Этим и ограничились действия английского правительства, продолжавшего в целом придерживаться выгодной для Пруссии дипломатической пассивности.

13—18 сентября в Лондоне находился Тьер, который от имени правительства национальной обороны просил о посредничестве Англии. Комментируя начало переговоров Тьера в Лондоне, близкая к правительству «Daily News» писала, что вряд ли это может привести к изменению позиции Англии, так как Тьер представляет правительство, не признанное не только Англией, но даже им самим [1]. Так и случилось. Тьер был весьма любезно встречен Гладстоном и Гранвиллом, но английские министры, заверяя его в своем желании поддерживать дружественные отношения с французским правительством, отказали ему в поддержке на том основании, что французское правительство еще не получило санкции страны в виде всеобщих выборов. Таким образом, рассыпаясь в дружеских чувствах к Франции, английские дипломаты фактически предавали ее на растерзание агрессору.

Такая позиция отчасти объяснялась военной слабостью и внешнеполитической изоляцией Англии в тот момент. По подсчетам «Daily Telegraph» Англия располагала в ноябре готовой армией всего в 35 тысяч человек (при общей численности 55 тысяч) и даже после мобилизации ее военных сил на континент могло быть переброшено не более 90 тысяч человек и 180 орудий [2]. Для серьезной борьбы с Пруссией на стороне Франции необходимо было иметь союзников на континенте, которых у Англии не было. Современный английский исследователь А. Тейлор верно замечает: «Английская политика в Европе требовала наличия союзника на континенте. Союзника не было, следовательно, не могло быть и политики» [3].

Однако главной причиной пассивности английского правительства и его проволочек в вопросе о признании Французской республики был страх перед возможным революционным оборотом событий во Франции, которым было охвачено «либеральное» правительство Гладстона и вся английская буржуазия. Английской буржуазии внушали серьезные опасения политический подъем во

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», д. 103, л. 87.

[2] Там же. д. 104, л. 310.

[3] *А. Тейлор.* «Борьба за господство в Европе. 1848—1918». М., 1958, стр. 233.

Франции, широкий размах народного сопротивления, вооружение народных масс и революционные выступления в стране. Английское правительство отнеслось с недоверием даже к некоторым буржуазным деятелям национальной обороны. Такой умный и осведомленный наблюдатель, как русский посол граф Бруннов 28 сентября доносил канцлеру Горчакову, что правительству, «воспитанному на доктрине парламентского большинства в Англии, трудно привыкнуть к мысли, что приходится видеть, как такая великая страна, как Франция, управляется партией, возможно и значительной численно, которая при ныне павшей империи заседала на левых скамьях Законодательного корпуса». Хотя заявление Тьера, что правительство твердо намерено охранять общественный порядок в стране, принято весьма благожелательно, сообщал далее Бруннов, английский кабинет поддерживает de facto отношения с французским правительством, называя его «правительством национальной обороны», «но оттягивает официальное признание до выборов» [1].

Для правящих кругов Англии приверженность буржуазному «порядку» таких официальных и неофициальных представителей французского правительства, как Трошю, Тьер и др., была несомненной, но они сомневались, удастся ли «благомыслящим» членам правительства национальной обороны предотвратить революционный взрыв и не допустить к власти более левые элементы.

Значительная часть английской буржуазии в это время рассчитывала избавить Францию, а может быть и всю Европу. от «красной опасности» путем восстановления империи. «Times» еще в конце августа утверждала, что Германия должна вести мирные переговоры только с императором. Гранвилл 1 сентября, накануне Седана, заявил Бруннову, что для Англии перемена власти во Франции нежелательна, так как Наполеон III всегда стремился к сотрудничеству с британским правительством во внешнеполитических вопросах, а его торговая политика была выгодна английским капиталистам. По-

---

[1] Бруннов — Горчакову, 28/16 сентября 1870 г. (АВПР, ф. «Канцелярия», д. 82, лл. 111—112).

этому английский кабинет выразил согласие на выдвинутое в конце августа 1870 г. французским министром иностранных дел Латур д'Овернем в качестве исходного пункта для мирных переговоров условие сохранения династии Бонапартов [1].

Весьма осведомленная в вопросах внешней политики газета «Independence Belge» в корреспонденции из Лондона от 22 октября писала, что осажденного со своей армией в Меце маршала Базена надо рассматривать скорее как наместника императора, а не как генерала республики; что сговор его с прусским правительством считается возможным, а выдвигаемые пруссаками условия бонапартистской реставрации приемлемыми [2].

Если в самом начале войны Англия была готова даже вмешаться в конфликт в случае угрозы Бельгии, то, когда эта угроза уже отпала, ее отношение к империи становится все более благоприятным. Это было вызвано прежде всего боязнью роста революционного движения во Франции. В реставрации империи английские правящие классы видели также преграду чрезмерному усилению Пруссии.

Особенно настаивали на восстановлении империи консервативные газеты. В двадцатых числах сентября «Morning Post» заявила, что только бонапартисты сейчас способны руководить Францией. Ей вторила «Daily Telegraph», объявившая бесславно плененного императора единственным человеком, способным трезво разобраться в поразившем Францию кризисе [3]. В конце октября «Morning Post» прямо писала, что Франция не должна надеяться на свое слабое правительство, а предоставить ведение дел военным [4].

Буржуазное общественное мнение Англии явно переходило на сторону Франции. Боязнь чрезмерного усиления Пруссии, превращавшейся в могущественнейшую военную державу континента, все сильнее чувствовалась в английских буржуазных кругах. «Определенно, что большинство англичан живо желают успеха францу-

[1] АВПР, ф. «Канцелярия», д. 82, лл. 52—56.
[2] АВПР, ф. «Пресса», д. 104, л. 59.
[3] Там же, д. 103, лл. 151, 213.
[4] Там же, л. 52.

зам»,— писала 4 декабря французская консервативная газета «Nord»[1]. Английская буржуазия готова была торговать с Францией, поставлять ей вооружение. До 15 февраля 1871 г. французская армия получила из Англии 6 млн. патронов и 5 млн. капсулей[2], однако воевать на стороне Франции английская буржуазия не собиралась. Еще больше, чем рост могущества Пруссии, ее беспокоил рост народного движения во Франции. После провала планов бонапартистской реставрации большая часть английской буржуазии стала стремиться к прекращению войны и предотвращению революции путем капитуляции Франции. Английская буржуазия инстинктивно чувствовала, что продолжение национальной обороны может привести к дальнейшему революционному подъему во Франции. Избавление от этой опасности она видела если не в восстановлении монархии, то, по крайней мере, в сдаче Франции на милость победителя.

25 ноября (3 декабря нового стиля), рисуя настроения английской буржуазии, Бруннов доносил Горчакову:

Английское правительство весьма желает скорейшего разрешения кризиса, но испытывает сильное давление со стороны миролюбиво настроенной «радикальной партии» (т. е. манчестерцев), представителем которой в кабинете является глава департамента торговли Брайт, угрожающий своей отставкой в случае воинственных действий.

Хотя прусские успехи и возбудили воинственные инстинкты среди молодежи и волонтеров и появилась некоторая склонность к авантюрам на суше и на море, но классы, «заинтересованные в промышленности, торговле и финансах», решительно стоят за мир. Не склонны к решительным действиям и консерваторы, а нападки Дизраэли на политику правительства по отношению к России, Франции и Пруссии объясняются главным образом причинами личного характера[3]. Несколько позже Бруннов писал, что Гладстон опасается в палате общин не столько оппозиции консерваторов, сколько «сарказмов мистера Дизраэли».

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», д. 105, л. 44.
[2] *Chuquet*. «La Guerre 1870—1871». Paris, 1913, p. 207.
[3] АВПР, ф. «Канцелярия», 1870, д. 82, лл. 259—261.

Из Англии шли советы французской буржуазии поскорее стать на путь «национальной измены». В течение сентября — октября 1870 г. английские газеты «Times», «Standard», «Morning Post», «Daily Telegraph» неоднократно заявляли о невозможности для Франции продолжать сопротивление и о необходимости примириться с обстоятельствами.

Высказываясь за прекращение войны, английские буржуазные газеты не скрывали, что считают нужным, чтобы этот мир был заключен за счет национальных интересов Франции. «Times», «Daily News», «Daily Telegraph» предлагали Франции купить мир уступкой Эльзаса и Лотарингии. «Нейтральные державы не должны навязывать Германии условия мира»,— писала «Daily News» [1].

Для английских газет в это время тема перемирия являлась основной, как отмечала 6 ноября газета «Nord» [2].

Английский кабинет в основном разделял эти настроения массы буржуазии. Лишь отдельные министры (например, министр внутренних дел Брюс) стояли за активное вмешательство на стороне Франции. Выражая позицию правительства, министр финансов Лоу 27 сентября заявил на одном из митингов, что в данный момент никакое официальное вмешательство невозможно [3]. 11 ноября Гранвилл и Гладстон выступили на банкете у лорд-мэра Лондона. Гранвилл в своей речи заявил, что результаты английского посредничества «предвидеть трудно», а Гладстон отметил, что целью английской политики является «мир, приемлемый для Германии и не наносящий оскорбления достоинству Франции» [4]. Так как германские условия мира к тому времени были уже достаточно известны, то фраза о «достоинстве Франции» была лишь типичным образцом гладстоновского лицемерия. В этих выступлениях руководители правительства по существу предлагали Франции признать себя побежденной и подчиниться победителю.

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», д. 103, л. 78.
[2] Там же, д. 104, л. 138.
[3] Там же, д. 103, л. 161.
[4] Там же, д. 104, л. 179.

Французская газета «Constitutionel» могла с полным правом еще в конце сентября с горечью заявить: «Тон английских газет... не оставил у нас иллюзий относительно образа действий, которого Франции следует ожидать от своей бывшей союзницы» [1].

В первой половине ноября 1870 г. в Европе произошли события, осложнившие положение английского правительства. 9 ноября в Англии была получена русская нота о денонсации статей Парижского договора 1856 г., ограничивавших права России на Черном море.

Правящие круги Англии решили противодействовать этому акту России, но не путем вступления в борьбу с неоформленной, но намечающейся коалицией двух военных держав Европы — Пруссии и России,— а посредством заигрывания с Пруссией и привлечения ее в восточном вопросе на свою сторону. Такой образ действий английской дипломатии исключал всякую возможность признания Англией Французской республики.

В конце ноября Гранвилл направил в Версаль специального посла Одо Рассела для переговоров с Пруссией о совместных действиях против России. Но в расчеты Бисмарка ссора с Россией не входила. Миссия Рассела кончилась полным провалом, Бисмарк выдвинул контрпредложение — передать русскую ноту на рассмотрение конференции европейских держав.

Это поражение английской дипломатии вызвало сильное возмущение в стране. Правительство Гладстона обвиняли в слабости, в недальновидности, с которой оно допустило разгром своего союзника в восточном вопросе — Франции. Первоначально правительство было настроено довольно воинственно. Бруннов полагал даже, что английские министры, чтобы сохранить свои портфели, могут решиться на войну с Россией [2].

К таким действиям английское правительство побуждали консервативные газеты «Standard», «Morning Post», «Daily Telegraph», требовавшие создания общеевропейской антирусской коалиции.

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», д. 103, л. 134.

[2] Бруннов — Горчакову, 19 ноября 1870 г. (АВПР, ф. «Канцелярия», д. 82, лл. 189—191).

Но масса английской буржуазии, особенно манчестерцы, были решительно против войны. В середине декабря из кабинета в знак протеста против воинственных настроений некоторых его членов вышел Брайт, что еще более ослабило позиции правительства внутри страны. В военном отношении Англия была подготовлена очень слабо (имелось, как уже указывалось, 55 тысяч войск и резерв в виде 80 тысяч волонтеров) [1]. Воинственный пыл даже самых рьяных сторонников войны охлаждала перспектива революционных событий в Европе и превращения франко-прусской войны в войну европейской демократии против блока контрреволюционных государств. Страх перед такой опасностью был одной из главных причин «миролюбия» английской буржуазии. Английскому правительству в такой обстановке оставалось только дать согласие на конференцию держав, назначенную на 10 января 1871 г. в Лондоне, и попытаться обеспечить участие в ней единственной державы, на помощь которой Англия могла рассчитывать,— Франции, предварительно принудив ее капитулировать, чтобы сохранить силы для подавления революции внутри страны и для поддержки Англии вовне.

В начале декабря 1870 г. Гранвилл, сообщая турской делегации правительства национальной обороны о предстоящей конференции держав в Лондоне по поводу денонсации Россией упомянутых статей Парижского договора, советовал заключить мир с Германией, чтобы иметь возможность принять участие в работе конференции. Капитуляция перед Пруссией здесь по существу была выставлена условием допущения Франции на конференцию европейских держав. Так как ответа не последовало, то Гранвилл вступил по этому вопросу в переговоры с поверенным правительства национальной обороны в Лондоне Тиссо, тоже окончившиеся безрезультатно [2].

Английское правительство по существу стало на путь оказания давления на Францию, побуждая ее капитулировать. Такая позиция объясняет и политику всяческого

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», д. 104, л. 310.

[2] Бруннов — Горчакову, 25 ноября (7 декабря) 1870 г. (АВПР, фонд «Канцелярия», 1870, д. 82, л. 276).

затягивания решения вопроса об официальном признании Французской республики. Об этом признании английские газеты и официальные документы в октябре — ноябре 1870 г. не обмолвились ни словом.

Английские рабочие резко высказались против действий царской дипломатии и стояли за решительное противодействие политике царизма. Наиболее передовые элементы рабочего класса, в противовес английской буржуазии, связывали отпор царизму с борьбой за признание Французской республики. Объявление о созыве европейской конференции послужило для английского рабочего класса поводом предпринять новые энергичные действия в пользу республики во Франции.

* * *

В конце декабря 1870 г. в Англии начался новый подъем движения за признание Французской республики. Этот подъем был связан с очередным критическим периодом в военных действиях во Франции и ожидаемой в середине января конференцией держав в Лондоне. С конференцией демократическая общественность связывала надежды на возможное вмешательство в пользу Франции. Наконец, новый подъем движения был вызван упорным молчанием кабинета, продолжавшего,— вопреки заверениям, данным Гладстоном рабочей делегации,— не признавать Французскую республику.

«В июле 1870 г. дух англичан был возмущен вторжением, замышленным военным тираном. В январе 1871 г. ситуация совершенно изменилась. Благородная и героическая оборона Германии отошла в прошлое. Вместо нее мы видим народ, отравленный победой и жаждой завоеваний,— писала «Bee-Hive».—...Уничтожение мощи Франции в Европе означало бы сведение влияния Англии к нулю, так как она потеряла бы единственную державу, в которой находила сердечного союзника в национальной политике»[1]. Демократическая печать настойчиво указывала правительству на опасность чрезмерного усиления Германии. Она упрекала его в пруссофильстве, в забвении национальных интересов. Журнал

[1] «The Bee-Hive», 1.I.1871, стр. 1.

«Contemporary Review» в январе 1871 г. писал: «Теперь еще более ясно, чем раньше, что после седанской катастрофы долгом Англии является вмешательство в пользу мира, совместимого с безопасностью и честью Франции» [1].

Вместе с тем демократическая и в значительной мере тред-юнионистская печать всячески восхваляла буржуазную республику во Франции и ее правителей, изображая их верными хранителями революционных традиций. «Bee-Hive», например, доказывала, что Французская республика якобы отвечает интересам и чаяниям подавляющего большинства французского народа и писала о прочности и стабильности установившегося во Франции режима.

17 декабря на Трафальгар-сквер состоялась демонстрация сочувствия Франции, на которой Уэстон и Брэдло внесли резолюции, осуждающие «равнодушие правительства к страданиям французов» и требующие признания республики законной властью Франции [2]. Митинги и демонстрации в Лондоне состоялись 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 16 и 23 января. Проходили они также в провинции, в Бирмингеме, Манчестере и Шотландии. Эти митинги носили гораздо более бурный характер, чем в сентябре 1870 г., а выдвигавшиеся требования были определенны и решительны. Участники митингов требовали от правительства немедленного выступления в пользу Франции, мирного посредничества всех европейских государств или только одной Англии, признания республики. Ораторы и резолюции митингов указывали правительству, что оно должно употребить для этого все свое влияние и воспользоваться созывом международной конференции. На митингах много раз повторялось выдвинутое лидером буржуазных радикалов-позитивистов Р. Конгривом еще в сентябре, но не получившее тогда распространения, требование военного вмешательства в пользу Франции. Это требование подкреплялось ссылками на новую серию тяжелых поражений французских войск в декабре — январе под Луаньи, Орлеаном, Ле Маном и т. д.

---

[1] «Contemporary Review», v. 16, 1871, p. 518.

[2] «The Bee-Hive», 24.XII.1870, стр. 708.

Необходимо отметить, что, хотя основную массу участников митингов и составляли рабочие, их главными ораторами были представители буржуазно-демократических кругов: Брэдло, Холиок, Бизли, Конгрив и другие. Из числа лидеров тред-юнионов в январской кампании особую активность проявил Оджер. В ней участвовали также члены Генерального Совета Интернационала Эккариус, Аплгарт, Уэстон, Дюпон.

4 января митинг в Лондоне принял резолюцию, требующую признания республики de facto, и направил послание Гладстону, в котором настаивал на энергичном вмешательстве для прекращения войны в интересах Англии [1].

В адрес премьер-министра было направлено большое количество посланий и от участников других митингов с изложением их требований. На первой неделе января, ввиду отказа Гладстона принять рабочую делегацию, представители рабочих обществ послали ему большой меморандум по вопросам внешней политики. Указывая на опасность для страны, которая состоит в ослаблении союзника, создании в Европе сильной военной монархии и угрозе европейскому равновесию, авторы требовали от английского правительства энергичного вмешательства в пользу мира на приемлемых для Франции условиях. Меморандум подчеркивал, что отказ признать республиканское правительство Франции, которое «доказало свою способность управлять объединенной нацией в войне и успешно завоевало общественное доверие» [2], до выборов является вмешательством во внутренние дела суверенного государства и играет на руку уже совершенно явной захватнической политике Пруссии. «Мы думаем, что правительство должно решительно довести до сведения всей Европы, что эти планы вызывают в Англии сильное неодобрение» [3]. В случае если давление держав на Пруссию не достигнет цели, «Англия, по нашему мнению, должна немедленно поддержать сопротивление Франции и в качестве помощи объявить войну Пруссии» [4].

[1] «The Bee-Hive», 7.I.1871, стр. 13.
[2] Там же, стр. 2.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 3.

В числе 32 человек, подписавших меморандум, были: Ледлоу, Ллойд Джонс, Хаттон, Конгрив, Бизли, Ф. Харриссон, Поттер и члены Генерального Совета Оджер, Аплгарт и Эккариус.

В январе 1871 г. новая кампания за мир и помощь Франции была в полном разгаре. Она приняла такие размеры, что вызвала беспокойство в европейской прессе и в русском министерстве иностранных дел, пресс-бюро которого поспешило донести о ней канцлеру Горчакову.

Газета «Nord» в январе писала: «Тенденция вмешательства в франко-германский конфликт продолжает проявляться в Англии в виде демонстраций». Отмечая, что главные участники их рабочие и влиятельные вожди тред-юнионов, в частности Оджер, газета указывала, что демонстрации требуют от правительства «употребить все свое влияние в пользу новой республики», не останавливаясь перед войной [1].

Позиция тред-юнионов в январе 1871 г. была определена Аплгартом в переговорах с секретарем Жюля Фавра Ретленжером следующим образом: «Наша платформа предполагает признание Французской республики нашим правительством и, если это будет нужно, вооруженное вмешательство» [2].

5 января состоялся митинг в Холл-оф-Сайнс в Лондоне. Открывая его, председатель Холлиок заявил, что задачей митинга является «определить задачи английского народа по отношению к конференции, которая должна состояться в Лондоне». Собравшиеся приняли три резолюции: «1) Митинг призывает британское правительство употребить на конференции все влияние цивилизованной Европы, чтобы склонить воюющие стороны к немедленному и почетному миру»; «2) Митинг протестует против пруссофильских настроений правительства, проявившихся в поспешности, с которой британские представители поздравили Вильгельма с принятием императорского титула»; «3) Митинг призывает жителей Лондона в связи с предстоящим приездом Ж. Фавра устроить ему встречу, которая доказала бы, что англий-

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», д. 105, л. 228.

[2] Юнг — Марксу, 17 января 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2245).

ский народ питает к Франции более теплые чувства, чем его правительство» [1].

Выступившие на этом митинге ораторы клеймили захватнические планы Пруссии, зверские методы ведения войны, политику английского правительства, не желающего признавать республику, и призывали рабочих к активному давлению на кабинет: «Если бы вокруг палаты общин собралось четверть миллиона народу,— сказал Брэдло,— и они сказали бы, что англичане готовы свергнуть правительство, которое не желает действовать ради всеобщего блага, то оно побороло бы враждебные влияния». Ораторы высоко оценили сопротивление Франции агрессору: «Героические усилия французского народа в защиту существования и чести его страны вызвали всеобщее сочувствие». Митинг закончился чтением написанных в честь Франции стихов и пением «Марсельезы» [2].

На всех митингах в январе 1871 г. чувствовалось сильное возбуждение против правительства. «Не могло быть ошибки в определении симпатий аудитории,— писала рабочая газета «Eastern Post» о рабочем митинге, состоявшемся 10 января в Сент-Джемс-холле.— Не было ни одного человека, дружелюбно настроенного по отношению к нашему собственному правительству» [3].

На митинге, состоявшемся в Ист-Энде 5 января 1871 г., некий рабочий Хаслам предложил резолюцию: «Наш долг довести до сведения немцев и французских республиканцев, что мы не удовлетворены правительством, которое отказывается признать сражающуюся за свободу республику во Франции» [4]. Хаслам очень верно отметил причины непризнания: «Аристократия не хочет республики во Франции. В этом случае народ мог бы сказать. что наша королевская семья обходится слишком дорого. Члены парламента не думают о гуманности, они думают о хлопке, дивидендах и о всяких низменных вещах» [5]. На этом же митинге один из ораторов заявил:

---

[1] «The Eastern Post», 7.I.1871.
[2] Там же.
[3] Там же, 14. I. 1871.
[4] Там же.
[5] Там же.

«Общественное мнение должно принудить правительство или исполнить свой долг, или уйти и очистить место для подлинно национального правительства» [1]. Другой оратор пригрозил правительству, что настроение масс может побудить их не ограничиваться одними митингами.

На громадном митинге, состоявшемся 6 января 1871 г. в Ист-Энде под председательством члена Генерального Совета Кона, радикал Брэдло заявил: «Если лорд Гранвилл хочет действовать в пользу Пруссии, пусть убирается в Берлин. Английский народ создал кабинет, членом которого он является, и, если кабинет позорит страну, народ его свергнет» [2]. Выступивший на этом же митинге Оджер заявил: «Долг английского народа протестовать против продолжения войны и, если его голос будет отвергнут, надо заявить правительству, что он не успокоится, пока города подвергаются бессмысленным бомбардировкам, деревни сжигаются, женщин выгоняют из их домов, а дети бродят по лесам. Я за мир, за мир даже ценою войны» [3].

Такие же речи произносились на «большом митинге рабочего класса» в Бирмингеме 24 января. На каждом митинге ораторами отмечался сильный рост республиканских настроений в Англии.

23 числа на Трафальгар-сквер у подножия памятника Нельсону состоялся самый крупный в январе 1871 г. митинг. Ему предшествовала демонстрация, участники которой несли красные знамена и шли с красными повязками и во фригийских колпаках. Демонстрация прошла по самым населенным улицам этого района. Демонстрация и митинг длились более двух часов; несмотря на плохую погоду, в них участвовало 3—4 тысячи человек.

Председательствующий на митинге Оджер заявил: митинг устроен с целью еще раз напомнить правительству, что оно должно прислушаться к голосу рабочих и обратить внимание на события во Франции. «Рабочий класс заявляет лорду Гранвиллу, что вместо интересов немецких принцев, он должен представлять добрые чувства, устремления и желания английского народа»,—

---

[1] «The Eastern Post», 14. I. 1871.

[2] Там же.

[3] Там же.

сказал Оджер при одобрительных возгласах слушателей [1].

Оджер призвал правительство организовать и возглавить общее давление нейтральных государств на Пруссию. «Чего хотят английские рабочие? — продолжал он.— Они вовсе не хотят вовлечь Англию в войну, но они хотят потребовать от Пруссии условий мира, приемлемых для французского правительства» [2].

Митинг единодушно принял три резолюции. Первая, предложенная ирландским рабочим Фаганом, гласила: «Митинг взирает с возмущением и ужасом на жестокую и безжалостную войну, которую ведет во Франции прусский деспот, который, призывая имя божие, предает селения огню, бомбардирует и захватывает города, отнимает у жителей пищу, одежду и деньги, добавляет ко всем разрушениям расстрелы и керосиновые бомбы, посылает огонь на головы 2 миллионам мужчин, женщин и детей в Париже. Митинг выражает свое сочувствие благородному народу, который, невзирая на голод и болезни, в течение 4 месяцев этой безжалостной и варварской войны, не имеющей примеров в истории, защищает свои семейные очаги и дома» [3].

Вторая резолюция, осуждающая продолжение войны, «как действие против мира, прогресса и цивилизации», требовала от правительства «немедленно войти в сношения с нейтральными державами для выяснения, согласны ли они действовать вместе с Англией, чтобы приостановить эту войну любыми средствами» [4].

Третья резолюция призывала лондонцев принять участие в торжественной встрече Фавра или другого французского представителя на конференции.

На митингах в январе 1871 г. часто раздавались весьма резкие отзывы в адрес прусской военщины, в адрес «высокомерного и глупого старого короля» Вильгельма, как назвал его Оджер, и кронпринца Фридриха-Вильгельма. Эти отзывы отражали возмущение английского рабочего класса захватнической политикой и звер-

---

[1] «The Eastern Post», 28.I.1871.
[2] «The Bee-Hive», 28.I.1871, стр. 11.
[3] «The Eastern Post», 28.I.1871.
[4] Там же.

ствами пруссаков во Франции. Очень многие ораторы подчеркивали опасность, которую для Европы представляет аннексия Эльзаса и Лотарингии и образование милитаристской Германской империи.

Характеризуя настроения в Англии, Маркс 21 января писал: «Мы возбудили здесь сильное движение в рабочем классе против Гладстона (за Французскую республику), которое, вероятно, приведет к его падению»[1]. 4 февраля Маркс писал Кугельману: «В самом деле, эти требования [условия мира, выдвинутые Бисмарком.— *Ф. Р.*] вызвали полный переворот взглядов даже у миролюбиво настроенной буржуазии Англии. Все теперь стоят за войну. Эта провокация Англии и этот ущерб ее интересам взбесили даже буржуа. Более чем вероятно, что благодаря этой *прусской «мудрости»* Гладстон и К° получат отставку и будут заменены министерством, которое объявит войну Пруссии»[2].

В январе 1871 г. в рабочих митингах и демонстрациях можно отметить еще одну черту — весьма сочувственное, если не восторженное, отношение к правительству национальной обороны, которому героическое сопротивление парижских рабочих и французских армий в провинции создали в Англии совершенно незаслуженную популярность. Этой популярностью пользовались не только сторонники сопротивления (Гамбетта), но и прямые предатели — Фавр и Трошю. Их восхваляли на митингах, им кричали «ура». Большую роль в популяризации правительства национальной обороны сыграли в Англии буржуазно-демократические деятели типа Брэдло и реформистские лидеры тред-юнионов вроде Оджера, который даже называл Фавра и его коллег «людьми мостовой».

На заседании Генерального Совета 17 января 1871 г. Маркс специально обратился к английским рабочим с новым предостережением относительно правительства национальной обороны. Он показал подлинный облик Фавра и его коллег, подчеркнул их враждебность рабочему классу. Маркс резко осудил Оджера и других тред-юнионистов за то, что они создавали фальшивый ореол

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 87.
[2] Там же, стр. 92.

представителям правящей французской буржуазии, сеяли на этот счет иллюзии в массах. Эта речь Маркса была напечатана без указания его имени 21 января в газете «Eastern Post»[1].

В январе 1871 г. в Лондоне находился личный секретарь и друг Фавра Ретленжер, по-видимому, имевший задание подготовить почву для приезда своего патрона. Ретленжер обратился к некоторым членам Генерального Совета с просьбой организовать в Лондоне в честь Фавра демонстрацию. Генеральный Совет решительно отклонил это предложение и вопреки позиции правых тред-юнионистов высказался против такой демонстрации[2].

Однако приготовления к демонстрации были сделаны другими, тред-юнионистскими и демократическими, организациями. Были даже намечены маршрут шествия и программа. При этом радикалы типа Брэдло, грозившие на митингах правительству гневом рабочих, при подготовке демонстрации больше всего заботились о сохранении порядка.

Во время подготовки к встрече Фавра произошел конфликт между волонтерами и военным министерством, которое запретило встречать Фавра в форме. В ответ волонтеры заявили, что когда военное министерство будет их одевать за свой счет, тогда оно и будет вправе запрещать им носить форму. Этот конфликт привел к отставкам и увольнениям во многих волонтерских частях.

Однако демонстрация в честь Фавра не состоялась, так как французский министр в Лондон не приехал.

* * *

Какова же была в это время позиция Маркса и Энгельса? Как уже было сказано, Маркс и Энгельс после 4 сентября и установления во Франции республики считали Германию нападающей стороной, ведущей захватническую несправедливую войну. Во втором воззвании Генерального Совета о войне Маркс наметил задачи международного и английского пролетариата на этом этапе войны, которые оставались в силе и в период ожив-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 619—620.
[2] Там же, стр. 370.

ления борьбы английских рабочих за признание Французской республики в январе 1871 года.

Во время январской кампании митингов за признание республики Маркс и Энгельс по-прежнему считали эту борьбу основной задачей английских рабочих и единственно возможной в тот момент реальной помощью французскому сопротивлению прусскому захватчику.

Маркс и Энгельс считали важным поддерживать республику во Франции, так как республиканский режим, при всей его буржуазной ограниченности, был благоприятным для политического и организационного укрепления рабочего движения во Франции. В сохранении республики во Франции они видели известную преграду влиянию в Европе контрреволюционных сил — Пруссии и царской России.

«Франция борется теперь не только за свою собственную национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы»,— писал Маркс в письме в газету «Daily News» 16 февраля [1].

В январе 1871 г. Маркс и Энгельс еще более убедились в антипатриотическом и предательском характере правительства национальной обороны. Они ясно видели, что Трошю, Фавр, Тьер и другие военные и политические руководители Франции не только обнаружили неспособность организовать народное сопротивление захватчику, но и всячески саботировали это сопротивление, ведя дело к сговору с внешним врагом во имя разоружения и подавления французского пролетариата. В статьях из серии «Заметки о войне» Энгельс уделял все больше места критике французского командования и политического руководства. Чем скорее такие люди, как Трошю, подчеркивал Энгельс, уйдут со своих постов, тем лучше для дела обороны Франции [2].

Борьбу за признание Французской республики Маркс и Энгельс сочетали с разоблачением ее капитулянтской верхушки, решительно выступая против раздувания популярности Фавра и его коллег, что делали Оджер, Брэдло и другие тред-юнионисты и радикалы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 288.
[2] Там же, стр. 245.

Другой особенностью тактики Маркса и Энгельса было стремление направить кампанию в защиту республики в русло борьбы за разоблачение политики английского правительства. Сорвать с Гладстона и его министров маску либерализма, показать, что позиция правящей олигархии означает попустительство контрреволюционным силам Европы и капитуляцию перед ними — такую цель преследовали Маркс и Энгельс, направляя деятельность Генерального Совета в кампании за признание республики во Франции. На конкретных примерах убедить рабочие массы Англии в необходимости решительной борьбы с господствующими классами, содействовать таким путем революционизированию их умов, укрепить чувство солидарности с борющейся трудовой Францией и рабочими других стран — такова была линия вождей Интернационала в этой кампании.

Немалую роль в определении их позиции сыграло предположение о назревании во Франции новых крупных классовых битв. Вовлекая рабочие массы Англии в кампанию поддержки республики и стараясь придать этой кампании правильное направление, Маркс и Энгельс стремились обеспечить симпатии и поддержку английского пролетариата трудящимся Франции на случай их нового революционного выступления.

Маркс и Энгельс в январе 1871 г., так же как и ранее, высказывались за совместные действия рабочего класса и буржуазных демократов в борьбе за признание республики во Франции. Маркс 3 января 1871 г., возражая на Генеральном Совете Харрису, который сожалел об участии в этом движении позитивистов, не являвшихся представителями рабочего класса, заявил: «Бизли и его друзья — единственные люди, которые кое-что сделали по данному вопросу» [1].

Но, стремясь установить союз с радикалами, Маркс и Энгельс отнюдь не желали передать в их руки руководство борьбой за признание республики, а рассматривали их как временных союзников. Маркс и Энгельс резко критиковали ошибки позитивистов и отстаивали

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/5, л. 309).

самостоятельную пролетарскую точку зрения по этому вопросу.

Под руководством Маркса и Энгельса члены Генерального Совета приняли активное участие в организации январских митингов и демонстраций с требованием признания республики и энергичного вмешательства в пользу Франции. Из состава Генерального Совета непосредственными участниками кампании в январе 1871 г. были Аплгарт, Юнг, Эккариус, Харрис, Дж. Хейлз, Уэстон, У. Хейлз, Дюпон. Многие из них находились в это время в постоянном контакте с Марксом, информировали его о ходе кампании, спрашивали и получали советы и указания.

Откликаясь на деятельность Генерального Совета в этой кампании, ветеран английского рабочего движения, бывший чартист Дж. Дж. Гарни, писал 10 февраля 1871 г. Марксу из США: «Я рад услышать, что усилия Интернационала имели такое хорошее влияние на рабочих Лондона. Действительно, по отношению к франко-германской войне Лондон действовал хорошо»[1].

В кампании активную роль играл Оджер, тогда еще остававшийся в Генеральном Совете. Однако его линия, как и линия некоторых других, входивших в Совет тред-юнионистов, расходилась с последовательно-пролетарской линией Маркса и Энгельса.

Восхваление правительства национальной обороны, саботажническая позиция связанного с манчестерцами Комитета мира, поддержка на митингах требований буржуазных радикалов, в том числе явно вздорных и авантюристических, предоставление буржуазным элементам ведущей роли в январской кампании, постоянные колебания и нерешительность — все это показывало, что у многих английских рабочих лидеров и в начале 1871 г. не было правильного понимания положения вещей и задач английского пролетариата в области внешней политики. Нужно было принять меры для того, чтобы убедить английских рабочих в правильности той позиции, которую отстаивали Маркс и Энгельс, показать ошибки лидеров тред-юнионов, а влиянию радикалов, стремив-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2267.

шихся повести за собой рабочие массы, противопоставить влияние Генерального Совета.

С этой целью Маркс и Энгельс 24 января 1871 г. предложили Генеральному Совету обсудить «вопрос о позиции рабочего класса Англии на данном этапе войны» [1]. Дискуссии по этому вопросу были посвящены четыре заседания Генерального Совета: 31 января, 7, 14 и 21 февраля 1871 года.

Во время прений Маркс и Энгельс неоднократно брали слово. Однако содержание их речей сохранилось в очень несовершенных записях, содержащих многочисленные неточности. Серьезные неточности были и в опубликованных «Eastern Post» отчетах о заседаниях Генсовета. Тем не менее общая направленность выступлений Маркса и Энгельса ясна даже из этих несовершенных записей.

В ходе дискуссии Маркс и Энгельс рассчитывали дать отпор буржуазному влиянию на рабочих: как влиянию манчестерцев, проводимому через Комитет мира, так и влиянию позитивистов, преобладавшему на митингах. Они надеялись направить движение в поддержку Французской республики на правильный путь, отстояв в нем принципы пролетарского интернационализма.

31 января Энгельс внес на рассмотрение Совета три резолюции, поддержанные Марксом:

«1. Движение рабочего класса в поддержку Французской республики должно вначале сосредоточить свои усилия на том, чтобы заставить английское правительство признать Французскую республику.

2. Военное вмешательство Англии в защиту Франции, как оно понимается теми, кто его предлагает, могло бы принести пользу только в определенное время, которое уже давно прошло.

3. Англия не только не способна эффективно вмешаться в события, происходящие на европейском континенте, но и не может защищать себя от военного деспотизма континентальной Европы до тех пор, пока она не вернет себе свободы использовать свою действительную

[1] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/5, л. 314).

военную силу — то есть свой морской флот, а эту свободу она может вернуть себе, только денонсировав Парижскую декларацию»[1].

Обосновывая эти резолюции, Энгельс указал в своей речи, какой вред движению за признание республики нанесли авантюристические требования военного вмешательства, выдвигавшиеся на рабочих митингах в январе 1871 года. Как можно было заставить правительство воевать за республику, спрашивал Энгельс, если не удалось заставить это же правительство признать ее? Энгельс отметил, что требование военного вмешательства, выдвинутое позитивистами и поддержанное тред-юнионистскими лидерами, внесло раскол в рабочий класс и способствовало переходу руководства движением за признание республики в руки лидеров-радикалов.

Энгельс подробно обосновал бессмысленность военного вмешательства в январе 1871 г., когда перевес был снова явно на стороне немцев и слабая английская армия ничего не могла бы сделать. Такое вмешательство имело бы известный смысл в ноябре — начале декабря 1870 г., во время успехов французских войск под Орлеаном и временно сложившегося равновесия сил во Франции. Тогда небольшая английская армия могла бы, как указывал в то время Энгельс в «Заметках о войне», образовать ядро формирующихся во Франции новых воинских соединений[2]. В то время имелась возможность образования коалиции европейских государств против Пруссии. Однако в январе 1871 г. и военная и внешнеполитическая обстановка настолько изменилась не в пользу Франции, что строить расчеты на непосредственное вмешательство Англии в тот момент было бы самообманом и авантюризмом.

Обосновывая третью резолюцию, требующую отказа от приложенной к Парижскому договору 1856 г. декларации держав о признании принципов вооруженного нейтралитета на море, запрещении каперств и т. д., Энгельс доказывал, что ее осуществление дало бы Англии возможность, создав царской России и Пруссии угрозу на море, расстроить русско-прусский военный

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 289.
[2] См. там же, стр. 180.

союз и в известной мере помешать усилению деспотических держав континента [1].

Выступивший после Энгельса тред-юнионист Бун согласился, что захват руководства движением буржуазными лидерами принес вред, но он возражал против оценки Энгельсом английской армии как слабой, неспособной оказать помощь французам, продолжая, таким образом, поддерживать требование вооруженного вмешательства.

Выступивший 7 февраля Уэстон поддержал мнение Буна и отстаивал совместные действия с буржуазией в пользу Франции, заявляя, что одни рабочие ничего не смогут добиться.

Лозунг военного вмешательства защищал также Эккариус, заявивший, что этот лозунг, на осуществление которого никто не надеялся, может послужить для распространения всеобщего недовольства правительством и сплочения рабочих [2].

14 февраля дискуссию продолжил Юнг, который резко критиковал Уэстона, а также Милнера, заявившего на предыдущем заседании, что цель Интернационала заключается лишь в улучшении экономического положения рабочего класса, и поэтому он не должен заниматься внешнеполитическими вопросами. Юнг, вполне в духе Маркса и Энгельса, доказывал, что именно позиция буржуазных деятелей в движении за поддержку республики вызвала его раскол, и отстаивал активное участие рабочего класса в политической борьбе, обвиняя Милнера в ее недооценке.

Маркс, выступивший на заседании 14 февраля, подвел итоги дискуссии и обосновал тактическую линию пролетариата в вопросе о признании республики. Маркс указал, что признание республики было чрезвычайно важно для Франции, что отсутствие этой политической помощи деморализовало ее оборону и было одной из причин капитуляции. Раскрывая причины капитулянтской позиции буржуазии, Маркс говорил: «Если бы республика была признана, то у нее были бы шансы на успех.

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/5, лл. 317—319).

[2] Там же, лл. 320—328.

Но когда признания не последовало, французы повернули назад. Имущий класс был скорее заинтересован в том, чтобы победила Пруссия, а не республика. Он очень хорошо знает, что рано или поздно республика должна стать социалистической, и поэтому он интригует против нее, и эти интриги сделали для Пруссии больше, чем Мольтке и его генералы».

Маркс показал в своей речи, что господствующие классы боятся республиканского режима, так как он создает опасность перехода власти в руки рабочего класса. Господствующие классы склоняются к военному деспотизму, бонапартистскому или подобному ему режиму. Указывая на важность для рабочего класса завоевания демократических свобод, Маркс подчеркнул стремление буржуазии покончить с этими свободами. В этом смысле он говорил, что «республика и буржуазное правительство больше не совместимы». Из речи Маркса видно, что он рассматривал борьбу за признание и сохранение республики отнюдь не как самоцель, а считал эту борьбу этапом на пути к установлению такого режима, который явился бы «политической формой для развития власти рабочего класса».

Маркс подчеркнул, что борьба за признание Французской республики являлась целью внешней политики английских рабочих и в данный момент, даже после того как была подписана конвенция о перемирии. Признание республики Англией на этой стадии помогло бы Франции противодействовать навязыванию ей Бисмарком грабительских условий мира.

Маркс показал, какой вред приносит рабочему движению руководство со стороны буржуазных и мелкобуржуазных радикалов в данной кампании. «Они могут или поддержать крупных капиталистов против народа или присоединиться к рабочему классу, но они ничего не могут сделать самостоятельно. Когда они присоединяются к рабочему классу, их нельзя допускать к руководству, потому что они опасные лидеры» [1]. Маркс указывал, что радикалы разделяют опасения буржуазии в отношении

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/5, лл. 331—334).

республики, «но они боятся Пруссии и поэтому стоят за войну» [1].

«Я совершенно уверен,— говорил Маркс,— что если бы рабочие проявили настойчивость и не позволяли бы ораторам из мелкобуржуазных доктринеров вмешаться в это дело, они могли бы добиться успеха» [2]. Но рабочие в этом движении не обнаружили достаточно энергии и самостоятельности. Эта часть речи Маркса была направлена против тред-юнионистских лидеров, которые вместо того, чтобы сыграть ведущую роль в совместных действиях с мелкобуржуазными демократическими кругами, плелись у них в хвосте и отдали руководство движением буржуазным радикалам. Маркс имел в виду и тех тред-юнионистских лидеров, которые под влиянием Рабочего комитета мира отказывались от участия в движении, от всякого союза с радикалами и тем самым ослабляли борьбу рабочих за признание республики.

В своей речи Маркс подверг резкой критике позицию английского правительства, показав внутреннюю фальшь и вместе с тем слабость английской дипломатии.

Заседание Генерального Совета 21 февраля было в основном посвящено исправлению отчетов о дискуссии в «Eastern Post». Заявления сделали Уэстон и Милнер. Уэстон защищал свою прежнюю позицию, Милнер же возражал против обвинения его в недооценке роли политической борьбы.

Дискуссия в Генеральном Совете по первым двум резолюциям, предложенным Энгельсом, не окончилась принятием каких-либо официальных решений. Необходимость в этом отпала, так как к этому времени был уже заключен прелиминарный мир между Францией и Германией и вопрос о признании республики утратил свою актуальность. Поэтому на заседании 14 марта эти резолюции были сняты и принята только третья резолюция — по поводу вооруженного нейтралитета. Однако эта дискуссия позволила Марксу и Энгельсу обратить внимание Генерального Совета и рабочих на весьма важные во-

---

[1] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65/5, лл. 331—334).
[2] Там же.

просы тактики рабочего движения, вскрыть слабые стороны кампании и извлечь из них необходимые уроки на будущее. Предложенные Энгельсом резолюции и изложение дискуссии были напечатаны в газете «Eastern Post» и таким образом дошли до английских рабочих и оказали свое влияние. Например, под воздействием критики пассивной и сектантской тактики Рабочего комитета мира рабочие стали отходить от него. Их отношение к позиции Комитета выразил Дж. Хейлз, направивший в начале марта 1871 г. Кримеру заявление о своем выходе из Комитета и осудивший Комитет за то, что он не выступил с протестом против навязанных Франции грабительских предварительных условий мира. Резко критикуя пассивность Комитета, Хейлз, который в то время выступал в духе позиции Маркса, стремившегося связать движение в защиту Французской республики с классовой борьбой пролетариата, заявлял: «Я... считаю, что лучший, самый быстрый и верный способ закончить войну — в том, чтобы отделаться от тиранов и правящих мошенников, *подобных нашим*»[1].

В ходе дискуссии, как и во время всей этой кампании, Маркс и Энгельс защищали активное политическое действие рабочего класса, его самостоятельную внешнюю политику, принципы пролетарского интернационализма.

Выступая против тенденций к сектантской замкнутости, Маркс и Энгельс отстаивали идеи совместных действий рабочего класса с демократическими силами страны. Но они следовали тактическому правилу, которое высказали еще в «Коммунистическом манифесте»: коммунисты поддерживают оппозиционные партии, но не смешиваются с ними и не делают им уступок в теории.

В ходе кампании за признание Французской республики Маркс и Энгельс упорно отстаивали самостоятельность линии рабочего класса, его независимость от политики мелкобуржуазных и буржуазных лидеров. Они боролись за завоевание рабочим классом и его боевой организацией — Интернационалом руководящей роли в общедемократическом движении.

---

[1] Дж. Хейлз — Марксу, 9 марта 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2287).

Призывая английских рабочих к борьбе за признание республики во Франции, Маркс и Энгельс считали это своим интернациональным долгом. Сохранение республиканского режима они считали важным условием для политического и организационного укрепления рабочего движения во Франции. Движение за поддержку республики Маркс и Энгельс использовали для мобилизации сил пролетариата на отпор всем силам международной реакции, начиная от контрреволюционных держав — Пруссии и царской России, кончая реакционными кругами английской и французской буржуазии. Пробуждая симпатии английских рабочих к трудящимся других стран, Маркс и Энгельс укрепляли международную пролетарскую солидарность.

* * *

В январе — феврале 1871 г. политика английской буржуазии и правительства в вопросе о признании республики продолжала оставаться весьма двусмысленной и уклончивой.

Не желая ссориться с Германией перед предстоящей международной конференцией, либералы не выступали за признание республики открыто и уклонялись от вмешательства в пользу Франции. Однако к этому времени либеральное правительство окончательно убедилось в готовности правящих кругов Франции любой ценой — даже ценой предательства — спасти буржуазный режим. Симпатии английских либералов стали все больше склоняться на сторону контрреволюционного правительства национальной обороны.

Консерваторы продолжали призывать к восстановлению империи. «Morning Post» в конце декабря и начале января доказывала, что правительство национальной обороны не признано страной, что Фавр и его коллеги не имеют «авторитета» для переговоров, что только система «императорской демократии» может быть выгодна для Франции. «Даже если Франция откажется принять самого императора,— писала газета,— нет причин отказываться от принятия его сына с императрицей... в качестве регентши. Очевидно, что Франция нуждается в какой-то власти. Так называемая республика привела в ходе

войны Францию к поражениям, еще более тяжелым, чем империя... Страна должна выбирать между республикой и Орлеанами. Но действия империи, за исключением последней войны, всегда были успешны. Император сделал больше, чем любое другое правительство, для обеспечения материального процветания Франции, и французский народ знает, что он не хотел этой войны [! — *Ф. Р.*]. Зачем же менять династию... разве невозможна реставрация империи?» [1].

С целью облегчения бонапартистской реставрации консервативные газеты стали в январе 1871 г. настаивать на дипломатическом вмешательстве в пользу Франции.

Обе буржуазные партии Англии сходились в одном — в общем беспокойстве по поводу неустойчивого внутреннего положения Франции, в боязни нового революционного взрыва. «Nord» 6 февраля отмечала, что английская пресса считает «внутренний разброд и анархию» во Франции более опасными, чем военные поражения и материальные потери страны [2].

Поэтому, по сообщению той же «Nord», английские газеты, как либеральные, так и консервативные, встретили сообщение о заключении 28 января 1871 г. перемирия между Францией и Германией с явным облегчением [3]. Франция получала возможность участвовать в Лондонской конференции и вести борьбу с «врагом внутренним». Поэтому английская либеральная пресса решительно высказалась против возобновления войны, осуждая лозунг «войны до конца» и предрекая в этом случае еще горшие поражения и несчастья.

Однако выдвинутые Германией грабительские условия мира вызвали в широких кругах Англии бурю возмущения. Даже близкая к правительству «Daily News» стала высказываться в тоне весьма резком, прямо заявляя, что «это мир репрессалий» и что «победитель Франции, владеющий таким флотом, какой он собирается захватить, будет опасным соседом для Англии» [4]. Вся

---

[1] АВПР, ф. «Пресса», 1871, д. 105, л. 89.
[2] Там же, л. 144.
[3] Там же, л. 106.
[4] АВПР, ф. «Пресса», 1871, д. 106, лл. 125, 247.

пресса стала требовать от правительства давления на победителя.

Но правительство всячески избегало решительных действий. Оно убедилось, что Германия и Россия взаимно поддерживают друг друга, и боялось идти на риск обострения отношений с двумя этими державами накануне конференции. Когда слабые попытки Гранвилла добиться рассмотрения на ней вопроса об условиях мира натолкнулись на решительное сопротивление прусского посла Берншторфа, поддержанное Брунновым, английский министр отказался от всякого давления на немецкое правительство.

Открывая 9 февраля сессию парламента, королева официально подтвердила правительственную позицию непризнания республики, заявив, что хотя «ни гармония, ни эффективность сношений между двумя государствами ни в малейшей степени не ухудшились», она в данный момент не считает возможным назначить во Францию своего официального представителя. В дебатах по вопросам внешней политики, состоявшихся в палате общин в середине февраля, правительство добилось одобрения и либералами и консерваторами своей позиции строгого нейтралитета.

В это время во Франции состоялись выборы в Национальное собрание, которому предстояло заключить мир с Пруссией. Вновь избранная «помещичья палата» поставила у власти ультраконтрреволюционное правительство Тьера и приняло Бордоский пакт — соглашение всех реакционных сил против революционного народа на основе временного признания республики.

Перед лицом такого оборота дел английская политика в вопросе о признании правительства Франции мгновенно изменилась. 18 февраля, сообщая Бруннову о сформировании правительства Тьера, Гранвилл выразил по этому поводу свое удовлетворение[1]. В этот же день Бруннов послал из Лондона Горчакову следующую шифрованную телеграмму: «Лайонс доносит об образовании правительства под председательством Тьера. Ему предо-

---

[1] Бруннов — Горчакову, 6(18) февраля 1871 г. (АВПР, ф. «Канцелярия», 1871, д. 66, л. 261).

ставлен выбор министров. Англия признает правительство немедленно. Гранвилл только что сказал мне об этом. Лайонс тотчас получит новые верительные грамоты в качестве посла»[1]. В конце февраля новый французский посол герцог де Бройль был официально принят в Англии. Внешне английское правительство как бы сдержало свое обещание признать после выборов любую власть во Франции, получившую санкцию «народного представительства». На деле именно в этом проявился весь контрреволюционный характер политики английской олигархии. Это был фактически акт признания не республики, а монархического Национального собрания и правительства, ставившего себе целью уничтожение демократических свобод и подавление революционного движения во Франции. Буржуазная Англия, упорно отказывавшаяся поддержать борьбу французского народа против прусского завоевателя, своим выбором момента для дипломатического признания республики фактически оказала поддержку вынашиваемым правительством Тьера планам войны с собственным народом.

* * *

Итак, кампания английских рабочих за признание республики во Франции не достигла своей цели. В тот период, когда признание могло оказать политическую помощь Франции в борьбе с иноземным вторжением, английское правительство отказало ей в поддержке.

Кампания борьбы за признание республики потерпела неудачу главным образом в результате политической незрелости рабочего класса Англии. В этой кампании можно выделить три направления: 1) Организация совместных действий рабочего класса и демократических кругов буржуазии под руководством Интернационала с целью такого давления на правительство, которое заставило бы его, вопреки его воле, признать Французскую республику в должное время,— революционно-пролетарская линия Маркса и Энгельса и марксистского ядра Генерального Совета Интернационала. 2) Полное невмеша-

---

[1] «Царская дипломатия и Парижская Коммуна», М.—Л., 1933, стр. 49—50.

тельство — оппортунистическая линия идущего на поводу у фритредеров Рабочего комитета мира. 3) Требование военного вмешательства в пользу Франции — линия буржуазных и мелкобуржуазных демократов-позитивистов (Холиок, Конгрив, Брэдло, Бизли) и примкнувших к ним лидеров тред-юнионов (Оджера, Аплгарта и др.). Благодаря политической неустойчивости лидеров тред-юнионов, в январе 1871 г. возобладала третья линия. В результате движение утратило единство, произошел раскол и ослабление единого фронта поддержки республики, за сохранение которого выступал Маркс. Этот раскол привел к ослаблению энергии рабочего класса и к неудаче всей кампании.

Но, несмотря на неудачу, эта кампания все же является важным эпизодом в истории рабочего класса Англии, в истории его борьбы с реакционной внешней политикой английского правительства.

Во-первых, она послужила средством для воспитания рабочего класса Англии в духе пролетарского интернационализма и братской дружбы с рабочими других стран, укрепила его международные связи. Кампания 1870—1871 гг. являлась непосредственным продолжением борьбы английских рабочих против попыток английской буржуазии вмешаться в Гражданскую войну в США на стороне южных рабовладельцев и предшественницей рабочих митингов солидарности с Коммуной. Эта кампания представляла собой одну из первых страниц в славной истории интернационалистских выступлений английского рабочего класса, составляющих его лучшие революционные традиции. Прямым развитием этих традиций явились митинги в защиту первой русской революции, движение «руки прочь от Советской России» в 1918—1921 гг. и другие героические акты пролетарской солидарности, совершенные английским рабочим классом.

Во-вторых, явившись подтверждением необходимости политических действий рабочего класса, кампания содействовала укреплению его классового самосознания, так как рабочие в ходе ее убеждались в важности противопоставления пролетарской политики политике правительства и буржуазии.

В-третьих, эта кампания способствовала росту авторитета Международного Товарищества Рабочих и его Генерального Совета и усилению его влияния в английском рабочем движении.

В-четвертых, кампания за признание республики во Франции еще раз разоблачила реакционность внешней политики английской буржуазии и ее правительства.

Для историков-марксистов эти события особенно интересны как образец борьбы Маркса и Энгельса за воспитание рабочих масс в духе пролетарского интернационализма, за самостоятельную внешнюю политику рабочего класса.

Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЭНГЕЛЬСА ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПАРТИЮ В ИТАЛИИ В 1871 — 1872 ГОДАХ

Вопрос о борьбе Маркса и Энгельса за пролетарскую партию в Италии, об их влиянии на итальянское рабочее движение в период Первого Интернационала является одной из наименее изученных сторон как истории итальянского рабочего движения, так и биографии Маркса и Энгельса. Если многие проблемы истории самого рабочего движения в Италии в 1860—1870 годы подверглись в той или другой степени изучению, то вопрос о проникновении марксизма, установлении связей Маркса и Энгельса с итальянскими организациями, о тактике их борьбы с буржуазным влиянием на рабочее движение, будь то в форме мадзинизма или анархизма, еще далеко не изучен. Правда, этих вопросов касались такие историки, как правый социал-демократ Роберт Михельс[1] и анархист Макс Неттлау[2], однако их работы настолько тенденциозны, что и факты и документы, приводимые ими, при проверке оказываются зачастую извращенными. Первой серьезной попыткой объективного исследования истории рабочего движения Италии этого времени является работа итальянского прогрессивного историка, видного антифашиста Нелло Росселли «Мадзини и Бакунин»[3]. Однако, хотя эта книга не утратила своего значения до сих пор и содержит в целом очень богатое фак-

---

[1] *R. Michels.* «Storia del marxismo in Italia». Roma, 1909.

[2] *M. Nettlau.* «Bakunin e l'Internazionale in Italia». Ginevra, 1928, а также большая литографированная биография Бакунина.

[3] *N. Rosselli.* «Mazzini e Bakounine. 12 anni di movimento operaio in Italia (1860—1872)». Torino, 1927.

тическим материалом и объективное изложение истории рабочего движения, она все же страдает рядом серьезных недостатков — непониманием сущности и значения Парижской Коммуны, принципиального, коренного отличия марксизма от анархизма и в связи с этим и характера борьбы Маркса и Энгельса с Бакуниным и т. д. Поэтому работа Росселли не дает сколько-нибудь полного ответа по интересующим нас вопросам.

Гораздо больше в этом отношении было сделано современными итальянскими прогрессивными историками. Ценным вкладом в изучение вопроса о проникновении и распространении марксизма в Италии являются статьи и публикации документов, осуществленные Джанни Бозио и рядом других историков в журнале «Movimento operaio» (1949—1956). Нельзя обойти и труды Гастоне Манакорда[1] и Эмилио Серени[2], хотя в их работах данные вопросы специально не рассматриваются. Наибольшее же значение имеет начатая Альдо Романо большая многотомная работа по истории социалистического движения в Италии (к настоящему времени вышло 3 тома)[3]. Романо ввел в обиход большое количество нового фактического материала; в ряде случаев он, полемизируя со своими предшественниками, по-новому и гораздо более правильно рассматривает весь круг вопросов.

В советской литературе большое внимание данным вопросам уделено в диссертации И. В. Григорьевой «Рабочее движение и борьба Маркса и Энгельса за революционную пролетарскую партию в Италии (1871—1877)». Наиболее полно и детально в этой документированной работе изложены, на наш взгляд, связи Энгельса с Т. Куно и миланской секцией Интернационала. Данной теме посвящена статья того же автора «Энгельс и миланская секция Интернационала в 1871—1872 годах»[4].

---

[1] *Г. Манакорда.* «Итальянское рабочее движение по материалам съездов от его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892)». М., 1955; итальянское издание вышло в Риме в 1953 г.

[2] *Э. Серени.* «Развитие капитализма в итальянской деревне. (1860—1900)». М., 1951.

[3] *A. Romano.* «Storia del movimento socialista in Italia», v. I—III. Milano-Roma, 1954—1956.

[4] «Новая и новейшая история» № 2, 1957.

В последнее время достоянием исследователей стало много новых материалов, значительно дополняющих наши сведения о борьбе Энгельса за пролетарскую партию в Италии. Это, в первую очередь, ряд неизвестных нам ранее статей Энгельса из газеты «La Plebe», которые были выявлены Дж. Бозио[1], три письма Энгельса к Кафьеро, обнаруженные и опубликованные Альдо Романо (на русском языке опубликованы в «Вопросах истории КПСС» № 6, 1959), а также комплект газеты «Plebe», которая до сих пор не была систематически изучена историками.

* * *

Задача установления непосредственных связей с рабочими организациями Италии стояла перед руководимым Марксом Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих с самого основания Интернационала. В 60-е годы, годы мадзинистского влияния в рабочем движении Италии, Марксу не удалось установить такие связи[2]. Некоторые надежды Маркс и Энгельс возлагали на М. Бакунина, возобновившего в 1864 г. знакомство с Марксом и заявившего ему, что отныне он, Бакунин, будет участвовать исключительно в социалистическом движении[3]. Однако по прибытии в Италию в том же 1864 г. Бакунин связывается не с рабочим движением и рабочими организациями, а с буржуазными демократами, масонами и т. п., основывает свое тайное общество «Интернациональное братство», типичную буржуазно-демократическую заговорщическую организацию, явившуюся предшественником и прототипом тайного бакунистского Альянса 1868 года. Вплоть до 1867—1868 гг. рабочее движение как таковое не привлекает его вни-

---

[1] *Karl Marx. Friedrich Engels.* Scritti italiani. Milano-Roma, 1955 (статьи вошли в 18 том 2 издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса).

[2] Об этом времени Энгельс пишет Бозио 16 апреля 1872 года: «мы тогда не могли установить контакта, так как не знали, к кому там обратиться» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 233).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 210, 211, 273, 276.

мания[1]; связи с Генеральным Советом и Марксом Бакунин не поддерживает. Что же касается отдельных представителей итальянских рабочих обществ на первых конгрессах Интернационала, то это были, как, например, Гаспаро Стампа, правоверные мадзинисты. Их присутствие на конгрессах, отдельные письма Генеральному Совету, несомненно, отражают большой интерес и симпатию итальянских рабочих к Интернационалу, но установить через них контакты с рабочими Италии было невозможно.

Положение мало изменилось и с созданием первых секций Интернационала в Италии (в 1868 г. в Сицилии и в 1869 г. в Неаполе). Хотя этот факт и отражал стихийные стремления рабочих к Интернационалу, однако во главе секций стояли бакунисты, секции не поддерживали контакта с Генеральным Советом, ибо, как писал Энгельс Кафьеро 28 июля 1871 г., все попытки секретаря-корреспондента Генерального Совета для Франции Э. Дюпона установить регулярную связь с неаполитанской секцией ни к чему не привели[2]. До мая 1871 г. ни у Маркса, ни у Энгельса, который в 1870 г. вошел в состав Генерального Совета, не было практической возможности установить прямой контакт с итальянскими рабочими массами. Такая возможность появилась лишь в мае 1871 г., когда Карло Кафьеро решил вернуться в Италию.

Карло Кафьеро — видный итальянский революционер — происходил из довольно богатой аристократической семьи из Барлетты. Свой путь он начал как буржуазный демократ. Весьма экспансивный, увлекающийся, Кафьеро никогда не обладал достаточным теоретическим багажом. Однако под влиянием знакомства с Марксом и Энгельсом, состоявшегося в конце 1870 г., видимо, через итальянцев-эмигрантов (подробностей этого мы не знаем), Кафьеро, хотя и не становится

---

[1] Об этом периоде жизни Бакунина см. *Ю. Стеклов.* «М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность», т. 2, М., 1927, стр. 276—352; *G. Domanico.* «L'Internazionale», v. I, Firenze, 1911, p. 79—113, 180—189; *A. Romano.* «Storia del movimento socialista in Italia», v. I. Milano-Roma, 1954, p. 217—273; *A. Schiavi.* «Andrea Costa». Roma, 1955, p. 38—42.

[2] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 133.

подлинно пролетарским революционером, осознавшим цели и задачи рабочего движения и понявшим роль пролетариата в общественном развитии, но все-таки встает на сторону рабочего класса. Он заявляет о готовности отдать свои силы делу организации рабочих в Италии и оказывать помощь Генеральному Совету. Письма Энгельса к Кафьеро показывают, что Энгельс видел теоретическую незрелость Кафьеро. Впоследствии Кафьеро, не справившись с грузом своих буржуазно-демократических воззрений, перешел в ряды более импонировавших ему анархистов-бакунистов и играл видную роль в анархистской организации в Италии. Но весной 1871 г., в связи с предстоящим возвращением Кафьеро в Италию, перед Марксом и Энгельсом открылась возможность вступить в непосредственный контакт с итальянским рабочим движением; такую возможность Энгельс упустить не мог.

1871 год был годом важных и быстрых изменений в общественной жизни Италии. Начавшийся еще в 1865—1866 гг. кризис мадзинизма, процесс отхода рабочего движения от мадзинизма (в связи с развитием стачечной борьбы и созданием действительно рабочих организаций профессионального типа) значительно усилился и ускорился под могучим революционным влиянием Парижской Коммуны. Мадзинистская партия распадалась, часть демократов обращалась к рабочему движению, к Интернационалу, часть переходила в лагерь буржуазной реакции. С другой стороны, происходило бурное развитие рабочего движения. Возникали новые организации, появилось значительное число газет и, самое главное, сильно возросло стихийное стремление рабочих к единению, к Интернационалу. В письме к Т. Куно 13 ноября 1871 г. Энгельс так охарактеризовал этот процесс: «Движение в интернациональном духе началось в Италии так быстро и так неожиданно, что все там находится еще в очень неорганизованном состоянии» [1].

Во главе этого стихийного подъема оказались анархисты. Это было обусловлено общей отсталостью Италии, где численность промышленного пролетариата была еще невелика, и он был сконцентрирован в основном на се-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 169.

вере страны, очень тяжелым положением масс, страдавших как от развивающегося капитализма, так и от остатков феодализма, наконец, общим разочарованием в программе и тактике мадзинизма. Огромное недовольство, накопившееся в массах, выливалось в стихийные бунты.

Одной из немаловажных, специфических для Италии, причин влияния бакунистов в Италии была особая роль только что окончательно оформившегося национального государства. Пришедший к власти в результате завершения воссоединения страны блок обуржуазившегося дворянства и крупной буржуазии использовал все возможности и, в первую очередь, государственную власть для укрепления своего экономического господства, для дальнейшего наступления на жизненный уровень трудящихся. Превращение Юга во внутреннюю колонию, массовая пауперизация населения, не находившего применения в промышленности, отсутствие каких-либо политических прав у большинства населения приводило к тому, что «народ видел в нем [государстве.— *Н. К.*] только жандарма, сборщика налогов, офицера, забирающего рекрутов»[1]. Острая ненависть к новому государству охватывала крестьянство, ремесленников и мелкую интеллигенцию. Она породила ряд значительных крестьянских восстаний и специфическое явление «бандитизма» на юге Италии. Все это создавало весьма благоприятные условия для распространения анархизма.

С другой стороны, Бакунин имел широкие личные связи в среде радикальных элементов буржуазной демократии. В связи с общим выступлением всех анархистских элементов против Генерального Совета, особенно усилившим свои нападки после Лондонской конференции 1871 г., Бакунин использовал все свои связи, развил кипучую деятельность, и в результате бакунистам удалось возглавить движение. В статье «В Италии» Ф. Энгельс писал: «Зачатки движения в Италии связаны с бакунистским влиянием. В то время как в рабочих массах господствовала страстная, но в высшей степени

[1] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской Коммунистической партии». М., 1953, стр. 39. Очень интересный материал по этому вопросу приводится в книге *Э. Серени* «Развитие капитализма в итальянской деревне (1860—1900)». М., 1951, стр. 116—132.

неясная классовая ненависть против своих эксплуататоров,— во всех местностях, где выступал революционный рабочий элемент, руководство захватила кучка молодых адвокатов, докторов, литераторов, приказчиков и т. д. под личным командованием Бакунина»,— и далее,— «Покуда движение среди рабочих было еще только в зародыше, это удавалось как нельзя лучше»[1].

В работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» Маркс и Энгельс следующим образом характеризовали бакунистский Альянс в Италии: «В Италии Альянс является не «рабочим союзом», а сбродом деклассированных элементов. Всеми этими мнимыми секциями Интернационала в Италии руководят адвокаты без клиентуры, врачи без пациентов и без знаний, студенты из биллиардных, коммивояжеры и другие торговые служащие, а главным образом журналисты мелких газет с более или менее сомнительной репутацией... Завладев, таким образом, всеми официальными постами в секциях, Альянс смог принудить итальянских рабочих всякий раз, когда они желали вступить в сношения друг с другом или с другими советами Интернационала, прибегать к услугам деклассированных членов Альянса, которые нашли в Интернационале и «карьеру» и «выход»»[2]. Бакунин в своей деятельности в Италии делал ставку не на рабочее движение, а на довольно значительные слои разоренной мелкой буржуазии и интеллигенции[3], рабочие

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 368.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 376.

[3] См., например, письмо Бакунина Ф. Мора от 5 апреля 1872 года: «В Италии есть то, чего не хватает другим странам: пылкая энергичная молодежь, *совершенно выбитая из колеи, без перспектив на карьеру, не видящая выхода,* молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена в моральном и интеллектуальном отношении подобно буржуазной молодежи других стран. Теперь она, очертя голову, бросается в революционный социализм, *принимая всю нашу программу, программу Альянса»* (Цит. по *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Соч., 2 изд., т. 18, стр. 451—452). Или вот как характеризует секцию Интернационала, созданную в Сицилии анархистом Фриша, современный итальянский историк Дж. Черрито: «Деятельность, развернутая секцией в Шакка от ее образования до конца 1870 г., видимо, не очень отличалась от дея-

же привлекались лишь как масса. Не случайно поэтому главным очагом анархизма была Южная и Центральная Италия, в то время как Север, особенно более развитая Ломбардия, был охвачен влиянием анархизма в значительно меньшей степени.

Такова была обстановка, когда Энгельс предпринял попытку установить через Кафьеро связь с рабочими организациями в Италии. Как показывают письма, Кафьеро перед отъездом получил указания и, вероятно, определенный план действий как от самого Энгельса, так и от секретаря-корреспондента Генерального Совета для Италии Джоваккини. После прибытия Кафьеро в Италию Энгельс в письмах продолжал давать ему советы по конкретным вопросам, разъяснять линию поведения, тактику, которой Кафьеро должен был придерживаться. С 1 августа 1871 г. Энгельс, назначенный секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Италии, уделяет особенно много внимания итальянским делам. Из всей обширной переписки между Энгельсом и Кафьеро до нас дошли только недавно опубликованные 3 первых письма Энгельса, 1 черновик его письма[1], относящийся к периоду разрыва Кафьеро с Энгельсом, и 9 писем (видимо, почти все) самого Кафьеро. Но и эти документы позволяют обрисовать основные направления начала деятельности Энгельса по борьбе за пролетарскую партию в Италии.

Первая и несомненно важнейшая задача, поставленная перед Кафьеро Энгельсом, заключалась в установлении связей с рабочими организациями, чтобы обеспечить Генеральному Совету возможность перенести борьбу с бакунизмом и мадзинизмом в саму Италию.

тельности обычной передовой в области социальных идей республиканской группы, или от масонской ложи типа ложи «Вашингтон». Секция состояла из мелких собственников, конечно, верных избирателей и друзей Саверио Фриша, объединенных в интимный кружок, который в силу обстоятельств принимал название секции Интернационала, масонской ложи или избирательного комитета... В их руках было большинство местного коммунального совета, а один из них... был синдиком коммуны» (*G. Cerrito*. «Radicalismo e socialismo in Sicilia (1860—1882)». Messina-Firenze, 1958, p. 113). Картина на наш взгляд типичная.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 268.

Уже в первом письме к Энгельсу от 12 июня 1871 г. Кафьеро сообщает ему о том, что он связался с «Международным демократическим обществом» во Флоренции и дает Энгельсу адрес председателя этого общества Луиджи Кастеллаццо для установления непосредственной связи[1]. Правда, Кафьеро ошибочно принял это общество за рабочую организацию; в действительности же это была организация левых буржуазных демократов, в которую входили и рабочие. Вследствие полицейских преследований против его членов и последовавшего вскоре роспуска общества (о чем Кафьеро сообщил Энгельсу в письме от 28 июня 1871 г.[2]) Энгельсу не удалось вступить в прямой контакт с обществом. Связь с ним, пересылка документов Интернационала осуществлялась через Кафьеро. Так, 16 июля 1871 г. Энгельс посылает Кафьеро «Учредительный манифест», воззвание «Гражданская война во Франции», первое и второе воззвания о франко-прусской войне, «Организационный регламент», резолюции конгрессов 1866 и 1868 годов, воззвание «Г-н Уошберн, американский посол в Париже» с просьбой переслать эти документы во Флоренцию[3]. В том же письме Энгельс рекомендует, чтобы еще до восстановления общества во Флоренции была создана секция Интернационала, которая могла бы затем войти в восстановленное общество. Однако полицейские преследования не дали осуществиться этому плану.

Большой заслугой Кафьеро было то, что он связал Энгельса с редакцией газеты «La Plebe». В письме от 12 июля 1871 г. Кафьеро указывал на «Plebe» как на единственную, по его мнению, газету в Италии, которая близка к Интернационалу и на которую можно опереться[4]. Он же посылал Энгельсу номера этой газеты. В конце октября — начале ноября 1871 г. Энгельс установил непосредственную связь с редактором этой газеты Энрико Биньями. Через Кафьеро же Энгельс поддерживал связь с миланской левореспубликанской газетой «Gazzettino

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2833.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/5.

[3] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 130.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2931.

Rosa», которая в 1871—1872 гг., в связи с общим кризисом мадзинизма, уделяла большое внимание социальным вопросам, рабочему движению, страстно выступала в защиту Коммуны. В 1871 — начале 1872 г. Энгельс опубликовал в ней ряд документов Интернационала, в ней же были напечатаны письмо Энгельса против Стефанони и письмо Маркса против Мадзини [1].

С приездом Кафьеро в Неаполь реорганизовалась и оживилась деятельность неаполитанской секции, которая незадолго до этого почти совершенно распалась в связи с преследованиями властей и изменой своего прежнего руководителя Капоруссо. Энгельс, через Кафьеро получает возможность влиять на секцию. Под влиянием Кафьеро работа секции значительно оживилась. Косвенным свидетельством этого являются новые правительственные преследования, последовавшие в августе 1871 г., и арест самого Кафьеро.

Кафьеро удалось установить довольно широкие связи. Как явствует из его писем, он был связан не только с Флоренцией, но и с Римом, Турином, Миланом, рядом демократических и рабочих органов (как «Favilla», «Gazzettino Rosa», «Libero Pensiero», «Romagnolo» и др.), в которые сам отправлял отдельные документы Интернационала и сообщения о заседаниях Генерального Совета. С каждым письмом Кафьеро пересылал Энгельсу ряд газет. Таким образом, уже с конца июня — начала июля Энгельс получал широкую информацию о положении в Италии (о чем он сообщал на заседаниях Генерального Совета, например, 4 июля 1871 г.), связался непосредственно с рядом итальянских организаций, использовал гораздо более широкие связи самого Кафьеро. О том, что мы знаем далеко не о всех связях Кафьеро и самого Энгельса, свидетельствуют следующие факты: в письме от 12 июля 1871 г.[2] Кафьеро советуется с Энгельсом по поводу создания общеитальянской газеты Интернационала; в письме от 18 октября 1871 г.[3] Кафьеро, вспоминая свое первое письмо из Италии, в котором он сетовал на

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 490—492; т. 18, стр. 80—82.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2931.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3040.

неорганизованность движения рабочих и их кажущееся равнодушие к идеям Интернационала, писал, что Интернационал пустил глубокие корни в Италии; в письме от 17 ноября, написанном в ответ на недошедшее до нас письмо Энгельса от 4 ноября 1871 г., в котором Энгельс, по-видимому, жаловался на неупорядоченность своей корреспонденции с Италией, отнимающей у него много времени, Кафьеро выдвигает мысль о созыве общеитальянского съезда секций Интернационала для создания федерального совета. Очевидно, в ответ на вопрос Энгельса, не может ли неаполитанская секция взять на себя роль своего рода общеитальянского центра для всей Италии, Кафьеро отвечает, что «здесь, в Неаполе, мы не можем это взять на себя. Мы не можем взять на себя и обязанности центра для корреспонденции со всеми итальянскими организациями. Все, что мы можем, мы и так уже фактически делаем»[1]. Обсуждение всех этих вопросов свидетельствует о наличии более или менее широких связей, о большом объеме работы, которую должен был вести Энгельс[2].

Косвенным образом эти факты свидетельствуют также о том, что, видимо, уже с начала ноября 1871 г. Энгельс ищет путей к созданию общеитальянского центра Интернационала.

Не меньшее значение имела деятельность Кафьеро по распространению документов Интернационала, помощь, которую он оказывал Энгельсу в деле пропаганды научного социализма; однако выяснить в полной мере масштаб и результаты этой деятельности пока не удается. Еще до отъезда из Лондона Кафьеро получил ряд документов Интернационала для распространения их в Италии (в письме от 12 июля 1871 г.[3] он пишет, что у него есть решения Женевского, Брюссельского и Базельского конгрессов). С каждым письмом, направляемым Кафьеро в Италию, Энгельс посылал новые партии документов, в том числе Устав и Организационный регламент Товарищества, воззвания о франко-прусской войне, воз-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/6.

[2] О загруженности в связи с перепиской с Италией Энгельс неоднократно писал в своих письмах.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2931.

звание «Гражданская война во Франции», резолюции Лондонской конференции и др. Энгельс регулярно посылал Кафьеро отчеты о заседаниях Генерального Совета в виде вырезок из «Eastern Post», а также газеты Интернационала, выходившие в других странах (в частности испанскую «Emancipacion»). Кафьеро распространял эти документы, знакомил с ними, а также с письмами Энгельса членов неаполитанской секции [1]. Ряд документов он переводил для опубликования их в итальянской печати. Так, в письме от 28 июня 1871 г. он сообщал, что переводит воззвание «Гражданская война во Франции» [2]; из последующих писем видно, что он переводил протоколы Генерального Совета, которые публиковались им в ряде итальянских газет («La Campana» и др.), резолюцию об исключении Г. Дюрана, резолюции Лондонской конференции. Распространение документов Интернационала было одной из важнейших задач в деле пробуждения классового самосознания пролетариата, и большой заслугой Кафьеро перед итальянским рабочим движением было то, что с его помощью было начато решение этой задачи. Надо иметь в виду, что до Кафьеро подлинные документы Интернационала почти не были известны в Италии. Только в 1867 г. в «Libertà e Giustizia» были опубликованы некоторые документы Интернационала и произведения Маркса [3], в ряде газет, в том числе и в «Gazzettino Rosa», был напечатан Устав Интернационала, причем перевод был сделан с искаженного французского издания. В целом же можно считать, что подлинные документы Интернационала, так же как произведения Маркса и Энгельса, в Италии до 1871 г. не распространялись, особенно среди рабочих, не имевших возможности пользоваться иностранными (французскими) изданиями. Бакунин вел свою пропаганду целиком и полностью на

[1] См. Кафьеро — Энгельсу, 10 сентября 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3018).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/5; публикация была начата в газете «Eguaglianza» (№№ 18, 21, 22 и 24 от 12 ноября, 3, 10 и 27 декабря 1871 года), но затем по неясным для нас причинам прервана.

[3] Например, в № 6 от 21.IX. 1867 г. статья о Лозаннском конгрессе, в № 3 от 31.VIII.1867 г. обращение Генерального Совета от 16 августа, в № 11 от 27.X.1867 г. часть предисловия к первому немецкому изданию «Капитала» и т. д.

основе своих собственных писаний и документов Альянса. Таким образом, не только враги Интернационала (мадзинисты), но и члены его, правда немногочисленных, секций не знали даже устава своей организации. Кафьеро был первым деятелем, через которого Маркс и Энгельс смогли начать систематическое распространение документов Интернационала и пропаганду идей научного социализма в Италии.

Энгельс, учитывая особенности итальянского рабочего движения, стремился направлять деятельность Кафьеро, развивая в своих письмах ряд основных как теоретических, так и тактических положений марксизма.

Энгельс ясно представлял себе положение дел в Италии. Так, в письме от 16 июля 1871 г. он писал: «Я прекрасно понимаю Ваше положение в Неаполе, оно похоже на то, в котором некоторые из нас оказались в Германии двадцать пять лет тому назад, когда мы начали организовывать социальное движение. Тогда среди пролетариев у нас были только немногие отдельные люди, которые в Швейцарии, Франции и Англии восприняли социалистические и коммунистические идеи; у нас были самые ничтожные средства для работы в массах, и, так же как и вы, мы вынуждены были вербовать сторонников среди школьных учителей, журналистов и студентов. К счастью, в этот период движения легко было найти таких людей, не принадлежащих в точном смысле к рабочему классу; позднее, когда рабочий люд стал преобладающим элементом в движении, они стали, конечно, редкостью.

Завоеванная 1848 годом свобода печати, собраний и союзов значительно сократила, естественно, этот первый этап движения» [1].

Через письма Энгельса красной нитью проходит мысль о необходимости борьбы со всяким сектантством. Исходя из общих задач Интернационала в целом (Энгельс разъяснял их во всех трех письмах), а также заметив в письме Кафьеро от 28 июня 1871 г.[2] тенденцию пойти по линии наименьшего сопротивления и отказаться от пропаганды среди рабочих масс, Энгельс настаивал на необходимости работать в самих пролетарских массах,

[1] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 132.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/5.

организовывать их, несмотря на их кажущуюся пассивность[1]. Критикуя анархизм, Энгельс в своих письмах особое внимание обращал на сектантство анархистов, на их оторванность от рабочего движения, на то, что их «революционное» фразерство ведет к расколу рабочего класса, тогда как основная задача заключается в его объединении.

Что Кафьеро довольно ясно понял смысл тактической линии Энгельса, не означавшей ни в коей мере отказа от принципиальной идеологической борьбы, свидетельствует его письмо Энгельсу от 12 июля 1871 года. Кафьеро писал: «Я целиком согласен с Вашим положением о необходимости отбросить всякое сектантство [principio di setta.— *Н. К.*], о том, что надо пробивать себе дорогу, опираясь на основной документ нашего Товарищества». Речь идет об Уставе. Далее, подводя итог сказанному Энгельсом и как бы прося апробировать все понятое им, Кафьеро писал: «Поначалу в движение входят все рабочие, всех оттенков верований и национальностей, но когда мы начнем размышлять о средствах достижения цели, тут начнется борьба»[2]. Далее Кафьеро просит Энгельса, ссылаясь на желание членов секции, указать ему основной, руководящий принцип, под знаменем которого он должен действовать. Отвечая на это письмо, Энгельс писал: «Мы должны развернуть положительную сторону вопроса,— каким образом должно осуществиться освобождение пролетариата,— а поэтому обсуждение различных мнений становится не только неизбежным, но и необходимым. Как я сказал, такое обсуждение происходит постоянно не только в недрах Товарищества, но также и в Генеральном Совете, в котором имеются *коммунисты, прудонисты, оуэнисты, чартисты, бакунисты и т. д.* Самая большая трудность заключается в том, чтобы объединить их всех и сделать так, чтобы расхождения мнений не нарушили единства и устойчивости Товарищества. И это нам всегда удавалось за единственным исключением швейцарских *бакунистов,* которые с поистине сектантской яростью осмеливались навязывать свою программу Товариществу либо прямо, либо косвенно, путем создания особого

[1] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 131—132.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2931.

международного общества со своим собственным генеральным советом, собственным конгрессом, причем все это в недрах большого Интернационала». И далее, заканчивая мысль, Энгельс указывал: «Мы должны освободиться от земельных собственников и капиталистов, поставив на их место объединенный класс сельскохозяйственных и промышленных рабочих, заботясь о развитии всех средств производства... В результате всего этого неравенство исчезнет. А чтобы довести это до конца, нам нужно политическое господство пролетариата. Я полагаю, что это достаточно конкретно для неаполитанских друзей»[1]. В ответ Кафьеро писал 10 сентября 1871 г.[2], что письмо вызвало самое благоприятное впечатление среди членов секции, которых он с ним ознакомил.

Второй важнейшей линией, намечаемой Энгельсом в качестве руководства для итальянского рабочего движения, было особое внимание к аграрному вопросу, указания о необходимости союза с крестьянством, дифференцированного, с учетом местных особенностей, подхода к различным слоям крестьянства. По-видимому, вопрос о союзе с крестьянством обсуждался Кафьеро с Энгельсом еще в Лондоне. На это указывает первое письмо Кафьеро (12 июня 1871 г.), написанное почти сразу после приезда в Италию. В этом письме в несколько полемическом тоне Кафьеро пишет, что, по его мнению, положение в Италии несколько иное, чем в Англии, «наш арендатор — верный союзник владельцев земли... в период аренды он абсолютный хозяин земли в отличие от английского tenant»[3]. Энгельс в письме от 1—3 июля 1871 г. дал Кафьеро развернутый ответ, который является ясным и четким определением позиции пролетарской партии. Он указывал:

«Нам хорошо известно, что система арендаторов или «métayers» является со времени Рима и до наших дней основой сельского хозяйства Италии. Без сомнения, эта система дает в общем арендаторам более широкую политическую независимость по сравнению с пролетариями,

---

[1] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 133, 135.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3018.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2833.

чем это имеет место в Англии. Но если верить Сисмонди и новейшим авторам, писавшим по этому вопросу, то эксплуатация арендаторов со стороны земельных собственников в Италии столь же велика, как и повсюду, и бремя налогов крайне тяжело ложится на низшие слои крестьянства. В Ломбардии, где земельные владения имеют большие размеры, арендаторы, когда я был там, были достаточно зажиточны, но там существовал кроме этого класс сельских пролетариев, которых использовали арендаторы и которые фактически выполняли всю работу, не извлекая никакой выгоды из этой системы. В других частях Италии, где меньше арендаторов, система издольщиков, насколько можно судить издалека, не ограждает их от той же нищеты, невежества и унижений, которые являются уделом мелких арендаторов во Франции, Германии, Бельгии и Ирландии. Наша политика в отношении земледельческого населения в общем и целом такова: там, где существуют крупные имения, там арендатор является капиталистом по отношению к работнику, и там мы должны действовать в интересах работника, а где участки небольшие, там арендатор, хотя и является номинально мелким капиталистом или мелким собственником (как во Франции и в части Германии), но в действительности он обычно доведен там до той же нищеты, что и пролетарий, и в этом случае мы должны действовать в его пользу»[1]. Выше мы уже приводили место из письма Энгельса от 28 июля 1871 г., в котором он указывает, что рабочий класс должен установить свое политическое господство в союзе с сельским пролетариатом. В дальнейшем в своих корреспонденциях в «Plebe» Энгельс неоднократно останавливался на необходимости союза пролетариата и крестьянства.

Таким образом, направляя деятельность Кафьеро, Энгельс определял задачи для представителей пролетарской партии. Они заключались в укреплении связей с массами, в пропаганде в самих рабочих организациях, в преодолении всякого сектантства, в обеспечении союза с крестьянством, дифференцированного подхода к нему, в пропаганде идей научного социализма на основе докумен-

[1] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 129—130.

тов Интернационала и воспитании на их основе рабочих масс. В то же время, как ясно показывают письма, Энгельс вел борьбу и инструктировал Кафьеро, как вести борьбу с влиянием мелкобуржуазной идеологии и в форме мадзинизма, и в форме анархизма Бакунина.

С мадзинизмом Марксу и Энгельсу пришлось столкнуться еще при образовании Интернационала, когда Мадзини через Л. Вольфа пытался навязать Международному Товариществу Рабочих свой устав. Благодаря активному противодействию Маркса эта попытка потерпела крах, борьба в Интернационале закончилась торжеством принципов научного социализма [1]. Борьба возобновилась вновь в 1871 г. в связи с выступлениями Мадзини в итальянской печати против Коммуны, подхваченными всей реакционной прессой, в том числе и «Times», а затем — против попыток создания самостоятельного рабочего движения в Италии. Об этих выступлениях Мадзини Маркс и Энгельс информировали Генеральный Совет [2]. Очевидно, еще перед отъездом Кафьеро Энгельс в общих чертах указывал ему на необходимость вести борьбу с влиянием мадзинизма. Кафьеро в своем первом письме из Италии 12 июня 1871 г. сообщил Энгельсу о расколе среди мадзинистов, о выступлениях Мадзини против Коммуны, отмечая, что, несмотря на упадок влияния Мадзини, с ним надо еще вести борьбу, так как часть рабочих еще идет за ним [3]. В ответ на это Энгельс пишет всего несколько строчек о позиции Мадзини при образовании Интернационала и о разоблачении Вольфа как шпиона французской полиции, сделанном Тибальди на заседании Генерального Совета [4]. Ко второму письму (16 июля 1871 г.) Энгельс приложил отчет о заседании Генерального Совета, на котором был разоблачен Вольф [5]. Энгельс не уделил в этих письмах мадзинизму

---

[1] См. *В. А. Смирнова.* «К истории создания программных документов Первого Интернационала» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» № 5, 1960).

[2] Маркс — 6 июня 1871 г., Энгельс — 25 июля (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 631—632, 638—639).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2833.

[4] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 129.

[5] Там же, стр. 132.

особого внимания, считая, как явствует из его письма от 1—3 июля, что «его [Мадзини.— *Н. К.*] время прошло, и лозунг «бог и народ» уже не является лозунгом рабочего класса»[1], а также, что сообщенных им фактов и имеющихся у Кафьеро документов (а среди них была и «Гражданская война во Франции») вполне достаточно для борьбы с влиянием мадзинистов. Однако, когда Энгельс получил от Кафьеро номер газеты «Roma del Popolo» со статьей Мадзини против Интернационала[2], искажавшей как программные документы, так и историю Товарищества, он, учитывая опасность таких выступлений в условиях, когда Интернационал только начал пускать корни в Италии, решил *публично* опровергнуть Мадзини. В письме от 28 июля 1871 г. Энгельс направил Кафьеро примерный ответ Мадзини, указывая, что хорошо было бы этот ответ опубликовать. Эта часть письма Энгельса, содержащая разъяснения насчет подлинной позиции Вольфа и Мадзини по отношению к Интернационалу в период его образования, разоблачающая буржуазный демократизм Мадзини с его явной антипролетарской направленностью, показывающая, что Мадзини всегда выступал как яростный противник *самостоятельных* выступлений рабочего класса[3], была переведена Кафьеро на итальянский язык и разослана в ряд газет. Статья Энгельса без указания автора была опубликована в журнале «Libero Pensiero» 31 августа 1871 г. и в ряде газет, причем Кафьеро одновременно разослал для публикации и протокол заседания Генерального Совета, содержащий разоблачения Вольфа. Статья Энгельса имела непосредственно практическое значение в связи с тем, что в это время Мадзини начал вести подготовку к созыву общеитальянского съезда рабочих обществ (в основном обществ взаимопомощи, находящихся под влиянием мадзинизма). Этот

---

[1] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 129.

[2] Кафьеро послал Энгельсу 15 июля 1871 г. обращение Мадзини «К итальянским рабочим», опубликованное в газете «Roma del Popolo» № 20, 13 июля 1871 года. 25 июля Энгельс выступил на заседании Генерального Совета с сообщением о клевете Мадзини на Интернационал.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 394—396.

съезд должен был, по замыслу Мадзини, упрочить его влияние на рабочее движение и воспрепятствовать проникновению в рабочее движение как идей Интернационала, так и идей анархистов-бакунистов.

Статья Энгельса разоблачала фальсификацию программы и истории Интернационала, предпринятую Мадзини в связи с подготовкой этого съезда. С другой стороны, часть письма Энгельса, а также посланные Энгельсом Кафьеро документы послужили для последнего основой для написания большой статьи или брошюры о Мадзини. Кафьеро вчерне уже закончил эту работу, непосредственно связанную с предстоящим съездом, когда 20 августа последовал его арест. Черновик статьи был конфискован и приобщен к делам префектуры, где он был обнаружен итальянским историком Альдо Романо[1]; он состоит из очень подробного изложения протокола Генерального Совета от 4 июля 1871 г. с разоблачением Вольфа, затем целиком приводится письмо Энгельса. Конец же статьи касается деятельности Мадзини по созыву съезда рабочих обществ. Особое значение имеют выводы, которые делает Кафьеро в этой статье. Они сводятся к следующему: 1) Мадзини пытался превратить Интернационал в свое орудие; 2) после провала этой попытки он стал яростно нападать на Интернационал, клеветать на Маркса, так как именно Маркс помешал осуществлению его намерений; 3) в своем обращении к рабочим Мадзини пытался повторить тот же трюк, что и в 1864 г., т. е. навязать рабочим свои идеи и свою организацию; Кафьеро особенно подчеркивает, что «Мадзини считает пролетариат неспособным ни к чему без помощи буржуазии».

Дальнейшая деятельность Энгельса по организации борьбы против мадзинизма не совсем ясна, так как последующих писем Энгельса к Кафьеро не сохранилось. Постараемся определить хотя бы основные направления этой деятельности по косвенным свидетельствам.

В письме от 18 октября 1871 г., на которое, судя по пометке, Энгельс ответил 4 ноября, Кафьеро, вышедший

---

[1] *A. Romano.* «Storia del movimento socialista in Italia», v. II, p. 325—329 (черновик опубликован целиком).

к этому времени из тюрьмы, сообщал о готовящемся мадзинистами рабочем съезде, который должен был состояться в Риме. Он писал, что собирается принять в нем участие с тем, чтобы выступить против мадзинистов, он также пишет, что старается, чтобы на съезд попало побольше «наших»[1]. Но здесь следует учитывать, что в октябре — ноябре 1871 г. Кафьеро сблизился с рядом анархистов (Гамбуцци, Туччи, Палладино), и в данном случае речь идет вообще о противниках мадзинизма, в том числе и анархистах, а не о сторонниках Генерального Совета. Съезд состоялся в Риме 1—6 ноября 1871 г., на нем присутствовали Альберто Туччи и Кафьеро, активно участвовавшие в обсуждении статей «Договора о братстве» (переделанный вариант «Пакта братства», который Мадзини через Вольфа предлагал в 1864 г. в качестве устава Интернационала). Им удалось добиться того, что съезд отклонил ссылку в введении на «принципы Джузеппе Мадзини». Однако мадзинисты вынесли особую резолюцию, в которой съезд заявлял о своей солидарности с политическими и социальными принципами Мадзини; разъясняя эту резолюцию, один из ближайших соратников Мадзини Маркора яростно напал на Интернационал; тем самым он выдал смысл съезда. Туччи, Кафьеро и еще один делегат (от Ливорно) покинули съезд, заявив от имени рабочих протест[2].

Как видно из письма Кафьеро Энгельсу 17 ноября 1871 г., в котором он просит Энгельса не составлять своего мнения до получения «нашего» отчета о съезде[3], у Энгельса возникли сомнения в связи с деятельностью Кафьеро и ходом съезда. В своем большом письме, начатом 29 ноября и законченном 23 декабря 1871 г., в котором Кафьеро фактически порывает с Энгельсом и Генеральным Советом и заявляет о своем переходе на сторону анархистов, он пишет, что Энгельс будто бы нашел превосходным и целиком одобрил (даже заявил в своем письме, что сам подписал бы его) адрес делегатам

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3040.

[2] См. *Г. Манакорда.* «Итальянское рабочее движение по материалам съездов». М., 1955, стр. 87—89.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/6.

Римского съезда, составленный Бакуниным[1]. Это место вызывает сомнения, поскольку хорошо известно, как относился Энгельс в это время к бакунистам, однако можно предположить, что, будучи тогда еще не полностью уверенным в переходе Кафьеро в ряды анархистов, Энгельс положительно оценил то, что Кафьеро вынес борьбу с мадзинизмом на съезд и что на съезде он заявил протест от имени рабочих и таким образом способствовал разоблачению антипролетарского характера мадзинизма.

Выступление Бакунина против Мадзини, декларация Туччи и Кафьеро на съезде побудили Мадзини опубликовать после съезда ряд статей, в которых он, выступая против Бакунина, приписывал, однако, его взгляды всему Интернационалу и особенно критиковал Интернационал за то, что тот якобы отказался от политической борьбы[2]. Продолжая выступать против Интернационала в целом, а по существу критикуя справа анархизм Бакунина, Мадзини сознательно фальсифицировал историю и документы Интернационала, так как он не мог не знать подлинных документов и был свидетелем той борьбы, которая в это время развернулась между Генеральным Советом и бакунистским Альянсом. Энгельс, получивший к концу 1871 г. ряд сведений о более или менее широком распространении влияния анархизма в Италии, решил использовать эти выступления Мадзини для того, чтобы открыто заявить, что Интернационал не несет ответственности за узкую и сектантскую программу Бакунина. Он направил письмо в редакцию газеты «La Roma del Popolo», которое было опубликовано также и в ряде других газет (например, в «La Plebe» 12 декабря 1871 года)[3].

В борьбе Энгельса против влияния мадзинизма основным было его стремление показать антипролетарскую, враждебную рабочему движению сущность этого мелкобуржуазного течения. В этом коренное различие его борьбы с той полемикой, которую вел против Мадзини Бакунин. Характеризуя эти выступления Бакунина,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3170.

[2] Речь идет о появившихся в «Roma del Popolo» № 38 от 16.XI и № 39 от 23.XI.1871 г. статьях Мадзини «Документы об Интернационале».

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 477—478.

Тольятти писал: «Бакунин, полемизируя по поводу Коммуны с Мадзини, не сумел сделать ничего иного, как выступить с помпезной проповедью по поводу материи и духа, бога, добра и зла»[1].

В историографии, с легкой руки анархистских историков, до последнего времени считалось общепринятым утверждение, что одной из крупнейших заслуг Бакунина перед итальянским рабочим движением была его борьба против мадзинизма, то, что он *первый* выступил против нападок Мадзини на Коммуну и Интернационал[2]. Недавно опубликованные письма Энгельса к Кафьеро, неизвестная нам ранее статья Энгельса против Мадзини, черновик статьи Кафьеро, написанной по материалам Энгельса, не говоря уже о разоблачении выступлений Мадзини, сделанном Марксом на заседании Генерального Совета 6 июня 1871 г. и Энгельсом на заседании 25 июля 1871 г.[3], дают полное основание считать это утверждение неверным, преувеличивающим роль Бакунина в борьбе с мадзинизмом, даже если отвлечься от того факта, что и в самой Италии было немало выступлений против Мадзини[4].

* * *

К борьбе Маркса и Энгельса с буржуазным и мелкобуржуазным влиянием на рабочее движение в Италии относятся и их выступления против видного буржуазного демократа Луиджи Стефанони, возглавлявшего небольшую группу так называемых «свободомыслящих»[5].

---

[1] *Ercoli* [*Togliatti*]. «Marxismo o bakunismo. Nell settantesimo aniversario della Prima Internazionale» (в журнале «Stato operaio», 1934, p. 822).

[2] Известная брошюра Бакунина «Risposta d'un Internazionale a Giuseppe Mazzini per M. Bakounine, membro dell'Associazione internazionale dei Lavoratori», вышедшая в приложении к № 227 «Gazzettino Rosa», 14 августа 1871 года.

[3] См. протокольную книгу Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21).

[4] Ряд газет («Gazzettino Rosa», «Plebe» и др.), рабочих обществ и левых мадзинистов, переходивших в лагерь социализма, активно выступили против попыток Мадзини оклеветать Коммуну и Интернационал. Не выступая прямо против Мадзини, Гарибальди выступил с рядом заявлений в защиту Коммуны и приветствовавших Интернационал.

[5] См. письма Энгельса редактору «Gazzettino Rosa» от 7 февраля 1872 г. и Маркса редактору «Gazzettino Rosa» от 23 мая 1872 года (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 490—492; т. 18, стр. 80—82).

Деятельность Стефанони и его сторонников была по существу первой в Италии попыткой буржуазии выступить против организации рабочего класса — Интернационала — не просто с открытыми нападками и клеветой, а путем внесения раскола в рабочее движение, посредством подрыва влияния Интернационала и выдвижения в противовес его принципам путаной, эклектической программы, претендующей на то, чтобы устранить «недостатки программы Интернационала». Выступление Стефанони в конце 1871 г. было непосредственно связано с кризисом мадзинизма и сдвигами, вызванными Парижской Коммуной. Стефанони явился выразителем стремлений той части буржуазных демократов, которые, видя падение влияния мадзинизма на рабочее движение, рассчитывали отвлечь рабочих от Интернационала, выдвигая программу, не представляющую угрозы существованию буржуазного общества. Борьба с влиянием Интернационала и, прежде всего, с идеями научного социализма с самого начала была основной задачей Стефанони.

В связи с намеченным на конец 1871 г. съездом различных демократических организаций Италии Стефанони 2 ноября 1871 г. выступил с проектом устава нового Универсального общества рационалистов, которое должно было объединить все демократические и социалистические элементы Италии. В позитивной части программы общества Стефанони предлагал, чтобы все его члены вместо уплаты членских взносов завещали обществу двадцатую часть своего имущества. Средства, собранные таким путем, должны были в первую очередь пойти на приобретение земли и устройство земледельческих колоний, что, по мнению Стефанони, должно было разрешить постепенно, мирным путем социальный вопрос[1]. Вокруг опубликованного проекта началась полемика. Против него выступила миланская «Gazzettino Rosa» и издаваемая Кафьеро в Неаполе «Campana», причем «Gazzettino Rosa» прямо писала, что Стефанони своей организацией «хочет подменить Интернационал»[2]. В ответ Стефанони

[1] Проект устава общества был опубликован в редактируемом Стефанони журнале «Libero Pensiero» 2 ноября 1871 года.

[2] «Gazzettino Rosa», 10.XI.1871.

выступил со статьей, которая совершенно ясно раскрывала его планы. Он писал, что, составляя устав общества, стремился к «применению справедливых принципов Интернационала, без его недостатков»[1]. В ходе дальнейшей полемики Стефанони откровенно заявил, что с самого начала считал своим долгом добиться раскола интернационалистской партии[2].

Не получив поддержки и встретив отрицательное отношение членов Интернационала к своему плану, Стефанони сбросил маску и начал открытую клеветническую кампанию против Интернационала, прежде всего лично против Маркса и Энгельса. Он пытался собрать воедино всю клевету на Маркса и Энгельса, используя издававшуюся Швейцером лассальянскую газету «Neuer Social-Demokrat», писания К. Фогта, с которым он непосредственно связался, и т. п. Дж. Бозио в своем введении к статьям Маркса и Энгельса, посвященным критике Стефанони, справедливо указывает, что размах кампании Стефанони свидетельствует о том, что она готовилась заблаговременно, что материал для нее собирался заранее[3]. Широта полемики, попытка использовать против Интернационала полицейские фальшивки и давно уже разоблаченные нападки врагов марксизма и рабочего движения лично на Маркса и Энгельса вынудили сначала Энгельса, а затем и Маркса вмешаться в полемику, разоблачить лживость нападок Стефанони, раскрыть недоброкачественность его источников. Важное значение для Маркса и Энгельса имел и тот факт, что Стефанони был членом анархистской организации «Fascio operaio» и, нападая на Маркса и Энгельса, одновременно выступал в поддержку бакунинского Альянса[4]. Таким образом, уже

---

[1] «Libero Pensiero», 23.XI.1871 (цитирую по книге: *Karl Marx. Friedrich Engels.* «Scritti italiani» a cura di Gianni Bosio. Milano — Roma, 1955, p. 45).

[2] «Libero Pensiero», 28.III.1872.

[3] *Karl Marx. Friedrich Engels.* «Scritti italiani» a cura di Gianni Bosio. Milano — Roma, 1955, p. 45.

[4] О том, что Маркс и Энгельс знали о связи Стефанони с Альянсом, свидетельствуют «Мнимые расколы в Интернационале», письмо Энгельса Либкнехту от 15.II.1872 г., «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 42; т. XXVI. стр. 214; т. 18, стр. 356).

в это время намечался союз анархистов с буржуазными противниками марксизма.

7 февраля 1872 г. Энгельс написал статью против Стефанони, разоблачив его клеветнические выпады против Генерального Совета и Маркса, показав, что источником их является оплачиваемая Бисмарком газета «Neuer Social-Demokrat» и полицейские инсинуации по поводу кёльнского процесса коммунистов 1852 года. Статья эта была опубликована в миланской «Gazzettino Rosa» 21 февраля 1872 года [1]. Одновременно Энгельс организовал выступление Либкнехта против Стефанони. В связи с появлением проекта устава общества свободомыслящих Либкнехт, не разобравшись в сути дела, в ответ на обращение к нему Стефанони написал ему 18 декабря 1871 г. приветственное письмо, которое было опубликовано в «Libero Pensiero». 15 февраля 1872 года Энгельс написал Либкнехту по этому поводу, указывая на необдуманность этого письма к Стефанони, которое ставило Либкнехта в один ряд с врагами Маркса и Энгельса. В этом же письме Энгельс наметил основные пункты заявления, которое Либкнехт должен послать в «Libero Pensiero», причем указывал, что сам переведет это письмо на итальянский язык и разошлет итальянским газетам [2]. Письмо Либкнехта представляет значительный интерес, так как носит следы непосредственного влияния Энгельса. В связи с тем, что оно мало известно исследователям биографии Энгельса и почти не использовалось, мы приводим его целиком:

«Г-ну Луиджи Стефанони. Флоренция.

Милостивый государь.

Совсем недавно я узнал, что Ваш журнал не только несколько раз подверг нападкам Международное Товарищество Рабочих, но, кроме того, в первом и четвертом номерах за текущий год перевел и использовал полицейские измышления берлинского «Neuer Social-Demokrat», направленные против лондонского Генерального Совета и, в особенности, против Маркса.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 490—492.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 214. В ЦПА ИМЛ имеется черновик перевода Энгельса письма Либкнехта.

Так как опубликование в номере третьем «Libero Pensiero» моего письма к Вам было, видимо, преднамеренно рассчитано на то, чтобы представить, будто я одобряю подобный образ действий, то настоящим письмом я официально заявляю вашим читателям, что отвергаю какую бы то ни было общность с людьми, которые служат европейской полиции в деле травли Интернационала, и которые — сознательно или нет, не имеет значения — делают дело Бисмарка и Бонапарта.

Кроме того, могу сообщить Вам, что съезд в Хемнице, о котором я упоминал в моем письме, опубликованном Вами, заявил о своем единодушии с лондонским Генеральным Советом. В заключение сообщаю Вам, что копию данного письма я пошлю моему учителю и другу Карлу Марксу, предоставив ему возможность использовать его, как он сочтет нужным.

Лейпциг, 29 февраля 1872

В. Либкнехт».

Письмо это Энгельс переслал Кафьеро, а последний опубликовал его в своей статье, направленной против Стефанони и опубликованной в «Gazzettino Rosa» 20 апреля 1872 года.

Продолжающиеся клеветнические выступления Стефанони, в частности, появление в «Libero Pensiero» 18 апреля 1872 г. его статьи «Маркс — Фогт — Герцен», в которой он пытался выдать Фогта за оклеветанного Марксом поборника свободы Италии, а также клеветнически приписать Марксу обвинение Герцена в том, что тот являлся русским шпионом, побудили выступить и Маркса. 23 мая 1872 г. Маркс пишет письмо в редакцию «Gazzettino Rosa», в котором разоблачает фальсификацию и подтасовку фактов, произведенную Стефанони, еще раз показывает клеветнический характер его статей[1].

Выступления Маркса и Энгельса против Стефанони, письмо Либкнехта, написанное по настоянию Энгельса, выступления Кафьеро, а также выступления других членов Интернационала в Италии привели к полному провалу планов Стефанони.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 80—82.

* * *

Разоблачая мелкобуржуазную сущность мадзинизма, давая отпор попыткам и других буржуазных элементов, в том числе Стефанони, стать на пути самостоятельного рабочего движения в Италии, Энгельс ясно представлял себе, что в условиях падения влияния Мадзини на рабочих главная опасность заключается в распространении влияния анархизма Бакунина. Поэтому основное свое внимание он уделял борьбе с анархизмом.

Деятельность Энгельса по борьбе с анархизмом в Италии ясно делится на два этапа: до ноября — декабря 1871 г.— известный подготовительный период, когда Энгельс устанавливает связи с рабочими организациями, и с начала 1872 г., когда он начинает и ведет активную борьбу с анархистами в печати, используя уже установленные организационные связи. Об этом сам Энгельс писал в письме к Лафаргу 9 декабря 1871 года: «Я хорошо обработал Италию и теперь мы начинаем менять способ борьбы: от частных действий и частной переписки мы переходим к гласности»[1]. Это, однако, не означает, что в первый период борьба с анархизмом не велась. Она велась, но велась другими методами. Сохранившаяся переписка Энгельса и Кафьеро убедительно свидетельствует об этом.

Еще до отъезда Кафьеро в Италию Энгельс разъяснил ему положение дел в стране. Энгельсу несомненно было известно, что существующая в Италии неаполитанская секция Интернационала находится под влиянием анархистов[2]. Однако известие об аресте Капоруссо и разгроме секции заставили Энгельса предполагать, что секция прекратила свое существование[3]. В силу этого Энгельс ставил первоначально перед Кафьеро задачу установить связи с остатками секции. В то же время он,

[1] «Новая и новейшая история» № 1, 1957, стр. 10.

[2] Так в статье И. Ф. Беккера в «Vorbote» от февраля 1869 г. говорилось, что Альянс основал секции Интернационала в Италии и Испании. Это же подтверждало и отсутствие ответов от неаполитанской секции на письма Генерального Совета.

[3] В своем первом письме еще из Барлетты (12 июня 1871 г.) Кафьеро пишет о «бывшей» секции (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2833).

видимо, предостерегал его от бакунистов. Так, в письме от 28 июня 1871 г., т. е. еще до получения писем от Энгельса, Кафьеро писал из Неаполя, что «здесь, в Неаполе, есть течение женевского толка» и что это плохо, так как разъединяет силы[1].

Мы уже говорили о тех теоретических положениях, которые Энгельс развивал в своих письмах к Кафьеро, и тех документах, которые он посылал ему. Эти письма и документы били по сектантству анархистов, доказывали необходимость ведения политической борьбы, необходимость завоевания политической власти и установления диктатуры пролетариата. Энгельс учитывал, что в Италии не были известны документы Интернационала и история борьбы Генерального Совета с Альянсом, что, пользуясь этим и используя стихийную тягу рабочих к Международному Товариществу Рабочих, члены Альянса преднамеренно выдавали свою организацию за организацию Интернационала. Они скрывали документы Интернационала, и в то же время создавали свои группы под вывеской его секций. Поэтому Энгельс большое место уделял описанию всей истории взаимоотношений Генерального Совета с Альянсом. В своих письмах он приводит целиком документы Генерального Совета (от 22 декабря 1868 и 9 марта 1869 г.), в которых давался отпор попыткам бакунистов сохранить в рамках Интернационала свою особую автономную международную организацию и в качестве условия приема членов Альянса в Международное Товарищество Рабочих выдвигалось требование роспуска их организации. Одновременно Энгельс показывал, что решение о самороспуске Альянса не было выполнено его руководством, что продолжает существовать тайный Альянс, ведущий борьбу против Интернационала и пытающийся подорвать его изнутри. Разоблачая доктрины Бакунина как эклектическую смесь, в основном заимствованную у Прудона (см. письмо от 1 июля 1871 г.), Энгельс показал, что трескучие фразы Бакунина не имеют реального смысла и при попытках их осуществления приводят к краху, и что они используются международной реакцией, как, например, Ж. Фавром,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/5.

против Интернационала, против рабочего движения в целом [1].

Однако основной упор Энгельс делает не на этом. Летом 1871 г. Марксу и Энгельсу уже было ясно, что нельзя будет оставаться в одной организации с анархистами. Эту мысль Энгельс очень подробно и детально разбирает. Он пишет, что не «специальные» специфические теории Бакунина обусловливают остроту борьбы с ним, так как Интернационал состоит из людей, придерживающихся различных точек зрения, и поэтому его задача состоит в том, чтобы путем дискуссий, борьбы мнений выработать единую, правильную теоретическую программу и организационные принципы пролетарской партии. Отмечая, что как раз в таких дискуссиях Бакунин и его друзья принимали незначительное участие, Энгельс подчеркивал, что стремление анархистов создать свою особую международную организацию в рамках Международного Товарищества Рабочих, призванную подменить Интернационал, неизбежно ведет к исключению бакунистов [2]. Таким образом, Энгельс предостерегал Кафьеро и итальянских рабочих, указывал на дезорганизаторскую подрывную деятельность анархистов и в связи с этим рекомендовал Кафьеро опираться на рабочие массы, по возможности привлекать к себе «секции, не пропитанные этим специфическим фанатизмом» [3].

Анархистский историк Макс Неттлау в своей специальной работе о Бакунине и Интернационале в Италии пытается изобразить переписку Энгельса с Кафьеро (он не знал, правда, писем Энгельса) как попытку устроить заговор против Бакунина, как какую-то «конспирацию за спиной Интернационала». О несостоятельности этого утверждения свидетельствует тот факт, что письма Энгельса, по заявлению самого Кафьеро [4], зачитывались и обсуждались всей неаполитанской секцией, а Энгельсу было хорошо известно, что, по крайней мере, руководители секции были бакунистами.

---

[1] «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 127—128.

[2] Там же, стр. 128—129, 131.

[3] Там же, стр. 129.

[4] См. его письмо Энгельсу от 10 сентября 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2833).

Таким образом, тактическая линия Энгельса заключалась в укреплении связей с организациями, в работе среди рабочих масс, в борьбе за преодоление сектантства, в учете местных особенностей, в установлении союза с крестьянством, в борьбе с влиянием мадзинизма и анархизма. Эта борьба с анархизмом должна была строиться на базе подлинных документов Интернационала, вестись открыто, *внутри* организаций. При этом Энгельс неустанно предупреждал о двурушничестве анархистов, указывал, что их попытки создать свою особую тайную организацию внутри Международного Товарищества Рабочих несовместимы с пребыванием в Интернационале.

Далеко не все эти указания использовались Кафьеро. Сам он под влиянием сблизившихся с ним членов Альянса Гамбуцци и Туччи все более и более склонялся к анархизму. Однако его письма к Энгельсу свидетельствуют о чрезвычайно важном процессе: при соприкосновении научного социализма непосредственно с рабочими массами эти массы становились на его сторону, а не на сторону анархизма, даже в такой «тяготеющей» к анархизму стране, как Италия.

Уже в первом письме из Неаполя 28 июня 1871 г. Кафьеро, как отмечалось выше, писал, что там существует течение «женевского» толка и что это разъединяет силы, иными словами, он констатировал, что не *вся* секция, не все ее члены являются анархистами. Правда, в письме от 12 июля 1871 г., в ответ на предостережения Энгельса, Кафьеро заявляет, что «в Неаполе у Бакунина есть друзья; они проводят его принципы, но я категорически отрицаю, что есть секта или партия, которая действует в несоответствии с принципами Генерального Совета. Есть тяга к Женеве и некоторый холодок по отношению к Генеральному Совету» [1]. Объясняя причины этого, Кафьеро писал, что, по его мнению, это произошло потому, что представители секции писали в Лондон, а ответов не получали, в то время как с Женевой была постоянная переписка, в Женеву же ездили представители секции за советом. В конце письма он просит

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/5.

прислать Устав и Организационный регламент, так как кроме некоторых решений конгрессов в Неаполе *ничего нет*. Энгельс в ответном письме Кафьеро указывал, что Э. Дюпон неоднократно писал Капоруссо, но ответов от него не получал. Из сопоставления этих писем становится ясно, что Альянс добивался господства в Италии (это же имело место и в Испании) путем сокрытия подлинных документов Интернационала (в секции, существующей несколько лет, не было Устава!), связь осуществлялась только с Женевой, т. е. Центральным бюро Альянса, переписка с Генеральным Советом не велась, письма скрывались от секции. Но и в таких условиях Альянс не смог добиться *полного* господства анархистских идей.

Рабочие массы стихийно тяготели к Интернационалу, стремились узнать его документы и факты о рабочем движении в разных странах, стремились к созданию *широкой организации*. Об этом неоспоримо свидетельствуют письма Кафьеро, в которых он пишет о необходимости созвать общеитальянский съезд и образовать федерацию Интернационала, а также создать общеитальянскую газету. Так, в письме от 12 июля 1871 г. он пишет: «Здесь все выражают большое желание иметь газету, которая была бы органом Интернационала, через которую можно было бы регулярно узнавать обо всех успехах нашего Товарищества в различных частях света, статистические данные, официальные документы Генерального Совета и секций и т. д.» [1].

Мы уже неоднократно упоминали о том, что письма Энгельса зачитывались членам секции. Отметим здесь, что, как сообщал об этом Кафьеро, эти письма производили самое благоприятное впечатление. Речь здесь идет об известных нам первых трех письмах Энгельса, а в них достаточно ярко и убедительно разоблачались доктрины и действия анархистов.

Очень важным в связи с рассматриваемым вопросом является отношение неаполитанской секции к Лондонской конференции 1871 г. и ее резолюциям. Как известно, решения Лондонской конференции были встречены

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2931.

анархистами в штыки, Бакунин приложил все усилия, чтобы мобилизовать Альянс, да и не только анархистов, а все антипролетарские силы против этих решений. Неаполитанская секция в это время еще не оправилась от полицейского разгрома в августе 1871 г., однако Палладино и Кафьеро в своих письмах в той или иной мере отражают взгляды ее членов, с которыми они продолжали поддерживать контакт.

Из известного письма Энгельса к Кармело Палладино от 23 ноября 1871 г. следует, что Палладино в письме от 13 ноября 1871 г. заявил о своем несогласии с решениями конференции, оспаривая ее законность. Энгельс подробно ответил ему, разоблачив нелепость всех утверждений Палладино [1], целиком и полностью совпадающих с заявлением всех анархистских организаций.

Иначе отнесся к конференции Кафьеро. В письме от 18 октября 1871 г. в ответ на не дошедшее до нас письмо Энгельса от 10 октября, в котором сообщалось об итогах конференции, Кафьеро писал: «Поздравляю Вас с хорошим исходом конференции, благодарю как лично от себя, так от имени неаполитанцев за то, что вы представляли Италию. Если б обстоятельства сложились иначе [2], то наши рабочие прислали бы Вам формальный мандат на конференцию» [3].

Здесь важно подчеркнуть два момента. Во-первых, несомненно, Кафьеро отражает в своем письме точку зрения части членов неаполитанской секции, с которыми он продолжал поддерживать отношения. Далее, весьма знаменателен и тот факт, что секция, во главе которой стояли анархисты, намеревалась прислать мандат на конференцию Энгельсу. Письма Кафьеро неоспоримо свидетельствуют, что под влиянием первых шагов пропаганды научного социализма в Италии рабочее движение обнаруживало тяготение к марксизму, что в условиях, когда рабочие могли получать материалы от Генерального Совета, от Энгельса, они становились на сторону Генерального Совета, а не анархистов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 179—182.
[2] Речь идет о полицейском разгроме секции в августе 1871 года.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3040.

Однако в следующем письме, 17 ноября 1871 г.[1], Кафьеро сообщает Энгельсу о тех спорах, которые были вызваны решениями Лондонской конференции и которые показывают, что анархисты развили в Италии кипучую деятельность. Сам тон письма показывает, что и Кафьеро начал несколько колебаться[2]. Ответ Энгельса Палладино и, видимо, написанное им в том же плане не дошедшее до нас письмо к Кафьеро помогли последнему на некоторое время преодолеть колебания и еще раз выступить в поддержку линии Генерального Совета. Так он публикует в «Gazzettino Rosa» присланную ему Энгельсом в не дошедшем до нас письме от 7 декабря 1871 г. статью Лафарга из «Emancipacion» о решениях Лондонской конференции; в небольшом вступлении к этой статье Кафьеро еще защищал знаменитую резолюцию Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса[3].

Однако в начале 1872 г. Кафьеро под влиянием личных контактов с анархистами окончательно перешел в их лагерь и вскоре прекратил всякие отношения с Энгельсом. Таким образом прервалась одна из связей, которая давала Энгельсу возможность вести борьбу с анархизмом в Италии и пропагандировать идеи научного социализма.

* * *

Другим каналом пропаганды марксизма в Италии была переписка Маркса и Энгельса с Джузеппе Лучиани. От этой переписки до нас дошло лишь четыре письма Лучиани из Рима к Марксу: от 30 ноября 1871 г., второе, по-видимому, от декабря 1871 г., затем от 27 сентября и 1 октября 1872 года. Из них наибольший интерес представляют два первых письма. Поскольку ни

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 210/6.

[2] Это письмо было с большими пропусками опубликовано Неттлау (*M. Nettlau.* «Bakunin e l'Internazionale in Italia». Ginevra, 1928, p. 267—268), причем эти пропуски совершенно искажают смысл письма; у Неттлау получается, что резолюции конференции вызвали всеобщее возмущение, к которому присоединился и Кафьеро, хотя Кафьеро прилагает усилия, чтобы опубликовать эти резолюции в итальянских газетах.

[3] «Gazzettino Rosa» № 353, 20. XII. 1871.

один исследователь не касался этого вопроса, мы остановимся на нем подробно, хотя, несомненно, связь с Лучиани играла неизмеримо меньшую роль, чем с Кафьеро.

Из первого письма Лучиани Марксу[1] видно, что он познакомился с Марксом во время своего кратковременного пребывания в Лондоне (через кого и когда, точно установить не удается). Второе письмо Лучиани дает нам представление о характере бесед в Лондоне и о тех вопросах, которые, возможно, развивались затем в письмах Маркса. Лучиани пишет, что спор, который имел место в Лондоне, о том, что в настоящий момент в Италии важны «решительные действия», а не «медлительная пропаганда», на месте решается якобы в его пользу[2]. Таким образом, можно предполагать, что Лучиани находился под некоторым влиянием анархистских идей, в частности, разделял их путаную и вредную доктрину о «пропаганде действием». От Маркса Лучиани получил адреса, известные Генеральному Совету; он писал, что был в Милане, где виделся со многими друзьями, но не смог поехать в Неаполь повидаться с Кафьеро. В том же письме Лучиани сообщает, что правительственные газеты объявили его представителем Интернационала в Италии и что он вынужден был это опровергнуть. Эти косвенные свидетельства показывают, что Лучиани по договоренности с Марксом должен был повидать людей, с которыми у Генерального Совета были связи (Кафьеро, Куно), вероятно, передать им документы и координировать с ними свою деятельность. Лучиани далее пишет, что если у Маркса есть материалы для публикации, то пусть он пришлет их, так как «он *уже* [подчеркнуто нами.— *Н. К.*] договорился об их публикации в некоторых газетах». Очевидно, одна из ближайших задач, которые Маркс поставил перед Лучиани, состояла в том, чтобы установить связь с издающимися в Риме газетами, найти трибуну для пропаганды. Этого Лучиани добился. Он был связан с редакцией газеты «La Capitale» (его письма написаны на официальном бланке этой газеты); 30 ноября 1871 г. он писал, что опубликовал в этой газете биографию Маркса из «Illustracion», а в письме от 27 ноября

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2650.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2684.

1872 г. сообщил, что поместил в той же газете объявление о «Капитале» Маркса[1]. Нам также известно, что Лучиани был редактором газеты «Il Ciceruacchio», органа, близкого к Интернационалу[2]. О покупке этой газеты он совещался с Марксом, причем предлагал, чтобы покупка была осуществлена через Кафьеро[3].

Сохранившиеся письма Лучиани показывают, что его переписка была значительно более обширна, что велась она и с Энгельсом, что до нас дошла лишь ее незначительная часть. При отсутствии упомянутых газет невозможно установить, какие документы Интернационала Лучиани опубликовал, иными словами, определить один из итогов этой переписки. Можно предполагать, что он добился публикации известного письма Энгельса в «Roma del Popolo» против Мадзини. Во втором, не датированном письме Лучиани пишет: «Вчера я передал письмо Энгельса для опубликования, сегодня оно опубликовано»[4]. По содержанию письмо датируется второй половиной декабря 1871 года. Письмо же Энгельса было опубликовано в мадзинистской газете «Roma del Popolo» 21 декабря 1871 г. с редакционным введением, в котором указывается, что «редактор одной газеты враждебных нам принципов» (очевидно, речь идет о Лучиани) прислал в редакцию длинное письмо, содержание которого сводится к упрекам редакции в нелояльности по отношению к идейным противникам и к требованию опубликовать письмо Энгельса[5].

Не совсем ясна нам и связь Лучиани с рабочими организациями и секцией Интернационала в Риме[6]. От-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3023.

[2] «Répertoire international des sources pour l'étude des mouvements sociaux aux XIX et XX siècles. V. I. La Première Internationale. Périodiques 1864—1877». Paris, 1958, p. 40. К сожалению, мы не располагаем ни «Ciceruacchio», ни «Capitale».

[3] См. письмо Лучиани Марксу от 30 ноября 1871. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2650.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2684.

[5] «La Roma del Popolo» № 43, 21. XII. 1871, p. 5.

[6] Исследователи этого периода не упоминают Лучиани среди активных деятелей рабочего движения (см., например, *A. Romano.* «Storia del movimento socialista in Italia», v. II. Milano — Roma, 1954, p. 215; *F. Della Peruta.* «L'Internazionale a Roma dal 1872 al 1877» в «Movimento operaio» № 1, 1952).

метим известный нам один очень интересный факт. 17 апреля 1872 г. в Риме открылся съезд, созванный представителями либерально-монархической буржуазии (так называемыми «умеренными»). Съезд этот состоял из представителей крупной буржуазии, правительственных чиновников и т. п. По мысли его организаторов, он должен был послужить препятствием распространению революционных идей среди рабочих, внести раскол в рабочее движение. Принципиально важное значение имел протест римских рабочих против попытки выдать этот съезд за съезд, отражающий интересы рабочих Италии. Протест против съезда, «присваивающего себе право говорить от имени рабочих», заявили римские наборщики [1]. Они же предприняли попытку организовать своими силами контрсъезд. Однако препятствия, чинимые полицией, позволили провести лишь митинг протеста. В библиотеке Института марксизма-ленинизма хранится ряд вырезок из газет, которые показывают, что Лучиани на этом митинге выступал несколько раз, подчеркивая, что съезд «умеренных» не представляет интересы рабочих, что и по составу это не рабочий съезд, что участники съезда не хотят освобождения рабочего класса. Весьма важным было предложенное Лучиани дополнение к резолюции протеста, принятой митингом. Он предлагал включить в резолюцию заявление о солидарности итальянских рабочих с пролетариатом всех стран Европы, что рабочие могут только сами решить все касающиеся их вопросы и что необходимо создать в Риме Общество ремесленников (Societa artigiana), которое действовало бы в союзе с организациями рабочих Англии, Германии, Бельгии и других стран. Если учитывать политическую обстановку в Италии и полицейские препятствия, которые чинились созыву митинга, то можно считать, что в своем проекте резолюции Лучиани призывал к организации секций Интернационала в Италии. На заседании Генерального Совета 7 мая 1872 г. Энгельс сообщил о съезде «умеренных» и о митинге итальянских рабочих, причем особое внимание уделил той поправке к резолюции, которую внес Лучиани (правда, не называя его

[1] *Г. Манакорда.* Цит. соч., стр. 94.

имени)[1]. Из всего вышесказанного видно, что Лучиани был связан с организацией римских типографов; имеющиеся у нас материалы не дают, однако, прямого ответа на вопрос, советовался ли Лучиани с Марксом или Энгельсом по поводу съезда «умеренных» и не под их ли влиянием он вносил свои предложения.

Отсутствие каких-либо упоминаний о Лучиани в письмах и работах Маркса и Энгельса показывает, что, в общем, их связь с Лучиани была непрочной, что они не возлагали на него каких-либо особых надежд. Мы можем определенно констатировать лишь то, что с ноября 1871 г. Маркс и Энгельс получали информацию из Рима, могли использовать для пропаганды принципов Интернационала ряд римских газет, предположительно можно считать, что Лучиани способствовал публикации в газете «Roma del Popolo» очень важного письма Энгельса в редакцию этой газеты; однако еще совершенно неясно, в какой мере Маркс и Энгельс направляли борьбу Лучиани с «умеренными». Во всяком случае Лучиани боролся с буржуазным влиянием на рабочее движение, призывал к международному единству пролетариата, в какой-то мере способствовал распространению в Италии отдельных произведений Маркса и Энгельса.

* * *

В ноябре 1871 г. у Энгельса появились новые, более широкие возможности оказывать влияние на итальянское рабочее движение. Он получает письма от Теодора Куно из Милана (первое письмо Куно написано 1 ноября 1871 г.) и от Биньями из Лоди (первое сохранившееся письмо помечено 6 ноября 1871 г.), правда, еще до этого Энгельс имел возможность через Кафьеро публиковать отдельные документы в миланской «Gazzettino Rosa», но непосредственных связей с Миланом и Северной Италией у него не было.

Установление непосредственных связей с Северной Италией имело для Маркса и Энгельса первостепенное

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 635—636.

значение. Значительно более развитый в промышленном отношении Север был единственным районом Италии, где существовал промышленный пролетариат в подлинном смысле этого слова; завоевание здесь позиций играло решающую роль, так как именно пролетариат этого района должен был определить судьбу рабочего движения всей страны, как его ведущий отряд.

В статье «В Италии», говоря о распространении анархизма, Энгельс писал: «Но в Италии есть и промышленные города, главным образом на севере; и как только движение пустило корни среди подлинно пролетарских масс *этих* городов,—такая недоброкачественная пища [речь идет об анархистских идеях.— *Н. К.*] не могла уж более удовлетворять, и *эти* рабочие уже не могли допустить, чтобы их и впредь опекали те неудачливые молодые буржуа, которые бросились к социализму потому, что, по словам Бакунина, их «карьера уперлась в тупик».

Так оно и случилось. Недовольство верхнеитальянских рабочих воспрещением всякой политической деятельности, т. е. всякой *настоящей* деятельности, выходящей за границы пустой болтовни и заговорщичества, росло с каждым днем» [1].

Счастливой случайностью был приезд в Милан Теодора Куно. В отличие от Кафьеро, Куно был гораздо лучше подготовлен, имел уже опыт практической революционной работы, хотя, по словам Энгельса, он не принадлежал к «числу цеховых людей «партии»» [2]. Однако к моменту приезда в Милан, где Куно устроился работать на одно из крупнейших предприятий (завод Эльветика, теперь Бреда) в качестве инженера, он уже имел 3 года стажа деятельности в немецкой Социал-демократической рабочей партии. Прибыв в Милан, Куно пытался разыскать секцию Интернационала или связаться с его членами для того, чтобы включиться в работу. Он обратился в редакцию «Gazzettino Rosa», но там ему ничем не могли помочь. Тогда он входит в контакт с И. Ф. Беккером, и тот принимает его в Интернационал

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 369.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 239.

(в секцию немецкого языка в Швейцарии), но указать Куно, с кем он может связаться в Милане, Беккер также не смог. После этого Куно обращается к Энгельсу как секретарю-корреспонденту Генерального Совета для Италии. Он пишет 1 ноября 1871 г. письмо с просьбой дать информацию, адреса и имена членов Интернационала, прислать соответствующую литературу, дать совет, в каком направлении действовать, сообщает сведения о себе[1].

На первое письмо Куно Энгельс ответил 13 ноября 1871 года[2]. В своем ответе Энгельс констатировал, что в Милане нет секции Интернационала, но есть элементы, опираясь на которые ее можно создать, указывал, что имеется лишь связь с «Gazzettino Rosa», давал адреса секций в других городах. Таким образом, перед Куно была поставлена задача организации секции Интернационала в Милане. Поскольку основой для нее могла послужить редакция левомадзинистской газеты «Gazzettino Rosa», Энгельс обращал внимание Куно на мадзинистов как на первых противников, с которыми ему придется столкнуться. Действительно, в Милане с сентября 1871 г. существовало мадзинистское Общество моральной и взаимной помощи и просвещения рабочих. Судя по письму Куно к Энгельсу и Беккеру 1 февраля 1872 г., в этом обществе почти не было рабочих, верховодили в нем буржуазные демократы[3]. Как сообщал Куно Энгельсу 30 ноября 1871 г., он вместе с работающими с ним на заводе членами швейцарских секций Интернационала Морфом и Штоккером, а также сотрудником «Gazzettino Rosa» анархистом Пецца вступил в это общество и привлек в него ряд рабочих с Эльветики[4]. Из письма ясно, что свое вступление в общество Куно рассматривал как завоевание трибуны для борьбы. Наряду с определенными успехами — в письме Куно просит у Энгельса прислать ему 50—60 членских карточек Интернационала,— сразу же возникли и новые трудно-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3053.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 169—170.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3129. Куно писал свои письма Беккеру с тем, чтобы он пересылал их Энгельсу.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3084.

сти. В том же письме Куно писал Энгельсу, что существуют «оппозиционеры», заявляющие, что Интернационал не является политической организацией, и что эти элементы (анархисты) мешают работать. Отметив, что от этих людей следовало бы отделаться, Куно, однако, высказывая мнение, что в данных условиях это могло бы нанести вред, спрашивал у Энгельса совета, что ему делать.

Энгельс ответил Куно 16 декабря 1871 г., разъяснив ему происки бакунистов, однако письмо было перехвачено полицией. Продолжая выступать вместе с анархистами против мадзинистов, Куно сумел завоевать на сторону Интернационала нескольких членов мадзинистского общества, настоять на выходе сторонников Интернационала из этого общества и образовать свою организацию, получившую название Рабочий кружок освобождения пролетариата. Но этот кружок конституировался в секцию Интернационала не сразу. 27 декабря 1871 г. Куно сообщал Энгельсу, что ему удалось добиться, чтобы в первой статье устава кружка было заявлено о полном признании Устава Интернационала[1]. А 7 января 1872 г. Рабочий кружок заявил на своем собрании о присоединении к Интернационалу; 11 января 1872 г. Куно написал об этом Энгельсу[2]. 30 января Энгельс сообщил Генеральному Совету об образовании секции Интернационала в Милане, заявив, что ее устав соответствует принципам Интернационала; по предложению Энгельса секция была принята в Международное Товарищество Рабочих[3].

То обстоятельство, что секция была образована не сразу, свидетельствует о борьбе, которая шла между анархистами и Куно внутри группы, порвавшей с мадзинистским обществом. Входившие в эту группу анархисты (Пецца и другие) находились в Милане задолго до приезда Куно, но об образовании секции Интернационала и не помышляли. Этот факт говорит о том, что само предложение о создании секции вызвало сопротивление

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3114.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2725.
[3] Протокольная книга Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 68/5).

анархистов. По-видимому, борьба в основном шла по программным и тактическим вопросам. Куно одержал в этой борьбе победу. Это доказывает программа, принятая при образовании секции. В начале программы говорится о братской солидарности пролетариата всего мира, а затем указывается: «Политическая свобода является естественным и необходимым следствием экономического освобождения, следовательно, социальный вопрос неотделим от политического вопроса, и разрешение первого является условием разрешения второго, поэтому мы не признаем никакой другой партии, кроме социалистическо-демократической партии рабочих» [1]. При всей нечеткости приведенной формулировки совершенно ясно, однако, что включение в программу этого положения означало поражение анархистских элементов.

Обстановка в Милане, как и во всей Италии, резко обострилась в связи с распространением сонвильерского циркуляра бакунистов, принятого в ноябре 1871 года. Для Бакунина было особенно важно, чтобы его поход против Генерального Совета был поддержан существующими секциями Интернационала. В этих условиях позиция миланской секции приобрела особое значение. Личный друг Бакунина Пецца, анархист Тестини и близкий к анархистам Гандольфи, входившие в комитет Рабочего кружка, прилагали все усилия, чтобы добиться одобрения сонвильерского циркуляра. Об этом Куно сообщил Энгельсу в письме 27 декабря 1871 г. [2], из которого Энгельс узнал, что его письмо от 16 декабря 1871 г. к Куно не попало. Тогда он 24 января 1872 г. обратился к Куно с известным письмом, в котором дана блестящая по своей концентрированности и четкости характеристика анархизма и истории борьбы Генерального Совета с бакунистским Альянсом. Отдавая себе отчет в том, что в Италии анархисты занимают господствующее положение, Энгельс особое внимание уделял позиции миланской секции. Заканчивалось письмо словами: «Если бы нам удалось добиться того, чтобы миланская секция не уча-

---

[1] «Statuto del Circolo operajo di Milano. Regione Lombardia». Milano, 1872.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3114.

ствовала в хоре остальных итальянских секций, то это было бы очень хорошо» [1].

Опираясь на документы и письмо Энгельса, Куно сумел достигнуть того, что миланская секция не поддержала сонвильерский циркуляр; более того, ему удалось добиться опубликования в «Gazzettino Rosa» осуждавшего бакунистов ответа швейцарского Романского федерального комитета на сонвильерский циркуляр [2]. За позицию секции Куно не беспокоился; в письме к Энгельсу и Беккеру от 1 февраля 1872 г. он писал: «Здесь я совершенно уверен, так как рабочие будут голосовать за мои аргументы, два или три друга Бакунина не имеют последователей, так как они не являются рабочими и не известны лично среди них, как, например, я» [3]. Позиция миланской секции серьезно встревожила Бакунина, он развивает бурную деятельность, инструктирует своих сторонников [4]. В результате «Gazzettino Rosa» опубликовала сонвильерский циркуляр, а борьба внутри миланской секции усилилась. Как сообщал Куно Энгельсу 17 апреля 1872 г., 27 февраля состоялось общее собрание секции, на котором стоял вопрос об отношении к сонвильерскому циркуляру. После бурных споров секция приняла решение опубликовать заявление о том, что она не поддерживает сонвильерский циркуляр [5].

28 февраля Куно был арестован и выслан из Италии; Энгельс потерял возможность оказывать влияние на миланскую секцию.

Однако за 4 месяца, в течение которых Куно под руководством Энгельса действовал в Милане, ему удалось добиться значительных результатов. Он был инициатором разрыва с мадзинистами и образования секции Интернационала; борясь с анархистами на основе документов, получаемых от Энгельса, и указаний, содержа-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 209.

[2] «Gazzettino Rosa», 2. II. 1872.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3129. Это еще раз подтверждает, что среди самих рабочих анархисты не имели опоры.

[4] Об этом см. *Ю. Стеклов*. «М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность», т. 4, М.—Л., 1927, стр. 159—163.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1. Видимо в связи с последовавшими репрессиями и арестом Куно это заявление не было опубликовано.

щихся в его письмах, он добился того, что секция не примкнула к общему анархистскому походу против Интернационала. Ему удалось довести до сознания рабочих некоторые положения научного социализма, что, несомненно, сказалось впоследствии, так как именно в Милане в 1882 г. была образована первая самостоятельная партия итальянского пролетариата.

Обострение борьбы с анархистами внутри Интернационала после Лондонской конференции и в особенности после выхода сонвильерского циркуляра, быстрое развитие рабочего движения в Италии, которую Бакунин стремился превратить в оплот борьбы против Генерального Совета и марксизма, препятствия, чинимые полицией регулярным связям с секциями (например, с Миланом), неясное положение в Турине (о чем ниже) — все это привлекало особое внимание Маркса и Энгельса к Италии, побуждало их искать возможность направить в Италию кого-либо из преданных делу рабочего класса людей, кто смог бы дать отчет о положении там, помочь советом, передать документы местным секциям. Эту задачу выполнил Витале Реджис.

Нам мало что известно о Реджисе. Известно, что он был участником Парижской Коммуны, что 5 декабря 1871 г. он был принят по предложению Энгельса, поддержанному Марксом, в состав Генерального Совета. До конца января 1872 г. Реджис находился в Лондоне и принимал участие в работе Генерального Совета. 26 января 1872 г. он сообщил Энгельсу, что решил съездить в Италию, и просил у Энгельса указаний и денег[1]. 9 февраля Реджис писал Энгельсу уже из Женевы; он сообщил, что в Женеве вступил в итальянскую секцию Интернационала (через Перре). В связи с поездкой в Италию он просит у Энгельса рекомендательное письмо к миланской секции, официальных полномочий от Генерального Совета и инструкций[2]. Энгельс исполняет его просьбу. Приблизительно между 16 февраля и 1 марта 1872 г. Реджис осуществил свою десятидневную поездку по Северной

[1] Реджис — Энгельсу, 26 января 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2691).
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3136.

Италии [1], во время которой он (под псевдонимом Этьен Пешар) побывал в Милане и Турине, но не смог побывать в Лоди. Об итогах этой поездки он написал большое письмо-отчет Генеральному Совету в виде письма Энгельсу. Реджис писал, что был в Милане, передал Куно письмо от Энгельса (это письмо до нас не дошло) и сообщение о том, что Генеральный Совет принял Рабочий кружок в Интернационал в качестве его секции. Касаясь положения в Милане, он указывает, что секция основана выходцами из Швейцарии, что она в целом настроена в пользу Генерального Совета, хотя в ней есть и анархисты. Однако в своем сообщении о миланской секции Реджис не вдавался в особые подробности, так как, в связи с пребыванием в Милане Куно, положение секции не вызывало особого беспокойства у Энгельса. Гораздо более подробно Реджис излагает результаты своей поездки в Турин.

В Турине до 1871 г. рабочее движение находилось под влиянием мадзинистов. Отражением тех общих для всей Италии процессов распада мадзинистской партии и тяги к Интернационалу, о которых мы говорили выше, было образование в Турине в конце сентября — начале октября 1871 г. «Рабочей федерации», в которой преобладали мадзинисты, но имелись и левые элементы, заявившие о своей приверженности принципам Интернационала. Хотя это заявление и оставалось чисто платоническим, оно все же выражало стихийную тягу рабочих к Интернационалу. С самого образования общества в нем происходила борьба; левые элементы требовали осуждения мадзинизма. В январе 1872 г. в обществе произошел раскол, сторонники программы Интернационала образовали свое особое общество — Освобождение пролетария, ставшее секцией Интернационала [2]. В эту секцию входили как левые мадзинисты, так и анархисты, причем

---

[1] 16 февраля Реджис пишет Энгельсу еще из Женевы (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3137); 1 марта он, также из Женевы, пишет о своей поездке большое письмо-отчет Генеральному Совету на имя Энгельса (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3156).

[2] Энгельс сообщил на заседании Генерального Совета 23 января 1872 г., что он получил из Турина письмо с членскими взносами (см. протокольную книгу Генерального Совета, ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 68/5).

руководство в ней на время попало в руки авантюриста Карло Терцаги, ставшего вскоре полицейским агентом. Терцаги же возглавил борьбу против ортодоксально мадзинистских элементов в старой мадзинистской «Рабочей федерации». С ним установил связь Кафьеро, который, судя по его письму к Энгельсу от 27 ноября 1871 г., способствовал отделению левого крыла общества от мадзинистов. Кафьеро неоднократно писал в Турин, разоблачая антирабочий характер мадзинизма[1]. Видимо, через Кафьеро Энгельс также устанавливает связь с Терцаги. С самого начала своей деятельности, еще в «Рабочей федерации», Терцаги вел двойную игру: он обращался и к Энгельсу, уверяя его в своей преданности и прося денежной помощи для издания газеты, и к Бакунину, обещая и последнему свое содействие. Для Энгельса было поэтому неожиданным появление в газете «Proletario Italiano», издаваемой Терцаги, чисто анархистского заявления в поддержку сонвильерского циркуляра[2]. С другой стороны, Терцаги просил у Генерального Совета поддержки против членов своего же общества, секретарем которого он был (впоследствии выяснилось, что он присвоил себе деньги секции, в связи с чем общество и стремилось от него избавиться). Основной задачей Реджиса и было выяснение положения в Турине.

По прибытии в Турин Реджис встретился с Терцаги, связался и с самим обществом Освобождение пролетария. Он выяснил, что Терцаги за присвоение денег общества был исключен из него. Он же предупреждал Энгельса, что Терцаги, видимо, связан с полицией. Характеризуя общество Освобождение пролетария, Реджис писал, что эта в своей массе рабочая организация насчитывает до 700 человек и делится на секции по профессиям, причем рабочие настроены далеко не анархистски. Реджис писал: «Что касается воздержания от политики, то я открыл им глаза; со слов Терцаги, они думали, что Генеральный Совет и все секции Интернационала проповедуют воздержание, и чрезвычайно доволь-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3153.

[2] См. черновик письма Энгельса в редакцию «Proletario Italiano» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 473—474).

ны, что дело обстоит не так»[1]. Далее он указывает, что члены общества не только не протестуют против авторитета Генерального Совета, но, «наоборот, страстно желают значительно поднять его авторитет, чтобы, в случае возможных в Италии и Испании событий, он смог бы взять на себя руководство движением и обеспечить его успех в интересах Интернационала и победы его принципов»[2].

В то же время Реджис предупреждал Энгельса, что в обществе имеются и анархистские элементы, возглавляемые доктором Якоби[3]. Реджису пришлось выдержать большую дискуссию с Якоби, который заявлял, будто Генеральный Совет виновен в гибели Коммуны (!) и не может руководить рабочим движением, так как состоит из представителей умственного труда. Это заявление достаточно ярко показывает методы лжи и клеветы, которыми анархисты пытались завоевать господство в рабочем движении. Реджис рекомендовал Энгельсу вести постоянную переписку с обществом Освобождение пролетария, чтобы парализовать настойчивые попытки Бакунина завоевать его.

В заключение Реджис сообщал, что имевшиеся у него «воззвания и письма были разосланы рабочим на фабрики Бьеллы и Пинероло». Он сообщал, что собирается поехать в Болонью для пропаганды там принципов Интернационала, и приводил сведения о попытках создать секции Интернационала еще в ряде мест. Отсюда ясно, что Энгельс поставил перед Реджисом задачу не только выяснения положения в существующих секциях (Милан, Турин, Лоди) и борьбы с влиянием анархизма, но и установления непосредственных связей с рабочими и организации новых секций Интернационала. С частью этих задач Реджис не смог справиться по той причине, что на одном открытом собрании туринской секции Терцаги

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3156. Это письмо-отчет Реджиса было использовано Марксом и Энгельсом при написании «Альянса социалистической демократии и Международного Товарищества Рабочих» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 371 –372).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3156.

[3] Павел Иванович Якоби, русский, по профессии врач, в 60—70-х годах политический эмигрант, с 1864 г. близкий друг Бакунина, анархист, в начале 70-х годов вел анархистскую пропаганду в Италии.

заявил о его присутствии и назвал его имя, то есть фактически донес на него полиции; Реджис вынужден был немедленно скрыться и перебраться нелегально в Швейцарию[1].

Поездка Реджиса в Турин имела и непосредственный практический результат. Получив информацию от Реджиса, Энгельс порвал всякие отношения с Терцаги[2] и установил связь с новым руководством секции (Чезаром Бертом)[3]. Хотя о дальнейших связях Энгельса с Турином мы имеем мало сведений, несомненно, что и поездка Реджиса и эти связи Энгельса оказали значительное влияние на деятельность туринской секции Интернационала. До нас дошло письмо общества Освобождение пролетария Энгельсу от 16 мая 1872 г.[4], в котором сообщалось о борьбе с мадзинистами. Члены общества участвовали в съезде, созванном «Рабочей федерацией», на котором предложили принять резолюцию «о необходимости объединения всех рабочих обществ под знаменем Интернационала». После того как резолюция была отклонена мадзинистским большинством, делегаты общества покинули съезд. Второе дошедшее до нас письмо общества Освобождение пролетария показывает, что Энгельс поддерживал с ним постоянную связь. В письме указывается, что общество получило письма Энгельса от 7 и 14 июня и посланные им циркуляры, на письме есть пометка Энгельса о том, что он ответил на него 26 июля. В этом же письме общество сообщало о предстоящей

---

[1] О дальнейшей судьбе Реджиса сохранилось мало сведений. Известно, что он остался в Женеве, где долго не мог найти работу; известно, что он продолжал поддерживать связь с Италией; так в письме 13 мая 1872 г. Энгельсу (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3232) он сообщает об образовании секций, поддерживающих Генеральный Совет, в Романье, а в письме 5 марта 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3432) — во Флоренции. В том же письме он пишет Энгельсу, что собирается в Испанию, просит дать ему инструкции и адреса. 1 мая 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3236) он писал Энгельсу уже из Испании, где под именем Боджо завязал связи с членами Интернационала в Барселоне и вступил в республиканскую армию. Дальнейших сведений о Реджисе нет.

[2] См. письмо Энгельса Терцаги от 21 марта 1872 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 229—230).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 226—229.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3226.

общеитальянской конференции в Римини и просило в связи с этим у Энгельса совета[1]. Что ответил Энгельс, нам неизвестно. Мы знаем, что туринская секция не принимала участия в анархистской конференции в Римини (4—6 августа 1872 г.), на которой была образована общеитальянская анархистская организация, хотя несомненно, что анархисты приложили все усилия для того, чтобы собрать на эту конференцию представителей от возможно большего количества организаций. В связи с этим Энгельс направил туринской секции разоблачающий конференцию в Римини циркуляр Генерального Совета от 23 августа[2], который он разослал секциям, поддерживающим Генеральный Совет. О том, что эта секция оставалась чуждой анархизму, свидетельствует и тот факт, что Энгельс дал ее адрес Генеральному Совету Интернационала в Нью-Йорке[3].

Однако, видимо, с августа 1872 г. деятельность секции была парализована полицейскими преследованиями. Так газета «Il Popolino», публикуя циркуляр от 23 августа, заявляла в редакционном введении, что не могла этого сделать раньше, так как члены правления общества Освобождение пролетария были арестованы и заключены в тюрьму в связи с организованной обществом в Турине стачкой[4]. О том, что связи с секцией были прерваны, свидетельствует и письмо Энгельса Зорге от 2 ноября 1872 г., в котором Энгельс писал: «О Турине я больше ничего не знаю»[5]. Видимо, секция не смогла оправиться после полицейского разгрома в августе 1872 года.

* * *

Основным каналом пропаганды научного социализма в Италии в 70-е годы было сотрудничество Энгельса в газете «La Plebe». Установление непосредственной связи с ее редактором и издателем Энрико Биньями знаменовало важный поворот в истории борьбы Энгельса за

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3270.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 120.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 297.
[4] «Il Popolino», 29.IX.1872.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 296.

пролетарскую партию в Италии. Энгельс вступил в тесный контакт с группой наиболее передовых в Италии людей, тяготевших к научному социализму, причем, в отличие от Куно,— с коренными итальянцами, связанными плотью и кровью с итальянским общественным движением. Отношения Энгельса с «Plebe» являются важной страницей в его биографии и одной из весьма интересных, но малоизученных страниц истории итальянского рабочего движения [1].

В статье «В Италии» Энгельс писал: «Элементы, вышедшие из старого республиканского движения и лишь против воли подчинявшиеся «анархистскому» визгу, стали все чаще и чаще пользоваться случаем подчеркнуть необходимость политической борьбы и дали выражение пробуждавшейся оппозиции в газете «La Plebe»» [2]. История газеты «La Plebe» является наиболее ярким выражением тех изменений и тенденций в общественной мысли, которые характерны для Италии 60—80-х годов. Основанная в 1868 г. в небольшом промышленном городе Лоди (близ Милана) видным деятелем буржуазно-республиканского движения, гарибальдийцем Энрико Биньями, газета в конце 70 — начале 80-х годов стала одним из центров, вокруг которого сплачивались социалистические элементы, образовавшие в 1882 г. первую самостоятельную партию итальянского пролетариата — Рабочую партию. Развитие взглядов группы, объединившейся вокруг «Plebe», эволюция самой газеты может стать темой самостоятельного исследования. В данной статье мы не имеем возможности сколько-нибудь подробно осветить этот вопрос. Охарактеризуем лишь в общих чертах направление газеты до начала сотрудничества в ней Энгельса.

Газета «La Plebe» возникла как орган левых мадзинистов, которые, в отличие от Мадзини, склонялись

---

[1] Этому вопросу посвящена небольшая брошюра Терезы Муши ««La Plebe» primo giornale socialista del movimento operaio italiano», Milano [1953], дающая общий очерк истории газеты, а также подготовленная Бозио публикация статей Маркса и Энгельса: «Scritti italiani di Marx e Engels». Milano — Roma, 1955, в вводной статье и комментариях к которым содержится весьма ценный и интересный материал.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XV, стр. 369.

к материализму и считали необходимым привлечение народных масс к делу буржуазно-демократической революции, имевшей целью завершение воссоединения страны и установление республики. Для этой группы, испытывавшей влияние идей французских социалистов-утопистов, решение социальных противоречий между трудом и капиталом имело важное значение; она не отодвигала эту проблему на задний план, не рассматривала ее как чисто подчиненный вопрос, как это делал Мадзини. В процессе завершения буржуазно-демократической революции эти вопросы приобретали для них все большую остроту. Лучшие представители левых мадзинистов перешли затем в лагерь социализма.

В первом номере газеты, в редакционной статье, определяя свои позиции, как демократов и республиканцев, редакторы газеты писали: «Мы — республиканцы, не верим ни во что, кроме инициативы масс» [1]. Почти во всех номерах газеты за 1868—1870 гг. помещались статьи, посвященные положению рабочих, месту трудящихся в общественной жизни, социальному вопросу. Описывая страдания, нищету и бесправие народных масс [2], газета приходила к выводу, что социальный и политический вопросы неотделимы друг от друга. Так в той же программной статье редакция писала: «Нельзя желать политического освобождения народа и не желать его экономического освобождения» [3]; в другой статье она высказывала убеждение в необходимости новой революции, которая решила бы как политический, так и социальный вопрос [4].

Решение социального вопроса, по мнению «Plebe», могло быть достигнуто путем «передачи земли крестьянам, капитала — рабочим» [5], а для этого рабочие прежде всего должны объединиться. «Рабочий вопрос», положение трудящихся в Италии все более и более привлекает

---

[1] «La Plebe» № 1, 4.VII.1868, p. 1.

[2] См., например, «Plebe» № 23, 19.IX.1868, p. 1 (редакционная статья); № 39, 3.IV.1869 (статья «Социальный вопрос»); № 68, 31.VII.1869, p. 1 (статья «Пролетарий») и т. д.

[3] «La Plebe» № 1, 4.VII. 1868, p. 1.

[4] «La Plebe» № 19, 5.IX.1868, p. 2.

[5] «La Plebe» № 39, 3.IV.1869, p. 2.

внимание редакции; в газете стали появляться и статьи о социализме, содержавшие в основном пересказ доктрин Прудона и Луи Блана. Не случайно редакция обратила внимание на деятельность Интернационала. Первое сообщение о Международном Товариществе Рабочих появилось в «Plebe» 25 марта 1870 г.[1]; в дальнейшем сообщения о деятельности секций Интернационала стали занимать все больше и больше места. Стремясь установить более тесные контакты с итальянскими рабочими, газета 6 марта 1871 г. заявляет, что любой рабочий может бесплатно получать газету.

Кульминационным пунктом в эволюции «Plebe» явилась Парижская Коммуна. С самого начала газета целиком и полностью встала на ее сторону. Самой Коммуне, ее деятелям, первым мемуарам участников Коммуны газета уделяла очень много места. Газета особенно акцентировала внимание на международном значении Коммуны. Основные же выводы наиболее серьезных статей (не мало было статей чисто романтического характера, воспевавших геройку баррикад и т. п.) сводятся к следующему: 1) Коммуна — революционный акт рабочего движения. 2) Она открывает новый этап борьбы, так как она была первой попыткой рабочего класса уничтожить буржуазное государство. 3) Хотя героическая попытка рабочих свергнуть господство буржуазии и потерпела поражение, но эти попытки указали правильный путь[2] (26 мая 1873 г. в одной из статей газета писала: «Коммуна пала... Да здравствует Коммуна!»).

Как мы видим, еще будучи далекой от научного социализма, газета прочно избирает линию, ведущую, в конечном счете, к нему.

Выступая против нападок Мадзини на Коммуну, газета все больше и больше внимания уделяла Интернационалу; с мая — июня 1871 г. почти в каждом номере газеты появлялись сообщения о деятельности Интернационала, большие статьи о нем, информация о рабочем

---

[1] «La Plebe» № 83, 25. III. 1870, p. 1 (статья «Работающие и правящие»).

[2] См., например, статьи в № 47, 22. IV. 1871, p. 1; № 58, 18. V. 1871, p. 2; № 59, 20. V. 1871, p. 1; № 82, 15. VII. 1871, p. 3 и др.

движении в различных странах[1]. Газета стремилась в той или иной форме пропагандировать программные и организационные принципы Интернационала. Как уже говорилось, связь с ней установил Кафьеро, видимо, он посылал газете документы Интернационала, через него же связался с редакцией газеты и Энгельс.

19 октября 1871 г. в газете появился первый документ за подписью Энгельса — резолюция Генерального Совета об исключении Г. Дюрана из Интернационала[2] с небольшим сопроводительным письмом Энгельса:

Лондон, 13 октября

Гражданин редактор «Plebe»! Генеральный Совет поручил мне направить Вам следующую резолюцию с просьбой опубликовать ее на страницах Вашей уважаемой газеты.

Примите и пр.

Фридрих Энгельс,
секретарь для Италии[3].

В конце октября — начале ноября 1871 г. началась непосредственная переписка Биньями с Энгельсом. Первые письма Биньями к Энгельсу до нас не дошли; первое дошедшее письмо помечено 6 ноября 1871 года. Обращение Биньями к Энгельсу не было случайным; газета все более и более связывала свою судьбу с рабочим движением, стремилась установить контакт с рабочими организациями и газетами как в самой Италии, так и за ее пределами[4]. Видимо, в конце октября — начале ноября 1871 г. в Лоди предпринимались попытки образовать

---

[1] Отметим самые важные — № 73, 24.VI.1871, p. 2 (статья о преследованиях Интернационала в Европе); № 74, 27.VI.1871 (большая редакционная статья «Интернационал»); № 85, 22.VII.1871, p. 3 (сообщение о воззвании Генерального Совета «Гражданская война во Франции», с положительной его оценкой); № 89, 1.VIII. 1871, p. 2 (биография Карла Маркса — видимо, из «Illustracion»); № 95, 15.VIII.1871 (объявление о продаже экспедицией «Plebe» Общего Устава и Регламента Интернационала — объявление повторено в № 96 и 97).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 439.

[3] «La Plebe» № 122, 19.X.1871, p. 1.

[4] Об этом, в частности, свидетельствует письмо Биньями редактору брюссельской газеты «La Liberté», органа Интернационала в Бельгии, от 8 августа 1871 г. с предложением установить связи, обмениваться корреспонденциями и пр. (ЦПА ИМЛ, ф. 21 № 207/1).

секцию Интернационала, в связи с этим Биньями и обращается к Энгельсу [1].

Писем Энгельса к Биньями не сохранилось, но мы можем проследить сотрудничество Энгельса в «Plebe» по самой газете и письмам Биньями Энгельсу. 23 ноября 1871 г. в газете публикуется резолюция IX Лондонской конференции («О политическом действии рабочего класса») [2], 12 декабря 1871 г. статья Энгельса против Мадзини, известная нам как письмо в редакцию «La Roma del Popolo» [3], и небольшая заметка об отношении к резолюциям Лондонской конференции и о положении Интернационала в Испании и Дании. Эта заметка, являющаяся, видимо, извлечением из письма Энгельса, была помещена без подписи в разделе сообщений с редакционной пометкой — «Член Интернационала пишет нам из Лондона» [4]. 4 января 1872 г. Биньями обратился к Энгельсу с просьбой посылать в газету корреспонденции [5]. Эту просьбу он повторил и в письме 12 марта 1872 года [6]. 24 апреля 1872 г. в газете появляется первая корреспонденция Энгельса, под заголовком «Письма из Лондона», за подписью Ф. Э. К корреспонденции редакция сделала следующее примечание: «Под этим заголовком мы будем впредь помещать письма, которые один уважаемый гражданин взял на себя труд писать нам из Лондона» [7]. Начиная с этой корреспонденции, сотрудничество Энгельса в газете становится более или менее постоянным. Всего за 1871—1873 гг. в «La Plebe» и изданном той же редакцией «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874» было опубликовано 15 документов Маркса и Энгельса, из них 6 документов Интернационала и 9 ста-

[1] Энгельс в письме Куно 13 ноября 1871 г. писал: «письма из Лоди (от «Plebe») затерялись — по всей видимости в них также сообщалось об образовании секции» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 170).

[2] «La Plebe» № 136, 23.XI.1871, p. 1.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 477—478; в «La Roma del Popolo» статья была опубликована 21 декабря 1871 г., т. е. *позже,* чем в «Plebe».

[4] «La Plebe» № 144, 12.XII.1871, p. 3. (См. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 476.)

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2717.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 207/3.

[7] «La Plebe» № 48, 24.IV.1872, p. 2.

тей (1 Маркса и 8 Энгельса). 11 мая 1872 г. редакция, объявляя о дополнительной подписке на газету, в числе постоянных корреспондентов газеты назвала и Фридриха Энгельса, корреспондента из Лондона[1].

Прежде чем перейти к разбору содержания статей Энгельса в «Plebe», остановимся на том, что непосредственно дало установление связей с Биньями в организационном плане. Уже с лета 1871 г. «Plebe» играла видную роль в итальянском рабочем движении. Ее выступления в защиту Интернационала, пропаганда его принципов привлекает к газете внимание[2]. В связи с этим к Биньями обращались за советом и материалами различные организации при образовании секций Интернационала и просто отдельные лица, хотевшие вступить в Товарищество. Об этих просьбах Биньями писал Энгельсу, связывая его с новыми людьми. В письме 14 ноября 1871 г. Биньями писал Энгельсу, что в Ферраре и других местах образуются секции Интернационала, что к нему обращаются за советами, инструкциями, просят указать, как оформить вступление в Интернационал. В связи с этим он просил прислать документы, а также удостоверения о приеме в Интернационал для Джузеппе Бориани, Плачидо Бенацци и Чекколи Лоттаро, обратившихся к нему[3]. Энгельс выполнил просьбу Биньями. До нас дошел черновик мандата, выданного Энгельсом Бориани[4]. 17 апреля и 17 июня 1872 г. Биньями обратился с аналогичной просьбой по поводу своих четырех друзей из Имолы. Ответ Энгельса на эту просьбу до нас не дошел.

Важную роль сыграл Биньями при образовании новых секций Интернационала. Непосредственно под его воздействием образовалась секция в Ферраре. В письме к Зорге 2 ноября 1872 г. Энгельс, пересылая ему адреса в Италии, писал: «С Феррарой связь осуществляется

---

[1] «La Plebe» № 56, 11.V.1872, p. 1. Это объявление затем неоднократно повторялось газетой.

[2] Мы уже писали выше, что, посылая Энгельсу «Plebe», Кафьеро характеризовал ее как лучшую итальянскую газету, наиболее близкую к Интернационалу (Кафьеро — Энгельсу, 12 июля 1871 г., ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2931).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 207/2.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 475.

через Лоди, секция организована Биньями»[1]. Но фактически решающую роль в формировании этой секции сыграл сам Энгельс. 14 ноября 1871 г. Биньями писал Энгельсу, что в Ферраре образуется секция и что к нему обращались за советом. 12 марта 1872 г. он переслал Энгельсу письмо феррарской секции с просьбой о приеме в Интернационал[2]. Энгельс 19 марта 1872 г. доложил Генеральному Совету об образовании новой секции, указав, что в своем письме секция настаивает на «сохранении автономии секции», что свидетельствовало о влиянии анархистских идей. Энгельс в связи с этим направил секции письмо, запросив разъяснений насчет этой оговорки, указав, что необходимо выработать устав секции. Одновременно Энгельс послал секции Устав Интернационала[3]. Под влиянием письма Энгельса и, видимо, под воздействием Биньями секция пересмотрела свои позиции. 4 мая 1872 г. Энгельс, получив ответ секции от 27 апреля 1872 года[4], сообщил Генеральному Совету, что секция прислала свой устав и обязалась подчиниться Общему Уставу Интернационала; на заседании Генерального Совета 7 мая 1872 г. устав секции был рассмотрен и она была единогласно принята в Интернационал[5]. О дальнейших связях Энгельса с секцией мы не имеем сведений. Мы можем лишь констатировать, что эта секция не примкнула к анархистам. В письме Зорге от 21 сентября 1872 г. Энгельс писал о феррарской секции: «Эта секция и туринская — самые лучшие»[6]. Об этом же свидетельствует и тот факт, что Энгельс послал в Феррару циркуляр Генерального Совета от 23 августа 1872 г., который он посылал секциям, не поддержавшим конференцию анархистов в Римини[7].

Непосредственно под влиянием сотрудничества Энгельса в «Plebe» и его связей с Биньями образовались Общество рабочих и земледельцев Нижней Ломбардии

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 296.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 207/3.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 67—68.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3198.
[5] См. Протокольную книгу Генерального Совета (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 68/5).
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 290.
[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 120.

(секция Интернационала в Лоди) и Общество свободных абруццских трудящихся (секция Интернационала в Аквиле). О создании этих организаций Биньями уведомил Энгельса в письме от 28 октября 1872 г., сообщая, что они приняли устав в духе Общего Устава Интернационала[1]. Судя по письму Биньями Энгельсу от 12 ноября 1872 г., Энгельс 7 ноября послал свой ответ секции в Аквиле[2]. 17 ноября 1872 г. в газете «Plebe» было опубликовано приветствие Энгельса Обществу рабочих и земледельцев Нижней Ломбардии[3]. Однако секция в Лоди просуществовала недолго. В конце декабря 1872 г.— начале января 1873 г. на «Plebe» и секцию в Лоди обрушились полицейские преследования. Как сообщалось в «The International Herald», итальянское правительство распустило секцию и отдало приказ об аресте всех членов ее комитета, трое из которых, среди них и Биньями, были арестованы по обвинению в государственной измене (остальным удалось скрыться)[4]. Восстановить секцию, как сообщал Биньями Энгельсу 2 марта 1873 г., не удалось[5].

Таким образом, через Биньями Энгельс оказал влияние на образование трех секций Интернационала в Италии. Сохранившиеся документы показывают, что пропаганда принципов Интернационала, посылка его документов в секции приводили в ряде случаев к тому, что эти секции в той или иной степени порывали с анархизмом, поддерживали Генеральный Совет. Особо важное значение имело создание Общества рабочих и земледельцев Нижней Ломбардии, хотя оно просуществовало и недолго. Это была первая единая организация промышленного и сельскохозяйственного пролетариата Италии; само название секции указывает на то, что она была

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 207/5. Адреса этих обеих секций Энгельс переслал Зорге 2 ноября 1872 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 296).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3093.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 182.

[4] «The International Herald» № 41, 11.I.1873, p. 5.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3433. Заметим, что, как показывают письма, Энгельс провел большую работу по оказанию материальной помощи семьям пострадавших; он организует посылку средств из Германии, Австрии, Испании, Англии, настаивает на том, чтобы помощь оказал и перенесенный в США Генеральный Совет.

основана как своего рода центр движения, должна была не ограничить свою деятельность одним Лоди, а, видимо, стать своего рода федерацией. Полицейские преследования не дали в тот период (1872—1873) осуществиться этим намерениям, однако «Plebe» и в 1873 г. играла роль своего рода центра для всех неанархистских групп.

Огромное значение имело сотрудничество Энгельса в «Plebe», где он нашел трибуну для теоретической борьбы с анархизмом, для пропаганды основ научного социализма. При анализе статей Энгельса из «Plebe» следует учитывать, что газета далеко еще не была марксистской, что Биньями не хотел резко выступать против анархистов, не понимая принципиального характера борьбы Маркса и Энгельса с Бакуниным. Энгельс не мог этого не учитывать, посылая свои корреспонденции и статьи Биньями.

Корреспонденции Энгельса в «La Plebe» и статьи его и Маркса в «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874» можно разделить по их тематике на четыре группы.

К первой группе следует отнести корреспонденцию Энгельса от 20 апреля, помещенную под заголовком «Письма из Лондона» за подписью Ф. Э.[1].

Две корреспонденции — от 1 и 5 октября — посвящены ходу и результатам Гаагского конгресса Интернационала[2]. К ним примыкает корреспонденция от 11 декабря 1872 г., часть которой также посвящена отношению различных федераций Интернационала к итогам Гаагского конгресса[3].

Корреспонденция Энгельса от 14 ноября 1872 г.[4] и часть корреспонденции от 11 декабря, также помещенные

[1] «La Plebe» № 48, 24.IV.1872 (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 69—71. К этой статье по содержанию примыкает корреспонденция, опубликованная без подписи под заголовком «Из последней почты» в № 68 от 8 июня 1872 г., однако необычный для корреспонденций Энгельса заголовок, отсутствие подписи и стиль показывают, что она либо написана кем-либо другим на ту же тему, либо представляет вольное изложение письма Энгельса).

[2] «La Plebe» №№ 106 и 107, 5 и 8.X.1872 (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 159—164, 171—172).

[3] «La Plebe» № 122, 14.XII.1872 (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 186—188).

[4] «La Plebe» № 117, 17.XI.1872 (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 183—185).

под заголовком «Письма из Лондона», посвящены митингу в Гайд-парке и борьбе за политические свободы в Англии.

Особую группу составляют статья Энгельса «Об авторитете» и статья Маркса «Политический индифферентизм», написанные по просьбе Биньями для издаваемого им ежегодно «Almanacco Repubblicano»[1]. Впервые с просьбой написать статьи для «Альманаха» Биньями обратился к Энгельсу 31 июля 1872 года[2]. В письме от 10 октября 1872 г. он просил также и Маркса прислать ему статью[3]. Энгельс послал статью Биньями, однако в связи с арестом последнего она была затеряна редакцией «Plebe», и Биньями вновь обращается к Энгельсу с просьбой прислать ее дубликат[4]. В начале января 1873 г. Маркс также послал свою статью.

Редакция «Plebe» заранее информировала о предполагаемом выходе «Альманаха» и указывала в числе авторов статей К. Маркса и Ф. Энгельса[5]. В ноябре 1873 г. «Альманах» был издан[6] (издание было задержано почти на год в связи с арестом Биньями и полицейскими репрессиями против «Plebe» — за весь 1873 г. вышло всего немногим больше 50 номеров газеты).

Первая корреспонденция Энгельса посвящена массовому движению английских сельскохозяйственных рабочих, происходившему в Англии в феврале 1872 г. и продолжавшемуся в ряде мест до 1874 года. Выдвигая требования повышения заработной платы и введения 9-часового рабочего дня, сельскохозяйственные рабочие объявили забастовку; для руководства движением был создан Союз сельскохозяйственных рабочих под председательством Дж. Арча; движение было поддержано промышленным пролетариатом. Корреспонденция Энгельса развивала имевшее огромную важность для Италии положение о необходимости союза сельскохозяйственного

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 296—305.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3310.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3046.

[4] Биньями — Энгельсу, 2 марта 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3433).

[5] «La Plebe» № 44, 1.XI.1873.

[6] Извещение о выходе «Альманаха» было помещено в «La Plebe» № 49, 8.XII.1873, p. 3.

и промышленного пролетариата. Освещая ход стачки сельскохозяйственных рабочих, Энгельс особенно подчеркивал как значительное достижение тот факт, что борьба с капиталистической эксплуатацией и пережитками феодализма захватила и деревню. Энгельс обращал внимание на то, что только прочная организация, создающая возможность единства действий и сплочения рядов борющихся, а также поддержка промышленного пролетариата обеспечили успех движения. Создание самостоятельной организации сельскохозяйственных рабочих и возникший в ходе борьбы союз с промышленным пролетариатом рассматривались Энгельсом как один из важнейших результатов стачки, как условие, необходимое для обеспечения торжества грядущей пролетарской революции. Эта корреспонденция на конкретном материале опровергала анархистские «теории», доказывала необходимость иметь прочную, сильную, единую и централизованную организацию как залог успеха *любого* движения. Следует отметить еще одну сторону этой корреспонденции. Как известно, анархисты отвергали борьбу трудящихся за свои непосредственные нужды [1]. На конкретном материале Энгельс показал, что та поддержка, которую промышленный пролетариат оказывал сельскохозяйственным рабочим в их борьбе за улучшение своего положения, имела очень важное значение потому, что закладывала основы союза промышленных и сельскохозяйственных рабочих, а это, как подчеркивал Энгельс, являлось условием победы социалистической революции.

По характеру изложения фактов, методу пропаганды научного социализма к этой корреспонденции близко примыкают 2 статьи, посвященные митингу в Гайд-парке. Энгельс описывает в них борьбу ирландцев за амнистию заключенным фениям, столкновение их с английским правительством, пытавшимся запретить проведение митингов в общественных парках, фактически приведшее к поражению правительства.

---

[1] Так в составленной Бакуниным программе открытого Альянса указывалось, что Альянс «отвергает всякое политическое действие, не имеющее прямой и непосредственной целью торжество дела рабочих против капитала» («Alliance internationale de la democratie socialiste. Programme et Reglament» [1868], p. 2).

Эти корреспонденции Энгельса тоже на конкретном материале подчеркивали необходимость вести политическую борьбу с существующим строем, необходимость для пролетариата завоевывать и отстаивать демократические свободы. В условиях Италии — в период усиления репрессий против рабочего и демократического движения,— утверждения анархистов, будто пролетариат ни в коей мере не должен бороться за демократические свободы, против наступления на права трудящихся, объективно были на руку крайней реакции. Корреспонденции Энгельса показывали необходимость и целесообразность такой борьбы, показывали, что если борьба ведется организованно, то трудящиеся могут добиться успеха.

В этих корреспонденциях Энгельс проводил мысль, что английские рабочие, поддержав по существу общедемократическое национально-освободительное выступление ирландцев (а от таких выступлений анархисты всячески открещивались), укрепили тем самым союз английских и ирландских рабочих, основы которого были заложены в результате деятельности Генерального Совета Интернационала.

Таким образом, в своих корреспонденциях на конкретном материале Энгельс доказывал не только необходимость вести политическую борьбу, завоевывать и отстаивать демократические свободы, иметь сильную и централизованную организацию, но и необходимость завоевывать союзников для торжества пролетарской революции, причем не декларациями и программами, а путем поддержки их конкретных требований, их повседневной борьбы.

Две корреспонденции Энгельса от 1 и 5 октября 1872 г., а также часть корреспонденции от 11 декабря 1872 г. посвящены Гаагскому конгрессу Интернационала [1]. В этих статьях, являющихся по существу отчетом Энгельса как секретаря-корреспондента Генерального Совета для Италии, в первую очередь подчеркивается,

---

[1] Энгельс в письме к Зорге 2 ноября 1872 г. писал, что Биньями «напечатал не только мой доклад о Гаагском конгрессе, но и мое гораздо более резкое частное письмо к нему» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 296). Это более резкое, частное письмо и есть корреспонденция от 5 октября.

что большинство в Интернационале поддержало Генеральный Совет в борьбе с анархизмом, что Интернационал един в принятии важнейших решений, определяющих пролетарский характер движения. Энгельс показывал, что анархисты находятся вне общего движения пролетариата. Сообщая об изменениях, внесенных конгрессом в Устав, Энгельс подчеркивал, что Устав является непреложным правилом для всех организаций и членов Интернационала. Таким образом, в этих корреспонденциях Энгельс показывал, что назвавшая себя Итальянской федерацией Интернационала организация, созданная конференцией в Римини, в действительности не имеет и *не может иметь* ничего общего с подлинным Интернационалом, что итальянские организации, если они хотят войти в ряды международного рабочего движения, должны принять Общий Устав Интернационала, соблюдать решения его конгрессов.

Особое внимание Энгельс уделял обоснованию необходимости усиления полномочий Генерального Совета, указывая, что нужно «пожертвовать» частью автономии ради создания сильной и единой организации.

Корреспонденции Энгельса о Гаагском конгрессе вызвали большой интерес в Италии, о чем Биньями сообщил Энгельсу в письме от 17 октября 1872 года[1].

Особое место занимают статьи К. Маркса «Политический индифферентизм» и Ф. Энгельса «Об авторитете». Эти статьи содержат блестящую критику теоретических догм анархизма, вскрывают его классовую сущность. В то же время они отстаивают и обосновывают ряд положений марксистского учения о государстве и, в особенности, о диктатуре пролетариата. Известно, что В. И. Ленин внимательно изучил и законспектировал эти работы Маркса и Энгельса по немецкому переизданию их в «Neue Zeit»[2], а затем использовал их при написании своего знаменитого труда «Государство и революция»[3]. Остановимся только на основных положениях этих работ.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3060.

[2] Ленинский сборник, т. XIV, стр. 340—350.

[3] См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 25, стр. 407—411; эти работы были использованы Лениным и для книги «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Соч., 4 изд., т. 28, стр. 220.

Маркс и Энгельс раскрывали в них мелкобуржуазную природу анархизма, устанавливали связь его идей с давно разоблаченными и изжитыми уже рабочим движением теориями Брея и Прудона; они доказывали необходимость для пролетариата сочетать экономическую и политическую борьбу, иметь сильную и организованную партию. Разоблачая несостоятельность анархистских «теорий» революции, Маркс и Энгельс вновь обосновывали в этих работах идею о диктатуре пролетариата как необходимом условии пролетарской революции, в то же время они подчеркивали, что в конце концов эта революция приведет в будущем к установлению бесклассового общества и отмиранию государства. Показывая, к чему практически могут привести анархистские догмы, Маркс и Энгельс делали вывод, что, несмотря на свою архиреволюционность на словах, анархисты на деле служат реакции, защищают не интересы пролетариата, а по существу интересы буржуазии.

В 1873 г. связь Энгельса с «Plebe» прекратилась.

Полицейские преследования (мы уже писали, что за 1873 г. вышло немногим больше 50 номеров газеты), арест Биньями и прекращение деятельности секции в Лоди, с одной стороны, общий спад рабочего движения — с другой, обусловили то, что Энгельс прекращает свое сотрудничество в «Plebe», хотя Биньями и просил его присылать в 1873 г. еженедельные корреспонденции [1].

Видимо, определенную роль сыграло здесь и то обстоятельство, что «Plebe» в этот период еще не совсем четко определила свои позиции, не шла на окончательный разрыв с анархистами.

В 1877 г., в условиях оживления рабочего движения в Италии, когда газета «Plebe» сделалась центром притяжения для всех антианархистских элементов в рабочем движении Италии, Энгельс возобновил посылку в газету своих корреспонденций.

Следует отметить также, что в период своих регулярных отношений с редакцией «Plebe» Энгельс через эту редакцию в гораздо более широких масштабах, чем через

---

[1] Биньями — Энгельсу, 17 октября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3060).

другие каналы, распространял в Италии произведения как свои, так и Маркса, а также документы Интернационала. Отсутствие писем Энгельса к Биньями делает невозможным выяснение в полной мере того, какие произведения марксизма и как распространялись через «Plebe». Мы уже указывали, что «Plebe» 22 июля 1871 г. дала объявление о продаже «Гражданской войны во Франции» [1], 15 августа — Общего Устава и Регламента Интернационала [2]. Нам известно также, что Энгельс послал Биньями «Мнимые расколы в Интернационале», и что Биньями вел переговоры с издательством об издании этой работы на итальянском языке [3]. Однако о судьбе этих переговоров мы ничего не знаем. Большой заслугой Биньями было распространение в Италии французского издания I тома «Капитала», первые выпуски которого Маркс послал ему в конце сентября 1872 г. [4]. 12 октября 1872 г. в «Plebe» появилась небольшая статья о «Капитале» Маркса, дающая этому труду очень высокую оценку, а также объявление о том, что экспедиция «Plebe» будет продавать желающим его французское издание [5]. Письма Биньями показывают, что он вел переговоры о переводе на итальянский язык и издании в Италии I тома «Капитала» [6], однако это намерение осуществить тогда не удалось [7].

20 сентября 1873 г. в газете появилось сообщение о выходе брошюры «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» и о продаже ее экспедицией «Plebe» [8].

Даже эти неполные данные о распространении произведений Маркса и Энгельса в Италии показывают, что

[1] «La Plebe» № 85, 22.VII.1871, p. 3.

[2] «La Plebe» № 95, 15.VIII.1871, p. 3 (объявления были повторены в №№ 96 и 97).

[3] Биньями — Энгельсу, 17 июня 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3262).

[4] Биньями в письме Марксу от 10 октября 1872 г. благодарит за «Капитал» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3046).

[5] «La Plebe» № 108, 12.X.1872, p. 2.

[6] Биньями — Энгельсу, 3 ноября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3083); 2 марта 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3433).

[7] «Капитал» был переведен и издан со значительными сокращениями К. Кафьеро в 1879 году.

[8] «La Plebe» № 38, 20.IX.1873, p. 2.

через Биньями Энгельсу удалось в той или иной мере ознакомить деятелей итальянского рабочего движения с теми произведениями научного социализма, которые в тот момент имели особенно важное значение для итальянского рабочего движения и судеб марксизма в Италии.

* * *

Рассмотренный материал позволяет нам сделать некоторые выводы.

Во-первых, проанализированные документы дают возможность точнее осветить вопрос о возникновении организаций Интернационала в Италии. Хорошо известно, что Бакунин под видом секций Интернационала создавал группы своей по существу мелкобуржуазной организации — Альянса социалистической демократии. Из секций, признанных Генеральным Советом и находящихся хотя бы в каких-либо отношениях с другими организациями Интернационала, анархисты создали только одну — неаполитанскую секцию. Мы уже указывали, что до 1868—1869 гг. Бакунин вообще не обращал внимания на рабочее движение, что в основном его активная деятельность по вовлечению рабочих в Альянс, по пропаганде анархистских идей началась в 1871 г., после Коммуны. В это время Бакунин способствовал возникновению довольно значительного числа анархистских организаций, не признававших ни Устава, ни Регламента Интернационала, ни решений его конгрессов и конференций, не вступавших в сношения с Генеральным Советом, т. е. фактически и формально не являвшихся секциями Интернационала. Документы показывают, что решающая роль в создании и руководстве первыми подлинными секциями Интернационала (Милан, Турин, Феррара, Лоди, отчасти Аквила) принадлежит Энгельсу. Он же *впервые* распространил в Италии основные документы Интернационала, т. е. приобщил итальянский пролетариат к мировому рабочему движению.

Во-вторых, общепринятым при периодизации итальянского рабочего движения является выделение периода 1871—1882 гг. как периода господства анархизма. В общем плане такая периодизация верна. Однако совершенно необходимо, на наш взгляд, отметить при этом,

что господство анархизма было далеко не полным, что не анархизм определял основную линию развития итальянского рабочего движения.

Рассмотренные нами документы (как в связи с деятельностью Кафьеро и неаполитанской секцией, так и в связи с деятельностью Куно в Милане и Реджиса в Турине) показывают, что анархизм не имел глубоких корней среди рабочих, что рабочие массы не были полностью захвачены анархистским влиянием. Следует отметить, что если Генеральный Совет Интернационала устанавливал контакт непосредственно с рабочими, они становились на сторону научного социализма, а не анархизма.

С другой стороны, мы видели, что в 1871—1873 гг. на Севере Италии, т. е. в основном промышленном районе страны, где был сосредоточен промышленный пролетариат, большинство рабочих организаций не примыкало к анархистам. Хотя деятельность этих организаций была насильственно прекращена полицейскими репрессиями и связи их с Энгельсом были прерваны, однако можно считать, что в таком основном, определяющем районе страны, как Север, анархизм во всяком случае был далеко не господствующим течением. Показательна в этом отношении дальнейшая судьба газеты «Plebe».

В 1872 г., став органом секций Интернационала, «Plebe» изменила свой характер. Прежде всего, газета приобретает более четкое пролетарское интернационалистское направление. Энгельс, по-видимому, помог установить Биньями широкие связи с деятелями Интернационала в других странах — в газете постоянно печатались сообщения из Берлина, Испании, Португалии, Франции и Австрии. Расширились связи газеты и с рабочими организациями самой Италии[1].

Конечно, газета была еще далека от последовательного научного социализма, далеко не все идеи Энгельса

---

[1] Так в письме к Энгельсу 3 ноября 1872 г. Биньями писал, что «Plebe» является органом трех секций, что к ней постоянно обращаются за советом противники конференции в Римини. В том же письме Биньями заверял Энгельса, что газета «конечно будет представлять идеи Генерального Совета» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3083).

усваивались ею,— в газете публиковалось еще много статей буржуазно-радикального характера, было сильно влияние прудонистских и отчасти анархистских идей. Под влиянием анархистских идей находился в то время один из постоянных сотрудников газеты, впоследствии видный деятель социалистического движения Освальдо Ньокки-Виани.

Но прочно связав свою судьбу с рабочим движением, газета под влиянием Энгельса все более и более приближалась к научному социализму, пропагандировала его отдельные положения, противопоставляя их анархистским доктринам. Так, 4 февраля 1872 г. в газете появилась статья «Пролетарская революция», в которой утверждается, что ближайшая революция будет осуществлена пролетариатом и что это будет революция в интересах всего общества [1]. Однако в определении конкретных целей и задач революции газета была далека от марксизма. 2 октября 1872 г. газета помещает большую, направленную против анархизма статью о Гаагском конгрессе. В том же номере помещена корреспонденция, еще более резко обличающая анархистов; в ней отстаивается идея необходимости для пролетариата ради успеха революции иметь армию, централизованное руководство действиями. В ней автор пишет: «Долой авторитет! Чудесно! Долой насилие! Еще лучше, но подождите кричать об этом до обновления общества, до победы наших идей» [2]. В 1873 г. газета продолжала поднимать отдельные теоретические вопросы: 22 января появилась направленная против анархистов статья «Рабочие и политика», доказывающая необходимость участия пролетариата в политической борьбе [3]; 20 сентября — статья о социалистическом обществе, защищающая коллективную собственность [4].

В 1875—1882 гг. газета, издававшаяся в это время в Милане, выступала за создание самостоятельной партии пролетариата. Газета помещала статьи, доказывающие, что освобождение пролетариата должно быть делом

---

[1] «La Plebe» № 14—15, 4.II.1872, p. 1.
[2] «La Plebe» № 105, 2.X.1872, p. 3.
[3] «La Plebe» № 3, Supplemento, 22.I.1873.
[4] «La Plebe» № 38, 20.IX.1873.

самих рабочих, что для этого им необходима политическая партия. Борясь с патерналистскими тенденциями буржуазии и анархизмом, газета большое место уделяла программным положениям будущей партии. Такими основными положениями газета считала объединение рабочих организаций на основе признания принципа классовой борьбы, необходимость для рабочих создать организацию, свободную от чуждых влияний, необходимость для пролетариата вести политическую борьбу. Газета выступала с призывами созвать съезд для создания в Италии социалистической партии [1]. В 1882 г. в Милане состоялся такой съезд, на котором при непосредственном участии деятелей из группы «Plebe» была создана итальянская Рабочая партия. При всех недостатках и ошибках этой партии, ее основание явилось большим шагом вперед. Сотрудничество Энгельса, его связь с Биньями несомненно явилась одним из факторов, определивших этот путь развития группы «Plebe».

В-третьих, рассмотренные материалы еще раз показывают, что, в то время как, распространяя идеи анархизма, Бакунин делал ставку на мелкобуржуазные элементы, интеллигенцию, учащуюся молодежь, линия Энгельса заключалась в установлении непосредственного контакта с рабочими массами. В то время как анархисты действовали путем утаивания подлинных документов Интернационала, распространения клеветы и т. д., борьба Энгельса с анархизмом велась открыто, посредством выяснения действительного положения вещей, на основе фактов из истории Интернационала и Альянса, на основе подлинных документов Международного Товарищества Рабочих. Борьба Энгельса за пролетарскую партию в Италии является блестящим образцом той гибкой тактики, которую Маркс и Энгельс проводили в Интернационале, их умения использовать для пропаганды идей научного социализма и установления связей с рабочими массами как попутчиков рабочего движения, так и теоретически еще незрелых и неустойчивых деятелей, их умения, не снижая уровня принципиальной идеологической

[1] Анализ деятельности газеты за этот период дан в упомянутой нами брошюре Т. Муши.

борьбы, использовать для этих целей буржуазно-демократические газеты, а иногда и органы, прямо враждебные пролетарскому движению.

Деятельность Энгельса в 1871—1873 гг. заложила идеологические и тактические основы для создания в Италии подлинно пролетарской партии. Как мы видели, письма и статьи Энгельса доказывали необходимость пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Особое внимание Энгельс уделял вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством, показав важность дифференцированного подхода к разным слоям крестьянства с учетом местных особенностей. Энгельс отстаивал необходимость для пролетариата иметь свою собственную сильную, единую организацию. Большое внимание он уделял обоснованию таких задач рабочего класса, как завоевание общедемократических свобод. Энгельс дал яркий образец принципиальной, непримиримой борьбы с мелкобуржуазным влиянием на рабочее движение как в форме мадзинизма, так и в форме анархизма. Важнейшее значение имела борьба Энгельса с мадзинизмом, которая, как показывают документы, принципиально отличалась от критики Мадзини Бакуниным. Большую роль сыграло и разоблачение Марксом и Энгельсом деятельности Стефанони,— этой первой попытки итальянской буржуазии расколоть рабочее движение изнутри, маскируясь под передовые идеи и действуя в союзе с антимарксистскими силами внутри рабочего движения (анархизмом и лассальянством). В своих статьях Маркс и Энгельс разоблачали идеологическую сущность, идеализм, антипролетарский характер анархизма. Непосредственно связано с деятельностью Энгельса и начало распространения в Италии важнейших произведений научного социализма.

Деятельность Энгельса способствовала проникновению идей научного социализма в среду итальянских пролетариев. В напряженный период 1871—1873 гг. он руководил работой отдельных революционеров и организаций, противостоящих анархизму, оказал влияние на формирование той группы, которая выступила инициатором создания первой самостоятельной партии пролетариата в Италии — итальянской Рабочей партии. Документы

показывают, что у истоков того сложного и трудного пути к марксизму, который проделало итальянское рабочее движение, стоит Энгельс. Не случайно, что в 1895—1896 гг. теоретический орган Итальянской социалистической партии «Critica sociale» перепечатала ряд корреспонденций Энгельса из «Plebe». В конце прошлого века, так же как и сейчас, эти статьи являлись оружием пролетариата в борьбе с анархистской идеологией, в борьбе за идейное единство пролетариата.

Е. Н. БАРВЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЭНГЕЛЬСА ЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

(*Начало 70-х годов XIX в.*)

История германского рабочего движения имеет свои героические страницы. Славное прошлое Социал-демократической рабочей партии связано как с мужественной революционной борьбой ее членов, так и с деятельностью великих вождей международного пролетариата Маркса и Энгельса.

В начале 70-х годов XIX века на основе деятельности I Интернационала, в борьбе против бакунистов, прудонистов и других сектантских течений Маркс и Энгельс отстояли и обосновали необходимость создания самостоятельных пролетарских партий в различных странах. В борьбе за создание и укрепление массовых социалистических партий Маркс и Энгельс особое внимание обращали на социалистическое движение германских рабочих, оказавшихся после франко-прусской войны и Парижской Коммуны во главе международного пролетариата. Германское рабочее движение, как указывал Ленин, с 1871 г. в течение нескольких десятилетий являлось образцом социалистической организации рабочего класса [1]. Германские рабочие в 1869 г. под руководством выдающихся деятелей германского и международного рабочего движения А. Бебеля и В. Либкнехта первыми создали подлинно пролетарскую Социал-демократическую рабочую партию (эйзенахскую партию).

Маркс и Энгельс уделяли исключительное внимание теоретическому и политическому воспитанию Социал-

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 27, стр. 445.

демократической рабочей партии. Маркс, бывший до сентября 1872 г. секретарем-корреспондентом Генерального Совета I Интернационала для Германии, внимательно следил за развитием молодой рабочей партии, помогал всякий раз, когда перед партией вставали сложные и трудные вопросы. После роспуска Интернационала по мере роста рабочего движения роль Маркса и Энгельса как вождей международного пролетариата продолжала возрастать.

При сложившемся между Марксом и Энгельсом своеобразном разделении труда в значительной мере на долю Энгельса выпала задача практического руководства деятельностью пролетарских партий, в том числе и немецкой Социал-демократической рабочей партией, в то время как силы Маркса в основном были поглощены разработкой жизненно важных для пролетариата теоретических вопросов. Тем не менее Маркс также проявлял постоянную заботу об укреплении пролетарской партии в Германии.

В настоящей статье, не претендующей на исчерпывающее выяснение всех аспектов, связанных с деятельностью эйзенахской партии[1], ставится задача осветить

---

[1] Разработке различных проблем истории немецкой Социал-демократической рабочей партии, германского рабочего движения и революционной деятельности Маркса и Энгельса посвящен ряд работ советских историков, в частности: *Е. А. Степанова.* «Фридрих Энгельс». М., 1956; *И. С. Галкин.* «Объединение Германии». М. 1951; «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М. 1955; *В. С. Алексеев-Попов.* «Влияние Парижской Коммуны на германское социал-демократическое движение» («Вопросы истории» № 5, 1953); *А. М. Миркинд.* «Лейпцигский процесс 1872 г. над руководителями германской социал-демократии А. Бебелем и В. Либкнехтом» («Кишиневский государственный университет. Ученые записки, исторический сборник», т. XVI), а также «Из истории стачечного движения в Германии в начале 70-х годов XIX в.» («Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. IV, 1958). Значительные достижения в изучении истории германского рабочего движения имеют историки Германской Демократической Республики. История немецкой Социал-демократической рабочей партии конца 60—70-х годов XIX в. рассматривается в работах: *H. Beike.* «Deutsche Arbeiterbewegung in dem Krieg 1870—1871». Brl., 1957; *G. Benser.* «Zur Herausbildung der Eisenacher Partei». Brl., 1955; *E. Engelberg.* «Die Rolle von Marx und Engels bei der Herausbildung einer selbständigen deutschen Arbeiterpartei (1864—1869)» (In: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Heft 4, 5, 1954); *H. Gemkow.* «Friedrich Engels Hilfe beim Sieg der

главным образом борьбу Энгельса за идейное укрепление этой партии в начале 70-х годов XIX века и ввести при этом в научный оборот некоторые новые данные, почерпнутые в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а также из других источников.

* * *

Поддерживая постоянную связь с немецкой Социал-демократической рабочей партией, воспитывая ее кадры, Маркс и Энгельс главное внимание обращали на борьбу за чистоту революционной теории пролетариата, на идеологическое укрепление партии, на борьбу против проникновения в партию различного рода мелкобуржуазных влияний и оппортунистических элементов.

Немецкая Социал-демократическая рабочая партия, с возникновением которой германское рабочее движение поднялось на новую, более высокую ступень, представляла лучшие силы немецкого пролетариата. Эйзенахская партия являлась авангардом рабочего класса, опорой Маркса и Энгельса в борьбе за сплочение рядов пролетариата, за укрепление пролетарской партии в Германии и ее связей с массами. Партия эйзенахцев в основном стояла на позициях марксизма. В ее программе, принятой в 1869 г., нашел отражение ряд теоретических положений марксизма; в ней открыто провозглашалась основная цель рабочего класса — уничтожение капиталистического способа производства и создание нового, социалистического общества. В то же время эйзенахская программа страдала существенными недостатками, в некоторых вопросах отступала от принципов научного коммунизма, содержала ошибки лассальянского характера. Важнейшие положения марксизма о диктатуре пролетариата и о необходимости союза рабочего класса с крестьянством не были включены в программу. Все это свидетельствовало о теоретической незрелости эйзенахцев и прежде всего их руководителей, не овладевших еще полностью

---

deutschen Sozialdemokratie über das Sozialistengesetz». Brl., 1957; *K.-H. Leidigkeit*. «Wilhelm Liebknecht und August Bebel in der deutschen Arbeiterbewegung 1862—1869». (Schriftenreihe des Instituts für deutsche Geschichte an der Karl-Marx-Universität Leipzig. Hrsg. von Prof. Dr. Ernst Engelberg, Bd. 3. Brl., 1957).

революционной теорией пролетариата. К тому же руководство партии недооценивало значение революционной теории, теоретическая борьба была наиболее слабой стороной в деятельности партии.

Критикуя эйзенахцев за незрелые теоретические взгляды и политические ошибки, выправляя тактическую линию партии, Энгельс в то же время стремился распространить ее опыт в других странах. В то время это была единственная национальная рабочая партия. Ни во Франции, где рабочий класс потерпел в 1871 г. поражение, ни в Англии, где сознание рабочих было отравлено тред-юнионистско — реформистской идеологией, ни в других странах, где самостоятельное рабочее движение еще зарождалось, не существовало в то время рабочих партий.

Собирая и воспитывая кадры для будущих пролетарских партий в отдельных странах, Маркс и Энгельс указывали им на немецкую Социал-демократическую рабочую партию как на образец политической рабочей организации. Так, Энгельс в письме Испанскому федеральному совету Международного Товарищества Рабочих 13 февраля 1871 г., разъясняя необходимость создания самостоятельной пролетарской партии, ставил в пример немецких рабочих, которые благодаря наличию пролетарской партии добились больших успехов[1]. В январе 1872 г. в «Volksstaat» была опубликована статья Энгельса «Съезд в Сонвилье и Интернационал», в которой он снова говорит о немецких рабочих, достаточно хорошо понимающих, «какую цену имеет организация, способная постоять за себя»[2].

Энгельс оказывал эйзенахской партии большую помощь в идейном просвещении ее членов, постоянно стремясь поднять теоретический уровень партии.

С целью идейного воспитания немецких рабочих и их партии Энгельс предпринял в этот период переиздание своей работы «Крестьянская война в Германии», второе издание которой вышло в 1870, а третье — в 1875 году. В предисловии ко второму изданию этой работы Энгельс, раскрывая роль крестьянства как союзника рабочего

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 291.
[2] Там же, стр. 482.

класса, намечает тактику пролетариата в крестьянском вопросе. Сделанный ранее Марксом и Энгельсом вывод о необходимости союза пролетариата с крестьянством получил здесь дальнейшее развитие. В этом предисловии Энгельс указывает на необходимость дифференцированного подхода к крестьянству, анализирует, какие слои крестьянства могут выступать в качестве союзника пролетариата [1]. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» сыграло крупную роль в выработке правильной линии партии, руководство которой в известной степени недооценивало значения для Германии решения Базельского конгресса I Интернационала об упразднении частной собственности на землю и о превращении ее в общественную собственность.

Повышение теоретического уровня партии Энгельс считал первейшей обязанностью руководителей эйзенахцев. Для третьего издания своей работы «Крестьянская война в Германии» он написал в 1874 г. дополнение к упомянутому предисловию, где высказал важнейшую идею научного коммунизма о значении революционной теории для деятельности пролетарской партии. Он говорит здесь о трех взаимосвязанных формах классовой борьбы пролетариата: теоретической, политической и экономической. Подчеркивая значение теоретической борьбы, Энгельс выдвигает в качестве первоочередной партийной задачи освоение марксистской теории, пропаганду марксистских идей среди широких рабочих масс. Он прямо указывает вождям эйзенахцев на настоятельную необходимость изучить марксистскую теорию, преодолеть пережитки лассальянства и «всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали» [2].

Отмечая успехи Социал-демократической рабочей партии, Энгельс указывает на то обстоятельство, что партия еще не завоевала большинства рабочего класса и выдвигает в качестве одной из первостепенных задач усиление работы среди широких масс трудящихся, особенно подчеркивая необходимость улучшения работы

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 412—420.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 499.

среди сельского населения, завоевания на сторону пролетариата трудящегося крестьянства как непременного условия для успешного осуществления пролетарской революции. Это указание Энгельса имело большое значение для выработки правильной тактики эйзенахцев в борьбе за массы, для создания подлинно массовой пролетарской партии в Германии.

Подчеркивая интернациональные обязанности немецкой партии, раскрывая причины, благодаря которым немецкие рабочие оказались во главе международного рабочего движения, Энгельс разъясняет задачи и роль авангарда международного рабочего движения. Он указывает, что быть в авангарде международного движения, это не значит шествовать во главе движения; «вовсе не в интересах движения,— пишет Энгельс,— чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его». Быть в авангарде — значит нести еще большую ответственность перед пролетариатом своей страны и других стран, значит «занимать почетное место в линии борцов» [1].

Ленин расценивал это предисловие Энгельса как «напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению» [2].

Борясь за идейную чистоту эйзенахской партии, Энгельс подвергал острой критике руководство партии за отказ от программных и теоретических принципов марксизма, за оппортунистические шатания. Одной из ошибок эйзенахцев явилось опубликование в их центральном органе, газете «Volksstaat» в 1872 г. прудонистских статей Мюльбергера по жилищному вопросу. Энгельс выступил с протестом против опубликования этих статей Мюльбергера и ответил на них серией статей, появившихся в 1873 г. также в виде брошюры под названием «К жилищному вопросу». Эта работа Энгельса относится к одному из основных произведений научного социализма. Она нанесла решительный удар попыткам распространения прудонистских идей в Германии.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 500.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 342.

В 1874 г. «Volksstaat» опубликовала статью Бебеля «Новый коммунист», в которой Бебель причислял приват-доцента Берлинского университета Дюринга к самым левым социалистам. Правда, Бебель сделал ряд критических замечаний по адресу Дюринга; в частности, он выступил против вздорного утверждения Дюринга, будто бы Маркс не пришел к положительным выводам. Бебель писал, что Дюринг, по-видимому, не знаком даже с таким произведением Маркса и Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии». Тем не менее, не разобравшись до конца во взглядах Дюринга, Бебель зачислил его в лагерь социалистов и даже заявил, что после «Капитала» Маркса работы Дюринга относятся к лучшим в экономической области [1]. В действительности же Дюринг был мелкобуржуазным утопистом, вульгарным экономистом, занимавшим по всем коренным вопросам враждебные марксизму позиции.

Небезынтересно отметить, что главным апологетом Дюринга в немецкой социал-демократии был будущий идеолог ревизионизма Бернштейн, который в то время только начинал свою политическую деятельность. Это он заразил Бебеля и других членов партии восторженным отношением к Дюрингу. Бернштейн передал Бебелю в тюрьму книгу Дюринга с дифирамбами в адрес автора, в результате чего и была написана статья «Новый коммунист». Энгельсу снова, как и в случае с Мюльбергером, пришлось разъяснять руководству эйзенахской партии их ошибочную точку зрения.

Либкнехт и Блос, тогдашние редакторы «Volksstaat», в письмах к Энгельсу признали, что допустили ошибку, опубликовав эту статью, и просили Энгельса выступить с критикой Дюринга. 1 февраля 1875 г. Либкнехт писал Энгельсу: «Не собираешься ли ты... дать нагоняй Дюрингу, который во втором издании своей политической экономии повторил все свои пышущие завистью глупости о Марксе. Перед рождеством я был на одной лекции этого господина: мания величия и всепожирающая зависть к Марксу — вот и все. Он пустил корни в нашей среде (особенно в Берлине) и ему следует основательно

[1] «Volksstaat» № 33, 20.III.1874.

задать. У тебя ведь есть последнее издание? Если нет, то мы его тебе пришлем» [1].

Энгельс занялся всесторонней критикой взглядов Дюринга в 1876—1878 гг., когда дюрингианство, получив широкое распространение в рядах социал-демократии, стало серьезной опасностью для идеологических позиций партии. Именно в это время Энгельс выступил в печати со своей знаменитой работой «Анти-Дюринг», нанесшей влиянию Дюринга сокрушительный удар.

Поддерживая постоянную связь с руководителями эйзенахской партии, Энгельс давал им исчерпывающие указания по всем вопросам партийной жизни. Однако он не навязывал партии мелочной опеки, проявлял исключительный такт, воспитывал самостоятельность у руководителей партии, почти никогда не вмешиваясь во внутренние дела, а если и вмешивался, «то лишь только для того, чтобы исправить уже допущенные ошибки, да и то только теоретические» [2].

В начале 70-х годов эйзенахская партия под идейным влиянием марксизма, при ближайшей помощи Энгельса, несмотря на жестокие правительственные преследования, арест руководителей партии — Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта,— добилась больших успехов. В 1872 г. оживилась деятельность местных партийных организаций, во многих городах возникли новые социал-демократические союзы. Следуя указаниям Энгельса, Комитет эйзенахской партии главное внимание уделял работе среди широких масс. Партия во всю ширь развернула пропагандистскую и агитационную деятельность, использовала печать, собрания, съезды, трибуну рейхстага. Виднейшие агитаторы и пропагандисты, находившиеся на свободе, выступали на партийных и народных собраниях с разъяснением задач рабочего класса, программы партии, настоятельной необходимости организации и объединения немецких рабочих для совместной борьбы. Эйзенахские агитаторы смело выступали против милитари-

---

[1] Либкнехт — Энгельсу, 1 февраля 1875 г. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3488).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 33.

стской политики бисмарковского правительства, вели борьбу против буржуазии и юнкерства. Местные организации повсюду ежегодно проводили собрания, посвященные памяти Парижской Коммуны и борьбе с милитаризмом.

Эйзенахцы вели большую работу по вовлечению рабочих в свои ряды. Комитет партии издавал специальные агитационные номера «Volksstaat» с призывами к членам партии улучшить работу по вовлечению новых членов [1]. «Volksstaat» систематически печатала списки вновь созданных местных партийных организаций. Распространение партии вширь приобретало с каждым днем все больший размах. Так, за одну неделю декабря 1873 г. было создано 6 новых местных организаций [2], а за следующие 8 дней декабря — 5 организаций [3].

Эйзенахцы придавали исключительное значение агитационной работе. В январе 1873 г. в «Volksstaat» была опубликована передовая статья «Организация и агитация нашей партии», в которой подчеркивалась особая роль агитации в укреплении рядов партии, разбирались недостатки в агитационной работе и намечались пути к их устранению. Согласно указанию Энгельса, партия ставила задачу более широкого распространения агитации, усиления работы в предместьях городов, среди сельского населения. Перед агитаторами ставились также задачи работать над повышением своего образования, быть в курсе всех партийных дел [4].

В 1874 г., после освобождения из тюрьмы, большую агитационно-пропагандистскую работу проводил Вильгельм Либкнехт. Так, 5 сентября 1874 г. на рабочем собрании в Майнце, на котором присутствовало более 500 человек, он выступил с докладом о политической позиции Социал-демократической рабочей партии. В конце собрания свыше 20 новых членов вступило в партию [5].

В агитационной работе, в идейном укреплении пар-

---

[1] «Volksstaat», 23. XI. 1873.
[2] «Volksstaat», 24. XII. 1873.
[3] «Volksstaat», 31. XII. 1873.
[4] «Volksstaat», 25 u. 29. I. 1873.
[5] «Volksstaat», 25. IX. 1874.

тии исключительную роль сыграли произведения Маркса и Энгельса. В начале 70-х годов в Германии среди рабочих были широко распространены «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Гражданская война во Франции», «К жилищному вопросу», «Крестьянская война в Германии» и др. произведения Маркса и Энгельса. Об основном произведении Маркса — «Капитале» читались доклады, печатались статьи в «Volksstaat», пропагандировавшие главные положения марксистской политической экономии [1].

В начале 70-х годов в связи с усилившимися преследованиями эйзенахской партии роль печатного слова была исключительно велика. Придавая большое значение партийной прессе, Энгельс оказывал постоянную помощь редакции «Volksstaat», внимательно следил за ее работой, являлся постоянным ее сотрудником, систематически выправлял линию газеты, критикуя ее за отдельные ошибки и промахи. В начале 70-х годов в газете были напечатаны также произведения Энгельса как «К жилищному вопросу», «Эмигрантская литература», «Бакунисты за работой», «В Интернационале», «Неразговорчивый штабной крикун Мольтке и его недавний лейпцигский корреспондент», «Имперский военный закон», «Официозный вой о войне», ««Кризис» в Пруссии», «Английские выборы» и др.

Создание массовой партии пролетариата в Германии проходило далеко не простым и гладким путем. Массовая пролетарская партия создавалась в ожесточенной борьбе с «германо-прусской священной империей» — этим очагом реакции и милитаризма, в борьбе против буржуазии и юнкерства. Важное значение для разоблачения реакционной политики бисмарковского правительства имело опубликование в «Volksstaat» в 1874 г. статей Энгельса «Неразговорчивый штабной крикун Мольтке и его недавний лейпцигский корреспондент» и «Имперский военный закон», в которых Энгельс в связи с усилившейся в Германии подготовкой к так называемой превентивной войне против Франции выступил против роста реакции и милитаризма, с разоблачением трусливой немецкой бур-

[1] «Volksstaat», 6 u. 13. I, 17. IV, 12. X. 1872.

жуазии. В статье «Неразговорчивый штабной крикун Мольтке и его недавний лейпцигский корреспондент» Энгельс едко высмеял одного из идеологов германского милитаризма, начальника генерального штаба Германской империи Мольтке и ура-патриотизм «откормленного лейпцигского бюргера» [1]. Эта статья Энгельса нашла живейший отклик среди рабочих Германии. Блос писал по этому поводу Энгельсу: «За ваш великолепный нагоняй старому брюзге Мольтке выражаю Вам от имени многочисленных членов партии самое искреннее одобрение» [2]. В статье «Имперский военный закон» Энгельс на основании официальных статистических данных показал огромный рост армии в Германии и разоблачил лживые утверждения Мольтке, будто рост вооружений Германии обусловлен военной опасностью со стороны Франции. В этой статье Энгельс смело выступает против трусливой позиции буржуазии, которая потворствовала политике милитаризации, проводимой бисмарковским правительством, и каждый раз из-за страха перед пролетариатом сдавала свои политические позиции в связи с настойчивыми требованиями Бисмарка отпустить новые денежные ассигнования на вооружение. Энгельс подчеркивает, что с 1866 г. буржуазия полностью поддерживала политику Бисмарка. Он пишет: «Когда же в 1866 г. Бисмарк вернулся с победой из Садовы и за произведенные до этого времени противозаконные денежные расходы потребовал еще вознаграждения, то отступление не знало больше никаких границ» [3].

Разоблачению немецкой буржуазии, роста реакции в стране посвящена также статья Энгельса ««Кризис» в Пруссии», опубликованная в «Volksstaat» 15 января 1873 года.

Выступая против реакционного режима Германской империи, раскрывая агрессивность внешней и реакционность внутренней политики правительства Бисмарка, Энгельс показывает, в интересах каких классов она проводится. В упомянутой уже работе «К жилищному

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 491.

[2] Блос — Энгельсу, 13 марта 1874 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3394).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 482.

вопросу» Энгельс вскрыл социальные основы бисмарковского режима, дал характеристику бонапартизма в целом, бонапартистской сущности Германской империи и политики Бисмарка. Энгельс показал, что превращение абсолютной монархии в Пруссии, а следовательно, и в Германии в бонапартистскую стало неизбежным в связи с развитием капитализма и страхом, который внушал имущим классам революционный пролетариат. Разоблачая бисмарковскую бонапартистскую политику лавирования и обмана масс, Энгельс предупреждает немецких рабочих от иллюзий, которые пытались им внушить правящие круги Германской империи посредством социальной демагогии, сочетаемой с шовинистической пропагандой. «Самым лучшим показателем того, чего могут ждать рабочие от прусского государства,— писал Энгельс,— служит использование французских миллиардов... Эти пять миллиардов довольно быстро уходят по проторенному пути на крепости, пушки и солдат... немецким рабочим не будет уделено из этих миллиардов даже того, что уделил Луи Бонапарт французским» [1].

Энгельс постоянно воспитывал немецких рабочих и их партию в духе непримиримой борьбы против реакции, милитаризма, шовинизма и агрессивного внешнеполитического курса правящих классов Германии. Этой же цели служили его исследования в области немецкой истории.

Уделяя особое внимание немецкому рабочему движению, Энгельс разрабатывал важнейшие проблемы истории Германии, стремился научить рабочий класс извлекать уроки из исторического прошлого, выявлял в противовес реакционным идеалам немецких историков-шовинистов прогрессивные и революционные традиции в истории страны. В начале 70-х годов Энгельс намеревался написать специальную большую работу по истории Германии, но этому замыслу не дано было осуществиться. Однако в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма имеется несколько подготовительных работ Энгельса по немецкой истории, написанных в это время. Среди них «Конспект книги Гюлиха «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия»», «Конспект книги Лангеталя «История германского сель-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 256.

ского хозяйства»» и небольшая, но очень содержательная работа «Заметки о Германии». В конспекте книги Гюлиха описывается экономическое развитие Германии с периода Тридцатилетней войны до 1828 г. Это весьма ценный материал, характеризующий экономические причины раздробленности Германии и реакционность общественного и политического строя немецких государств. В противоположность буржуазным историкам, интересовавшимся, главным образом, политической историей, войнами, деятельностью царствующих особ и министров, Энгельс вскрывал материальные корни исторического развития Германии, глубоко изучал историю ее экономики, социального строя, положение отдельных классов [1].

Конспект книги Лангеталя — к сожалению, еще не опубликованный — лишний раз свидетельствует об особом интересе Энгельса к крестьянскому вопросу в Германии. В конспекте охарактеризованы важнейшие явления, происходившие в немецком сельском хозяйстве, начиная с периода средневековья и кончая периодом, предшествовавшим французской буржуазной революции. Основное внимание Энгельс сосредоточивает на положении крестьян в Германии, на крестьянском движении, на процессе закрепощения и обезземеливания крестьянства.

Показывая, что власть в стране в этот период находилась в руках дворянства, которое беспощадно эксплуатировало крестьян, Энгельс подчеркивал, что к этому гнету присоединился еще гнет многочисленных мелких и крупных монархов, господствовавших в раздробленной Германии и облагавших крестьянское население различными налогами, податями и другими повинностями. Энгельс так характеризовал социальную обстановку в Германии во второй половине XVIII века: «Колоссальная расточительность, дворянство занимает привилегированное положение, горожане имеют привилегии, вся тяжесть ложится только на крестьян, из которых буквально выжимают последние соки» [2]. В конспекте описываются тяжелые последствия непрерывных войн, которые вели немецкие монархи, многочисленные неудачные

---

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 303—342.

[2] *Ф. Энгельс*. Конспект книги: *Langethal*. «Geschichte der deutschen Landwirtschaft», S. 67 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2562).

опыты в земледелии после открытия Америки, некоторые крестьянские реформы владетельных князей, проводившиеся в фискальных интересах и мало изменившие положение крестьян, так как они не касались основного—ликвидации феодализма в Германии. Энгельс писал: «О том, как незначительны были эти улучшения, свидетельствует тот факт, что после французской революции и войн освобождение крестьян в Пруссии в 1848 г. далеко не было закончено, а в Австрии едва только начато! Без этих насильственных вмешательств, где бы мы были теперь?» [1].

Материал указанных выше работ был использован Энгельсом при составлении рукописи «Заметки о Германии», написанной в конце 1873 — начале 1874 года. Эта рукопись состоит из нескольких фрагментов. В одном из фрагментов, распадающемся на две подтемы,— введение (1500—1789) и 1789—1815, — дается в сжатой форме очерк истории Германии, начиная со средних веков до начала XIX века. Другие фрагменты дополняют указанный фрагмент и дают возможность установить план и основное направление задуманной Энгельсом работы, которую он собирался довести до современных ему событий.

В «Заметках о Германии» вскрываются исторические причины раздробленности страны, господства в ней реакции и милитаризма в течение ряда столетий.

Анализируя важнейшие особенности исторического развития Германии, Энгельс подчеркивал, что политическому и социальному прогрессу страны в значительной степени мешали захватнические планы и мания мирового господства германских реакционных правителей. Императорская власть в Германии поэтому не сыграла той роли в борьбе с феодальной раздробленностью и в объединении страны, какую сыграла абсолютная монархия в истории других стран [2].

Энгельс дал уничтожающую характеристику обстановке внутренней раздробленности и «карликового абсолютизма», которая создавала почву для возвышения реакционной Пруссии и опруссачивания Германии. «И притом каждый из этих 1000 князей — абсолютный монарх;

---

[1] *Ф. Энгельс.* Конспект книги: *Langethal.* «Geschichte der deutschen Landwirtschaft», S. 61 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2562).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 571—578.

это — грубые, невежественные негодяи, от которых нечего ждать совместных действий, зато прихотей — сколько угодно... Но наиболее позорное их преступление — *самый факт их существования.* А рядом с ними, у восточной границы — Пруссия на севере, Австрия на юге, жадно протягивающие руки к новым территориям» [1].

Энгельс разоблачил предательскую роль немецкого бюргерства в период Реформации, его трусость, страх перед народными массами и раболепие перед князьями, что в немалой степени содействовало утверждению реакционных порядков в Германии. Немецкое бюргерство и его исторический потомок — буржуазия постоянно угодничали перед феодалами и монархами, всегда вели себя предательски по отношению к народным массам. Немецкая буржуазия, как писал Ленин,— «явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов» [2].

Энгельс в своих «Заметках о Германии» разоблачил реакционную роль прусского королевства, которое постоянно проводило политику, чуждую интересам германского народа. Энгельс предвещал позорную гибель агрессивной прусской монархии в войне с Россией — «в войне, которая может длиться четыре года и доставит Пруссии только недуги и простреленные кости» [3]. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что Пруссия должна раствориться в Германии, ибо без этого невозможна победа демократии, победа социальной революции [4].

Руководствуясь теорией исторического материализма, Энгельс раскрыл социально-экономическую сущность исторических событий, показал их классовую природу, дал исторически правдивую картину истории Германии. Энгельс выступает здесь как пламенный обличитель великопрусского шовинизма буржуазных идеологов, создававших культ средневековых германских императоров, прусского короля Фридриха II, а также других прусских реакционных правителей. Разработка истории Германии имела чрезвычайно важное значение для

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 575.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 17, стр. 183.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 349.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 247.

немецкой Социал-демократической рабочей партии, которая в свете уроков прошлого могла во всем значении понять свои настоящие задачи, в особенности задачи по политическому воспитанию германского пролетариата, по завоеванию широких масс трудящихся.

Массовая партия в Германии создавалась в непрерывной борьбе против антипролетарских оппортунистических течений в рабочем движении Германии, особенно против лассальянства.

С возникновением Интернационала, в период, когда происходил процесс формирования пролетарской партии в Германии, Маркс и Энгельс усилили борьбу с лассальянством. Крупную роль в разоблачении этого оппортунистического течения сыграла работа Маркса «О Прудоне» и Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», а также ряд его статей, опубликованных в «Volksstaat». В 70-е годы в связи с ростом немецкого рабочего класса и задачами укрепления пролетарской партии борьба с лассальянством вступила в новую фазу и потребовала новых усилий со стороны Маркса и Энгельса. В написанной в 1873 г. статье «Интернационал и «Neuer Social-Demokrat»» Энгельс разоблачил националистическую позицию лассальянцев, стремившихся оторвать немецкое рабочее движение от движения международного пролетариата. Энгельс выступил против лживых выпадов органа лассальянского Всеобщего германского рабочего союза «Neuer Social-Demokrat» против Маркса, вскрыл фальсификацию фактов в вопросе об исключении из Интернационала бакунистов, которых лассальянцы всячески поддерживали. Разоблачению враждебной марксизму и I Интернационалу деятельности лассальянцев посвящены такие статьи Энгельса, как «Письмо в редакцию «Volksstaat»» 7 мая 1873 г., «В Интернационале» и др.

Этой постоянной критикой лассальянцев Энгельс способствовал высвобождению германского пролетариата из-под их влияния, изоляции лассальянских лидеров.

Несмотря на рост организации и влияние среди широких масс трудящихся, эйзенахская партия подчас переживала внутренние трудности.

С осени 1872 г., воспользовавшись пребыванием

Бебеля и Либкнехта в тюрьме, в партии оживились лассальянские элементы. В высших партийных органах — Комитете и Контрольной комиссии — оказалось немало бывших членов лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, которые принесли с собой остатки своих лассальянских взглядов. Прежде всего это относилось к секретарю партии Йорку.

Письма Либкнехта, имеющиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, проливают свет на вспыхнувший в партии «маленький лассальянский бунт», как его охарактеризовал Либкнехт[1]. Начало ему было положено опубликованием в «Volksstaat» послания одного из бывших руководителей лассальянцев Швейцера, призывавшего рабочих обоих направлений к объединению. Это был явный маневр со стороны Швейцера, который после его исключения из Всеобщего германского рабочего союза в мае 1872 г. за связи с прусской полицией, по-видимому, намеревался любой ценой вернуться к политической деятельности и поэтому выступил с предложением об объединении в момент, когда особенно усилились объединительные стремления среди германских рабочих.

Бебель и Либкнехт, поддерживавшие из тюрьмы связь с партией и редакцией центрального органа, не советовали редакции «Volksstaat» публиковать это обращение Швейцера. Тогда за Швейцера вступились бывшие лассальянцы из Комитета, и обращение было опубликовано, несмотря на указание Бебеля и Либкнехта.

Хотя Либкнехт и сообщил Энгельсу о том, что «лассальянский бунт» окончен[2], бывшие лассальянцы не успокаивались. Лассальянские диктаторские тенденции секретаря партии Йорка проявились наиболее ярко в его конфликтах с партийной организацией города Фюрта и редакцией «Volksstaat».

Фюртская партийная организация исключила из партии некоего Мейера за непартийное поведение, выразившееся в постоянной травле бывших членов Народной

---

[1] Либкнехт — Энгельсу, 30 ноября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3392).

[2] Либкнехт — Энгельсу, 8 февраля 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5645).

партии. На основании заявления Мейера партийная Контрольная комиссия потребовала у доверенного лица фюртской организации Георга Гёга объяснения о причинах исключения Мейера. Не удовлетворившись объяснением Гёга, Контрольная комиссия решила проверить обоснованность исключения Мейера из партии. Гёг и партийная организация, считая, что они имели полное право исключить из партии и решать этот вопрос в последней инстанции, отказались подчиниться Комиссии. Тогда вмешался Йорк и дал указание распустить фюртскую партийную организацию и создать новую. Причем он решил этот вопрос самолично, в нарушение решений партии о том, что все постановления и распоряжения партийного Комитета и Контрольной комиссии должны иметь две подписи. Таким образом, Йорк под предлогом усиления централизации и дисциплины — требование которых было вполне уместно,— нарушил принцип демократического построения партии.

Состоявшийся в сентябре 1873 г. в Эйзенахе съезд партии осудил поведение Йорка, а фюртской организации указал на необходимость подчиняться вышестоящим органам. Съезд принял решение об объединении старой и вновь созданной партийных организаций Фюрта. Тем самым конфликт был ликвидирован [1].

Не менее остро протекал конфликт Комитета с редакцией «Volksstaat», точнее с редактором Гепнером, который оказывал лассальянским стремлениям Йорка и К⁰ энергичное противодействие. Комитет потребовал, чтобы «Volksstaat» изменила свой характер, не печатала бы теоретические статьи, а помещала материал в духе передовых лассальянского органа «Neuer Social-Demokrat». В противном случае Гепнеру пригрозили принудительными мерами.

Дело дошло до того, что Йорк от имени Комитета послал письмо Гепнеру, в котором давал ему понять, что он должен выйти из редакции, иначе его заменят другим редактором. Тем самым Комитет присваивал себе право назначения и смещения редакторов центрального органа

---

[1] Protokoll über den 5. Congress der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei abgehalten zu Eisenach, am 23—27. August 1873. Leipzig, 1873, S. 15—18.

партии, избиравшихся до сих пор съездом. Гепнера фактически выжили из редакции как раз в тот момент, когда он был приговорен к высылке из Лейпцига «за оскорбление величества». С отстранением Гепнера создалась угроза проникновения лассальянской агитации на страницы «Volksstaat».

В этот опасный для партии момент ей на помощь пришел Энгельс, который решительно встал на сторону Гепнера и сделал все, чтобы воспрепятствовать усилению лассальянских элементов в партии. Энгельс послал 12 февраля и 20 июня 1873 г. от себя и Маркса письма В. Либкнехту и А. Бебелю, содержавшие критику ошибок руководства СДРП и ценнейшие указания по вопросу о тактике рабочей партии [1]. Эти письма были написаны не только в связи с делом Гепнера, но и в связи с тем, что руководство партии под влиянием лассальянцев стало пренебрегать своим интернациональным долгом; наметился отход от правильной до сих пор линии по отношению к бакунистам. Так, Либкнехт в своем письме к Энгельсу от 8 февраля 1873 г. заявил, что «Volksstaat» пока не может подробно вдаваться в интернациональную полемику между марксистами и бакунистами [2]. Это заявление было сделано в момент, когда после Гаагского конгресса I Интернационала в 1872 г. бакунисты усилили свою раскольническую деятельность в Интернационале. Они созывали свои конгрессы, откололи часть секций от Международного Товарищества Рабочих, сколотили свой «антиавторитарный Интернационал». Лассальянцы поддерживали борьбу бакунистов против Интернационала. Заявление Либкнехта о нейтралитете «Volksstaat» отражало усиление оппортунистических тенденций в партии и лило воду на мельницу бакунистов и лассальянцев.

Маркс и Энгельс воспитывали немецкую Социал-демократическую рабочую партию в духе пролетарского интернационализма и требовали участия партии в делах Интернационала. В письме к Либкнехту от 12 февраля 1873 г. Энгельс предупреждал, что если «Volksstaat» зай-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 322. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. 1953, стр. 285.

[2] Либкнехт — Энгельсу, 8 февраля 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5645).

мет нейтральную позицию по отношению к борьбе Интернационала против бакунистов и не будет разъяснять германской рабочей партии сущности этой борьбы, Маркс и он откажутся сотрудничать в газете[1].

В письме к Бебелю 20 июня 1873 г. Энгельс также осудил действия Комитета, направленные во вред партии, и указал, что Гепнеру следовало помочь. Энгельс отметил при этом, что со времени ухода Гепнера из редакции газета «Volksstaat» заметно ухудшилась. И действительно газета прекратила борьбу с лассальянством, редакция отказалась поместить теоретическую статью Иосифа Дицгена[2].

Это письмо Энгельса имело важнейшее значение в разработке вопросов тактики пролетарской партии. Энгельс классически сформулировал в нем план борьбы за массы, предусмотрев тактику изоляции оппортунистических лидеров. Он советовал основное внимание обращать на работу среди широких слоев рабочего класса, еще не участвовавших в социалистическом движении, на борьбу за превращение партии в массовую пролетарскую организацию. Энгельс дал прямые указания о тактике в борьбе с лассальянцами и предупреждал от поспешного объединения с лассальянцами, от погони за единством во что бы то ни стало, советовал особое внимание обращать на просвещение широких масс пролетариата. Тактика Энгельса была рассчитана на то, чтобы постепенно завоевывать массы на сторону революционной теории пролетариата, терпеливо разъяснять рабочим их задачи[3].

В своих ответных письмах как Либкнехт, так и Бебель заверяли Энгельса, что в партии все якобы обстоит благополучно, что влияние Йорка незначительно, а лассальянство мало распространено в партии[4]. Либкнехт и Бебель не сумели тогда правильно оценить обстановку.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 322.

[2] Блос — Либкнехту, 17 мая и 22 октября 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. 665, 673).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные письма. 1953, стр. 285.

[4] Либкнехт — Энгельсу, 8 февраля 1873 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5645). *А. Бебель*. «Из моей жизни». Л. 1925, стр. 302—303.

Здесь сказалось примиренческое отношение вождей германской социал-демократии к лассальянству, недооценка последовательной принципиальной борьбы с оппортунизмом, которой постоянно учил их Энгельс.

Тем временем под влиянием суровой критики Энгельса «Volksstaat» возобновила борьбу с лассальянством и с бакунистами[1]. Критика Энгельса помогла партии стать на правильный путь.

К тому же сам жизненный опыт заставил германских рабочих призадуматься над правильностью доктрины и тактики лассальянцев. Члены эйзенахской партии все больше начинали понимать несостоятельность ряда лассальянских догм. В 1873 г. в партии все чаще стали раздаваться голоса о необходимости более четкой формулировки отдельных пунктов программы Социал-демократической рабочей партии, в частности об исключении из нее 10 пункта о государственной помощи производительным ассоциациям.

В феврале 1873 г. брауншвейгская партийная организация создала избирательный ферейн с целью завоевания широких слоев народа на сторону партии. Программа ферейна в основном воспроизводила ближайшие требования эйзенахской программы, за исключением десятого пункта о производительных ассоциациях с государственной помощью[2].

Партийное собрание брауншвейгской организации 9 марта 1873 г. приняло решение, одобрявшее образование избирательного ферейна, участие в котором являлось одним из средств установления тесных связей с массами. Собрание решило поставить вопрос о 10 пункте эйзенахской программы на обсуждение ближайшего съезда партии[3].

На очередном съезде, состоявшемся в августе 1873 года в Эйзенахе, брауншвейгская партийная организация подняла программный вопрос. С предложением об улучшении программы от имени брауншвейгцев выступил Бракке. Он резко критиковал пункт о производи-

---

[1] «Volksstaat», 15.II. 1873.

[2] *G. Eckert.* «Aus den Anfängen der Braunschweiger Arbeiterbewegung. Unveröffentliche Bracke-Briefe». Braunschweig, 1955, S. 35.

[3] Там же, стр. 38.

тельных ассоциациях, включенный в эйзенахскую программу под влиянием лассальянцев [1]. Накануне съезда Бракке издал брошюру «Предложение Лассаля», направленную против лассальянского положения о производительных ассоциациях. Бракке писал, что брауншвейгская партийная организация выступает против 10 пункта программы партии потому, что этот пункт не соответствует требованиям рабочего движения и не носит социалистического характера. Лассальянское требование государственной помощи он квалифицировал как «королевско-прусский правительственный социализм, тщетно стремящийся получить право доступа ко двору» [2]. Бракке предостерегал германских рабочих от лассальянских иллюзий о производительных ассоциациях как средстве освобождения от капитализма и построения нового социалистического общества.

Съезд избрал специальную комиссию по пересмотру программы в составе Дицгена, Либкнехта, Бракке и др. Хранящееся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС письмо В. Либкнехта к Энгельсу от 28 июля 1874 г. свидетельствует о том, что Энгельс в связи с работой этой комиссии прислал Бракке свои замечания к эйзенахской программе, которые оказали большую помощь в работе комиссии. Либкнехт в письме к Энгельсу благодарил его за помощь: «твое письмо к Бракке существенно облегчило нам работу в отношении вопроса о программе» [3]. К сожалению, письмом Энгельса к Бракке с критикой эйзенахской программы мы не располагаем.

На съезде обсуждался крестьянский вопрос. Было внесено предложение о создании профессионального союза крестьян. Съезд в своем решении рекомендовал

---

[1] Protokoll über den 5. Congress der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei abgehalten zu Eisenach, am 23—27. August 1873. Leipzig, 1873, S. 46.

[2] *W. Bracke.* «Der Lassall'sche Vorschlag». 1873, S. 45; см. также: *Ф. Меринг.* «История германской социал-демократии», т. IV, 1924, стр. 63.

[3] В. Либкнехт — Энгельсу, 28 июля 1874 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп, 1, ед. хр. 5651).

членам партии вести агитацию среди сельского населения с целью создания почвы для организации крестьянских профсоюзов [1]. Постановка на съезде программного и крестьянского вопросов явилась результатом идейно-воспитательной работы Маркса и Энгельса, показателем преодоления в партии тлетворного влияния лассальянства под воздействием опыта рабочего движения. Однако в своей практической работе партия эйзенахцев еще мало внимания уделяла пропаганде среди сельского населения, несмотря на прямое указание Маркса и Энгельса по этому вопросу.

Со второй половины 1873 г. Социал-демократическая рабочая партия главное внимание сосредоточивает на подготовке к выборам в рейхстаг, назначенным на январь 1874 года [2].

Маркс и Энгельс, рассматривавшие парламентскую деятельность как одно из важных вспомогательных средств в революционной борьбе, как одно из средств установления связи партии с массами, учили партию сочетать эту деятельность с внепарламентской борьбой. Большую роль в выработке парламентской тактики Социал-демократической рабочей партии, как отмечал В. И. Ленин, сыграл Август Бебель [3]. Деятельность партии в рейхстаге, и в первую очередь выступления Бебеля по вопросам рабочего законодательства и разоблачения им реакционной политики бисмарковского правительства [4], его интернационалистская позиция во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны дали свои положительные результаты, способствовали установлению тесных связей партии с широкими массами. В этот период Социал-демократическая рабочая партия еще не преувеличивала роли парламентской борьбы. Выборы в рейхстаг, состоявшиеся в январе 1874 г., принесли эйзенахской партии значительные успехи. Партия получила

---

[1] Protokoll über den 5. Congress der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei abgehalten zu Eisenach, am 23—27. August 1873. Leipzig, 1873, S. 53.

[2] «Volksstaat», 31.X. и 19.XI. 1873.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 19, стр. 266.

[4] См. *A. Bebel.* «Die parlamentarische Tätigkeit des Deutschen Reichstags und der Landtage und die Sozial-demokratie». Leipzig, 1873.

171 000 голосов, тогда как в марте 1871 г. за эйзенахцев было подано всего 39 000 голосов [1].

Состоявшийся в июле 1874 г. очередной Кобургский съезд подвел итоги успехов партии за 1873—1874 годы. Съезд продемонстрировал возросшие связи эйзенахцев с рабочими массами, повышение идейно-теоретического уровня партии. В работе съезда после трехлетнего перерыва принял участие Вильгельм Либкнехт, освобожденный из тюрьмы в апреле 1874 года [2].

Большую и оживленную дискуссию вызвал на съезде программный вопрос [3]. От имени комиссии по пересмотру программы, избранной в 1873 г. на съезде в Эйзенахе, выступил Гейб. Комиссия пришла к выводу о необходимости изменить пункт о производительных ассоциациях, определенно и ясно сформулировать требования по аграрному вопросу, ибо деятельность партии среди крестьян затруднялась в значительной степени из-за отсутствия программных требований по крестьянскому вопросу и др.[4]. Такая постановка вопроса явилась результатом победы марксизма в германском рабочем движении. Съезд постановил организовать сначала широкое обсуждение программного вопроса в печати, докладах и лишь затем, на следующем съезде окончательно решить вопрос [5].

Либкнехт писал о Кобургском съезде немецкой Социал-демократической рабочей партии: «Это был лучший из наших съездов. Люди сделали значительные успехи; бо̀льшая ясность вызвала и бо̀льшую энергию» [6].

Неустанная борьба Энгельса за идеологическое укрепление партии принесла свои плоды. В борьбе с лассальянством марксизм одерживал в Германии победу за победой. Благодаря тесному контакту с Энгельсом, его

---

[1] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. I. Jhrg. 1880, S. 140—141; см. также: *Ф. Меринг.* «История германской социал-демократии», т. 4, 1924, стр. 77.

[2] Protokoll über den 6. Congress der Sozial-demokratischen Arbeiterpartei abgehalten zu Coburg am 18—21. Juli 1874. Leipzig, 1874, S. 3—104.

[3] Там же, стр. 75—80.

[4] Там же, стр. 75—76.

[5] Там же, стр. 78—80.

[6] В. Либкнехт — Энгельсу, 28 июля 1874 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5651).

постоянной помощи, а также на основе собственного опыта передовые немецкие рабочие все больше убеждались в неправильности «теории» и тактики лассальянцев и переходили под знамя научного коммунизма. Социал-демократическая рабочая партия под идейным влиянием марксизма превращалась в подлинно массовую пролетарскую партию.

Однако идейные завоевания, достигнутые партией под влиянием Маркса и Энгельса, не были закреплены благодаря примиренческой позиции руководства по отношению к лассальянцам. Теоретическая борьба, значение революционной теории все еще недооценивались руководством эйзенахцев. Разоблачая лассальянцев, их тактику приспособления к бисмарковскому правительству, руководители эйзенахцев готовы были пойти на уступки в важнейших программных вопросах пролетарского движения. В 1875 г. руководство партии проявило оппортунистические шатания в одном из самых насущных вопросов для германского рабочего движения — в вопросе объединения с Всеобщим германским рабочим союзом. Руководители эйзенахцев в погоне за единством во что бы то ни стало не выполнили указаний Маркса и Энгельса о борьбе за единство на принципиальной научной и идейной основе, пошли на идейный компромисс с лассальянцами в теории и приняли на Готском съезде объединительную программу, насквозь пропитанную лассальянскими догмами. Как и предвидели Маркс и Энгельс, беспринципный компромисс в Готе сказался на всем дальнейшем развитии германской социал-демократии. Но при жизни Маркса и Энгельса, под влиянием их критики, советов и указаний, а также под нажимом масс руководство партии, хотя и не всегда своевременно и не в полном объеме, все же в целом исправляло свои ошибки. Немецкая социал-демократическая партия в этот период под идейным влиянием Маркса и Энгельса развивалась как революционная боевая пролетарская партия.

Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ РАБОТЫ ЭНГЕЛЬСА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»

Работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ленин называл одним из «основных сочинений современного социализма»[1]. Эта работа является блестящим образцом глубокого теоретического исследования исторических проблем, органически связанного с насущными задачами революционной освободительной борьбы рабочего класса. Книга эта, трактующая, казалось бы, о предметах, весьма отдаленных от практической революционной деятельности, вся пронизана страстной, убежденной партийностью, непримиримой ненавистью к капиталистическому строю, непоколебимой уверенностью в конечной победе рабочего класса. Бесконечно далекий от «гелертерства» буржуазных ученых, Энгельс видел в изучении древнейшей истории человечества ключ к пониманию многих явлений современной капиталистической действительности. В истории семейных отношений, в истории возникновения государства и его учреждений Энгельс черпал материал для доказательства неизбежности ликвидации государства как орудия классового угнетения эксплуатирующим меньшинством эксплуатируемого большинства, неизбежности победы пролетариата, установления его диктатуры и последующего отмирания государства в будущем бесклассовом обществе. Опираясь на огромный фактический материал, тщательно используя все достижения современной ему этнографии и археологии, Энгельс не только

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 29, стр. 436.

впервые в истории науки дал подлинно научное, марксистское освещение сложнейших вопросов истории человеческого общества на заре его существования, не только показал преходящий характер таких институтов, как буржуазная семья, частная собственность, наконец, эксплуататорское государство, но и раскрыл величественные перспективы дальнейшего развития общества, наметил контуры новых отношений, нового общественного строя.

За те семьдесят семь лет, которые прошли с момента выхода в свет первого ее издания, книга Энгельса, как и другие классические произведения великих основоположников научного социализма, прошла славный победоносный путь по всему миру. При жизни Энгельса она выдержала несколько изданий в Германии, была переведена на основные европейские языки. С тех пор она издавалась многие десятки раз на различных языках в Европе, Азии и Америке. Потерпели полный крах все многочисленные попытки опровергнуть или замолчать ее, исказить содержание, принизить ее значение. Многочисленные «критики» работы Энгельса — от Гайндмана до Михайловского, от Кунова до современных буржуазных и правосоциалистических социологов, историков и этнографов — оказались неспособными понять ее суть, видели в ней только «резюме книги Моргана», популярное изложение взглядов американского ученого, сопровождаемое некоторыми замечаниями и дополнениями. В своих рецензиях и работах они всячески пытались умалить значение книги, «не заметить» ее революционных выводов, изобразить ее главным образом как очерк истории семьи, исказить ее основные положения.

Какими нелепыми и мелкими предстают перед нами эти попытки! Как остро и свежо звучит и сейчас энгельсовская критика современного буржуазного строя, в частности такого его института, как буржуазная семья; Энгельс вскрыл прямую связь между буржуазной семьей и частной собственностью, порождением которой она является. Анализируя различные этапы в историческом развитии семьи, Энгельс постоянно обращается к современным условиям, вскрывает классовую сущность современного буржуазного брака. Он показывает, как в среде

пролетариата возникают предпосылки новой социалистической семьи, показывает прямую связь предстоящего общественного переворота с неизбежным появлением новых форм семьи, новых форм отношений между мужчиной и женщиной, характеризует, наконец, основные черты будущей семьи.

Столь же резкой разоблачительной критике Энгельс подвергает и современное буржуазное государство, буржуазную демократию, вскрывает их классовую сущность, дает блестящую характеристику существа буржуазной демократической республики, прежде всего в лице США и Третьей республики во Франции. При этом критика современных буржуазных отношений выступает у него в тесной связи с рассмотрением основных исторических проблем. В этом одна из самых замечательных черт работы Энгельса.

В теоретическом наследии основоположников марксизма это произведение занимает выдающееся место. В нем, говоря словами Ленина, «с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства»[1]. Развивая дальше марксистское учение о государстве, Ленин прежде всего опирался на эту работу Энгельса. И по сей день она является важнейшим оружием в борьбе против ревизионистских попыток фальсификации марксистско-ленинской теории государства.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» было написано Энгельсом на шестьдесят четвертом году жизни. Это сочинение представляло собой, следовательно, определенный итог многолетних научных изысканий, с одной стороны, огромного опыта революционной борьбы, с другой. Только этим и можно объяснить то обстоятельство, что Энгельс написал свою работу в исключительно короткий срок — в течение всего полутора-двух месяцев. Для этого нужна была гигантская эрудиция и поистине невероятная работоспособность, тем более, что прежде у Энгельса, по-видимому, не было планов создания специальной обобщающей работы на подобную тему. Настоящая статья и имеет целью попытаться

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 25, стр. 358.

выяснить некоторые вопросы, связанные прежде всего с историей написания этой работы, а также с ее изданием и распространением при жизни Энгельса.

* * *

Конец 70-х — начало 80-х годов были для Энгельса периодом исключительно интенсивной научной деятельности. Правда, после опубликования в 1878 году «Анти-Дюринга» в печати не появилось ни одной крупной его работы, сравнительно редко выступал он в то время и в периодической печати, исключение составляла разве только серия экономических статей в газете «The Labour Standard» в 1881 году. Но это вовсе не означало снижения его творческой активности. Наоборот. Именно в эти годы Энгельс чрезвычайно много работал над завершением своих давних научных замыслов, сознательно ограничивая свою публицистическую деятельность. «Мне,— писал он в июне 1879 г.,— приходится совершенно отказаться от сотрудничества в периодических изданиях, раз я намерен закончить труды, которые для всего движения имеют ведь несколько большее значение, чем две-три журнальных статьи» [1]. Две крупные проблемы занимали в эти годы почти все внимание Энгельса. Во-первых, вопросы философии естествознания, его знаменитая «Диалектика природы», к работе над которой он вновь вернулся после выхода «Анти-Дюринга». «Необходимо покончить скорей с «натурдиалектикой»,— писал он Марксу 23 ноября 1882 года [2]. Во-вторых, проблемы истории Германии, начиная с древнейших времен, проблемы, которые уже давно привлекали внимание Энгельса и к которым он неоднократно возвращался вновь. Но опубликована была им лишь незначительная часть этого труда — статья «Марка», напечатанная в 1882 году в качестве приложения к немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». «Это первый плод моих работ по немецкой истории, которой я занимаюсь несколько лет»,— писал тогда Энгельс Бебелю [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 37.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 594.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 273.

Однако осуществить эти широкие замыслы Энгельсу так и не удалось. Смерть его великого друга поставила перед ним иные задачи. Ему пришлось навсегда оставить многие задуманные им работы и посвятить основную часть своего времени и своих сил изданию литературного наследия Маркса, прежде всего подготовке к печати незавершенных Марксом полностью II и III томов «Капитала». Со смерти Карла Маркса,— писал он в 1885 г.,— «мое время было поглощено более настоятельными обязанностями и я должен был потому прервать свою работу»[1]. Значительная часть работ, опубликованных Энгельсом в течение первых пяти-шести лет после смерти Маркса, была в той или иной степени связана с этой задачей. Многие из его статей в 80-е годы были написаны как предисловия к переизданиям различных произведений Маркса. Таковы предисловие к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кельне», «К истории Союза коммунистов» (введение к памфлету «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов»), «Маркс и Родбертус» (предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии»), «Протекционизм и свобода торговли» (предисловие к американскому изданию «Речи о свободе торговли» Маркса) и многие другие.

С разработкой Энгельсом литературного наследия Маркса связана и работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В течение нескольких месяцев после 14 марта 1883 года Энгельс занимался разборкой архива своего покойного друга — книг, писем, конспектов, незавершенных рукописей и т. д. Среди этого архива им был обнаружен конспект книги американского ученого Моргана «Древнее общество», изданной в 1877 году. Над этой книгой Маркс работал зимой 1880—1881 года. Подробные, тщательно сделанные выписки, снабженные многочисленными замечаниями, позволяют предположить, что Маркс намеревался широко использовать богатейшие материалы, собранные и обобщенные Морганом, в одной из своих работ, оставшейся неосуществленной. Ознакомившись с этим конспектом, Энгельс писал Каутскому 16 февраля 1884 года: «Маркс говорил об этой книге, но мне тогда было не до этого, а он к ней

[1] *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», М., 1957, стр. 12.

больше никогда не возвращался; он, очевидно, был ею доволен, потому что, судя по очень подробным извлечениям из этой книги, *сам* хотел познакомить с ней немцев»[1]. В том же письме Энгельс впервые высказал намерение завершить начатую Марксом работу. «Будь у меня время,— писал он,— я бы обработал материал, включив замечания Маркса, в форме фельетона для «Sozialdemokrat» или «Neue Zeit», но об этом и думать нечего»[2]. Из этого явствует, что ранее в планы Энгельса не входило создание работы на такую тему, хотя он, в течение многих лет занимаясь историей Ирландии, историей древних германцев и другими проблемами древней истории, сталкивался с вопросами развития первобытного общественного строя и семейных отношений, а также с проблемой происхождения государства и, несомненно, имел уже свои сложившиеся взгляды, которые в работах стихийного материалиста Моргана нашли лишь новое подтверждение. Именно потому, что гигантский фактический материал, собранный Морганом, явился новым доказательством истинности воззрений, уже ранее сложившихся у Маркса и Энгельса, именно потому, что этот материал давал возможность еще более развить эти взгляды и дать их более полное обобщение, именно поэтому Маркс, а позднее и Энгельс придали такое значение работе Моргана. Добросовестный и объективный ученый, всесторонне изучивший огромное количество фактов, хотя и оставшийся стихийным материалистом, Морган пришел к таким же выводам, какие сделал Маркс,— замечательное подтверждение правильности исторического материализма. «Морган,— писал Энгельс в том же письме,— в границах своего предмета самостоятельно открыл во второй раз марксово материалистическое понимание истории и заканчивает в отношении современного общества непосредственно-коммунистическими требованиями»[3].

Как видно из этого письма Энгельса, он вначале сомневался, найдет ли время выполнить незавершенную Марксом задачу. Однако, как следует из того же письма,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 358.
[2] Там же.
[3] Там же.

он счел необходимым внимательно ознакомиться с книгой Моргана и предпринял попытки к ее получению, так как, очевидно, экземпляр, которым пользовался Маркс, не сохранился. Однако достать труд Моргана ему удалось не сразу, лишь в марте 1884 г. он после больших усилий получил его от букиниста [1]. По-видимому, после личного ознакомления с книгой он утвердился в своем намерении написать новую работу, используя материалы Моргана и опираясь на замечания Маркса. Он рассматривал это, по его собственным словам, как «в известной мере выполнение завещания» Маркса [2]. «Если найдется время,— писал он Каутскому 24 марта 1884 г.,— то я обработаю тебе это для «Neue Zeit», но только в том случае, если вы выпустите отдельный оттиск в виде брошюры (получится, примерно, листа три); на мне, собственно, лежит эта обязанность по отношению к Марксу, и я могу использовать его заметки» [3]. Очевидно, именно в это время Энгельс и приступил вплотную к работе над книгой. Во всяком случае уже через две недели с небольшим, 11 апреля, он сообщал Каутскому, что надеется вскоре закончить ее [4]. Однако в процессе работы Энгельс увидел, что начатое им сочинение никак не укладывается в первоначально намеченные рамки. «Было бы нелепо,— писал он в разгаре работы,— лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, использовав вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами» [5].

Разумеется, свое новое сочинение Энгельс с самого начала рассматривал не как чисто «ученый» трактат о проблемах древнейших времен, он видел в нем оружие революционной борьбы. Вот почему он очень скоро отказался от первоначальной мысли печатать ее в легальном социал-демократическом журнале «Die Neue Zeit» в Германии; «главу о моногамии и заключительную главу о частной собственности, как источнике классовых противоречий и рычаге, разрушающем старую общину,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 369.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 160.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 369.

[4] См. там же.

[5] Там же, стр. 372.

я просто *не могу* написать так, чтобы они уложились в рамки закона против социалистов»,— писал он 26 апреля 1884 года [1].

Как уже указывалось выше, новая книга Энгельса была написана им исключительно быстро: работу над ней он начал в последних числах марта, а закончил ее вчерне уже к 17 мая. Окончательная редакция книги была завершена к 25—26 мая [2]. О причинах, которые сделали возможными столь быстрые темпы, уже говорилось, можно к ним добавить лишь то обстоятельство, что Энгельс вынужден был очень торопиться; работа над новой книгой оказалась для него несколько неожиданной и нарушила его ближайшие планы, изложенные им в письме к Бернштейну от 12 июня 1883 г. [3] и к началу 1884 г. далеко еще не выполненные, а именно: завершить работу над подготовкой 3-го издания I тома «Капитала» и возможно быстрее подготовить и издать II том этого главного труда Маркса. Недаром он неоднократно говорил, что после окончания своей новой работы вынужден будет на некоторое время отказаться от каких-либо новых собственных исследований [4].

В известной мере работа Энгельса над «Происхождением семьи, частной собственности и государства» облегчалась наличием подробных выписок из книги Моргана, сделанных Марксом, а также многочисленных замечаний последнего в его конспекте этой книги. Эти замечания и выписки были широко использованы Энгельсом, что он и отмечал в своем предисловии к первому изданию. Создавая структуру своей книги, Энгельс исходил в основном из конспекта Маркса. Дело в том, что Маркс, изучая работу Моргана, делал свои записи, не просто следуя за изложением автора, а в иной последовательности — воз-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 372. Любопытно, что, несмотря на это, Каутский призывал Энгельса напечатать свою работу в Германии и уговаривал его отказаться в этих целях от «провоцирующего языка» (см. «Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky». Wien, 1955, S. 112—113).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 373, а также *F. Engels, P.* et *L. Lafargue.* «Correspondance», t. I, Paris, 1956, p. 83 (далее «Correspondance»).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 317—318.

[4] См. там же, стр. 369.

можно, что он имел при этом в виду структуру задуманной им собственной работы на эту тему. Книга «Древнее общество» состоит, как известно, из 4-х частей. В первой, вводной части дается характеристика развития первобытной истории в целом и намечается ее периодизация, вторая часть — «Развитие идеи управления» — рассматривает историю происхождения и развития родового строя вплоть до возникновения государства, третья часть — «Развитие идеи семьи» — посвящена истории семейных отношений и анализу различных форм семьи, наконец, четвертая часть называется «Развитие идеи собственности». Конспект, сделанный Марксом, принципиально отличается от структуры книги: Маркс излагает после первой части сначала третью часть книги Моргана, т. е. историю семьи, затем четвертую, т. е. историю возникновения собственности, и в заключение, причем наиболее подробно, вторую, т. е. историю происхождения, развития и гибели родового строя [1]. Именно этой структуре и следовал, в основном, Энгельс в своей книге. Поскольку первые шесть глав ее (имеется в виду первое издание) в значительной мере опираются на фактический материал, собранный Морганом, можно условно сказать, что первая из них соответствует первой части книги «Древнее общество», вторая — третьей, четвертая, пятая и шестая — соответствующим главам второй части. Седьмая, восьмая и девятая главы выходят за рамки моргановского материала и написаны Энгельсом исключительно на основании своих собственных исследований. Разумеется, это соответствие — весьма условно, ибо и в первых главах Энгельс привлек большое количество совершенно новых данных, а само изложение, выводы и обобщения, хотя во многом Энгельс и выражает свое согласие с Морганом, никак не укладываются в рамки моргановского сочинения, а являются плодом многолетних научных изысканий самого Энгельса и обобщения практики революционной борьбы.

Работая над книгой, Энгельс тщательно изучил все замечания Маркса на книгу Моргана. Подавляющее большинство этих замечаний приведено в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» тек-

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX.

стуально, остальные, как правило, использованы в изложении. Мы постараемся привести некоторые наиболее характерные места, в которых Энгельс привлекает замечания Маркса.

В первой главе — «Предысторические ступени культуры» — Энгельс использует лишь одно замечание Маркса: выписывая положение Моргана о том, что уже на ранней стадии существования человеческого общества «человек достиг абсолютного господства в области производства пищи», Маркс поставил около слова «абсолютного» вопросительный знак; исходя из этого, Энгельс вместо этого слова написал «почти неограниченного» [1].

Во второй главе — «Семья» — текстуально использованы четыре замечания Маркса и одно — в изложении. Следует отметить, что многие цитаты из книги Моргана, приводимые здесь Энгельсом, дословно совпадают с выписками Маркса. В то же время некоторые вопросы, хотя по ним Маркс сделал весьма подробные выписки, полностью опущены Энгельсом (например, вопрос о происхождении и расселении отдельных индейских племен).

Широко использует Энгельс замечания Маркса также в четвертой главе — «Греческий род» (третья глава — «Ирокезский род» — представляет в этом отношении исключение, ибо здесь Энгельс опирается почти целиком на Моргана, как наиболее авторитетного свидетеля и знатока жизни североамериканских индейцев). Он приводит здесь шесть замечаний Маркса текстуально и одно в изложении. Энгельс приводит, в частности, все критические замечания Маркса в адрес английского историка древности Грота, сочинения которого служили Моргану одним из основных источников по истории Древней Греции.

В пятой главе — «Возникновение афинского государства» — Энгельс не приводит в тексте ни одного замечания Маркса. Однако в своем изложении он во многих случаях основывается на высказанных Марксом мыслях. Так, в частности, Энгельс использует и развивает критическое замечание в адрес Моргана, сделанное Марксом по поводу рассуждения американского ученого, будто бы приписываемое Тесею разделение общества на классы

[1] См. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IX, стр. 4; *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 174.

«потерпело крах, потому что фактически не произошло никакого перенесения власти с родов, фратрий и племен на классы и потому, что эти классы, как основа системы, имели меньшее значение, чем роды» [1]. Маркс замечает в связи с этим, опираясь на соответствующие места из Плутарха и Аристотеля, что «вопреки Моргану... по-видимому... *вожди родов* и т. д. благодаря своему богатству и т. д. уже вступали в *конфликт* с членами *родов — массой* населения, что неизбежно при существовании частной собственности на *дома, земли и стада*» [2]. Анализируя «реформы Тесея», Энгельс опирается на это замечание Маркса и подробно развивает высказанную в нем мысль [3].

Интересно отметить использование Энгельсом замечаний Маркса в седьмой главе — «Род у кельтов и германцев». Здесь он привлек некоторые положения, которые Маркс развивал в письмах к нему еще в мае 1870 г. в связи с тогдашними занятиями Энгельса историей Ирландии (речь шла о родовых обычаях у кельтов Уэльса) [4].

Одно из замечаний Маркса было использовано Энгельсом лишь в четвертом, переработанном издании его книги. Речь идет о следующем. Конспектируя раздел книги Моргана, в котором говорится о парном браке, Маркс в связи с описанием коллективного домохозяйства нескольких парных семей замечает: «как у *южных славян* несколько *моногамных семей,..* как южные славяне и в известной степени *русские крестьяне* до и после освобождения от крепостного права» [5]. Эта мысль Маркса была использована Энгельсом лишь после того, как он при подготовке 4-го издания своей книги ознакомился с работой М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», вышедшей в 1890 году. Очевидно ранее, не располагая достаточным количеством фактов, он счел себя не вправе приводить такой пример.

Разумеется, простое перечисление использованных Энгельсом замечаний Маркса может лишь в слабой степени раскрыть ту роль, которую сыграла работа Маркса

---

[1] *L. Morgan.* «Ancient Society». New-York, 1877, p. 260.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 149.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 250.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 337, 339—340.

[5] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IX, стр. 26.

над произведением Моргана в создании книги Энгельса. Но в то же время было бы совершенно неправильно сводить «Происхождение семьи, частной собственности и государства» только к истолкованию книги Моргана на основе составленного Марксом конспекта. Труд Энгельса представляет собой замечательное самостоятельное исследование, в котором собранные Морганом фактические данные и многие его выводы играют по отношению к некоторым разделам хотя и значительную, но отнюдь не единственную и, во всяком случае, далеко не главную роль. Уже в предисловии к первому изданию своей книги Энгельс отметил, что значительные разделы книги написаны им на основании его собственных исследований, а к другим он добавил очень большое число фактов. Можно без преувеличений сказать, что лишь при описании семейных отношений и родовых учреждений североамериканских индейцев Энгельс опирается в основном на данные Моргана — непревзойденного в то время знатока жизни и быта коренных жителей североамериканского континента. Все же остальные разделы книги содержат либо обширные новые, по сравнению с книгой Моргана, материалы, либо вообще написаны исключительно на основе самостоятельных исследований Энгельса. То же самое относится, разумеется, и к важнейшим выводам, сделанным в работе, не говоря уже о теоретических положениях марксистского учения о классах, государстве и т. д., целиком принадлежащих Энгельсу.

* * *

Первое издание книги Энгельса вышло в свет на немецком языке в Цюрихе в начале октября 1884 года [1], объявление о выходе ее из печати было помещено в газете «Der Sozialdemokrat» от 2 октября. Книга Энгельса сразу же после своего появления подверглась преследованиям со стороны германских властей. Правда, официально она запрещена не была, но ее распространению чинились всяческие препятствия. Так, в ноябре 1884 года в лейпцигской таможне было конфисковано большое

---

[1] *Friedrich Engels.* «Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates. Im Anschluss an Lewis H. Morgan's Forschungen». Hottingen-Zürich, 1884.

число экземпляров книги, направленных туда швейцарским издателем и книготорговцем Шабелицем. И хотя три недели спустя конфискованные книги были возвращены лейпцигскому агенту Шабелица, тот, напуганный всеми этими обстоятельствами, отказался распространять книгу. Все это создавало впечатление, что книга запрещена, и немецкие книготорговцы стали относиться к ней с большой опаской. Мало того, как сообщал Энгельсу один из его корреспондентов, даже из Швейцарии отрицательно отвечали на сделанные там из Германии заказы, мотивируя это тем, что в Германии книга якобы запрещена. В результате долгое время книга распространялась исключительно путем рассылки бандеролей по предварительным заказам [1]. «Это весьма характерно для немецких книготорговцев,— писал по этому поводу Энгельс,— здесь, конечно, ничего нельзя поделать, пока не найдется комиссионер, обладающий достаточной смелостью...» [2]. Впоследствии, правда, эти трудности были преодолены и в ноябре 1885 года социал-демократ Диц, издатель в Штутгарте, сам предложил выпустить второе издание книги. Летом 1886 года книга, таким образом, вышла вторым изданием, а в 1889 году она была издана Дицем в третий раз.

В кругах социалистов различных стран появление новой книги Энгельса было встречено с очень большим интересом. Немецкие социалисты восприняли ее как боевое оружие в повседневной революционной борьбе. Книга вышла из печати в момент избирательной кампании; в конце октября 1884 года предстояли выборы в рейхстаг и социал-демократы проводили огромную, а в условиях действия исключительного закона очень трудную и сложную агитационную работу. И не успела еще книга поступить в продажу, как в газете «Der Socialdemokrat», издававшейся в Цюрихе, 2 октября была помещена выдержка из новой работы Энгельса, раскрывающая сущность всеобщего избирательного права в современном

---

[1] См. письмо Шлютера Энгельсу от 20 января 1885 г. и письмо Хагена Энгельсу от 6 января 1885 г. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4530, 4465).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 454.

буржуазном обществе и узкоклассовый характер буржуазного парламентаризма. В той же газете от 23 октября и 6 ноября 1884 года была помещена обстоятельная рецензия, в которой кратко излагалось содержание работы, а также отмечался ее революционный боевой дух, подчеркивалась роль рабочего класса в уничтожении буржуазного государства и в связи с этим давалась критика некоторых положений анархистов. Еще ранее эта рецензия была помещена в «New Yorker Volkszeitung», а несколько позднее — во «Frankfurter Zeitung». 8 ноября 1884 г. небольшая рецензия на книгу была напечатана в английской газете «Justice», органе Социал-демократической федерации. Автором рецензии был, по-видимому, Гайндман. Весьма характерно, что он всячески пытался умалить значение работы Энгельса, называя ее «резюме книги Моргана» и даже высказывая сожаление по поводу того, что якобы добавления Энгельса и замечания Маркса «перемежаются» с изложением Моргана и что, мол, лучше было бы дать их отдельно, в конце.

Во многих странах сразу же после появления книги возникли планы ее перевода на соответствующие языки. Одними из первых обратились к Энгельсу за разрешением на перевод польские эмигранты, находившиеся в Женеве. Еще до выхода книги из печати, 12 августа, узнав о предстоящем ее издании, Мария Янковская-Мендельсон, жена польского социалиста Станислава Мендельсона из группы «Walka Klas» (она выступала в печати под псевдонимом С. Леонович) в письме к Энгельсу просила его разрешить перевод книги на польский язык[1]. Энгельс дал положительный ответ, обусловив его, однако, тем, чтобы польское издание вышло в свет обязательно после немецкого[2]. Это условие было принято, и в конце 1885 г. в Париже и Лейпциге вышло в свет польское издание «Происхождения семьи, частной собственности и государства» под названием «Начало цивилизации»[3] в переводе ученого Людвига Кшивицкого (под псевдонимом И. Ф. Вольский),

[1] См. письмо С. Леонович Энгельсу от 12 августа 1884 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 4473), а также книгу: *Z. Korman.* «Materjaly do bibliografji». Warszawa, 1935, стр. 332.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 451—452.

[3] *Fr. Engels.* «Początki cywilizacyi». Paryż — Lipsk. 1885.

только что закончившего перевод на польский язык I тома «Капитала». Это было первое издание книги Энгельса на иностранном языке.

Большой интерес к работе Энгельса был проявлен в Италии. В первые же месяцы после ее появления к нему неоднократно обращались различные лица с просьбами разрешить ее перевод на итальянский язык, и в конце октября 1884 г. Энгельс дал такое разрешение итальянскому социалисту Мартиньетти, а впоследствии просмотрел готовый перевод и внес в него ряд исправлений[1]. Книга вышла на итальянском языке в Беневенто в 1885 году[2]. В том же году появился и третий перевод книги — на этот раз в Румынии. Журнал «Contemporanul», выходивший в Яссах, в сентябре 1885 г. начал публиковать перевод «Происхождения семьи, частной собственности и государства» на румынский язык. В роли переводчика выступил румынский ученый, социал-демократ Иоан Нэдежде. Журнал продолжал публикацию работы Энгельса до мая 1886 года. Энгельс сам отредактировал перевод своей книги на датский язык, сделанный датским социалистом Герсоном Триром и вышедший из печати в 1888 году[3]. Наконец, в том же году первое издание «Происхождения семьи, частной собственности и государства» было переведено также на сербский язык и напечатано в журнале «Омладина».

Однако на наиболее распространенные европейские языки первое издание работы Энгельса так и не было переведено. Правда, автор английского перевода книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Келли-Вишневецкая обратилась к нему с предложением перевести на английский язык для издания в США и «Происхождение семьи, частной собственности и государства»[4], однако Энгельс отнесся к этому отрицательно,

[1] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4507, 4508, 4529, 4664; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 519; ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 4490, 4501.

[2] *F. Engels*. «L'origine della famiglia, della proprietà privata e dello stato. Versione riveduta dell'autore, di Pasquale Martignetti». Benevento, 1885.

[3] *F. Engels*. «Familijns, privatejendommens og statens oprindelse». Kjobenhavn, 1888.

[4] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4654, 4663.

считая в тот момент такое издание нецелесообразным. «...Пройдет еще не мало времени,— писал он,— прежде чем американская рабочая *масса* начнет *читать* социалистическую литературу. Что же до тех, кто *читает* и будет читать, то для них найдется достаточно материала, и меньше всего они будут ощущать недостаток в «Происхождении [семьи]»» [1]. Кроме того, Энгельс опасался, что выход книги в США может помешать успешному распространению его английского издания, которое намеревался осуществить Эдуард Эвелинг [2]. Но это намерение так и не было выполнено, и первый перевод «Происхождения семьи, частной собственности и государства» на английский язык был сделан уже с 4-го издания 1891 г. и вышел только в 1902 году в США [3]. Не была доведена до конца в то время и работа по переводу книги Энгельса на французский язык, предпринятая в 1885 г. Полем Лафаргом, который сообщал тогда Энгельсу, что приступил к переводу его труда, но ввиду недостаточного знания языка — не с немецкого оригинала, а с итальянского перевода. «Это ужасно трудно,— жаловался он Энгельсу,— ...но я буду продолжать перевод для своего удовольствия и для практики, а Вы решите, можно ли будет его публиковать» [4]. Но этот перевод остался незаконченным; не было осуществлено и аналогичное намерение французского социалиста Фонтена (переводчика работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») [5]. Французский перевод «Происхождения семьи, частной собственности и государства», сделанный уже с 4-го издания, увидел свет лишь в 1893 г.

Наконец, группа «Освобождение труда» собиралась издать книгу Энгельса на русском языке. Вера Засулич писала об этом Энгельсу немедленно после выхода книги — 5 октября 1884 г., причем переводить книгу намеревалась она сама [6]. Но по причинам, которые пока

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 573.

[2] Там же, стр. 571—572.

[3] *Frederick Engels.* «The Origin of the Family, Private Property and the State». Chicago, 1902.

[4] Correspondance, t. I, Paris, 1956, p. 297.

[5] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4605, 4616, 4643, 4681, 4700.

[6] См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 307.

установить не удалось, замысел этот осуществлен не был, и первые переводы книги Энгельса на русский язык появились лишь в 90-х годах.

* * *

За сравнительно короткий срок, в течение пяти лет, книга Энгельса выдержала на немецком языке три издания, а уже в конце 1890 года издатель Диц и Каутский сообщали Энгельсу о необходимости нового, четвертого издания, поскольку остаток предыдущего тиража был распродан еще в сентябре[1]. Но Энгельс считал, что теперь уже нельзя ограничиваться стереотипным изданием, а необходимо сделать добавления и внести некоторые изменения в книгу на основе новейшей литературы по этому вопросу. В конце 80-х годов и в 1890 году в различных странах появились новые работы по истории семьи, исследования по этнографии и т. д.; все эти достижения науки Энгельс считал необходимым учесть в новом издании. Еще в мае 1890 года он просил Зорге прислать ему из США последнюю книгу Моргана: «Дома и домашняя жизнь американских туземцев»[2]. Но практически к работе он приступил несколько позднее, да и тогда ему удавалось вести ее лишь урывками. В феврале 1891 г. он начал работу вплотную, но уже в марте вынужден был на некоторое время прервать ее в связи с подготовкой предисловий к новым изданиям некоторых работ Маркса и своей брошюры «Развитие социализма от утопии к науке»[3]. Возобновив работу весной, он уже не прерывал ее до окончания приблизительно в июле — августе 1891 года. Предисловие к новому изданию было им завершено несколько раньше, в июне, и под названием «К истории первобытной семьи» было опубликовано в журнале «Neue Zeit»[4], а к концу сентября Энгельс закончил работу и над корректурой книги[5].

В ходе подготовки 4-го издания «Происхождения

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 272; Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky. Wien, 1955, S. 267.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 218.

[3] См. там же, стр. 292, 293—294, 295, 298.

[4] «Die Neue Zeit», № 41, Bd. II, 1891, S. 460—467.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 347—348.

семьи, частной собственности и государства» Энгельс проделал огромный труд. «Я по уши завяз в новом издании «Происхождения семьи и т. д.»,— писал он Зорге в разгаре работы над книгой,— должен был вновь просмотреть всю вышедшую за восемь лет литературу по этому вопросу и квинтэссенцию всего этого использовать в книге, а это не шутка»[1]. Он написал, как уже говорилось, новое предисловие, представляющее не только совершенно самостоятельный историографический очерк, но содержащее и ряд новых выводов. В самой книге он сделал множество добавлений. Вторая глава, посвященная истории семьи, была увеличена более чем вдвое, большие вставки были сделаны в шестой и седьмой главах. Кроме того, очень многие места были по-новому отредактированы и по существу написаны заново[2]. Однако эти вставки и уточнения касались, как правило, лишь отдельных частностей. Изучение всей новой литературы показало Энгельсу, что его важнейшие выводы совершенно правильны.

После выхода в свет нового издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства» эта работа получила еще более широкое распространение. Она была переведена на ряд новых иностранных языков и, таким образом, стала доступной читателям большинства стран европейского континента. В 1891 году она вышла в Праге на чешском языке в качестве приложения к журналу «Sociálni demokrat»[3]. В 1893 г. вышло, наконец, французское издание книги в переводе Анри Равэ, отредактиро-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 319.

[2] Подробный сравнительный анализ 1-го и 4-го изданий «Происхождения семьи, частной собственности и государства» был сделан И. Н. Винниковым в статье, опубликованной в сборнике «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936, стр. 31—194. Из этого анализа видно, что в 4-м издании было внесено:

Стилистических исправлений — 88.

Изменений и незначительных дополнений — 47.

Дополнений, развивающих положения 1-го издания на новом материале,— 20.

Изменений или дополнений принципиального характера — 24.

Исправлений неточностей, описок, опечаток — 20 (см. там же, стр. 32).

[3] «Sociálni demokrat». Praha, 1891.

ванном Лаурой Лафарг [1]; почти одновременно ряд французских социалистических журналов и газет поместил отдельные отрывки из книги, главным образом из ее девятой главы [2]. В том же году книга была переведена на болгарский язык [3], а в 1894 г. в Мадриде вышло ее испанское издание [4].

В 1894 г. книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» появилась и на русском языке. Перевод этой работы, сделанный Н. А. Ивановым, вышел в свет в Петербурге 10 марта тиражом в 1030 экземпляров. В том же году 17 октября было выпущено второе издание книги, на этот раз уже двухтысячным тиражом. Наконец, в июне 1895 г. книга была издана вновь тиражом уже в 3000 экземпляров [5]. Таким образом, только в течение одного года русский читатель получил три издания работы Энгельса (в одном и том же переводе), общим тиражом свыше 6000 экземпляров [6]. Ясно, таким образом, что книга вызвала огромный интерес и пользовалась очень большим для того времени спросом. Это доказывается и тем, что в последующие годы делались неоднократные попытки ее повторного издания, а в 1899 г. такое издание действительно вышло в издательстве Павленкова и в переводе М. П. Иолшина, причем почти одновременно появилось и еще одно издание в переводе Е. И. Бошняк под редакцией Н. Н. Спиридонова, в издательстве Иогансона. Наконец, еще одно издание

[1] *F. Engels*. «L'Origine de la Famille, de la Propriété privée et de l'Etat». Paris, 1893.

[2] См. «Revue Socialiste», t. 18, N 104. Paris, 1893, pp. 253—255; «La Socialiste» N 167, Paris, 2 декабря 1893; «Almanach de la question sociale illustre. Pour 1894». Paris, 1894, pp. 134—136 и др.

[3] *Ф. Енгелс*. «Произход на фамилията, частната собственост и господарство». Сливен, 1893.

[4] *F. Engels*. «Origen de la Familia, de la Propriedad privada y del Estado». Madrid, 1894.

[5] *Ф. Энгельс*. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Спб., 1894.

Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Спб., 1894.

Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Спб., 1895.

[6] См. *А. О. Шлюбский*. «Библиография русских переводов труда Энгельса» «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates» («Советская этнография» № 6, 1934, стр. 180—185).

вышло в Петербурге, также в переводе Иолшина, в 1904 году [1]. Таким образом, в течение десяти лет работа Энгельса выдержала в России шесть изданий, т. е. значительно больше, чем в любой другой стране за пределами Германии. Кстати, это было первое произведение Энгельса, изданное в России с разрешения цензуры и легально продававшееся на книжном рынке. Несомненно, что такому успеху книги Энгельса способствовало то обстоятельство, что именно в эти годы марксизм получил в России широкое распространение, что интерес к марксизму в кругах революционной интеллигенции и среди передовых рабочих был исключительно велик. Ведь работа Энгельса, как об этом свидетельствуют многочисленные мемуары и архивные данные, изучалась в числе других классических произведений марксизма в рабочих кружках Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов [2].

Указанные выше издания книги Энгельса на русский язык не были первыми переводами. Еще в 1890 г. она была переведена (с одного из первых изданий) бывшим петрашевцем И. М. Дебу. Но тогда этот перевод не увидел света. Его удалось издать уже после смерти переводчика, только в период первой русской революции, в 1906 году, когда он вышел даже в двух изданиях [3].

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Спб., 1899.

Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Киев, Харьков, 1899.

Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Спб., 1904.

[2] См. *Н. К. Крупская.* «Воспоминания о Ленине». М., 1957, стр. 14—15;

С. И. Мицкевич. «Революционная Москва». М., 1940, стр. 136;

Е. Д. Стасова. «Страницы жизни и борьбы». М., 1957, стр. 17;

В. Шипулина. «Рабочее движение в г. Иваново-Вознесенске в 80—90-х годах XIX века» («Ученые записки Ивановского Пединститута», т. VII, Иваново, 1955, стр. 67);

К. С. Василенко. «Московский «Рабочий Союз»». М., 1957, стр. 20, 34.

[3] *Ф. Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства (по Моргану)». Спб., 1906; второе издание вышло в Петербурге под тем же заглавием и в том же году. Этот перевод издавался еще дважды — в 1910 и в 1918 г. издательством «Луч» в Петрограде.

Однако первые шесть русских изданий были далеко не полными. Они печатались с большими цензурными купюрами, а 7-е и 8-е, хотя появились и в бесцензурный период, также не могли дать правильного представления о книге, так как переводы были сделаны с 1-го, а не с 4-го немецкого издания. Лишь в 1907 году, т. е. спустя 13 лет после выхода первого русского издания, русский читатель получил, наконец, полный перевод работы Энгельса (сделанный под редакцией М. П. Иолшина с 6-го немецкого издания) без каких-либо пропусков и купюр [1]. Но качество этого перевода, как и предшествующих, было очень низким, перевод изобиловал фактическими ошибками и неточностями. На плохое качество этих переводов указывал В. И. Ленин, который, работая в 1917 г. над своей книгой «Государство и революция», пользовался немецким оригиналом и приводил выдержки из работы Энгельса в собственном переводе [2].

Советские исследователи проделали известную работу по изучению истории русских изданий книги Энгельса, в частности, по вопросу об отношении к ней царской цензуры [3]. Но подробный анализ того, какие именно части работы подверглись запрету цензуры, проделан не был. Между тем, этот анализ представляет определенный интерес. По своим размерам купюры, сделанные царскими цензорами, были не особенно велики, даже в первых грех изданиях, наиболее пострадавших, они занимали примерно 10—11 страниц текста. Но интересен их характер.

В наибольшей степени цензура затронула те места книги, которые, по мнению цензоров, трактовали те или

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Спб., 1907.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 358.

[3] *А. О. Шлюбский.* «Архивные материалы о книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»» («Советская этнография» № 6, 1934, стр. 62—69).

А. Шлюбский. «Книга Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и царская цензура» («Пролетарская революция» № 2, 1940, стр. 230—233).

Д. К. Зеленин. «Русская дореволюционная литература по истории семьи и рода» (в сборнике «Вопросы истории доклассового общества», М. 1936, стр. 913—960).

Публикация документов: «Царская цензура о произведениях Энгельса» («Историк-марксист» № 8—9, 1935, стр. 72—73).

иные факты в особо революционном духе. Так, были устранены почти все те места, в которых говорилось о неизбежности революционного общественного переворота и о будущем обществе. Очень значительным сокращениям подверглись также те разделы книги, в которых шла речь о классовой сущности государства, о государстве как орудии угнетения в руках господствующих классов. Поэтому наибольшие купюры были сделаны в последней главе, особенно в заключительных ее разделах. Были удалены, в частности, почти все, ставшие классическими, определения сущности государства (кстати, именно те, которые неоднократно цитирует В. И. Ленин). Исключены были также многие места книги, в которых содержалась характеристика или хотя бы намек на современное буржуазное общество. Страх царских цензоров вызвали также те места работы, в которых можно было усмотреть нарушение «нравственности» или какое-либо сомнение в твердости «семейных устоев». Цензура постаралась также вычеркнуть даже малейшие намеки на происхождение человека из животного мира, все, что, по мнению цензоров, могло быть истолковано в духе «безбожия». Наконец, из книги были изъяты почти все упоминания даже имени Маркса и особенно упоминания его работ, а также слово «материалистический» и т. д.

Разумеется, никакие ухищрения царских цензоров не могли лишить работу Энгельса ее революционного духа, не могли вытравить ее существо. Но цензура стремилась сделать все, чтобы превратить ее в безобидное академическое сочинение, чтобы максимально исказить ее содержание, что, несомненно, нанесло книге значительный ущерб.

В то же время Россия оставалась единственной страной, исключая Германию, где работа Энгельса получила столь широкое распространение. Об огромном интересе, который вызвало появление работы Энгельса на русском языке свидетельствует большое число ее изданий. Косвенным образом о широкой популярности работы Энгельса говорит и появление большого количества откликов на нее в антимарксистских буржуазных и мелкобуржуазных кругах, представители которых сочли необходимым выступить с критикой книги. В течение 1894—

1895 гг. в различных журналах («Русское богатство», «Русская мысль», «Мир божий», «Этнографическое обозрение») появилось несколько рецензий на книгу. Наиболее активно с рецензированием работы Энгельса выступили народники: в журнале «Русское богатство» было помещено три рецензии, в том числе статья Михайловского. Ясно, что такое внимание к книге Энгельса со стороны Михайловского и его сторонников не было случайным. Их выступления с попытками умалить научное значение работы Энгельса, исказить ее существо являлись частью того похода против быстро распространявшегося марксизма, который вели в 90-х годах эпигоны народничества. Кстати, наиболее отрицательные рецензии на работу Энгельса исходили именно из этих кругов, близких к Михайловскому. Он сам в № 1 «Русского богатства» за 1894 год по существу отрицал всякое самостоятельное научное значение «Происхождения семьи, частной собственности и государства», утверждая, что «экономические материалисты» в лице Энгельса (и Маркса, замечаниями которого Энгельс пользовался) «примкнули к исследованиям Моргана». Он, а в еще большей степени другой автор рецензии в том же журнале, № 1 за 1895 г., некто Зак, пытались всемерно опорочить труд Энгельса и даже, основываясь на некоторых его положениях, трактуя их вкривь и вкось, найти новые аргументы для опровержения марксизма, фальсификаторски выдаваемого ими за «экономический материализм». В работе Ленина «Что такое «друзья народа»» был дан сокрушительный отпор этим попыткам. Известный вклад в разоблачение народнических фальсификаторов внес также Плеханов.

В более объективном и сдержанном тоне выступали некоторые другие журналы либерального направления, хотя и здесь рецензенты, признавая литературные достоинства книги, оспаривали ее самостоятельность. Одни прямо называли Энгельса «не столько самостоятельным исследователем, сколько «популяризатором теории Моргана»» [1], другие говорили, что Энгельс «излагает главным образом теорию Моргана, местами, впрочем, изменяя ее» [2], третьи утверждали, что «едва ли Энгельс

[1] «Этнографическое обозрение» № 2, 1894, стр. 182.
[2] «Русская мысль» № XI, 1894, стр. 549.

сделал... какой-либо вклад в сокровищницу науки, если не считать некоторых оригинальных и остроумных гипотез»[1]. В общем, все эти рецензии в той или иной степени стремились умалить, принизить значение работы Энгельса, изобразив ее не то как талантливую компиляцию, не то как простое изложение сочинения Моргана. Характерно при этом, что почти все рецензенты касались исключительно той части книги Энгельса, которая посвящена истории семьи, все же прочие вопросы и — самое главное — вопрос о происхождении государства ими совершенно обходились. Буржуазные рецензенты не могли и не желали понять всей глубины сделанных Энгельсом выводов о неизбежности ликвидации всякого государства, в критике современного буржуазного государства они видели лишь наносящее ущерб научности выводов увлечение «полемической целью»[2]. Рецензенты пытались создать у читателей впечатление, будто бы книга Энгельса рассматривает только вопросы истории семейных отношений, да и то в основном излагая воззрения Моргана.

Но подобного рода рецензии не могли ни сократить интерес к работе Энгельса в России, ни, тем более, помешать тому огромному влиянию, которое оказала она на воспитание русских марксистов-революционеров. Недаром даже рецензент «Русского богатства» вынужден был признать в 1899 г., через пять лет после выхода первого русского издания книги, что «книжка эта пользуется в широкой публике громадным и вполне заслуженным успехом»[3].

Широчайшее распространение получила работа Энгельса во всем мире после победы Октябрьской социалистической революции, положившей начало претворению в жизнь великих идей марксизма-ленинизма. По данным Всесоюзной книжной палаты, только в СССР работа Энгельса с октября 1917 г. по май 1961 г. выдержала 81 издание на 28 языках, общим тиражом в 3 млн. 348 тыс. экземпляров.

---

[1] «Русское богатство» № 5, 1899, отдел II, стр. 74.
[2] «Жизнь» № VI, 1899, стр. 411.
[3] «Русское богатство» № 5, 1899, отдел II, стр. 74.

И. Г. КАЗЬМИНА

РАБОТА ЭНГЕЛЬСА НАД ПОДГОТОВКОЙ К ИЗДАНИЮ ТРЕТЬЕГО ТОМА «КАПИТАЛА» МАРКСА

«Капитал» — главное произведение К. Маркса, в котором проанализированы законы возникновения и развития капиталистического способа производства, научно доказана неизбежность гибели капитализма. Первый том «Капитала» посвящен выяснению природы (сущности) непосредственно капиталистического производства. В действительности непосредственный процесс производства дополняется процессом обращения, который является предметом исследования во втором томе «Капитала». В третьем томе «Капитала» Маркс рассматривает процесс капиталистического производства, взятый в целом. Он раскрывает конкретные формы, возникающие из процесса движения всего капитала, и показывает, как эти формы выступают на поверхности капиталистического общества, показывает, в частности, механизм распределения прибавочной стоимости в форме прибыли, процента и земельной ренты.

Исследование капитализма как особой экономической формации Маркс начинает в первом томе «Капитала» и завершает в третьем.

«Капитал» — дело всей жизни Маркса. Начиная с 1843 года все занятия политической экономией имели отношение к работе Маркса над «Капиталом». Уже в монографии 1857—1858 гг., написанной Марксом «не для печати, а для уяснения вопросов самому себе» [1], рассматриваются все основные проблемы «Капитала».

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 5.

В монографии 1857—1858 гг.[1] исследуются такие проблемы III тома «Капитала», как превращение прибавочной стоимости в прибыль, торговый и ссудный капитал. Правда, эти вопросы рассматриваются в ней мимоходом, главным образом для лучшего выяснения сущности промышленного капитала. Для III тома у Маркса здесь только еще намечается план в самой общей форме.

За период с августа 1861 по июнь 1863 г. Маркс подготовил обширную рукопись, которая первоначально была задумана как непосредственное продолжение первого выпуска «К критике политической экономии», изданного в 1859 году в Берлине.

В рукописи 1861—1863 гг., состоящей из 23 тетрадей (со сквозной нумерацией страниц от 1 до 1472), общим объемом около 200 печатных листов (так называемая «большая серия» тетрадей)[2] рассматриваются или затрагиваются проблемы всех четырех томов «Капитала». Однако внутренняя структура всего «Капитала» и здесь еще четко не определена. В первых пяти тетрадях и отчасти в тетрадях XIX—XXIII изложены проблемы первого тома «Капитала». Историко-критическая часть исследования Маркса занимает тетради от VI по XV и тетрадь XVIII, ряд отдельных исторических очерков содержится в тетрадях XX—XXIII; эта часть исследования Маркса составляет содержание «Теорий прибавочной стоимости», т. е. IV тома «Капитала»[3]. Вопросы, относящиеся к содержанию II тома «Капитала», специально в этой рукописи не рассматриваются, однако, в ряде тетрадей в связи с историко-критическим анализом теорий прибавочной стоимости буржуазных экономистов Маркс касается проблем II тома «Капитала». Так, в VI и VII тетрадях рукописи 1861—1863 гг. Маркс в связи с критикой так называемой «догмы Смита» формулирует исход-

---

[1] Опубликована Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1939 г. на языке оригинала под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie».

[2] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1647—1670.

[3] См. *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)», часть I, 1954; часть II, 1957; часть III, 1961.

ные положения своей теории воспроизводства, подробно разработанной впоследствии во II томе «Капитала».

Тетради XVI и XVII, отчасти также тетради XV и XVIII посвящены проблемам III тома «Капитала». В начале XVI тетради Маркс исследует превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли (страницы 973—979, пункты 1—5), затем Маркс подробно анализирует категорию издержек производства и стоимости товаров, а также превращение прибыли в среднюю прибыль (страницы 979—999, пункт 6). В конце этой тетради Маркс рассматривает важнейший вопрос всего раздела «Всеобщий закон падения нормы прибыли с прогрессом капиталистического производства» (страница 999—1021, пункт 7) и заканчивает его в начале следующей XVII тетради (страницы 1022—1028) [1]. Это исследование Маркса составляет важный этап в разработке им основных проблем III тома «Капитала» и явилось основой для написания первых трех отделов III тома «Капитала» в рукописи 1865 года.

В XVII тетради и отчасти в XV и XVIII тетрадях Маркс исследует торговый капитал как самостоятельно функционирующий вид капитала, обособившийся от промышленного, а также торговую прибыль как часть прибавочной стоимости, созданной промышленными рабочими. Позднее этот материал в значительной степени был использован в рукописи 1865 года при написании четвертого отдела III тома «Капитала».

В связи с историко-критическим исследованием теорий буржуазных экономистов, Маркс создает свою собственную теорию дифференциальной и абсолютной земельной ренты (тетради X—XIII), а также теорию кризисов.

Таким образом в этой рукописи довольно подробно исследованы проблемы, относящиеся к содержанию I и III томов «Капитала». Это объясняется тем, что Маркс, исследуя прибавочную стоимость в общей форме, одновременно анализирует процесс образования особых ее форм. Именно поэтому написание III тома «Капитала»

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1662, 1663.

в предварительном варианте предшествовало написанию II тома. Но при окончательном изложении Маркс шел от производства к обращению и распределению, т. е. в первой книге им исследуется процесс образования прибавочной стоимости в общей форме, во второй — процесс обращения капитала, и только в третьей — процессы образования особых форм прибавочной стоимости: прибыли, процента, ренты.

В этой же рукописи имеются наброски подробного плана III тома, составленные Марксом в январе 1863 года. Эти наброски были обнаружены в XVIII тетради рукописи 1861—1863 годов в тексте глав о Шербюлье и Ричарде Джонсе под названием «План III части или III отдела «Капитала»». Маркс назвал тогда этот отдел «Капитал и прибыль» и подразделил его на следующие главы:

«1) Превращение прибавочной стоимости в прибыль. Норма прибыли в ее отличии от нормы прибавочной стоимости.

2) Превращение прибыли в среднюю прибыль. Образование общей нормы прибыли. Превращение стоимостей в цены производства.

3) Теории прибыли и цен производства у А. Смита и Рикардо.

4) Земельная рента. (Иллюстрация различия между стоимостью и ценой производства.)

5) История так называемого рикардовского закона земельной ренты.

6) Закон понижения нормы прибыли. А. Смит, Рикардо, Кэри.

7) Теории прибыли. (Вопрос, не следует ли включить Сисмонди и Мальтуса уже в «Теории прибавочной стоимости».)

8) Распадение прибыли на промышленную прибыль и процент. Торговый капитал. Денежный капитал.

9) Доход и его источники. Сюда же включить и вопрос об отношении между процессом производства и процессом распределения.

10) Движения обратного притока денег в совокупном процессе капиталистического производства.

11) Вульгарная политическая экономия.

12) Заключение. Капитал и наемный труд»[1].

Таким образом, в этом плане наряду с вопросами, составившими впоследствии содержание III тома «Капитала», рассматриваются также проблемы, составившие содержание «Теорий прибавочной стоимости» (IV тома «Капитала»). Согласно этому плану, Маркс предполагал дать специальную историческую главу о теориях прибыли, главу об истории так называемого рикардовского закона земельной ренты, т. е. распределить историко-критический материал по теоретическим отделам своего исследования. В ходе дальнейшей работы Маркс пришел к выводу о необходимости четырехчленного строения «Капитала». Об этом Маркс сообщает Кугельману 13 октября 1866 года. «Вся работа,— пишет он,— распадается на следующие части: *Книга I) Процесс производства капитала. Книга II) Процесс обращения капитала. Книга III) Формы и виды всего процесса в целом. Книга IV) К истории теории»*[2]. Историко-критическая часть труда выделялась, таким образом, в особую книгу или том.

Что касается рассмотрения проблем третьей книги (тома) «Капитала» в «Плане III части или III отдела «Капитала»», то Маркс намеревался дать анализ земельной ренты раньше анализа закона тенденции нормы прибыли к понижению, торговой прибыли и ссудного процента, т. е. раньше III, IV и V отделов окончательного варианта III тома «Капитала». В дальнейшем Маркс отказался от этого предварительного плана порядка рассмотрения проблемы земельной ренты, поскольку сначала необходимо было проанализировать процесс распределения прибавочной стоимости в пределах класса промышленных, торговых и денежных капиталистов, а затем уже перейти к анализу превращения добавочной прибыли в земельную ренту, к распределению прибавочной стоимости между капиталистами и земельными собственниками. В остальном в рукописи III книги, написанной в 1865 г., Маркс более или менее придерживался своего предварительного плана.

---

[1] *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)», часть I, 1954, стр. 400.

[2] *К. Маркс* и *Ф Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 109.

С августа 1863 до конца 1865 г. Маркс создал новый комплекс рукописей, который является первым детально разработанным вариантом трех томов «Капитала». Начиная работать над этими рукописями, Маркс считал, что скоро их окончит и подготовит к печати. Так, в письме к Клингсу 4 октября 1864 года Маркс пишет: «Весь последний год я болел (мучили карбункулы и фурункулы). Если бы не это, то моя работа по политической экономии — «Капитал» — уже вышла бы. Надеюсь, что через пару месяцев я ее, наконец, закончу и нанесу буржуазии в области теории удар, от которого она никогда не оправится» [1]. Однако в результате основания I Интернационала, а также вследствие болезни Маркса работа над «Капиталом» в значительной степени затянулась.

Над рукописью III тома «Капитала» Маркс работал с января 1865 по 1 января 1866 года. Датировка написания этой рукописи установлена на основании следующих данных:

Во-первых, во многих местах этой рукописи Маркс ссылается на рукописи I тома (например, на стр. 37, 44, 454, 549, 571) и II тома «Капитала» (например, на стр. 1 Маркс дает ссылку на главу IV книги II). Таким образом, рукопись III тома была завершена Марксом после рукописей I и II томов.

Во-вторых, Маркс на стр. 133 рукописи III тома дает обзор литературы за период 1861—1864 годов; на стр. 134— цитирует отчет от 30 апреля 1864 года; на стр. 404 Маркс пишет: «Теперь» и далее следует — «11 октября 1865 года»; на 414 стр. он цитирует речь профессора Фаусетта от 12 октября 1865 года; на стр. 415—416 — речь Брайта от 14 декабря 1865 года. Все это свидетельствует о том, что именно в 1865 году, после завершения работы над рукописями I и II томов, Маркс закончил рукопись III тома.

13 февраля 1866 года Маркс сообщал Энгельсу:

«Что касается этой «проклятой» книги, то дело обстоит так: она была *готова* в конце декабря. Только трактат о земельной ренте, предпоследняя глава, составит в теперешнем виде чуть ли не целую книгу. Днем я ходил

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 103.

в Музей, а по ночам писал. Новая земледельческая химия в Германии, специально Либих и Шенбейн, которые для этого дела важнее, чем все экономисты, вместе взятые; с другой стороны — огромный материал, собранный французами со времени моих последних занятий этим предметом,— все это я должен был проштудировать, работая как вол» [1]. Закончив работу над рукописью всех трех томов «Капитала», Маркс приступил к окончательной обработке для сдачи в набор I тома «Капитала», который вышел в сентябре 1867 года.

При жизни Маркса увидел свет только I том «Капитала». Исключительная научная добросовестность, постоянная неудовлетворенность сделанным заставляли Маркса искать все новых и новых подтверждений для уже выясненных теоретических положений. Много времени и сил Маркс отдавал революционной организаторской деятельности. Но вместе с тем развивалась тяжелая болезнь, подрывавшая его здоровье и работоспособность, и Маркс не смог сам доработать и выпустить в свет остальные три тома «Капитала». Завещая перед смертью свои экономические рукописи Энгельсу, Маркс просил его «что-нибудь сделать» из них.

Энгельс имел намерение выпустить все оставшиеся неопубликованными тома «Капитала», но при его жизни вышли только II и III тома. Смерть помешала Энгельсу выпустить IV том «Капитала», представляющий его историко-критическую часть — «Теории прибавочной стоимости» [2].

Вскоре после смерти Маркса Энгельс в письме к Лаврову от 2 апреля 1883 г. сообщает: «Я нашел рукопись «Обращение капитала» и из третьей книги — «Весь процесс, взятый в целом», около 1000 страниц in folio» [3].

Найденная рукопись III тома «Капитала», написанная в 1865 году, была положена Энгельсом в основу издания третьего тома «Капитала» в его нынешнем виде.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 108.

[2] В письме к С. Бауэру от 10 апреля 1895 г. Энгельс сообщал о своем намерении издать «Теории прибавочной стоимости» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 312).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 300.

На рукописи III тома «Капитала» рукой Энгельса написано: «Манускрипт I». Кроме основной рукописи, Энгельс обнаружил также несколько вариантов начала первой главы III тома «Капитала» и небольшие заметки, относящиеся к отдельным проблемам этого тома.

Первый из вариантов первой главы III тома «Капитала» был озаглавлен Марксом следующим образом:

«Глава I. Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли. [В издании Энгельса это соответствует первому отделу III тома «Капитала».— *И. К.*] Издержки производства и прибыль. [Первая глава первого отдела III тома «Капитала».— *И. К.*]». Энгельс этот вариант обозначил «Манускрипт II». Вероятно, это была первая попытка разработки начала первой главы III тома «Капитала» на основе главной рукописи. Написана она, по-видимому, в 1867 году или даже позже, так как Маркс в тексте этой рукописи ссылается на уже изданный I том «Капитала» [1]. Второй вариант начала первой главы III тома «Капитала» помечен Энгельсом «Манускрипт III»; это — переработка первого варианта. В тексте этой рукописи также имеются ссылки на вышедший в свет первый том «Капитала». Видимо, она написана несколько позднее, однако не позднее 1871 года.

Эти два варианта и были использованы Энгельсом для редактирования первой главы III тома «Капитала».

III и IV варианты — это попытки Маркса отделать начисто начало первой главы тома. На них стоят пометки Энгельса: «не использованы». Написание этих вариантов относится также приблизительно к периоду с сентября 1867 и до ноября 1871 года [2].

Помимо этих рукописей Энгельс обнаружил и другие материалы, относящиеся к более позднему времени работы Маркса над III томом «Капитала». Им была найдена целая тетрадь математических расчетов отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли. Кроме того, наряду с заметками об аграрных отношениях и о положении в сельском хозяйстве Соеди-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1806, листы 1, 2, 4, 6, 7.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1806.

ненных Штатов Америки[1], Энгельс обнаружил огромное количество материалов и выписок из книг о России, в частности, по проблеме земельной ренты, так как по замыслу Маркса, в исследовании земельной ренты Россия должна была играть первостепенную роль. Поэтому Маркс в 70-х годах в течение нескольких лет специально изучал в подлинниках русские статистические исследования, сборники материалов, монографии и исследования о пореформенном социально-экономическом развитии России, делая пометки, выписки и замечания.

Так, в 70—80-х годах он подробно изучил: «Труды податной комиссии», присланные из России Даниельсоном, книги Гакстгаузена «Об аграрных отношениях в России», Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государств», Неручева «Русское землевладение и земледелие». Он сделал подробные выписки и записи из книги Энгельгардта «Химические основы земледелия», из работы Чичерина «Русский дилетантизм и общинное землевладение» и из других работ по сельскому хозяйству.

Среди огромной массы материалов и тетрадей с выписками Энгельс нашел также небольшое отдельное исследование Маркса «Дифференциальная рента и рента как всего лишь процент на капитал, вложенный в землю», написанное в середине февраля 1876 года. Энгельс включил его в текст 44 главы — «Дифференциальная рента и с наихудшей из возделываемых земель» — III тома «Капитала».

Энгельс нашел также множество заметок, относящихся к денежному капиталу, кредиту, бумажным деньгам как орудию кредита, истории торговли, денежному рынку. В 60—80-е годы Маркс изучил огромную литературу по вопросам кредита и банковского обращения, главным образом работы итальянских, немецких, русских и американских авторов. Он сделал, например, многочисленные выписки из книг Дж. Л. Фостера, Ф. Э. Феллера и К. Г. Одермана, из английских журналов «Money Market Review» и «The Economist». Из работ русских эко-

---

[1] Маркс в ноябре 1869 г. изучает теорию земельной ренты американского вульгарного экономиста Кэри по его работе «Принципы социальной науки».

номистов он подробно законспектировал книги Патлаевского «Денежный рынок в России от 1700 до 1762 года» и Кауфмана «Теория и практика банкового дела», т. I, 1873, «Кредит, банки и денежное обращение», т. II, 1877, а также прочел, сделав пометки, книгу К. Кипса «Деньги, изложение основного учения о деньгах». До самой смерти Маркс продолжал заниматься изучением проблематики третьего тома «Капитала».

Как только была отослана издателю последняя часть рукописи II тома, Энгельс сразу же принялся за расшифровку основной рукописи III тома «Капитала». В письме к Шлютеру от 22 февраля 1885 г. он сообщает: «Последняя часть рукописи II книги «Капитала» будет завтра отослана, а послезавтра я принимаюсь за III книгу»[1]. С этого времени и почти до конца своей жизни Энгельс работал над подготовкой и изданием рукописи III тома «Капитала».

Едва приступив к переписке рукописи в конце февраля 1885 г., Энгельс уже 8 марта в письме к Лауре Лафарг, впервые опубликованном в издании переписки Энгельса с Полем и Лаурой Лафарг, вышедшем в 1956 г. в Париже, дает следующую характеристику истории написания и содержания рукописи III тома «Капитала»: «Третья книга «Капитала» становится все более и более величественной по мере того, как я в нее углубляюсь, а я (совершенно пропустив около 70 страниц, более или менее замененных позднейшей рукописью) нахожусь только на 230 странице из 525. Почти непостижимо, как это человек, державший в голове такие громадные открытия, которые означали такой полный и совершенный переворот в науке, мог 20 лет оставлять их при себе. Ибо рукопись, над которой я работаю, написана либо раньше первого тома, либо одновременно с ним; и основная часть ее заключена уже в старой рукописи 1860—1862 годов[2]. Дело в том, что, во-первых, сложность второй книги (написанной в последнюю очередь и просмотренной лишь после 1870 г.) поглощала все его внимание, ибо естественно требовалось опубликовать все три книги одну за

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 454.

[2] Энгельс имеет в виду рукопись 1861—1863 гг. (так называемую «большую серию»).

другой, а кроме того, собранный им русский и американский материалы для теории земельной ренты потребовали бы переработки старой рукописи и возможно почти удвоили бы ее размер»[1].

В письме к Бебелю от 4 апреля 1885 г., сообщая о том, что он продолжает работать над подготовкой III книги, Энгельс пишет: «Она превосходна, блестяща. Это поистине неслыханная ломка старой экономической науки. Лишь теперь наша теория приобретает несокрушимый фундамент, и мы получаем возможность победоносно бороться с любым врагом»[2].

В других письмах Энгельс также неоднократно подчеркивал, что третья книга очень важна, что своим появлением она произведет впечатление громового удара. Оценивая исключительно высоко теоретическое содержание III тома и учитывая то обстоятельство, что после выхода первого тома прошло много времени и в буржуазной и мелкобуржуазной литературе поднялась мутная волна критики с целью «опровергнуть» и «развенчать» основные положения и выводы I тома «Капитала», Энгельс прилагал все силы для того, чтобы III том «Капитала» был издан как можно скорее, причем особенное значение он придавал точному воспроизведению текста Маркса[3].

Начиная работать над рукописью III тома «Капитала», Энгельс считал, что кроме некоторых очень важных отделов подготовка к изданию этого тома представит только технические затруднения. При жизни Маркса Энгельс не знал, что написано Марксом для III тома «Капитала». При детальном знакомстве с рукописью оказалось, что она содержит очень много пробелов в изложении, что отдельные части ее значительно отличались друг от друга степенью обработки материала. Так, в на-

---

[1] *F. Engels, P.* et *L. Lafargue.* «Correspondance», tome I, Paris, 1956, p. 273—274.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 459.

[3] В письме к Лаврову относительно издания II и III томов «Капитала» Энгельс писал: «Больше всего забочусь я о том, чтобы книга вышла как можно скорее, и затем особенно важно, чтобы то, что я издаю, было настоящим произведением *Маркса*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 349).

чале исследования почти каждой проблемы материал был довольно тщательно обработан, но затем примешивались многочисленные отступления и дополнения по поводу вопросов, рассмотренных в предыдущих главах или возникших в ходе исследования. Характеризуя состояние рукописи, Энгельс писал, что она представляет собой в известной мере лишь первый набросок, написанный с частыми перерывами и оставленный в незаконченном виде, что «во многих местах почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов болезни, которые сначала все более и более мешали автору в его самостоятельной работе и, наконец, по временам делали ее совершенно невозможной» [1]. Следовательно, Энгельсу предстояло преодолеть немалые трудности.

Первая трудность, с которой столкнулся Энгельс при работе над рукописью, был неразборчивый почерк Маркса. Энгельс понимал, что он единственный из оставшихся в живых, кто в состоянии быстро расшифровать почерк Маркса и обычные для него сокращения отдельных слов и целых фраз. Поэтому Энгельс решил переписать рукопись и переписать ее как можно скорее, чтобы при всех обстоятельствах ее могли прочесть другие. С конца февраля 1885 г. Энгельс приступил к расшифровке рукописи. 22 июня 1885 г. в письме к Бебелю он сообщал, что в главной своей части рукопись продиктована переписчику с разборчивым почерком и что через пять-шесть недель он закончит эту первую стадию работы [2]. Однако при диктовке Энгельс стремился сразу отредактировать те или иные положения, что, естественно, замедляло переписку рукописи. В ноябре 1885 г. Энгельс закончил первоначальную работу по переписке оригинала начисто. Переписка оригинала не была чисто технической работой. Правильная расшифровка рукописей Маркса требовала не только умения прочесть неразборчивый почерк и частые сокращения, но и во многих случаях по общему ходу мысли правильно понять и раскрыть конкретное содержание отдельных мест и теоретических

---

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 3.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 478.

положений. Это была напряженная творческая работа, выполнить которую за короткое время мог только ближайший друг и соратник Маркса.

Но расшифровка рукописи была лишь частью работы. Необходимо было проделать самую трудную и сложную ее часть — редактирование самого текста. При подготовке рукописи к печати перед Энгельсом стояла задача, во-первых, подготовить по возможности более аутентичный текст, т. е. передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами; во-вторых, поскольку третий том представлял собой блестящее завершение марксова анализа и критики капиталистического строя, Энгельс считал себя обязанным выпустить его в таком виде, в котором вся цепь аргументов Маркса выступала бы совершенно ясно и выпукло. Энгельс относился с величайшей бережностью к оставленным Марксом рукописям, и это делало его задачу особенно трудной. «Не мало труда придется положить,— писал он Беккеру,— имея дело с рукописями такого человека как Маркс, у которого каждое слово на вес золота»[1].

В ходе редакции Энгельс провел огромную работу над планом и внутренней структурой III тома «Капитала».

Работая над текстом рукописи 1865 г., Энгельс значительно изменил внутреннее построение книги. Рукопись Маркса состояла из 7 глав, не разделенных на разделы и параграфы, что чрезвычайно затрудняло чтение и изучение материала книги объемом около 70 печатных листов. Энгельс, взяв за основу марксово деление на главы, разбил весь том на 7 отделов.

В Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС имеется первоначальная запись схемы семи отделов III тома «Капитала», сделанная Энгельсом на основании рукописи 1865 года[2]. Эта схема такова:

«1. Норма прибыли вообще.
2. Средняя норма прибыли.
3. Тенденция нормы прибыли к понижению.
4. Превращение товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый капитал.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 316.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 4587.

5. Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий процент. Кредит.
6. Превращение добавочной прибыли в земельную ренту.
7. Доходы: прибыль, земельная рента, заработная плата».

Установив таким образом деление тома на основные отделы, Энгельс, далее, каждый отдел разбил на главы. В делении на главы Энгельс исходил из содержания самого текста. В отдельных случаях для определения содержания и названия глав Энгельс использовал выделенные и озаглавленные самим Марксом большие пункты исследования. Но в главной и подавляющей части разбивка на главы и название глав принадлежит Энгельсу. Исходя из содержания текста рукописи, Энгельс разбил весь том на 52 главы, а многие из этих глав — на параграфы.

Так, например, 15 глава, названная Энгельсом «Развитие внутренних противоречий закона», им же была тематически расчленена на отдельные параграфы, причем материал главы был перегруппирован. Часть текста рукописи 15 главы Энгельс перенес в 13-ю главу, которая дает общую характеристику закона тенденции нормы прибыли к понижению, закона как такового. Этой главой и начинается весь отдел. В первом параграфе 15-й главы, названном Энгельсом «Общие замечания», подводится итог исследованию в предыдущих двух главах и дается наиболее общая характеристика противоречий капиталистического способа производства. Во втором и третьем параграфах Энгельс конкретно выделяет противоречия закона тенденций нормы прибыли к понижению и формулирует их как «Конфликт между расширением производства и увеличением стоимости» и как «Избыток капитала при избытке населения». В последнем, четвертом параграфе этой главы («Добавления») Энгельс группирует дополнительный материал к уже развитым в предыдущих параграфах основным положениям. Текст этого параграфа Энгельс составил из различных отрывочных записей Маркса, расположив их в логической последовательности.

Таким образом, разграничив отдельные стадии анализа противоречий капиталистического способа производства, Энгельс придал самому изложению строгую последовательность, благодаря чему исследование проблемы противоречий закона тенденций нормы прибыли к понижению стало более четким, ясным и выпуклым.

У Маркса имелось большое количество выписок из парламентских отчетов о кризисах 1847 и 1857 гг., в которых отражены взгляды промышленников и экономистов того времени на деньги и капитал; из них Энгельс отобрал наиболее важные и сгруппировал их в небольшую, но очень интересную, 27-ю главу под названием: «Роль кредита в капиталистическом обществе». В теоретическом отношении эта глава очень важна. В ней Маркс, в частности, дает глубокую характеристику двойственного характера кредитной системы, показывает, что кредит, с одной стороны, способствует развитию капиталистического способа производства, являясь могучим фактором концентрации и накопления капитала; с другой стороны, будучи формой общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, кредит образует одно из условий возникновения и развития нового способа производства. Здесь же Маркс подчеркивает также и двоякую роль акционерного капитала в капиталистическом обществе. Акционерные общества, являясь результатом высокого развития капиталистического способа производства, в то же время представляют собой «необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность» [1].

Энгельсом составлена и озаглавлена также 20-я глава тома «Из истории купеческого капитала». Текст этой главы Энгельс собрал из отдельных положений Маркса, относящихся к истории купеческого капитала и развитых в других главах. Эта глава представляет большой научный интерес. Купеческий капитал исследуется в ней как самостоятельная форма капитала, существовавшая до

---

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 450.

капиталистического способа производства. Развивая важное положение, что именно у купца товар и деньги впервые выступают как капитал и что впервые капитал выступает как таковой именно в процессе обращения, Маркс выясняет здесь различие между купеческим капиталом в докапиталистических формациях и тем купеческим капиталом, который при капитализме стал капиталом с особой функцией. Различие в способах производства определяет различия типов купеческого капитала, функционирующего в разные эпохи.

Энгельс не только тематически выделил и озаглавил большую часть текста рукописи Маркса, но и в значительной степени изменил редакцию имевшихся у Маркса заглавий глав и пунктов (отделов и глав — в редакции Энгельса).

Важно обратить внимание, далее, на следующее. Чтобы сделать из рукописи Маркса «связное и по возможности законченное произведение», Энгельсу пришлось значительно изменить порядок рассмотрения проблем, так как сам Маркс работу по окончательному расположению материала откладывал до более позднего времени. Это относится, прежде всего, к работе Энгельса над первым отделом III тома «Капитала».

В рукописи Маркса название первой главы гласит: «Превращение прибавочной стоимости в прибыль». Энгельс, используя варианты начала этой главы и главную рукопись 1865 г., выделил эту главу в первый отдел и озаглавил его так: «Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли». Это заглавие более точно соответствует содержанию первого отдела тома. Кроме того, рукопись Маркса начиналась с математических вычислений отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли. Очевидно, однако, что сначала необходимо было выяснить, каким образом прибавочная стоимость превращается в прибыль, а норма прибавочной стоимости — в норму прибыли, т. е. раскрыть сущность стоимости в тех ее формах, в которых она выступает на поверхности капиталистического общества. А на поверхности капиталистического общества стоимость товаров выступает как издержки производства плюс средняя

прибыль. Поэтому Энгельс из отдельных заметок и положений Маркса, рассеянных по разным частям рукописи, составил первую главу, назвав ее «Издержки производства и прибыль». Поскольку же эти отдельные заметки и положения не были разработаны с надлежащей связностью, Энгельс внес собственные фразы и целые абзацы для полноты и стройности изложения и разъяснения мысли Маркса. Значение этого аспекта работы Энгельса особенно велико, поскольку часто важные положения были изложены в рукописи Маркса лишь отрывочно или в форме чернового наброска.

Энгельс далее выделил и озаглавил текст второй главы. Третья глава в ее теперешнем виде также составлена Энгельсом. Для этой главы, как уже отмечалось, в начале основной рукописи имелись неоконченные математические вычисления Маркса, а также отдельная тетрадь, содержавшая уравнения для вычисления отношения нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. Для того чтобы сформулировать на их основе четкие экономические выводы, эти математические вычисления нуждались в предварительной обработке со стороны специалиста-математика. По просьбе Энгельса с этим успешно справился его друг Самюэл Мур, и Энгельс использовал полученные результаты в изложении третьей главы.

Относительно четвертой главы — «Влияние оборота на норму прибыли» — в рукописи у Маркса было только одно замечание: «Этот фактор [оборот капитала.— *И. К.*] мы оставили пока в стороне, потому что его влияние на норму прибыли исследуется особо в одной из последующих глав». Вероятно Маркс предполагал написать эту главу впоследствии, но так и не успел написать. В связи с этим Энгельс в предисловии к третьему тому сообщает: «Из главы четвертой имелось только заглавие. Но так как рассматриваемый здесь пункт — влияние оборота на норму прибыли — имеет решающее важное значение, то я обработал его сам» [1]. В точном соответствии с теорией Маркса Энгельс показывает, что скорость оборота капитала оказывает прямое влияние на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли. В этой же

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 4.

главе, учитывая влияние оборота капитала, Энгельс конкретизирует формулу нормы прибыли, данную Марксом в третьей главе тома.

О значительности и характере вклада Энгельса в подготовку к печати первого отдела книги свидетельствует и сам Энгельс. В письме к Лауре Лафарг от 24 ноября 1888 г. он сообщает: «Я был занят очень важным разделом III книги, который мне пришлось весь переписать заново; материалы, оставленные Мавром,— это все черновики, а поскольку раздел этот математический, он потребовал большого внимания»[1]. В письме к Зорге от 15 декабря 1888 г. Энгельс признавался: «III том стоит мне большего труда, чем я предполагал. Одну главу я совершенно должен был переработать [речь идет о первой главе.— *И. К.*], другую, в которой было одно лишь заглавие, мне приходится писать самому»[2].

Приступив к работе непосредственно над текстом первого отдела III тома с начала октября 1888 г., Энгельс закончил редактирование его в январе 1889 года. В письме к Конраду Шмидту от 11 января 1889 г. Энгельс пишет: «Что касается III тома, то 1-й раздел (из семи) готов к печати»[3]. Таким образом, работа над подготовкой первого отдела тома заняла у Энгельса свыше 3 месяцев.

Но самые большие трудности возникли у Энгельса при работе над текстом пятого отдела, в котором рассматриваются наиболее сложные проблемы III тома. Причину, обусловившую эти трудности, Энгельс объясняет в своем предисловии к тому: «И как раз здесь во время работы застиг Маркса один из упомянутых тяжких приступов болезни. Следовательно, это — не готовый набросок и даже не схема, очертания которой пришлось бы заполнить, а лишь самое начало работы, которое нередко представляет собою неупорядоченную кучу записей, заметок, материалов в форме выписок»[4].

Энгельс трижды перерабатывал этот отдел так, чтобы он в известной мере представлял собой то, что намере-

[1] *F. Engels, P.* et *L. Lafargue.* «Correspondance», tome II, Paris, 1956, p. 178—179.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 63.

[3] Там же, стр. 70.

[4] *К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 4.

вался дать автор. Больше всего Энгельс стремился не допустить, чтобы в результате получилось нечто такое, что значительно выходило бы за рамки текста самого Маркса. Поэтому при окончательной обработке этого отдела Энгельс проявил величайшую осторожность и в основном ограничился упорядочением материала. В первых главах отдела, тщательно изучив фактический материал, Энгельс отделил один вопрос от другого и расположил их в такой последовательности, в какой они внутренне между собой связаны. Начиная с XXX главы, Энгельсу пришлось приводить в порядок не только фактический материал, но и само изложение, которое часто прерывалось отступлениями, исследованием других вопросов и затем получало развитие совершенно в другом месте и мимоходом. Такую же тщательную работу Энгельс проделал и по другим отделам III тома «Капитала». Следовательно, существующая теперь внутренняя структура третьего тома «Капитала» в значительной степени принадлежит Энгельсу.

В процессе подготовки рукописи Маркса к печати Энгельс провел также огромную и тщательную редакционную работу над всем текстом III тома «Капитала». Объем и характер этой работы определялись прежде всего тем, что Маркс не готовил рукописи непосредственно к печати, а писал их для себя, зачастую излагая мысли в том самом виде, как они зарождались в голове. Энгельс обратил особое внимание на соблюдение единства терминологии. При редакции рукописи он повсюду устранил устаревшие термины, характерные для раннего периода развития марксистского учения, заменив их терминами более позднего периода. Так, часто встречающийся в рукописи Маркса термин «Arbeitsvermögen» («способность к труду») Энгельс заменил более точным термином «Arbeitskraft» («рабочая сила»), понятие «technologische Grundlage» — на «technische Grundlage», так как речь шла именно о *технической* основе органического строения капитала и т. д.

Значительное место в работе Энгельса заняло уточнение и исправление погрешностей в цифровых данных и таблицах, причем многие таблицы он дополнил, а иногда и составил заново. Так, в исследовании проблемы обра-

зования средней нормы прибыли и цен производства большое значение имеет приводимая Марксом таблица, изображающая пять отраслей производства с капиталами различного органического строения [1]. Таблица эта составлена Марксом в двух вариантах. При первом варианте предполагается, что стоимость постоянного капитала полностью переносится на готовый продукт, при втором — в стоимость готового продукта входят только различные доли постоянного капитала. Во втором варианте таблицы — графа, которая должна была отразить потребленную часть постоянного капитала, Марксом была, вероятно, случайно пропущена. Но без нее становится неясным, как образуются издержки производства и цена производства. Энгельс вписал этот пункт в таблицу и таким образом существенно улучшил наглядное изображение процесса образования средней нормы прибыли и цены производства.

Огромной работы потребовали от Энгельса таблицы дифференциальной ренты. Он уточнил расчеты в рукописи и многие таблицы составил сам. Сорок третья глава, исследующая третий случай образования дифференциальной ренты II при условии повышения цены производства, наполовину написана Энгельсом. Все расчеты, а также выводы, вытекающие из рассмотрения этого случая образования дифференциальной ренты II, сделаны Энгельсом. Только в одной этой главе Энгельс приводит 21 таблицу, которые показывают все случаи образования дифференциальной ренты II.

В процессе редакции текста рукописи Маркса Энгельс уточнил библиографию цитируемой литературы, перевел на немецкий язык английский и французский тексты многих цитат, заменил большое количество иностранных слов (главным образом английских и французских) немецкими, расшифровал разного рода сокращения и условные обозначения, сделанные Марксом для себя лично, дополнил начатые или лишь затронутые рассуждения, значительно сократил текст рукописи путем устранения повторений и отступлений, перегруппировал материал,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1848, стр. 167, 168. (*К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 161 и 163).

собрав воедино относящийся к одному предмету. В интересах более связного изложения Энгельс переставил многие фразы, абзацы, параграфы и целые главы.

Энгельс внес огромное количество поправок в текст. Он написал предисловие, послесловие и дополнения к тому. Он не только перемещал материал и группировал его по отделам. Подготовляя к печати рукописи Маркса, Энгельс одновременно изучал соответствующую экономическую литературу, исследовал ряд новых явлений в экономике капитализма, получивших развитие уже после того, как были написаны рукописи Маркса, и отразил эти исследования в тексте. Всего Энгельсом дано в третьем томе «Капитала» более 60 примечаний, вставок и редакторских пометок. По своему характеру дополнения Энгельса различны: одни поясняют текст, другие придают стройность изложению, а третьи существенно дополняют и развивают марксистскую политическую экономию. Остановимся только на некоторых из дополнений этого типа.

Большой интерес представляет вставка Энгельса в главе «О роли кредита в капиталистическом обществе», указывающая на новые формы промышленного производства при капитализме, которые он называет второй и третьей степенью акционерного общества. К этим формам Энгельс относит картели и тресты. В их образовании он видит явное «скандальное банкротство» свободной конкуренции, дальнейшее разложение капитализма. Это положение получило дальнейшее развитие в ленинской теории империализма.

В примечании 8 к главе XXX, рассматривающей денежный капитал и действительный капитал, Энгельс характеризует элементы деформации капиталистического цикла и предсказывает обострение и углубление кризисов в связи с новыми явлениями в экономике капитализма, особенно в связи с образованием картелей и трестов.

Очень важно также редакционное примечание Энгельса к положению Маркса о том, что при капитализме «всякая мысль о совместном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья,— контроле, который вообще совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается

платоническим благопожеланием или ограничивается имеющими характер исключения совместными действиями капиталистов в моменты большой непосредственной опасности и беспомощности,— уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга» [1]. Энгельс, будучи свидетелем бурного развития картелей и трестов в конце XIX века, в примечании к приведенной цитате развивает это положение Маркса для новых условий. Он указывает, что образование картелей и трестов означает начало краха капитализма, ибо они являются симптомами того, что производительные силы перерастают законы капиталистического товарообмена; с другой стороны, подчеркивает Энгельс, ни переход средств производства в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение их в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производства, и хотя производство и нуждается в регулировании, «но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле». Это положение особенно важно и актуально сегодня, когда апологеты капитализма выдают государственно-монополистический капитализм за социализм.

Вслед за буржуазными экономистами современные реформисты трактуют о регулируемом и о плановом характере современной капиталистической экономики, утверждая, что для планового ведения хозяйства необязателен переход важнейших средств производства в общественную, народную собственность, что для этого вполне достаточно воздействия капиталистического государства на экономику методами финансовой политики — через налоги, займы и государственные ассигнования. Вместе с ними и ревизионисты говорят теперь о том, что в современном капитализме произошли «структурные изменения», в результате которых устранены «несправедливости старого капитализма», что современное буржуазное государство в главных капиталистических странах является «государством всеобщего благоденствия». Наглядным опровержением подобных взглядов является сама капиталистическая действительность. Послевоенное развитие

---

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 126.

экономики США, Англии и других стран империализма убедительно свидетельствует о том, что капиталистическое производство «регулируется» лишь в интересах крупных финансово-промышленных монополий.

Работу над текстом рукописи III тома «Капитала» Энгельс проводил с величайшей тщательностью, необыкновенной добросовестностью и любовью. Сообщая Беккеру о предстоящей большой работе над рукописью, Энгельс пишет: «Но мне этот труд приятен, ведь я снова вместе со своим старым другом» [1]. Вместе с тем это была огромная и трудная работа. Подготовкой к печати III тома «Капитала» Энгельс занимался 10 лет. Начав эту работу в 1885 году, он закончил ее в 1894 году, за полгода до смерти. Огромная сложность работы, большой ее объем, масса неотложных дел по изданию и переводу других трудов Маркса и своих собственных, написание работ, имеющих важное теоретическое значение («Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1884, «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1886 и др.), огромная работа по руководству международным рабочим движением, ослабление зрения — все это объясняет, почему работа Энгельса над изданием III тома «Капитала» так затянулась.

Появление III тома вызвало оживленную литературную полемику. Заговор молчания, которым буржуазия встретила в свое время выход в свет «К критике политической экономии» и I тома «Капитала», в 90-х годах оказался уже непригодным методом борьбы с марксизмом.

Одним из главных аргументов буржуазных вульгарных экономистов, выдвигавшимся ими как главное «опровержение» марксизма еще до выхода в свет III тома «Капитала», было утверждение, будто Маркс разработку своей теории не закончил и ее якобы закончить нельзя, так как нельзя, мол, разрешить противоречия между законом стоимости и законом образования равной прибыли на равные капиталы. Так, буржуазный экономист Ахилл Лориа, достойную отповедь которому Энгельс дал в преди-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 316.

словии к III тому «Капитала», заявил, что обещание Маркса дать решение этой проблемы в последующих томах «Капитала» явилось «хитроумной уверткой, которую Маркс применял в тех случаях, когда у него не хватало научных аргументов»[1] и что он, т. е. Лориа, не верит тому, чтобы Маркс вообще думал о решении этой проблемы. Как было отмечено, Маркс в основном закончил работу над III томом до выхода в свет I тома «Капитала». Кроме того, в «Теориях прибавочной стоимости», написанных в 1862—1863 годах, Маркс в главных чертах уже создал свою теорию средней прибыли и цены производства в противоположность теории прибыли Рикардо. Об этом он подробно сообщает в письмах к Энгельсу от 2 и 9 августа 1862 года[2].

В XVIII тетради рукописи Маркса 1861—1863 гг., кроме наброска плана всего будущего III тома «Капитала», имеется весьма подробный план 2-й главы, т. е. будущего второго отдела III тома «Капитала», об образовании общей нормы прибыли[3]. Простое сравнение этого плана с планом второго отдела III тома показывает, что в этом предварительном плане подробно отражены как раз те пункты, по которым Маркс последовательно изложил теорию средней прибыли и цены производства в рукописи 1865 года. Это изложение Маркса оставлено Энгельсом почти без изменений, за исключением чисто редакционных поправок. Следует также отметить, что этот отдел в рукописи является наиболее подготовленным самим Марксом. Все это убедительно свидетельствует о том, что теория средней прибыли и цены производства была создана Марксом задолго до появления в свет I тома «Капитала».

В предисловии ко II тому «Капитала» (1885 г.) Энгельс писал о скором выходе III тома и о том, что в нем дано решение вышеуказанного противоречия. Более того, в этом предисловии Энгельс сам четко сформулировал проблему и предложил сторонникам Родбертуса, обви-

---

[1] Цит. по предисловию Энгельса, см. *К. Маркс.* «Капитал», т. III, 1955, стр. 20.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 83, 88.

[3] См. *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости». Часть I, 1954. Приложения, стр. 400—401.

нявшим Маркса в мнимом плагиате у Родбертуса учения о прибавочной стоимости, до появления III тома «Капитала» предвосхитить решение проблемы образования средней прибыли на основе закона стоимости. Но буржуазным экономистам решение этой проблемы оказалось не под силу.

Когда же III том «Капитала» увидел свет, эти «критики» Маркса стали говорить о якобы непримиримом противоречии между I и III томами «Капитала». В первом томе Маркс, мол, утверждает, что товары продаются по стоимости, а в третьем показывает, что товары продаются не по стоимости, а по ценам производства. Маркс, заявляли эти «критики», или изменил свою теорию в период между работой над первым и третьим томами или же просто не свел концы с концами. Шум, поднятый в буржуазной литературе вокруг мнимого «противоречия» между I и III томами «Капитала» уже после выхода третьего тома, заставил Энгельса снова взяться за перо. Жестоко страдая от болезни, Энгельс в последние недели своей жизни пишет экономическую работу, озаглавленную «Дополнения к третьему тому «Капитала»». В письме к Каутскому от 21 мая 1895 г. Энгельс сообщает: «...Между прочим, я собираюсь дать тебе для «Neue Zeit» работу... дополнения и добавления к «Капиталу», т. III, № 1, «Закон стоимости и норма прибыли», ответ на сомнения Зомбарта и К. Шмидта. Затем последует № 2: весьма значительно изменившаяся роль биржи с тех пор, как Маркс писал об этом в 1865 году. В зависимости от потребности и от времени последует продолжение» [1].

Из этих двух частей Энгельс успел написать лишь первую часть. Для второй части сохранился только план-конспект, написанный Энгельсом для себя. Работа Энгельса «Закон стоимости и норма прибыли» была опубликована в органе Социал-демократической партии Германии «Neue Zeit» вскоре после смерти Энгельса [2]. В этой работе Энгельс подвергает уничтожающей критике взгляды Вернера Зомбарта и Конрада Шмидта, которые

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 313.
[2] «Die Neue Zeit», Bd. I, № 1, 1895—1896.

заявляли, что если между I и III томами «Капитала» и нет противоречия, то только потому, что стоимость у Маркса будто бы лишь «логический» факт, реальным же фактом является цена производства, что закон стоимости — это не более чем научная гипотеза или даже фикция, которая оправдала себя лишь «как необходимый теоретический исходный пункт» и т. д.

Следует заметить, что буржуазные историки экономической мысли и до сих пор распространяют затасканный вымысел о «несовместимости» теории стоимости Маркса с его же теорией цен производства. Так, американский буржуазный экономист Хайльброннер выпустил в 1953 г. книгу под названием «Мировые философы: жизнь, время и идеи великих мыслителей — экономистов». Эта же книга вышла в 1955 г. в Лондоне под названием «Великие экономисты». В ней Хайльброннер доказывает, что Маркс создал абстрактную капиталистическую действительность, где господствует стоимость. Но его попытки показать, что реальный мир доллара и цента отражает созданный им абстрактный мир, потерпели неудачу. Реальный мир состоит не из стоимостей, а из реальных осязаемых цен. Поэтому при переходе из мира стоимости в мир цен Маркс попадает в ужасающе запутанный клубок математических вычислений [1].

«Движение от равной нормы эксплуатации к равной норме прибыли,— пишет другой буржуазный экономист Джоан Робинсон,— не есть процесс в развитии капитализма, а есть процесс в развитии экономического анализа от примитивной трудовой теории стоимости к теории взаимодействия между относительным спросом и относительными издержками» [2]. В другом месте Робинсон заявляет: «Теория стоимости не отвечает действительности, является простой мистификацией. Почему же марксисты не хотят избавиться от этой мистификации? Потому что трудовая теория стоимости перестала быть теорией и стала кредо» [3].

---

[1] *R. L. Heilbroner.* «The worldy philosophers: the lives, times and ideas of the great economic thinkers». New-York, 1953.

[2] *J. Robinson.* «An Essay on Marxian Economics». London, 1949, p. 17.

[3] Там же, стр. 149.

Шлезингер также считает, что стоимость — это простая абстракция, вполне логичная, но абсолютно ненужная.

Как видно, современные буржуазные экономисты, подобно буржуазным экономистам в прошлом, рассматривают процесс превращения закона стоимости в закон цен производства не как исторический закономерный процесс, а как некое чисто логическое развитие категорий. Они вообще пытаются отрицать марксистскую теорию трудовой стоимости и цен производства.

Вслед за буржуазными экономистами современные правые социалисты также пытаются опорочить марксистское учение о средней прибыли и цене производства. В. Таймер в книге: «Марксизм: учение — действительность — критика», вышедшей в 1950 г., пишет о том, что марксистская якобы абстрактная система на каждом шагу сталкивается с действительностью и что эта капиталистическая действительность опровергает эту систему. Вся теория стоимости Маркса, мол, основана на философских предпосылках, содержание ее определяется целью, а не анализом объективно существующей капиталистической действительности[1]. Другой немецкий социал-демократ Кюнэ утверждает, что теория стоимости и прибавочной стоимости имеет скорее формально методологическое значение. Совершенно ясно, по каким причинам буржуазные экономисты и реформисты, а вслед за ними и ревизионисты выступают против теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса. Ведь именно эта теория неопровержимо доказывает, что стоимость и прибавочную стоимость создает только труд рабочего, а отнюдь не постоянный капитал или земля.

Работа Энгельса «Закон стоимости и норма прибыли» актуальна и в наши дни. Она имеет важное значение для понимания экономической теории Маркса в целом и служит до настоящего времени острым оружием в борьбе с извращениями марксизма со стороны прямых наследников Зомбарта, Шмидта и других. Энгельс, анализируя длительное историческое развитие категории стоимости, подчеркивает, что здесь речь идет не о каком-то

---

[1] *W. Theimer.* «Der Marxismus: Lehre — Wirkung — Kritik». Bern, 1950.

чисто логическом процессе и не о «фикции», а о реальном историческом процессе и его отражении в мышлении, о логическом прослеживании внутренних связей в экономической действительности. Особое значение этой статьи заключается в том, что Энгельс показывает, как по мере превращения простого товарного производства в капиталистическое стоимость превращается в цену производства.

Важнейшим дополнением Энгельса к III тому «Капитала» служит его работа под названием «Биржа», впервые опубликованная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в журнале «Большевик» №№ 23—24 за 1932 год. В процессе подготовки к изданию III тома «Капитала» перед Энгельсом встала задача написанное Марксом в шестидесятых годах дополнить на основе анализа капиталистической действительности середины 90-х годов прошлого века. Поэтому, подготовив том к печати, Энгельс составляет подробный план-конспект из 7 пунктов, соответственно важнейшим проблемам, которые он имел в виду развить в специальной статье. Но Энгельсу не удалось закончить намеченную работу. 5 августа 1895 г. он скончался.

В указанном конспективном плане Энгельс отмечает новую роль биржи, быстрое распространение акционерной формы предприятий в промышленности, торговле, банковском деле, земледелии, рост рантье и спекулятивного «учредительства». В двух последних пунктах плана Энгельс ставит проблемы экспорта капитала и раздела колониального мира. Этой небольшой рукописью на 2,5 печатных страницах Энгельс по существу вплотную подводит нас к важнейшим вопросам теории империализма, развитой Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма».

* * *

Из всего вышесказанного следует, что как бы сам Энгельс ни преуменьшал своей роли, более чем скромно рассказывая в предисловиях о проделанной работе по подготовке к печати и изданию после смерти Маркса II и III томов «Капитала», значение этой работы переоценить невозможно. Только Энгельс, ближайший друг и соратник

Маркса, мог обеспечить то, что главный теоретический труд Маркса действительно вышел законченным «в духе Маркса». «Работы над этими двумя томами,— писал Ленин,— потребовалось очень много... Изданием II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса» [1].

Подготовка и опубликование Энгельсом третьего тома «Капитала» Маркса представляет собой выдающийся вклад Энгельса в сокровищницу марксистской политической экономии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 2, стр. 11.

К. Л. СЕЛЕЗНЕВ

ЭНГЕЛЬС КАК КРИТИК БУРЖУАЗНОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Выход в свет томов второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых впервые опубликовано много новых, неизвестных ранее военных произведений Энгельса [1], вновь привлекает внимание марксистской науки к вопросу о роли Энгельса в разработке вопросов военной истории и теории. Известно, что произведения, посвященные разработке военных проблем, занимают видное место в литературном наследии Энгельса. Высоко оценивал их Маркс. Многие из них он называл «великолепными», «превосходными» [2], а самого Энгельса шутливо именовал «военным министерством

[1] Некоторые военные работы Энгельса до настоящего времени не найдены. Так, например, из переписки Маркса и Энгельса видно, что в 1856 г. Энгельс написал для «Puthnam Monthly» статью об освещении Базанкуром истории Крымской войны; эта статья не была напечатана (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 160, 172); рукопись статьи не обнаружена. Была опубликована в крайне сокращенном виде написанная Энгельсом для «Новой американской энциклопедии» статья «Бюлов» (о работе над ней Энгельса см. там же, стр. 318—320, 323), первоначальный же вариант ее до нас не дошел; не разыскан ряд военных обзоров Энгельса, написанных для «New-York Daily Tribune», но не помещенных в этой газете. Задача дальнейших поисков утраченных работ и публикации всего литературного наследства Энгельса, и в частности всех его рукописей по военным вопросам, продолжает стоять перед марксистской наукой. Однако и опубликованных к настоящему времени военных произведений Энгельса достаточно для научной оценки его великого вклада в марксистскую военную литературу, что и должно стать предметом углубленных исследований.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 521; т. XXII, стр. 239, 540; т. XXIII, стр. 247; т. XXIV, стр. 390, 398.

в Манчестере»[1] и выражал настойчивое желание, чтобы Энгельс изложил результаты своих исследований в особом очерке, который мог бы быть опубликован в качестве приложения к главному труду жизни Маркса — I тому «Капитала»[2]. Из воспоминаний П. Лафарга, А. Бебеля и других учеников и соратников Маркса и Энгельса известно, каким авторитетом в военных вопросах пользовался Энгельс в среде деятелей европейского рабочего и социалистического движения. Он настолько глубоко и часто занимался военными вопросами, что и в своих произведениях и письмах на политические темы охотно употреблял сравнения и образы из военной истории и практики.

В семье Маркса и в кругу друзей его называли «генералом»[3]. Даже буржуазные военные авторитеты подчас бывали вынуждены считаться с его мнением. «Военные люди питают к тебе ненависть как к конкуренту»,— писал Энгельсу Маркс еще в 1852 году[4]. Опубликованные Энгельсом анонимно брошюры «По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн» долго приписывались видным военным теоретикам[5], а его «Заметки» о франко-прусской войне в «Pall Mall Gazette» широко использовались английской печатью[6]. «Ты будешь скоро признан

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 522.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 363.

[3] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». 1956, стр. 84, 219.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 355.

[5] В Нью-Йорке в 1853 г. ходил слух, что статьи о Крымской войне, написанные Энгельсом и появлявшиеся в «New-York Daily Tribune», принадлежат перу генерала Скотта (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 1). Некоторые статьи Энгельса послужили канвой для выступлений военных писателей и публицистов 60-х годов XIX века. Так, Симон, адвокат из Трира, выступил в 1867 году в журнале «Demokratische Studien» со статьей о внешней политике Пруссии. Вслед за тем в журнале «Unsere Zeit» один прусский лейтенант опубликовал анонимную статью «Вооруженная Пруссия». Ознакомившись с этими работами, Энгельс обнаружил, что они почти буквально списаны с его брошюры «По и Рейн» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 407—408). Статья Энгельса об английских стрелках-волонтерах произвела, как отмечал Маркс, «сенсацию», на нее откликнулась вся лондонская пресса (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 534).

[6] 3 августа 1870 г. «Times» поместил передовую статью о франко-прусской войне, целиком воспроизводящую анализ, данный Энгельсом в «Заметках о войне» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч.,

первым военным авторитетом в Лондоне»,— писал ему в те дни Маркс [1].

Широко известно, как высоко оценивал военные произведения Энгельса гениальный вождь рабочего класса В. И. Ленин. Он называл Энгельса великим знатоком военного дела [2] и в десятках статей отстаивал и развивал его взгляды.

Военные работы Энгельса уже давно являются предметом исследования в марксистской науке. В советской печати появилось немало статей [3], посвященных их

т. XXIV, стр. 368). Спустя несколько недель «Spectator» расценил статьи Энгельса о войне как единственно значительные из всех, появившихся на эту тему в английской прессе (см. там же, стр. 389).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 371.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 8, стр. 528.

[3] См. напр.: *В. Драгилев.* «Энгельс как военный писатель» («Красная Армия» № 16—17, 1922); *Вершнев.* «Военные взгляды Энгельса» (там же); *М. Абрамович.* «Ф. Энгельс как военный теоретик» («Под знаменем марксизма» № 6—7, 1924); *Я. Абрамов.* «Энгельс как военный теоретик» («Война и революция» № 11—12, 1935); *К. Попов.* «Марксистское учение о войне в работах Энгельса» («Историк-марксист» № 8—9, 1935); *Б. Питерский.* «Военные вопросы в произведениях Энгельса» («В помощь партийной учебе» № 24, 1938); *В. Соловьев.* «Энгельс о войнах» («Марксистско-ленинская литература» № 3, 1939); *И. Крывелев.* «Энгельс и военное дело» («Агитатор и пропагандист Красной Армии» № 22, 1945); *Л. Гольман.* «Военно-исторические вопросы во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса» («Военно-исторический журнал» № 2, 1960).

В известном ответе Е. Разину И. Сталин писал, что «в отличие от Энгельса Ленин не считал себя знатоком военного дела» («Большевик» № 3, 1947, стр. 6). Неправильность этого положения в части оценки роли В. И. Ленина уже выяснена в нашей литературе последних лет, которая справедливо, с фактами в руках, показала, что В. И. Ленин был выдающимся знатоком военного дела. Нужно, однако, отметить, что и в отношении Энгельса это положение сформулировано двусмысленно. Энгельс не только «считал себя» знатоком военного дела, но и на деле им являлся, как это подтверждает изучение его многочисленных военных произведений. Письмо И. Сталина полковнику Е. Разину вызвало много откликов в печати. Оно послужило, однако, толчком не только к раскрытию отдельных устаревших или ошибочных положений, выдвинутых Энгельсом (и это вполне закономерно, ибо наука, двигаясь вперед, не может не заменять отдельных устаревших положений новыми, что, кстати сказать, хорошо знал и на что прямо указывал и сам Энгельс), но и к некоторым необоснованным критическим высказываниям о военных взглядах в произведениях Ф. Энгельса. Можно указать, например, на статью полковника В. А. Василенко «О преимуществах советского

анализу и оценке. Известны и работы германских авторов [1].

Однако статьи эти ограничивались, к сожалению, как правило, кратким изложением высказываний Энгельса по военным вопросам и общей оценкой их значения. Ни одной монографии на эту тему до настоящего времени не появилось. За последние годы в печати опубликован ряд новых статей, посвященных анализу военных произведений Энгельса. Так, изданию «Избранных военных произведений» Ф. Энгельса (1956) предпослана обстоятельная вводная статья А. Строкова «Энгельс — великий знаток военного дела». В ней правильно охарактеризован выдающийся, основополагающий вклад Энгельса в создание марксистской военной науки, военного искусства, историю войн. Но, разумеется, в пределах одной статьи автор не мог обстоятельно рассмотреть всей совокупности связанных с этой проблемой вопросов.

Мы находим в произведениях Энгельса множество важных суждений по широкому кругу военных вопросов — о происхождении войны и армии, их сущности, о соотношении войны и политики, войны и дипломатии, о факторах победы в войне, о роли полководца, о значении морального фактора, о режиме в армии, дисциплине и взаимоотношениях между офицерами и солдатами. Много высказываний Энгельса посвящено истории войн и военного искусства, отдельным сражениям, особенно войнам XIX века, современником которых он был. В его трудах рассмотрены вопросы организации армии, ее комплектования, стратегии и тактики, боевой техники, боевого обеспечения и т. д. В произведениях Энгельса содержатся

военного искусства», появившуюся в 1947 году (см. «Военная мысль» № 11, 1947). В этой статье наряду со многими полезными сведениями содержится, однако, ряд необоснованных критических замечаний о существенных положениях Энгельса по военным вопросам (о прогрессе военной техники, о характере армий социалистического общества, о военном искусстве победоносного пролетариата).

[1] См., напр., введение Р. Хауса к вышедшему в 1931 г. отдельному изданию статей Ф. Энгельса о франко-прусской войне (*Rudolf Haus*. «Einleitung». In: *Friedrich Engels*. «Der Deutsch-Französische Krieg 1870—1871». Wien — Berlin, 1931). В 1957 г. в Германской Демократической Республике вышла брошюра Г. Цирке (*Gerhard Zirke*. «Der General. Friedrich Engels, der erste Militärtheoretiker der Arbeiterklasse». Lpz., 1957).

важные высказывания о национальных особенностях различных армий, их моральном облике, уровне боеспособности. Особое место в его работах занимают высказывания об отношении социалистов к войне, о завоевании войск на сторону революции, о вооружении рабочих, партизанском движении, вооруженном восстании и баррикадной борьбе, о милитаризме и грядущих войнах, о вооруженных силах социализма. Для исчерпывающего анализа такого широкого круга идей нужны, разумеется, монографические исследования [1].

Разрабатывая проблемы военной науки, Энгельс опирался на достигнутый к тому времени военной мыслью уровень и критически перерабатывал достижения военной мысли, освещая их светом марксистской теории. Поэтому предпосылкой всестороннего анализа военных произведений Энгельса должен явиться разбор суждений Энгельса о *военной литературе прошлого*. Их анализ позволяет глубже понять методологию военных исследований Энгельса и вооружает марксистских военных писателей, и в частности военных историков, пониманием *подхода* Энгельса к военной литературе, его *требований* к ней. Военные знания, запечатлевшиеся в военной литературе, имеют наряду с военной техникой и организацией, с самими вооруженными силами, большое значение в истории, в борьбе классов. В. И. Ленин писал о военном деле в 1905 г., что «ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений» [2].

Настоящая статья не ставит, разумеется, задачей всесторонний разбор высказываний Энгельса о военной литературе, а представляет собой лишь попытку анализа некоторых из них.

---

[1] Одним из первых исследований такого рода является диссертация Н. И. Холодилина «Маркс и Энгельс о состоянии армий и о развитии военного искусства в Крымской войне (1853—1856 гг.)». М., 1952.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 8, стр. 528.

Среди военных трудов Энгельса нет, как известно, произведений, целиком посвященных оценке военной литературы, в частности литературы по истории войн. Однако в различных его трудах рассеяно большое число отдельных важных замечаний по этому вопросу и характеристик отдельных авторов.

* * *

Первые упоминания Энгельса о военной литературе мы находим уже в его письмах конца 40-х годов XIX века. Познакомился же Энгельс с военной литературой еще раньше — в 1841—1842 гг., когда отбывал воинскую повинность в Берлине в качестве вольноопределяющегося в 6-й конно-артиллерийской бригаде прусской армии. Там он читал учебники и популярную литературу по артиллерии, т. е. по своей тогдашней военной специальности. В те годы, однако, у него не могло еще сложиться, конечно, общего взгляда на военную литературу, ибо он был с ней лишь бегло знаком. Впрочем, в одном из писем 1860 г. он указывал, что после окончания действительной службы он «все время занимался военными вопросами» [1]. Выдающийся интерес представляют, в частности, статьи Энгельса об июньском восстании парижского пролетариата 1848 г., в которых он разбирает планы сторон, т. е. повстанцев и правительственных войск, соотношение сил, ход борьбы и ее уроки [2]. Впервые в истории вооруженной освободительной войны народов появилась работа на военную тему, в которой опыт борьбы разобран единомышленником повстанцев, а не карателей.

Первые шаги Энгельса к углубленному изучению военно-научной литературы относятся к началу 1851 года. В обширном письме к своему другу Иосифу Вейдемейеру, в прошлом офицеру прусской армии, он набросал намеченную им программу своих научных занятий и попросил указать конкретных авторов, пособия и карты. Весной 1852 г. Энгельс получил от родных из Германии свою военную библиотеку [3], а летом того же года через кёльн-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 367.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 150—159.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 363.

ского книготорговца Наута приобрел по случаю довольно обширную библиотеку одного отставного прусского артиллерийского офицера [1] и приступил к ее изучению.

В дальнейшем Энгельс не переставал интересоваться военными вопросами и внимательно их изучал. В письме к Ф. Лассалю от 14 марта 1859 г. он писал: «С тех пор, как я нахожусь здесь [т. е. в Манчестере, стало быть, с конца 1850 г.— *К. С.*], я занимался главным образом военными вопросами» [2]. Несколько ранее Маркс также упоминал в письме к Ф. Лассалю, что после своего участия в баденской кампании 1849 г. Энгельс «сделал изучение военных вопросов своей специальностью» [3].

Внимательно следя за научной военной литературой, Энгельс стремился также использовать все возможности для личного знакомства с жизнью армии и флота, присутствуя на маневрах и учениях. Так, в 1857 г., будучи в Портсмуте, он ознакомился с состоянием флота и местного гарнизона и был на учениях 47-го полка [4]. В 1860 г. он присутствовал на маневрах волонтеров в Ньютоне, в августе 1862 г.— на смотре волонтеров в Хитон-парке, близ Манчестера [5], в 1863 г. побывал на нескольких английских броненосцах и затем следил за данными об их учебном плавании [6]. В 1864 г., побывав в Дании и Шлезвиге, он ознакомился с состоянием расположенных там германских войск [7]. В 1890 г. в Мольде (Норвегия) Энгельс беседовал с находившимися там офицерами германских военных кораблей [8].

Изучение военного дела имело для Энгельса и практическое, революционное значение. Известно, что полученные им на военной службе знания он с успехом применил в революционных боях 1849 г. в Южной Германии. В начале 50-х годов политическая ситуация во Франции продолжала оставаться объективно революционной.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 377; т. XXV, стр. 183.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 245.

[3] Там же, стр. 244.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 224—225.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 15, стр. 143, 551—557.

[6] См. там же, стр. 603.

[7] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 205.

[8] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 227—228, 243.

Маркс и Энгельс исходили из перспективы нового подъема революционной волны во Франции и предвидели возможность вооруженного столкновения феодально-абсолютистских государств Европы с Францией. Именно в связи с этим Энгельс в начале апреля 1851 г. обещал Марксу разработать «подробное изложение с военной точки зрения» перспектив такой войны против революционной Франции и, выполняя это обещание, написал очерк «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» (оставшийся, к сожалению, незаконченным и дошедший до нас в рукописном виде).

Вслед за тем, углубившись в изучение истории военного искусства, Энгельс обратил особое внимание на войны периода революции 1848—1849 гг. и, особенно, венгерскую и итальянскую кампании, намереваясь написать их историю. Именно в связи с этим он приступил к изучению работ Клаузевица, Жомини, Виллизена, Хофштеттера, Кюнцеля, Гёргея и ряда других трудов[1].

В дальнейшем, в сентябре 1853 г. Энгельс начинает работу над серией обзоров о ходе Крымской войны, изучая в связи с этим труды Вобана, Мольтке, Дугласа, Дюфура, Боденштедта, Керзона и др. авторов. В 1854 г., работая над статьей «Армии Европы» для журнала «Putnam's Monthly», Энгельс привлекает широкий круг литературы и источников — труды Чесни, Каткарта, Шёнхальса, Хьюза, де Прада. В 1856 г. Энгельс готовит для того же журнала статью о Крымской войне и изучает в связи с этим новую книгу французского военного писателя Бозанкура. Одновременно он работает над статьей «Корабли против крепостей» и штудирует книгу У. Джемса «Морская история Англии». В 1857 г. Энгельс приступает к подготовке обширной серии статей на военные темы для «Новой американской энциклопедии» и изучает в связи с этим военную и, в частности, военно-историческую литературу— работы Рюстова, Кея, Жомини, Клаузевица, делает выписки из прочитанной литературы. Его перу принадлежат, как известно, десятки статей, предназначенных для этой энциклопедии. Работа Энгельса над ними продолжается и в 1858 году. Для

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 648—649.

статьи «Горная война прежде и теперь» Энгельс изучает, в частности, произведения Карла Австрийского, «одного из лучших полководцев горной войны и одного из классических авторов, писавших по этому вопросу»[1]. Для написания статьи «Армия» он использует произведения Геродота, Ксенофонта, Саллюстия, Полибия, Вегеция, работы авторов XIX века — Уилкинсона, Клаузевица, Рюстова — и ряд справочных изданий. Сохранились его выписки из книги Рюстова о военном искусстве Юлия Цезаря и из статьи «Армия», напечатанной в Британской энциклопедии.

В литературной деятельности Энгельс осуществлял самое тесное сотрудничество со своим великим другом, Марксом. Он посылал ему на просмотр свои рукописи, делился своими планами. Многие статьи, увидевшие свет за подписью Маркса, были в действительности написаны ими совместно, а часть из них — одним Энгельсом. В свою очередь Маркс по просьбе Энгельса разыскивал для него книги в библиотеке Британского музея в Лондоне, делал выписки, обращал его внимание на книжные новинки. Помогая Энгельсу, Маркс сделал для его статьи «Армия» выписки из произведений Геродота, Фукидида, Полибия, Иосифа Флавия и из книги Уилкинсона о Древнем Египте. В апреле 1852 г. Маркс посылает «новый вклад» в личную военную библиотеку Энгельса — книгу полковника Серельмей о сражениях в Венгрии[2]. 19 августа 1852 г. он приводит в письме к Энгельсу целый список военных книг, которые могли бы, по его мнению, пригодиться[3]. Выразив благодарность за помощь, Энгельс об-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 117.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 348.

[3] «Так как ты хочешь основательно пройти все военное дело, я перечислю еще следующие книги по этой отрасли, на случай, если ты, быть может, найдешь нужным заглянуть в ту или другую из них...» Далее Маркс называет книги: *Carion Nisas.* «Essai sur l'histoire générale de l'art militaire etc.». Paris, 1824; *Kausler.* «Kriegsgeschichte aller Völker». Ulm, 1825; «Wörterbuch und Atlas der Schlachten», 1825 und 1831; *Guerard.* «Enzyclopädie der Kriegskunst». Zweite Auflage. Wien, 1833; «Handbibliothek für Offiziere über das Ganze der Kriegslehre für Eingeweihte und Laien». Von einer Gesellschaft preussischer Offiziere. Berlin, 1828; *A. J. M-r (Millerbacher).* «Das Kriegswesen der Römer, nach antiken Denkmalen geordnet von *Ottenberger*». Prag., 1824; *Löhr.* «Das Kriegswesen der Griechen und Römer». Zweite Auflage. Würzburg, 1830; *Blesson.* «Geschichte des Be-

ратился к Марксу с просьбой разыскать для него в Британском музее австрийский военный журнал, прусский военный еженедельник, берлинскую «Wehrzeitung» и французские военные журналы[1].

29 июня и 3 июля 1855 г. Маркс сообщал Энгельсу названия нескольких военных книг, которые он просмотрел, чтобы найти нужные данные об испанской и неаполитанской армиях[2]. В октябре 1868 г. Маркс запрашивал Энгельса, читал ли он книгу английского вице-адмирала Слэйда «Турция и Крымская война», вышедшую в Лондоне в 1867 году[3]. В 1869 г. он послал Энгельсу выписки из книги Даниэля Дефо «Memoirs of a Cavalier» о сравнительной ценности пехоты различных стран[4].

Читателя поражает широта кругозора и начитанность Энгельса. Он был основательно знаком со множеством крупных и даже мелких, малоизвестных военных произведений самых различных авторов. Одних он лишь бегло упоминает или цитирует, другим дает краткие меткие характеристики, а подчас и довольно обстоятельный разбор их произведений.

Еще в школьные годы, по-видимому, Энгельс познакомился с произведениями ряда греческих и римских авторов, писавших о военной истории древности,— Геродота, Ксенофонта, Полибия, Юлия Цезаря, Саллюстия, Плутарха, Аппиана, Светония, Диона Кассия, Орозия. В позднейшие годы он читал труды Вегеция и военных писателей XV—XVIII веков — Макиавелли, Монтекукули, Монталамбера, Вобана, Кормонтэня, Фридриха II[5]. Однако

---

lagerungskrieges». Berlin, 1821; *Hoyer*. «Geschichte der Kriegskunst». Göttingen, 1797; *Chambray*. «Ueber die Veränderungen in der Kriegskunst seit 1700 bis 1815». Deutsch. Berlin, 1830; *Stenzel*. «Geschichte der Kriegsverfassung Deutschlands, vorzüglich im Mittelalter». Berlin, 1820; *Barthold*. «Georg von Frundsberg». Hamburg, 1833. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 389—390).

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 394.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXII, стр. 97—98.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 118.

[4] См. там же, стр. 229.

[5] *Flavius Vegetius Renatus*. «Epitome rei militaris. Regulae bellorum generales»; *Machiavelli*. «I sette libri dell'arte della guerra». 1519—1520; *Vauban*. «Traité de l'attaque des places». P., 1739; *Monteckukuli*. «Mémoires sur l'art militaire»; *Friedrich II*. «Die Generalprincipia vom Kriege». B., 1880.

особое внимание он обратил на обширную военную литературу, появившуюся в XIX веке.

Занимаясь изучением военного дела, знакомясь с многочисленными произведениями военных писателей, Энгельс отчетливо формулировал свое отношение к ним, нередко подвергая их работы резкой критике. В то же время он дал в некоторых своих произведениях общий обзор военной литературы ряда стран и выдвинул существенные вопросы военного исследования, его принципов, методологии, техники.

Для правильного понимания всех этих высказываний Энгельса необходимо иметь в виду состояние военной мысли в середине XIX века, какое застал Энгельс, когда он вплотную подошел к изучению военной литературы.

* * *

К этому времени уже существовала огромная военная литература: описание различных войн и сражений, работы по военной стратегии и тактике, о действиях различных родов войск, по вопросам организации армии, снабжения, военной техники, права и т. д. Особенно большой толчок развитию военной мысли дали войны конца XVIII и начала XIX веков, связанные главным образом с именем Наполеона.

Наиболее многочисленна была военная литература в Пруссии, Австрии и Франции. Обширная военная литература существовала уже в Италии и Англии. Складывались кадры военных писателей в таких странах, как Россия и Соединенные Штаты Америки.

Военная литература накопила к этому времени огромное количество фактов, почерпнутых из военного опыта, и различных идей и теорий, представлявших собой попытку обобщения военного опыта [1].

В первой половине XIX века появился ряд фундаментальных трудов по истории войн этого периода и, особенно, наполеоновских войн, потрясавших Европу в течение ряда десятилетий. Наибольшее влияние на развитие

[1] Краткий их обзор см. в статье: *Пенко Пенков.* «Развитие на военно-теоретическата мисъл през първата половина на XIX век» («Военно-исторически сборник» № 3, София, 1960). См. также *М. Попов.* «Закономерности вооруженной борьбы в истории буржуазной военной науки» («Военно-исторический журнал» № 10, 1960).

французской и всей европейской военной мысли оказали труды Наполеона I и его маршалов. Среди них, наряду с его работами о кампании в Египте и Сирии, мемуарами, комментариями и письмами, следует отметить его пометки, сделанные в 1819 г. на полях книги Бюлова о кампании 1800 г. в Германии и Италии [1]. Известные мемуары о Наполеоне оставил Савари [2]. Ряд работ по истории наполеоновских походов и, в частности, книга о кампании 1815 года, принадлежит полковнику Шаррасу [3].

Среди французских буржуазных историков XIX века, уделявших значительное внимание военной истории, следует назвать А. Тьера, автора многотомной «Истории французской революции» и «Истории консульства и империи». В последней из них [4] Тьер описал историю наполеоновских войн. Аббат де Прад опубликовал свои мемуары о военных действиях, развернувшихся в Испании в 1808—1814 гг. в ходе национально-освободительной войны [5]. В 1801 г. прусский генерал Бюлов, участвовавший в войнах коалиции против Франции, выпустил книгу «История кампании 1800 г. в Германии и Италии» [6]. В 30-х годах вышли в свет известные работы К. Клаузевица (1780—1831) об итальянской кампании Наполеона 1796 г., войнах 1799 и 1812 гг. и его теоретический труд о войне [7]. Швейцарский офицер, впоследствии генерал французской (1804—1813) и русской (1813—1869)

[1] В 1831 г. английский военный инженер Эммет издал эту книгу с пометками Наполеона.

[2] *A. J. Savary*. «Mémoires du duc de Rovigo pour servir á L'histoire de L'empereur Napoléon». P., 1828.

[3] *J. B. A. Charras*. «Histoire de la campagne de 1815. Waterloo». Br., 1857 (русский перевод: *Шаррас*. «История кампании 1815 года. Ватерлоо». Спб., 1868).

[4] *A. Thiers*. «Histoire du consulat et de l'empire», T. 1—21. P., 1845—1869.

[5] *Pradt*. «Mémoires historiques sur la révolution d'Espagne». P., 1816.

[6] *D. H. Bülow*. «Feldzug von 1800». B., 1800.

[7] *K. Clausevitz*. «Der Feldzug von 1796 in Italien». B., 1833 (русский перевод: *К. Клаузевиц*. «Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796». М., 1939). *K. Clausevitz*. «1799». Bd. I—II. B., 1833—1834. *K. Clausevitz*. «1812». B., 1835 (русский перевод: К. Клаузевиц. «1799 год». М., 1938—39; его же: «1812 год. Поход в Россию». М., 1937); *K. Clausevitz*. «Vom Kriege». Bd. 1—3. B., 1832—1834 (русский перевод: *К. Клаузевиц*. «О войне». Т. 1—2. М., 1941).

службы А. Жомини (1779—1869) выпустил в 1807—1809 гг. «Трактат о больших военных операциях», опирающийся на анализ операций Семилетней войны и первых кампаний Наполеона. В дальнейшем этот плодовитый военный писатель издал «Историю войн революции» в 15 томах, «Политическую и военную жизнь Наполеона» (4 тома) и двухтомные «Очерки военного искусства»[1]. Значительно позже, в 1855 году, четырехтомный труд о войне 1806—1807 гг. выпустил Гепфнер[2].

Ряд заслуживающих внимания трудов появился и в Австрии. Так, в 1816 г. австрийский эрцгерцог Карл Людвиг Иоганн (1771—1847), фельдмаршал, главнокомандующий австрийской армией и военный министр, выпустил в свет книгу об основах стратегии в связи с уроками похода 1796 г. против Франции, в котором он участвовал в качестве командующего Рейнской армией, а в 1819 г.— двухтомный труд о кампании 1799 г. в Германии и Швейцарии (в которой он также принимал участие)[3].

Среди трудов английских военных историков наибольшей известностью пользовался шеститомный труд генерал-лейтенанта британской армии Уильяма Нейпира «История войны на Пиренейском полуострове и на юге Франции», посвященный описанию действий английских экспедиционных войск в Испании, Португалии и Южной Франции в 1808—1814 гг. против французских войск Наполеона I[4], и посвященная той же теме работа Соути[5],

---

[1] *H. Jomini.* «Traité des grandes operations militaires contenant l'histoire des guerres de Frederic II comparées à celles de la Révolution». T. 1—3. P., 1805; его же: «Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution de 1792 à 1801». T. 1—15. P., 1819—1824; его же: «La vie politique et militaire de Napoleon». T. 1—4, P., 1827 (русский перевод: *А. Жомини.* «Военная и политическая жизнь Наполеона». Ч. 1—6. Спб., 1834—1837); его же: «Précis de l'art de la guerre». 2 vol., P. 1838 (русский перевод: *А. Жомини.* «Очерки военного искусства». М., 1939).

[2] *Ed. Höpfner.* «Der Krieg von 1806 und 1807». Bd. 1—4. B., 1855.

[3] *Karl Erzherzog.* «Grundsätze der Strategie, erläutert durch die Darstellung des Feldzugs von 1796 in Deutschland». Bd. 1—3. 1814; его же: «Geschichte des Feldzugs von 1799 in Deutschland und der Schweiz». Bd. 1—2. 1819.

[4] *W. F. P. Napier.* «History of the War in the Peninsula and in the South of France from the Year 1807 to the Year 1814». Vols. I—VI. L., 1828—1840

[5] *R. Southy.* «History of the Peninsular War», 3 vol. L., 1832

в трех томах. Появилась книга Говарда Дугласа «Морская артиллерия» [1]. Английский резидент в Испании Хьюз выпустил в 1845 г. книгу о республиканском движении в испанской армии [2]. Каткарт, участвовавший в войне 1813—1814 гг., а впоследствии — в Крымской войне, опубликовал в 1850 г. книгу о походах Наполеона в 1812—1813 годах [3].

Народное движение против французских захватчиков, развернувшееся в Германии, Испании, России и других странах, породило не только новые формы вооруженной борьбы и организации сил, но и новую литературу. Ее памятником служат, в частности, «Положение о ландштурме», составленное Шарнхорстом в 1813 году, работы Гнейзенау, инструкция Блюхера (1815 г.).

В первой половине XIX века появился также ряд трудов, посвященных военной истории прошлого. Так, английский историк Уилкинсон опубликовал в 1837 г. книгу о нравах и обычаях Древнего Египта, в которой рассмотрел имевшиеся к тому времени в распоряжении науки данные о военном деле в Египте [4].

Наряду с военно-историческими трудами появлялись и работы обобщающего, теоретического характера. Так, в 1822 г. вышла книга Декера о «малой войне» [5]. Переход к планомерному обучению войск потребовал создания во всех европейских армиях разнообразных учебных пособий по родам оружия. Так, во Франции генералом Дюфуром был издан учебник полевой фортификации. В Англии в 1851 г. вышла книга Нолана об истории и тактике кавалерии [6]. Из числа учебных пособий наиболее известна была книга майора Гриффитса «Руководство для артиллеристов» [7]. В 50-х годах появилась «Морская история

[1] *H. Douglas.* «A Treaties on naval gunnery». L. Sec. ed. L., 1855.

[2] «Revelations of Spain in 1845». L., 1845.

[3] *J. Cathcart.* «Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813». L., 1850.

[4] *J. G. Wilkinson.* «Manners and Customs of the Ancient Egyptians». V. I. L., 1837.

[5] *C. V. Decker.* «Der kleine Krieg, im Geiste der neuerer Kriegsführung». Berlin und Posen, 1822.

[6] *L. E. Nolan.* «Cavalry, its History and Tactics». L., 1851.

[7] *F. A. Griffiths.* «The Artillerist's Manual, and British Sodlier's Compendium». L., 1840.

Англии» Джемса. Автором ряда военных работ являлся полковник (впоследствии генерал) Чесни. В 50-х годах он выпустил книги об огнестрельном оружии[1]. Успехи инженерного дела в Германии, связанные с именем Астера, были освещены в работах самого Астера и в книге капитана прусских инженерных войск Кюнцеля[2]; вопросы оперативного искусства — в книге Г. фон Гофштеттера[3]. Популярный учебник тактики написал прусский генерал Грисгейм[4].

Новый толчок появлению военно-исторических трудов дали войны 20—40-х годов. Так, в 1845 г. появилась ранняя работа видного германского военного писателя Мольтке-старшего (1800—1891)[5], который в дальнейшем являлся прусским фельдмаршалом, начальником генерального штаба (1858—1888) и автором ряда работ на военные темы. В 40-х же годах, появились и приобрели известность работы прусского генерала В. Виллизена о польском национальном восстании 1831 г. и его подавлении царскими войсками, а также о военных действиях между итальянскими патриотами и карательными австрийскими войсками в 1848 г.[6] (он был участником этой войны). В 1852 г. была выпущена книга майора Лютгена о войне в Дании[7].

В этой книге давалось описание военных действий на шлезвиг-гольштейнском театре в 1850 г., на завершающем этапе борьбы против датского господства в Шлезвиг-Гольштейне, начатой еще во время революции 1848 г. и закончившейся в тот период поражением национального движения в этих герцогствах.

---

[1] *F. R. Chesney.* «Observationes on Past and Present State of Fire Arms». L., 1852.

[2] *H. Küntzel.* «Die taktische Elemente der neuen Fortificationen». Potsdam, 1851.

[3] *G. Hoffstetter.* «Tagebuch aus Italien 1849». Zürich, 1851.

[4] *K. G. I. Criesheim.* «Vorlesungen über die Taktik». B., 1855.

[5] *H. Moltke.* «Der russisch-türkische Feldzug in der europäischen Türkei 1828—1829». B., 1845.

[6] *W. Willisen.* «Theorie des grosen Krieges angewendet auf den russisch-polnischen Feldzug von 1831». Bd. 1—2. B., 1840; его же: «Der Italienische Feldzug 1848». B., 1849.

[7] *A. Lütgen.* «Feldzug der Schleswig-Hollsteinischen Armee und Marine in Jahre 1850». Kiel, 1852.

В России в первой половине XIX в. также появился ряд военно-исторических трудов [1].

Переломным этапом в истории XIX века были буржуазно-демократические и буржуазные революции 1848—1849 гг. в европейских странах, сопровождавшиеся революционными и национально-освободительными войнами. Военная сторона революционных событий этих лет естественно должна была привлечь внимание многих военных писателей и военных историков разных направлений.

Ряд книг, посвященных войнам периода революций 1848—1849 гг. в Европе, принадлежит перу злобных реакционеров, душителей народных движений. Так, командующий контрреволюционными австрийскими войсками князь А. Виндишгрец, действовавший против венгерской революционной армии в 1849 году, опубликовал книгу об этом походе [2]. Генерал-квартирмейстер австрийской армии Шёнхальс выпустил мемуары об итальянском походе 1848—1849 годов [3].

Новым явлением в военно-исторической литературе середины XIX в. были книги о революционных боях 1848—1849 гг., написанные их активными участниками. Так, один из руководителей восстания в Бадене-Пфальце Г. Струве выпустил книгу об этом восстании [4]; свой отчет опубликовал и командующий баденско-пфальцской революционной армией польский революционер Мерославский [5]; был опубликован отчет о действиях революционных венгерских войск в Трансильвании под командованием польского генерала Юзефа Бема [6], венгерский военный деятель Гёргей опубликовал книгу «Моя жизнь

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 453.

[2] *Alfred Windisch-Graetz.* «Der Winterfeldzug 1848—1849 in Ungarn». Wien, 1851.

[3] *K. Schönnhals.* «Erinnerungen eines österreichischen Veteranen aus dem italienischen Kriege der Jahre 1848 und 1849». Bd. I—II. Stuttgart und Tübingen, 1852 (русский перевод: *Шёнхальс.* «Характер войны 1848 и 1849 годов в Италии». Спб., 1853).

[4] *G. Struve.* «Geschichte der drei Volkserhebungen in Baden». Bern, 1849.

[5] «Rapports du Général Mieroslawski sur la campagne de Bade». Bern, 1849.

[6] См. *Czetz.* «Bems Feldzug in Siebenbürgen». Hamburg, 1850.

и деятельность в 1848—1849 гг.». Свои мемуары напечатали Кошут и Клапка[1]. Книгу о войне за независимость Италии в 1848—1849 гг. выпустил в 50-х гг. Джироламо Уллоа[2], неаполитанский артиллерийский офицер и военный писатель, который участвовал в 1848 г. в национально-освободительном движении в Венеции (затем он эмигрировал в Париж и переметнулся в бонапартистский лагерь).

Во второй половине XIX века появились работы на военно-теоретические темы, принадлежащие перу публицистов, примыкавших к демократическому лагерю. Так, Техов, бывший прусский офицер, участвовавший в революции 1848—1849 гг. в Пруссии и эмигрировавший затем в Америку, выступил в 1851 г. с серией статей «Очерки грядущей войны»[3]. Бывший участник революции А. Шиммельпфенниг также опубликовал в печати изложение своих авантюристических военных планов и описание военных действий между Россией и Турцией в первый период Крымской войны[4].

Таким образом, к началу 50-х годов, когда Энгельс вплотную приступил к изучению военной литературы, она достигла уже значительного развития. В то же время она страдала большими слабостями и пороками. В большинстве своем труды военных писателей того времени стояли на крайне низком теоретическом уровне и представляли собой в лучшем случае лишь более или менее добросовестное описание различных войн и сражений, типов оружия и т. д. Были и некоторые догматические работы, содержавшие наставления о том, как дòлжно вести войну, чтобы одержать победу. Несмотря на поучи-

---

[1] *A. Görgei.* «Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849». Bd. 1—2. Leipzig, 1852.

G. Klapka. «Der Nationalkrieg in Ungarn und Siebenbürgen in den Jahren 1848 und 1849». Bd. 1—2. Lpz., 1851; *L. Kossut.* «Meine Schriften aus der Emigration». Pressburg — Lpz., 1881.

[2] *J. Ulloa.* «Guerre de l'indépendance italienne en 1848 et en 1849». V. 1—2. P., 1859.

[3] *G. A. Techow.* «Umrisse des kommenden Krieges» («New-Yorker Staatszeitung». August, 1851).

[4] *A. Schimmelpfennig.* «The War between Turkeys and Russia. A. Military Scetch». L., 1854. Подвизался на военном поприще и известный младогегельянец Бруно Бауэр. В 1852 г. он напечатал в «New-York Daily Tribune» статью об армиях Европы.

тельный тон, они, однако, не опирались на подлинный военный опыт, правильно понятый и обобщенный, а стремились вывести так называемые «вечные военные истины», т. е. ставили перед собой явно неразрешимую задачу. Поскольку еще не существовало науки об обществе, о законах его развития, ясно, что работы о военном деле и истории войн не имели и не могли иметь под собой подлинно научной основы в виде учения о причинах и характере войн, о факторах, определяющих судьбы войны. В этом заключался коренной порок всей этой литературы. Не существовало и подлинно научных трудов по истории военной мысли, которые бы не только описывали смену одних воззрений другими, но и были бы способны объяснить причины этой смены и открыть закономерности в развитии военных взглядов, как составной части идеологии общества в целом, как идеологии различных классов.

Несмотря на присущие ей коренные пороки, военная литература конца XVIII и первой половины XIX веков еще не подверглась к тому времени основательной, исчерпывающей критике, хотя отдельные критические замечания по адресу тех или иных авторов неоднократно появлялись в печати. Для глубокого научного анализа и критики этой литературы нужно было творчески применить метод исторического материализма. В середине XIX века никто, кроме творцов марксистской философии, Маркса и Энгельса, не мог решить этой задачи.

Во второй половине XIX века военная литература пополнилась рядом новых крупных работ, и Энгельс внимательно следил за их появлением. Ряд книг был посвящен, в частности, истории Крымской войны. Английский путешественник и военный историк Кинглек, участвовавший в качестве наблюдателя в Крымской войне, выпустил в 1863—1867 гг. многотомную работу «Вторжение в Крым» [1], основанную на анализе документов английского штаба и многочисленных заметок, полученных автором непосредственно от высших английских офицеров. В 1863 г. вышли первые два тома этой работы. В 1856 г.

[1] *A. W. Kinglake.* «The invasion of the Crimea: its origin, and an account of its progress down to the death of Lord Raglan». Vols. 1—8. L., 1863—1868.

английский генерал-майор Эри выпустил брошюру, содержащую его показания перед следственной комиссией в Челси относительно работы руководимой им интендантской службы британской армии. Истории Крымской войны был посвящен изданный во Франции официальный «Исторический атлас», а также книга официального историографа Луи Бонапарта Базанкура «Крымская экспедиция до взятия Севастополя. Хроника Восточной войны»[1]. Губернатор Алжира маршал Бюжо выпустил книгу о принципах боя[2], представлявшую собой попытку обобщения опыта войн.

Уже в ходе войны Луи Бонапарт предпринимал попытки ввести в заблуждение общественное мнение путем публикации фальсифицированных отчетов. Так, в апреле 1855 г. в официозе правительства, газете «Moniteur», появилась инспирированная им статья «Восточная экспедиция», продиктованная стремлением оправдать неудачи маршала Сент-Арно в Крыму и снять с него ответственность за них.

Русский генерал и военный писатель Аничков выпустил в 1856 г. «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции» в двух томах. Перевод на немецкий язык первого выпуска этой книги был издан в 1857 г. в Берлине.

В 1858 г. вышла книга Клемма «Орудия и оружие»[3], в 1863 г.— книга Петри и Джемса «Организация армии Великобритании»[4].

В 60—70-х годах большое число трудов о гражданской войне между Севером и Югом, в том числе и военно-исторических работ, появилось в США. Среди них можно назвать книгу Дж. Кеннона «Поход против Ричмонда» (о походе генерала Гранта)[5].

Немецкий офицер и военный писатель Рюстов, демократ, эмигрировавший в Швейцарию, в 50-х годах

---

[1] *C. de. Bazancourt.* «L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol. Chronique de la guerre d'Orient». Part 1—2. P., 1856.

[2] *Bugeaud de la Piconnerie.* «Instructions pratiques du marechal Bugeaund pour les troupes en campagne». P., 1854.

[3] *G. Klemm.* «Die Werkzeuge und Waffen, ihre Entstehung und Ausbildung». Sonderhausen, 1858.

[4] *Petrie* and *James.* «Organisation of the British Army». L., 1863.

[5] *G. Cannon.* «History of Grant's Campaign for the capture of Richmond (1863—1865)». L., 1869.

написал работу по истории пехоты [1]. Эта книга скоро приобрела большую известность. По сравнению с существовавшими тогда работами она стояла на значительно более высоком уровне. В 1855 г. Рюстов же выпустил книгу о военной деятельности Юлия Цезаря [2]. В конце 50-х годов Рюстов участвовал в походах Гарибальди, занимая должность «историографа кампании», и выпустил книгу об этих походах, а также работу о предшествовавших им военных действиях между австрийской и франко-пьемонтской армиями во время Итальянской войны 1859 года [3]. Французский демократ, участник гарибальдийского движения и генерал армии северян в США Клюзере опубликовал в 1868 г. проект замены постоянных армий всенародной милицией, а в 1869 г.— книгу «Армия и демократия» [4], за что был заключен в тюрьму правительством Луи Бонапарта.

В 60-х годах бывший прусский военный министр, генерал Вальдерзее опубликовал книгу «Французская армия на учебном плацу и в поле» [5], обобщающую боевой опыт этой армии вплоть до итальянской кампании 1859 года.

Подготовка к франко-прусской войне 1870—1871 гг. и сама война вызвали появление ряда военных произведений. Так, накануне войны полковник фон Виддерн, автор ряда работ по тактике, опубликовал книгу о рейнских крепостях [6]. В 1872 г. прусский офицер и военный писатель Гоффбауэр выпустил книгу «Немецкая артил-

---

[1] *W. Rüstow.* «Geschichte der Infanterie». Bd. I—II. Gotha, 1857.

[2] *W. Rüstow.* «Heerwesen und Kriegsführung G. Julius Cäsar». Gotha, 1855.

[3] *W. Rüstow.* «Der italienische Krieg 1859 politisch-militärisch beschrieben». Zürich, 1860; *W. Rüstow.* «Erinnerungen aus dem italienischen Feldzuge von 1860». T. 1—2. Mit Briefe Garibaldis. Lpz., 1861; *W. Rüstow.* «La guerre italienne en 1860. Campagne de Garibaldi dans les Deux-Ciciles et autres évenements militaires jusqu' à la capitulation de Gaete en mars 1861». Trad. de l'allemagne... Genève — P., 1862.

[4] *G. Cluseret.* «L'armee et la démokratie». P., 1869.

[5] *Waldersee, von.* «Die französische Armee auf dem Exercierplatze und im Felde». B., 1861.

[6] *G. Cardinal von Widdern.* «Die Rhein und die Rheinfeldzüge. Militär-geographische und Operation-Studien im Bereich des Rheins und der benachbarten deutschen und französischen Landschaften». B., 1869.

лерия в битвах при Меце»[1]. Эта книга, автор которой был награжден железным крестом первой степени, носила в известной мере официозный характер. В 1891 г. вышла книга Мольтке-старшего о франко-прусской войне[2].

В 1876 г. в «Научном обществе» в Берлине с докладом «Макиавелли и идея всеобщей воинской повинности»[3] выступил капитан германского генерального штаба М. Йенс. В дальнейшем, в 80—90-х годах, он приобрел известность как автор «Истории военного дела» и «Истории военных наук»[4].

Среди английских военных работ начала 90-х годов следует упомянуть книгу дипломата Дилка, в 1891 г. описавшего большие маневры французской армии, в которых принимали участие четыре армейских корпуса.

В XIX веке вышло также большое количество различных географических трудов, описаний маршрутов, театров военных действий и т. д.

* * *

В своих военных произведениях Энгельс широко использует фактические данные, накопленные предшествующей военно-исторической литературой. Так, оценивая полевые укрепления у Калафата, Энгельс сравнивает их с прежними примерами полевой фортификации (Бунцельвиц, Торрес-Ведрас, Верона), почерпнутыми им из книги Кюнцеля[5]. Для характеристики сооружений Силистрии Ф. Энгельс использует книгу Мольтке о войне 1828—1829 годов[6]. На эту же книгу он опирается, чтобы опровергнуть инспирированную Луи Бонапартом статью

---

[1] *Hoffbauer*. «Die Deutsche Artillerie in den Schlachten bei Metz». B., 1872.

[2] *H. Moltke*. «Geschichte der Deutsche-Französische Krieges». B., 1891.

[3] «Kölnische Zeitung», 20.IV.1876.

[4] *M. Jähns*. «Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance. Technischer Teil: Bewaffnung, Kampfweise». Lpz., 1880; его же: «Geschichte der Kriegwissenschaften vornehmlich in Deutschland». Abt. I—III. München u. Leipzig, Oldenburg, 1889—1891.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 10, стр. 134.

[6] См. там же, стр. 276.

в «Moniteur»[1], в которой делалась попытка снять с маршала Сент-Арно ответственность за неудачи французской армии в Крыму. Разбирая штурм Бомарсунда (август 1854 г.), он опирается на книгу Вобана, чтобы определить черты «специфически-французской» тактики осады крепостей[2]. Для описания тактико-технических свойств английских 32-фунтовых пушек, примененных при этом штурме, он опирается на «Морскую артиллерию» Дугласа[3]. Говоря о сооружениях Кронштадтской крепости, он ссылается на данные «последних топографических съемок и военных донесений»[4].

Подчеркивая стойкость русских солдат, Энгельс ссылается на очевидца, английского капитана Каткарта, который имел возможность наблюдать их в боях в 1813—1814 гг. и в 1854 году[5]. Для характеристики пьемонтской армии Энгельс ссылается на свидетельства прусского генерала Виллизена и австрийского генерала Шёнхальса, военные познания которого Энгельс положительно оценивал[6]. При оценке испанской армии, он опирается на личные наблюдения аббата де Прада и книгу жившего в Испании англичанина Хьюза[7]. Полемизируя с английскими военными обозревателями, писавшими, не зная особенностей театра, о действиях главнокомандующего турецкой армией Омер-паши, Энгельс опирается на свидетельства немецкого и английского путешественников Боденштедта и Керзона, посетивших район Карса[8]. Для характеристики того, как расценивается индийская регулярная кавалерия в самой англо-индийской армии, Энгельс обращается к книге капитана Нолана, служившего в этой армии[9]. В брошюре «По и Рейн» Энгельс использует инструкцию Фридриха II кавалерийским начальникам (1748 г.) и инструкцию Блюхера (1815 г.)[10].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 11, стр. 194.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 10, стр. 415.
[3] См. там же, стр. 418.
[4] См. там же, стр. 640
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 11, стр. 480.
[6] См. там же, стр. 496.
[7] См. там же, стр. 506—507.
[8] Там же, стр. 615.
[9] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 12, стр. 219.
[10] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 278, 279.

Чтобы подтвердить, что в битве при Азенкуре британцы были вооружены огнестрельным ручным оружием, Энгельс ссылается на старинную английскую хронику 1542 года[1].

Как и подобает ученому, Энгельс стремится для подтверждения каждого из выдвигаемых им положений опереться на свидетельства достоверных первоисточников. Так, характеристику английского генерал-майора Эри он излагает, опираясь на показания, данные самим Эри перед следственной комиссией[2].

Энгельс, как и Маркс, высоко оценивал познания видных военных специалистов. Так, отмечая выход в свет в 1855 г. нового издания книги Г. Дугласа «Морская артиллерия», Энгельс подчеркивает, что в этом издании книга дополнена «критическим обзором событий последней войны» и опирается на новейшие данные и свежий официальный материал, известный Дугласу в силу его служебного положения[3]. Напоминая о том, что костяком всякой армии является ее унтер-офицерский состав, Энгельс, как известно, сослался на У. Нейпира, как на «лучший авторитет в этой области»[4]. На авторитет Нейпира Энгельс ссылается и по вопросу о необходимой продолжительности военного обучения английских солдат[5].

Подвергая критике взгляды Бюлова, Энгельс опирается на те язвительные пометки, которые сделал в 1819 г. на полях книги Бюлова Наполеон[6]. Их же он использует для оценки стратегических способностей Луи Бонапарта[7].

В первые годы своих занятий военной литературой Энгельс с большой скромностью оценивал свои познания в военном деле. Так, характеризуя обстановку в районе Кронштадта, он оговорил свои «скромные познания в области тактики флота»[8]. В его письмах тех лет нередко встречаются оговорки такого рода: «я еще недостаточно

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 60.
[2] См. там же, стр. 63.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 10, стр. 624.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 11, стр. 89.
[5] См. там же, стр. 81.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 254, 255.
[7] См. там же, стр. 343.
[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 10, стр. 641.

далеко дошел в изложении, чтобы иметь возможность составить себе по этому поводу окончательное суждение»[1]. По мере расширения круга изученных им источников и литературы он все более уверенно и решительно высказывает свое мнение о спорных научных вопросах.

В его произведениях мы находим оценки многих военных авторов различных времен и народов. Сравнительно реже встречаются отзывы о средневековых военных писателях (хотя в ряде статей содержится разбор и их взглядов[2]). Энгельс сам указывал в одном из писем к Вейдемейеру, что хочет посвятить себя изучению военной истории нового времени — «история более ранних эпох меня мало интересует и, кроме того, для этого у меня есть старик Монтекукули»[3].

В ряде работ Энгельс упоминает о военных писателях XVII и XVIII веков. Так, в работе «Фортификация» и в «Заметках о войне» он дает краткую характеристику

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 162. И в последующие годы Энгельс считал необходимым сопровождать многие свои высказывания по военным вопросам существенными оговорками. Так, в относящихся к франко-прусской войне четвертых «Заметках о войне» Энгельс писал: «Нам приходится делать заключение на основании данных, которые могут ввести в заблуждение. Даже в тот момент, когда мы пишем эти строки, мы не знаем, какие диспозиции могут быть приняты...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 23). О своих статьях на военные темы, написанных для «Новой американской энциклопедии» и составляющих заметную часть его военно-литературного наследия, Энгельс писал впоследствии Шлютеру, который хотел их собрать и переиздать: «Все это писалось исключительно ради заработка, и их спокойно можно оставить» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 279). Даже в предисловии к сборнику своих статей об английских волонтерах (1861) Энгельс счел необходимым оговорить, что «факты, изложенные в таких статьях, как статьи о винтовке, о французской легкой пехоте и т. д., не новы и не оригинальны; наоборот, эти статьи в значительной мере неизбежно представляют собой компиляцию из других источников... Единственную часть этих статей, которую можно считать оригинальной, составляют выводы автора и высказываемые им суждения» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 15, стр. 265).

[2] Так, в статье «Фортификация» Энгельс разбирает работы итальянских и немецких инженеров XVI века (Санмикели, Тартальи, Даниэля Спекля и др.), разработавших принципы сооружения бастионных укреплений (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 334—337).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 98.

взглядов выдающегося французского военного инженера, специалиста по фортификационным работам Монталамбера и указывает на дальнейшее развитие его взглядов прусским генералом и военным инженером Астером. Там же он дает характеристику работам Вобана, автора «классических шестиугольников», а также строителя укреплений Меца и Тионвиля Луи Кормонтеня, которого он называет одним из выдающихся инженеров прошлого столетия[1]. Изданный в 1697 г. Сен-Реми «Справочник артиллерийской науки»[2] он расценивал как «очень хороший для своего времени»[3]. «Первым научным изложением тактики полевой артиллерии», которое до сих пор (писано в 1857 году) является «классическим»[4], Энгельс назвал справочную книгу по артиллерии Шарнхорста (1787 г.)[5].

Однако главное внимание в своих занятиях военной историографией и военно-научной литературой Энгельс уделил, разумеется, литературе XIX века. Общий уровень этой военной литературы Энгельс оценивает весьма критически. Так, например, в одном из писем к Вейдемейеру от 1853 г. он называет прусские военные работы начала XIX века «книжным старьем»[6]. Резко полемический характер носит, как известно, и статья Энгельса «Бородино». В письме к Марксу от 28 января 1858 г. он подчеркнул, что, по его убеждению, «до сих пор битва описывалась совершенно неверно»[7]. Оценивая английскую литературу периода Крымской войны, Энгельс указал в письме редактору «Daily News», что «пока вся *критика* дунайской стратегии ограничивалась глубокомысленными изысканиями насчет того, какая доля вины за непонятные действия в Болгарии лежит на лорде Эбердине

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 86, 87, 91, 101, 103, 136, 231.

[2] «Mémoires d'Artillerie». P., 1697.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 204.

[4] Там же, стр. 206.

[5] *G. Scharnhorst.* «Handbuch der Artillerie». Bd. 1—3. Hannover, 1804—1813; «Handbuch für Officiere, in den anwendbaren Teilen der Kriegswissenschaften...». Hann., 1787.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 183.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 294.

и какая на Омер-паше»[1]. Можно было бы привести ряд других примеров для иллюстрации той мысли, что военные работы Энгельса проникнуты резко критическим духом.

Вторая половина XIX века, когда военное дело капиталистических государств шагнуло далеко вперед, ознаменовалась также значительным развитием буржуазной военной науки. В статье «Военно-морской флот» Энгельс, например, специально подчеркнул, что артиллерийская наука делает быстрые успехи[2]. Энгельс отмечает растущее в XIX веке значение военной науки и сопоставляет с ним те времена, «когда наука считалась не солдатским делом». Пережитком является, указывает он, наличие в современных армиях «особого цеха» артиллеристов и саперов, как носителя этой науки[3]. В то же время он подчеркивает, что военные доктрины, выраженные в уставах и наставлениях, неспособны сами по себе видоизменять облик армий, если нет налицо необходимых социальных условий. Так, в статье «Персия и Китай» (1857 г.) он указывает, что европейский воинский устав в армиях отсталых стран «так же неспособен обеспечить внедрение европейской дисциплины, как набор европейских строевых уставов сам по себе не может породить европейскую тактику и стратегию»[4].

Наряду с прогрессом военно-технической литературы во второй половине XIX в. усилились реакционные идеологические тенденции в буржуазной военной историографии, что отражало общий процесс перехода буржуазии на контрреволюционные позиции.

Оценивая общее состояние военной науки в XIX веке и, в частности, истории военного дела, Энгельс подчеркнул, что «военная история как наука, в которой правильная оценка фактов является единственным руководящим принципом, еще очень молода и не может пока похвастаться большим объемом литературы... много второстепенных вопросов в военной истории остаются еще неразрешенными»[5]. Нужно сказать, что Энгельс тут, по-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 198.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 390.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд. т. 10, стр. 595.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 12, стр. 220.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 436—437.

жалуй, даже слишком снисходительно отозвался о тогдашнем состоянии этой науки. В действительности, даже *первостепенные* вопросы военной истории тогда далеко еще не были разрешены, не говоря уже о том, что подлинно объективная, т. е. *научная* оценка фактов вообще была недостижима как для феодальной, так и для буржуазной военно-исторической науки.

Читатель находит в произведениях Энгельса сжатые, яркие характеристики почти всех крупных военных писателей XIX века. Правда, в ряде случаев — это лишь беглые упоминания в письмах, не предназначавшиеся для печати. Тем не менее, и они представляют большой интерес. Уже в самых первых письмах, посвященных военным занятиям, Энгельс дает меткие характеристики популярным в ту пору прусским военным авторам. В письме к Марксу от 7 мая 1852 г. Энгельс, сообщая о том, что получил из Германии свою военную библиотеку, делится с ним впечатлениями о перечитанных книгах. Он пишет: «То, что я прочел из них до сих пор, не больно важно. Столь прославленный господин Густав фон Гофштеттер кажется мне до сих пор не Наполеоном, но лишь недурным батальонным командиром или пригодным для небольшого сражения» [1]. Весьма показательны мотивы, по которым Энгельс положительно отзывается о другом авторе, Кюнцеле. Он пишет: «Зато превосходная вещь — это брошюра о новых фортификациях прусского капитана инженерных войск Кюнцеля — изложение более историческое и материалистическое, чем все, что я читал до сих пор о военных делах» [2].

Очень сочувственно отзывается Энгельс о Гнейзенау и Шарнхорсте, выступивших в свое время в качестве сторонников создания в Пруссии народного ополчения для борьбы с Наполеоном. Во время франко-прусской войны Энгельс часто противопоставлял лицемерным «жалобам» пруссаков на применение французами партизанских методов борьбы ссылку на собственный прусский опыт народной войны против Наполеона. В статье «Борьба во Франции» Энгельс указывал, что составленное Шарн-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 363.
[2] Там же.

хорстом в 1813 г. «Положение о ландштурме» было выдержано «в духе непримиримого народного сопротивления, для которого оправданы все средства, и самое эффективное средство является наилучшим»[1]. В статье «Прусские франтиреры» Энгельс назвал Гнейзенау «теоретиком движения вольных стрелков», «великим философом-франтирером» и недюжинным стратегом[2]. О заслугах Гнейзенау, который «своими приказами о ландштурме... возвел партизанскую войну в систему», упоминает также Маркс[3].

Положительно отзывался Энгельс и о работах Астера, прусского генерала и военного инженера, по планам которого была создана новая система прусских военных крепостей. В «Заметках о войне» Энгельс указал, что теория Монталамбера в области фортификации нашла в Германии ревностных последователей. «При этом предложения Монталамбера были несколько изменены Астером и другими, и, таким образом, возникла новая система фортификации, известная под названием немецкой школы»[4]. В произведении «Армии Европы» Энгельс отметил, что «работы инженера Астера составляют эпоху в фортификации»[5].

Еще в 1851 г. Энгельс, приступая к изучению военного дела, решил познакомиться с трудами двух наиболее популярных тогда немецких военных авторов — Клаузевица и Виллизена, и запрашивал Вейдемейера, что представляют собой их работы и что в них заслуживает внимания в теоретическом или историческом отношениях[6]. В апреле 1853 г. Энгельс, уже ознакомившись с работами Клаузевица, отозвался о нем довольно критически: «Самородный гений Клаузевиц, несмотря на некоторые прекрасные вещи, мне не совсем по вкусу»[7]. Однако в дальнейшем он существенно изменил свою оценку. В 1855 г. в «Прусской армии» Энгельс отметил, что «Клаузевиц

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 172.
[2] Там же, стр. 208, 210.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 80.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 86—87.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 469.
[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 99.
[7] Там же, стр. 183.

является таким же признанным во всем мире авторитетом в своей области, как и Жомини»[1]. В 1858 г. Энгельс поделился с Марксом своими впечатлениями о теоретическом труде Клаузевица «О войне». «Манера философствовать странная,— писал он,— но по существу очень хорошо»[2]. В ответном письме Маркс сообщал, что также ознакомился, хотя и бегло, с этой книгой и нашел в Клаузевице «много здравого смысла, граничащего с остроумием»[3]. Несколько позже, в статье «Quid pro quo» (1860 г.) Маркс, ссылаясь на книгу Клаузевица о походе 1796 г. в Италию, указывал, что содержащаяся в ней характеристика австрийского способа ведения войны «целиком приложима к прусской дипломатии»[4]. Наконец, в 1887 г. Энгельс называет Клаузевица «звездой первой величины» в немецкой военной литературе[5]. На общем фоне немецкой военной литературы того времени работы Клаузевица заметно выделялись по своему уровню. Лучшие из них были проникнуты патриотическим чувством и носили отпечаток диалектического мышления.

Таким образом, Маркс и Энгельс интересовались произведениями Клаузевица и ценили их, как работы, значительно возвышавшиеся над обычным уровнем военной литературы того времени. Но даже и в этих беглых замечаниях мы находим указания на слабые места Клаузевица, отражающие реакционные черты его мировоззрения: странную манеру философствовать (имеются в виду идеализм Клаузевица, пресловутые «принципы войны»), националистическое высокомерие («самородный гений») и т. д.

Чрезвычайно критический, уничтожающий характер носят отзывы Энгельса о другом, весьма популярном в ту пору военном авторе, Вильгельме Виллизене, прусском генерале и участнике войны против Наполеона и против Сардинии (в 1848 г.). Первые упоминания о военных работах Виллизена встречаются еще в памфлете «Великие мужи эмиграции» (1852 г.). Имея в виду его

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 469.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 286.
[3] Там же, стр. 289.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 470.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 303.

«Теорию большой войны», Маркс и Энгельс отмечают, что с помощью этого произведения Виллизен пытался привить прусской армии некую «высшую идею», имеющую «известные гегельянские черты»[1]. Виллизен исходил в своей книге не из реальной истории военного искусства, а из отвлеченных философских положений. Отмечая некоторые достоинства военно-исторических работ Виллизена, в частности его книг об итальянском и венгерском походах 1848—1849 гг. (см. письмо Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г.), Энгельс в письме к Марксу от 7 мая 1852 г. подвергает резкой критике его общетеоретические концепции. Он отмечает, что в книге Виллизена «Теория большой войны» больше философствования, чем военной науки[2]. Идейные корни пороков в работах Виллизена лежат в вульгаризации философии Гегеля, в попытке сформулировать стратегические и тактические правила, не опираясь на действительный опыт, а умозрительным путем, исходя из категорий гегелевской философской системы (именно отсталой системы, а не рационального метода Гегеля). На это язвительно намекает Энгельс, упоминая о личном участии Виллизена в 1850 г. в войне с Данией в качестве главнокомандующего шлезвиг-гольштейнской армии. В приведенном выше письме к Марксу Энгельс писал, что при Идштедте не датчане победили шлезвиг-гольштинцев, но «обыкновенная тактика здравого человеческого смысла одержала победу над гегелевской спекуляцией»[3]. Пороки метода Виллизена Энгельс считал типичными для многих буржуазных военных теоретиков.

Суровой критике Энгельс подвергал уровень многих военных пособий и исследований, особенно такие книги, где «факты излагаются небрежно, неделовым и невоенным языком, существо дела оставляется без внимания; сразу видно, что автор не знает своего дела» и «самые нелепые утверждения, содержащиеся в иностранных книгах, легко принимаются на веру». В качестве примера такого рода литературы Энгельс называл (см. работу «Армии Европы») книгу полковника Чесни об огне-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 337.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 363.
[3] Там же.

стрельном оружии, который, как иронически замечает Энгельс, считался «одним из лучших артиллерийских офицеров Великобритании». Однако эта книга не является исключением, ибо в английской военной литературе «почти любое произведение полно грубейших ошибок, которых в других странах не простили бы кандидату на чин лейтенанта»[1]. «Отрадными исключениями» Энгельс считает лишь немногие книги, и особое место отводит среди них труду Уильяма Нейпира «Война на Пиренейском полуострове» и книге Г. Дугласа «Морская артиллерия». В письме к И. Вейдемейеру от 19 июня 1851 г. он отмечает, что среди французских и английских источников «особенно выделяется история испанской войны генерал-лейтенанта Уильяма Нейпира; это лучшее из всего того, что я до сих пор читал из области военно-исторической литературы»[2]. В письме к Марксу от 26 февраля того же года он также упоминает, что книга Нейпира — лучшее, что он нашел в области истории консульства и Империи «специально с военной точки зрения»[3].

Характерно, что когда в 1854 г. Энгельс обратился в редакцию газеты «Daily News» с предложением о сотрудничестве, он указал в своем письме, что «с несравненно большей охотой предпочел бы отдать себя на суд сэра Уильяма Нейпира, чем на суд какого-нибудь мелкого военного формалиста»[4] (Нейпир был еще жив тогда).

Добротным пособием Энгельс считал и работу английского майора Гриффитса «Руководство для артиллеристов». В статье «Артиллерия волонтеров» он выражает надежду, что эта книга «будет в руках каждого офицера артиллерии волонтеров», оговариваясь при этом, что книга «представляет собой всего лишь краткий конспект того, что должен знать искусный артиллерист»[5].

В произведениях Энгельса мы находим много высказываний о работах такого незаурядного представителя

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 456.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 98—99.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 162.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 197.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 15, стр. 195.

германской военной мысли, каким был Мольтке-старший. Раннюю работу Мольтке, книгу «Русско-турецкий поход 1828—1829 гг.» (1836 г.) Энгельс ставил довольно высоко, как это видно из его письма Кугельману от 20 октября 1876 года[1]. Положительно отзывался он и о труде Мольтке, посвященном истории франко-прусской войны. Однако когда вскоре после победы над французами, упоенный успехом, Мольтке потерял способность критически относиться к действиям прусской армии, Энгельс подверг его хвастливые изречения убийственной критике, а самого Мольтке назвал «неразговорчивым штабным крикуном», автором наивных и «старчески-претенциозных оракульских изречений»[2]. В своем заявлении по поводу франко-прусской войны Мольтке надменно изобразил все действия прусской армии, как безупречные, и даже потерю ею части артиллерии — как положительный результат применения ею якобы «современной тактики». «Разглагольствования Мольтке о «новом» способе применения артиллерии,— писал по этому поводу Энгельс,— не стоят и бумаги, на которой они написаны»[3]. В доказательство Энгельс ссылается на вышедшую в 1872 г. книгу прусского офицера и военного писателя Гоффбауэра «Немецкая артиллерия в битвах при Меце», в которой были приведены факты, опровергающие утверждения Мольтке. Но Мольтке, иронически замечает Энгельс, рассчитывает, видимо, на то, что те, которые прочтут эту книгу с пониманием дела, «будут «держать язык за зубами»»[4]. Приведенные критические высказывания Энгельса отражают ту непримиримую борьбу, которую он вел против реакционной военной идеологии немецких господствующих классов, против германского шовинизма и милитаризма, одним из идеологов которого был Мольтке.

Заинтересовала Энгельса работа немецкого военного писателя М. Йенса «Макиавелли и идея всеобщей воинской повинности» и, в частности, его мысль о том, что

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 431. См. там же, на стр. 442 отзыв об этой книге.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 492.

[3] Там же, стр. 491.

[4] Там же.

«основой военного дела является прежде всего *хозяйственный* строй жизни народов»[1]. Работая над «Анти-Дюрингом», Энгельс записал в своих подготовительных тетрадях: «именно насилие всего более зависит от наличных условий производства, и это понял даже капитан Йенс»[2].

Большой интерес проявлял Энгельс к русской военной литературе. В работе «Армии Европы» он отметил, что в России уже появилась группа военных писателей-теоретиков и историков. «Эта группа людей дала то немногое, что имеется ценного в русской военной литературе»[3]. Что касается отдельных военных писателей, то Энгельс упоминает о Смитте, Аничкове, Кирьякове, Ходасевиче. На книги Смитта о русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и военных действиях в период польского восстания 1830—1831 гг. Энгельс неоднократно ссылается[4].

В связи с разбором книги Кинглека о Крымской войне Энгельс упоминает работы Аничкова и Кирьякова.

Энгельс не только сам неустанно разрабатывал основы военной науки пролетариата, но и стремился содействовать формированию кадров военных специалистов из среды революционеров. Так, немецкому демократу и участнику вооруженной борьбы 1849 г. Г. Гейзе Энгельс помог в 1854 г. написать статью с критикой авантюристических военных планов А. Шиммельпфеннига[5]. Сочувственно отозвался он о военных произведениях польских революционных демократов. В письме к Марксу от 17 февраля 1863 г. он замечает: «Не надо забывать, что *молодая* польская эмиграция имеет свою собственную военную литературу, в которой все вопросы рассматриваются под углом зрения специально польских условий и в которой идея партизанской войны в Польше играет видную роль и очень подробно обсуждается»[6]. (Энгельс, по-видимому, имеет здесь в виду работы Бема или Мерославского.)

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», 1957, стр. 161.
[2] Там же, стр. 337.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 479.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 189.
[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 26.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 135.

Однако большинство военных произведений деятелей мелкобуржуазной эмиграции Энгельс подверг довольно суровой критике. Так, «Историю трех народных восстаний в Бадене» Г. Струве Энгельс в статье «Германская кампания за имперскую конституцию» расценил как «фантастическую» и «изобилующую неточностями и искажениями»[1]. В частности, описание им действий пфальцской армии с 20 по 26 июня 1849 года (в которых Энгельс, как известно, лично принимал участие) Энгельс называет «лишь апологией неспособного Шнайде»[2] (генерала революционной баденско-пфальцской армии). Позднее, в брошюре «Великие мужи эмиграции», Маркс и Энгельс иронически отозвались об этой книге Струве, как попытке изобразить неудачные действия мелкобуржуазных революционеров «центральным пунктом всего современного мирового движения»[3]. Ознакомившись с брошюрой другого участника баденского восстания, А. Шиммельпфеннига, Энгельс подверг ее уничтожающей критике, указав, что тот «ничего не имеет за душой, кроме тщеславия и нахальства», а «вся ученость» его «состряпана из нескольких пошлейших учебников и руководств»[4].

Когда Г. Техов, бывший прусский офицер, участвовавший в революции 1848 г. в Пруссии и эмигрировавший затем в Америку, напечатал в 1851 г. в газете «New-Yorker Staatszeitung» «Очерки грядущей войны», Маркс и Энгельс подвергли эту статью безжалостному критическому разбору и вскрыли слабые места в его концепции. Столь же резко Энгельс отозвался о книге Дж. Уллоа «Война за независимость Италии в 1848—1849 гг.». В 1860 г. в письме к Марксу Энгельс указывал: «Из всей военной пачкотни писателей-специалистов, которую мне довелось читать,— это самая глупая и никчемная. Критика — дурацкая болтовня, факты искажены или недостаточно известны автору. Кроме того, все они перепутаны»[5].

С нескрываемой антипатией относился Энгельс, а также и Маркс к проявлению дилетантства во всех об-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 188.
[2] Там же.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 8, стр. 284.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 27.
[5] Там же, стр. 518.

ластях науки, в том числе и в области военного дела. Так, выступление младогегельянца Б. Бауэра на военные темы в американской печати вызвало иронические комментарии Маркса и Энгельса. В письме к Марксу от 25 апреля 1852 г. Энгельс иронически заметил: «Дружище Бруно... не стал умнее. И стоило ли труда из Берлина приводить в движение всю американскую прессу для того, чтобы этим кружным путем довести до сведения изумленного мира, что континентальные армии служат для поддержания внутреннего порядка. Господин Бруно все еще представляет гегелевскую диалектику на ступени ее глубочайшего застоя»[1]. Не менее критически отзывался Энгельс и о рассуждениях Лассаля на военные темы. Узнав из письма Маркса об этих «стратегических рассуждениях» Лассаля, Энгельс разобрал и высмеял их в письме к Марксу от 23 марта 1854 года[2].

Несколько раз упоминается Энгельсом имя Рюстова, автора одного из первых, вслед за книгой Хойера (1797 г.), трудов по истории военного искусства. Энгельс интересовался этой работой Рюстова и деятельностью ее автора, но относился к ней критически. В одном из писем к Марксу он указывал, что к Рюстову «приходится относиться несколько критически»[3].

Критически отзывается Энгельс и о статьях французского демократа Клюзере. В письме к Марксу от 16 января 1868 г. он указывал, что «Клюзере... со своим планом милиции еще более нелеп, чем немцы. Американская война, где милиция была у обеих сторон, доказывает только, что милиционная система требует совершенно неслыханных жертв деньгами и людьми именно потому, что организация существует только на бумаге. Каково пришлось бы янки, если бы вместо южной милиции они имели против себя постоянное войско в несколько сот тысяч людей?.. Только коммунистически устроенное и *воспитанное* общество сможет достаточно приблизиться к милиционной системе, да и то лишь приблизительно»[4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 352.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 11—12.

[3] Там же, стр. 432.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 13—14. Последующий ход исторического развития побудил марксистов признать необ-

Следует отметить, что, говоря об отдельных авторах и их произведениях, Энгельс часто формулирует положения, имеющие гораздо более широкое, принципиальное значение.

Одним из основных, глубоко материалистических положений, выдвинутых Энгельсом в области теории военного дела, является его указание на социальную обусловленность этой теории. Еще в 1851 году Энгельс указывал, что военная наука, созданная, например, французской буржуазной революцией конца XVIII века и Наполеоном, «явилась неизбежным результатом новых отношений, порожденных революцией» [1]. Состояние прусской военной литературы Энгельс также ставит в прямую связь с ходом военной и социально-экономической истории Пруссии, ее истории в целом. Он указывает, что тяжелые поражения, понесенные Пруссией под Йеной, побудили прусских военных деятелей к усиленной разработке военных вопросов, что это привело к кратковременному подъему уровня литературы. Известное повышение уровня прусской военной литературы в это время Энгельс констатировал в своей работе «Армии Европы». В уже упомянутом письме к Вейдемейеру он также отмечает, что «в самые последние годы в Пруссии опять появились довольно сносные вещи, однако их немного» [2].

Во «Введении» к брошюре С. Боркгейма «На память ура-патриотам 1806—1807 гг.» (1887) Энгельс выдвигает мысль о том, что существует, по-видимому, своеобразная историческая закономерность, связывающая уровень развития военной мысли с военным опытом данного государства. «Большой армии, как и всякой другой крупной общественной организации, после большого поражения лучше всего уйти в себя и покаяться в своих прежних грехах. В таком положении были пруссаки после Йены... Они были вынуждены подвергнуть свое прошлое беспо-

---

ходимость сохранения кадровых вооруженных сил в социалистических государствах при наличии угрозы агрессии со стороны капиталистических стран.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 510.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 183.

щадной критике, чтобы научиться, как поправить дело»[1]. В цитированном выше письме к Вейдемейеру Энгельс указывает, что «терпимо лишь то, что написано под непосредственным свежим впечатлением похода 13—15 гг., но с 1822 г. начинается чертовски отвратительная претенциозность и умничание»[2].

Характерной чертой буржуазной военной литературы Энгельс считал постоянно сквозящую в ней идеалистическую тенденцию к возвеличению личности полководца. Даже такой крупный писатель, как У. Нейпир, о «здравом смысле» и «чрезвычайно верном взгляде» которого Энгельс и Маркс неоднократно положительно отзывались, также грешит тем, что «чересчур сильно выдвигает своего обер-генерала Веллингтона»[3].

Во всех своих критических высказываниях о военной литературе Энгельс настойчиво проводит ту мысль, что литература эта должна *правдиво,* трезво освещать истинное состояние вооруженных сил того или иного государства. Одним из главных условий подлинной научности военной литературы Энгельс считал обязательное привлечение к исследованию широкого круга *источников.* «Ни в одной области нельзя так легко оскандалиться,— писал он Марксу,— как в военной истории, если попытаться рассуждать, не имея всех данных о силах, снабжении продовольствием и амуницией и т. д. ... Например, кто доставит мне данные о составе австрийской и венгерской армий и различных корпусов накануне каждой битвы и каждого серьезного передвижения? Для этого нужно, чтобы были изданы мемуары Кошута и Гёргея и чтобы имелись в подлиннике предложенные Дембинским планы сражений и кампаний»[4]. Энгельс сам в своей научной работе подавал пример требовательности и тщательности в подборе источников. Переписка его с Марксом и друзьями пестрит подобными запросами[5].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 302—303. Одним из плодов этой самопроверки Энгельс называет критический труд Гепфнера о войне 1806—1807 годов.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 183.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 162.

[4] Там же, стр. 185—186.

[5] Из писем Энгельса Марксу, например, видно, как основательно работал он над задуманным трудом по истории венгер-

Энгельс постоянно требовал от авторов военных исследований точности цифровых выкладок. В статье «Английские волонтерские войска» (1860 г.) он подчеркнул недостоверность, преувеличенный характер официальных данных о численности волонтерских частей [1]. Встретив в 1864 г. в газетах неправильные данные о численности германских и датских войск в Дании, он обратился в редакцию «Manchester Guardian» со специальным письмом, в котором выступил против «нелепейших слухов о сравнительной численности армий, сражающихся в Датской войне» и привел точные цифры [2].

Энгельс неоднократно указывал, что такие источники, как военные сводки, зачастую не дают правдивой картины событий и требуют к себе критического отношения. Еще в 1849 году, например, он подверг резкой критике хвастливые австрийские реляции о «победах» над венгерской революционной армией [3]. В статье «Севастопольская мистификация» (октябрь 1854 г.) Маркс и Энгельс высмеяли хвастливые сообщения английской печати от 28.IX—1.X.1854 г. о мнимом взятии англо-французскими войсками Севастополя, расценив их как «грандиозную мистификацию», «не имеющую равных себе в истории» [4].

ской кампании 1848—1849 годов. Он систематически сравнивал изложение хода военных действий, данное командующими обеих сторон. Помимо книг Виндишгреца и Гёргея, он считал необходимым иметь под руками также и официальные описания боев. Еще в апреле 1851 г. он, приступая к изучению истории этой войны, писал Марксу: «Я во всяком случае должен был бы иметь об одной только этой кампании от десяти до двенадцати книг, и даже тогда у меня не хватило бы еще главного: кошутовского «Közlöny» («Moniteur») (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 185). В том же письме он указывал на необходимость иметь «данные о составе австрийской и венгерской армий» и т. д. В 1854 г., продолжая работать над этой темой, Энгельс принимал меры к получению официального австрийского отчета о венгерской кампании, книги Клапки и целого ряда других источников и просил Маркса помочь ему достать выпущенный в 1851 г. в Петербурге официальный «Отчет о военных операциях русских войск против венгерских бунтовщиков в 1849 г.».

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 15, стр. 73—75.

[2] Там же, стр. 598.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 326—327.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 518.

Одним из основных источников для авторов, писавших историю войн, являлись газетные сообщения военных корреспондентов, описывавших ход боевых действий в многочисленных войнах XIX века. Мы находим в произведениях Энгельса отзывы о работе этих военных корреспондентов и суждения о требованиях, которые надлежит предъявлять к такому роду источников. Энгельс отмечал, что газеты обычно бывают плохо осведомлены о ходе военных действий и там дело часто «сводится к тому, чтобы на основании немногих имеющихся в распоряжении данных сделать правильные выводы»[1]. О сотрудниках «Daily News» и о ее редакторе, выдававших себя за глубоких знатоков военного дела, Энгельс саркастически писал Марксу в 1854 году: «Неосведомленность этих молодцов в военных вопросах очевидна...»[2]. В статье «Англо-французская война против России» Маркс и Энгельс высмеяли хвастливые французские и английские сообщения о сокрушительной якобы бомбардировке Свеаборга[3]. В 1849 г., оценивая корреспонденции обозревателя «Kölnische Zeitung» Шванбека о ходе войны в Венгрии, Энгельс отметил «безграничное невежество» последнего в области географии театра военных действий и в отношении стратегии[4]. Столь же критически оценивал Энгельс и деятельность большинства военных корреспондентов, особенно английских, описывавших ход франко-прусской войны. В статье «Военная обстановка во Франции» он писал, что неосведомленность общественного мнения относительно характера Луарской армии в значительной мере была результатом сообщений английских корреспондентов, находившихся в Туре[5].

Более положительно отзывался Энгельс о работе немецких и французских корреспондентов, например, о корреспонденциях Жанро в «Temps». В связи с признанием Жанро лучшей оснащенности и превосходства во многих других отношениях прусской армии, Энгельс

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 185.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 15.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 524—526.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 329.
[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 187.

замечает: «Как полезно было бы для французской армии, если бы хоть один такой правдивый корреспондент был послан в Германию до войны» [1].

О том, какие требования предъявлял Энгельс к работе военных корреспондентов, можно лучше всего судить по той программе, которую намечал Энгельс для самого себя, предлагая свои услуги в качестве военного корреспондента в 1854 г. редакции газеты «Daily News». Он писал: «Мои статьи будут ограничиваться описанием той части театра военных действий, где происходят активные военные операции; описанием и характеристикой военной организации, сил сражающихся армий, их шансов на успех и их возможных операций; критическими замечаниями по поводу происходящих сражений и, время от времени, *резюме*... операций за месяц или шесть недель, в зависимости от событий. Так как необходима самая полная информация, чтобы иметь правильное суждение о том, что в действительности происходило, то мне редко придется писать только на основании телеграфных сообщений, а придется обычно дожидаться получения более подробных сведений» [2].

Высокие требования предъявлял Энгельс и к вспомогательным пособиям по военному делу — картам и словарям. Указания на неточность и ненадежность существующих карт встречаются во многих его письмах и статьях. В связи с поступившим от Ч. Дана предложением подготовить статьи для «Новой американской энциклопедии» Энгельс высказал ряд мыслей о том, какими должны быть статьи в справочных изданиях. В письме к Марксу он ставил вопрос следующим образом: должны ли военные статьи ограничиваться преимущественно разъяснением специальных терминов, например, «артиллерия», «лагерь», «колонна», плюс исторические комментарии и краткое изложение отдельных отраслей военной науки (так, чтобы, например, в статье «Артиллерия» были даны: 1. объяснение термина; 2. исторический очерк и современное положение; 3. краткие сведения об отдельных сторонах современной артилле-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 41.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXV, стр. 198.

рийской науки) или же, наряду с ними, нужны также статьи военно-исторического характера, справки о битвах и военные биографии «с указанием на успехи, открывавшие каждый раз новую эпоху» [1]. Нужно сказать, что ни один из существовавших тогда словарей и ни одна из энциклопедий в полной мере этим требованиям не отвечали.

Одним из присущих буржуазной историографии, в том числе и военной, пороков Энгельс считал не только поверхностное, часто некритическое отношение к источникам — военным сводкам, мемуарам, газетным сообщениям, официальным донесениям и т. д.,— но и прямую тенденцию к фальсификации истории, к искажению ее в угоду эксплуататорским классам, в угоду шовинистическим и контрреволюционным поползновениям последних. Энгельс подвергал резкой критике эти реакционные стороны работ многих военных и гражданских историков войн — идеологов аристократии и буржуазии. Крайне резко он отзывается, например, об исторических трудах А. Тьера, справедливо упрекая его в тенденциозности и недостоверности изложения военной истории. В письме к Марксу от 26 февраля 1851 г. он указывает, что Тьер «в смысле исторической достоверности и даже правильности оценки ни на волос не выше жалкого тори Соути», который «также написал ругательную и хвастливую историю испанской войны» [2]. В письме к Вейдемейеру Энгельс указывает, что Тьер «бессовестно списывал» у Жомини. «Этот маленький Тьер — один из самых бесстыдных лжецов, какие только существуют, и нет ни одного сражения, где оказались бы верными приводимые им цифры». Тьер изображает подвиги французской армии «в сверхчеловеческих масштабах» и у него «один француз всегда побеждает двух неприятелей» [3].

Столь же резко расценивает Энгельс книгу ярого реакционера, австрийского фельдмаршала Виндишгреца, командовавшего войсками, которые подавляли в 1849 году венгерскую революцию. «Виндишгрец,— писал

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 195.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 162.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 99.

Энгельс Марксу в 1854 г.,— в своей самоапологии так же лжет, как в своих бюллетенях, дезавуировать которые у него не хватает мужества. Как это божественно: каждый из обоих противников старается представить свою собственную армию еще хуже армии вражеской...»

Особенно интересен отзыв Энгельса о работе английского буржуазного военного историка Кинглека. Энгельс намеревался опубликовать в немецкой «Allgemeine Militärzeitung» обширную статью с критическим разбором этой работы. Статья эта, к сожалению, осталась незаконченной и не была опубликована при жизни Энгельса. Тем не менее, она представляет для нас особенный интерес: она является наиболее подробной из известных нам критических статей Энгельса о военной литературе. В ней Энгельс подвергает книгу Кинглека о Крымской войне тщательному критическому разбору. Он обстоятельно сличает описание Кинглека с другими доступными ему историческими исследованиями и источниками, в том числе французскими и русскими.

Энгельс указывает, что книга Кинглека вызвала большой интерес как в самой Англии, так и за ее пределами. Она содержит много новых материалов, однако заслуживает суровой критики. В отношении изложения военных событий она «является не историческим произведением, а скорее романом; герой этого романа — английский главнокомандующий лорд Раглан, а конечная цель — восхваление английской армии, доведенное до абсурда». Правда, говорит Энгельс, Кинглек льстит английской армии более умело, чем французские авторы — французской. Книга «свободна от специфически французского хвастовства, которое у Тьера и его компании выглядит столь же отвратительным, сколь и смешным». Тем не менее, «краски здесь сгущены по меньшей мере так же», как у французов. Задача критики в отношении подобных работ состоит в том, чтобы «сорвать беллетристический покров с описания сражения на Альме» и «отделить действительно новый исторический материал от приукрашиваний, хвастливых фраз и домыслов, которыми г-н Кинглек заполняет свое произведение» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 15, стр. 609—610.

В чем же усматривает Энгельс основной порок методологии исторического исследования, применяемой Кинглеком?

«Вообще для всей книги характерно,— пишет Энгельс,— что в ней показания очевидцев всегда приводятся там, где описываются общеизвестные факты, а отнюдь не тогда, когда высказываются новые и рискованные утверждения»[1]. Таким образом, Кинглек нарушает одно из основных требований, предъявляемых к действительно научному исследованию — обоснование каждого положения теми или иными источниками. Кроме того, автор весьма легкомысленно обращается с источниками. Так, например, «данные о вооруженных силах обеих сторон, приводимые Кинглеком, чрезвычайно неточны». Он постоянно ссылается, в качестве своего источника, на книгу Аничкова, но делает из данных последнего совершенно неожиданные выводы, «не считая, однако, нужным документально обосновать свои данные, расходящиеся с источниками»[2]. Кинглек не останавливается и перед намеренной фальсификацией источников или их тенденциозным подбором. Силы русской армии, например, он намеренно преувеличивает, чтобы придать больше ценности боевым успехам англичан; «он заботится лишь о том, чтобы геройские подвиги англичан на Альме сделать возможно более необычайными, а для этого ему необходимо иметь как можно больше русских пушек»[3]. Русское полевое укрепление он предумышленно называет «большим редутом». 12-фунтовые русские пушки он превращает в 24-фунтовые. Характеризуя боевые действия англичан, Кинглек «начинает петь дифирамбы по поводу несравненных качеств британских войск»[4]. Так, сильный и опытный английский полк он называет «кучкой английских юнцов», которые, тем не менее, якобы понудили к отступлению целый полк русских (Казанский). Кинглек не останавливается даже перед тем, чтобы «показать нам чудо, не уступающее чудесам «Тысячи и одной ночи» и окружающее лорда Раглана ореолом неожиданной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 15, стр. 610.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 612.
[4] Там же, стр. 619.

славы»[1]. У него получается, что Раглан один, без всякого прикрытия, располагается на холме *за неприятельским фронтом* и оттуда, «подобно «Зевсу-громовержцу», руководит сражением»[2].

Эта статья Энгельса служит примером тщательной и безжалостной критики тенденциозной, мнимонаучной, националистической военной литературы.

В качестве примера фальсификации истории Энгельс упоминает также официальный «Исторический атлас», изданный во Франции после Крымской войны. Этот атлас и комментарии к нему представляли собой, как указывал Энгельс, яркий образчик извращения исторических фактов. Так, наступление французов на Альме, последовавшее *после* отхода русских войск, сопровождается в этом издании «мнимым штурмом телеграфной вышки, причем дело дошло будто бы до рукопашной схватки, и, таким образом, вся операция приобретает красивый мелодраматический финал». Между тем, отмечает Энгельс, «русским ничего неизвестно об этом сражении, и Кирьяков поэтому совершенно отрицает, что оно имело место... история эта в «Историческом атласе» во всяком случае сильно преувеличена»[3]. Ссылаясь на русские источники, Энгельс указывает, что «геройские подвиги, о которых после сражения повествовал нам Сент-Арно и позднее Базанкур, заметно блекнут после этого описания»[4].

Критически отзывается Энгельс и о литературе, в которой исторические факты собраны, но не объяснены, не пронизаны определенной научной концепцией. Этот прагматизм, голая фактология, присущие многим работам буржуазных военных историков, и составили существенный, характеризующий слабость буржуазной военной историографии, признак, который был вскрыт Энгельсом. Так, говоря о Савари, авторе мемуаров о Наполеоне, Энгельс в одном из писем к Марксу отмечает, что Савари «не понял ни одного плана похода или сражения... Например, об Аустерлице этот тип знает лишь, что враг был захвачен врасплох фланговым движением

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 15, стр. 620.
[2] Там же, стр. 621.
[3] Там же, стр. 616.
[4] Там же.

и разбит на столько частей, сколько наступало французских колонн — буквальная копия из наполеоновского бюллетеня. Но каким образом это произошло, об этом он ничего не знает»[1].

В одном из писем Энгельс выразительно определяет важное требование, которому должно удовлетворять серьезное военное исследование. Автор, говорит Энгельс, должен не только собрать все необходимые данные, но и сделать из них правильные выводы: он должен «иметь возможность во всех решающих случаях сказать задним числом: «Тут следовало поступить так-то и так-то, а тут поступлено правильно, хотя результат, как будто, говорит обратное»»[2].

В ходе своего развития военная наука должна отбрасывать некоторые прежние, устаревшие положения и заменять их новыми. Однако многие видные буржуазные военные авторитеты яростно оберегали «незыблемость» выдвинутых ими ранее положений. Имея в виду этих чванливых военных писателей, Энгельс, ссылаясь на свой личный многолетний опыт, советовал «относиться с особенным недоверием» к мнениям военных специалистов, превращенным в непогрешимую догму[3]. *Непрерывное развитие* Энгельс считал одним из основных качеств, которым должна обладать подлинная военная наука. Он подчеркивал при этом, что развитие это должно быть теснейшим образом связано с практикой военного дела. Рассматривая, например, перспективы осады Парижа в период франко-прусской войны, он заметил: «Здесь мы, быть может, будем свидетелями последней в этой войне схватки, представляющей какой-то научный интерес, может быть, даже наиболее интересной для военной науки»[4]. Практика, по мысли Энгельса, должна не только давать науке новые примеры, но и побуждать ее к новым выводам.

Оценивая книгу полковника фон Виддерна о рейнских крепостях и, в частности, об укреплениях Кёльна и Везеля, Энгельс видит ее слабую сторону в том, что

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 191.
[2] Там же, стр. 185.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 343.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 143.

автор «ничего нового не прибавляет к тому, что о них уже известно»[1]. Перечитывая в 1866 г. учебник тактики прусского генерала и военного писателя Грисгейма, Энгельс в письме к Марксу восклицает: «Как устарело в ней теперь почти все!»[2]. Официальные руководства по артиллерии — указывает он в другом случае — «устарели и совершенно не соответствуют требованиям настоящего времени»[3].

Весьма важны с точки зрения понимания роли Энгельса как критика буржуазной военной литературы и провозвестника принципов новой, марксистской военной историографии критические высказывания в его работах о немецкой, и особенно прусской военной мысли. На примере критики военной идеологии прусского юнкерства и буржуазии Энгельс выявляет многие реакционные стороны буржуазно-аристократической идеологии в целом. Одной из характерных черт немецкой и особенно прусской военной литературы и источником ее пороков Энгельс считал господствовавший в ней, за малыми исключениями, *педантизм.* В статье «Военная реформа в Германии» (1860) он подчеркивал, что «в Германии не может быть никакого прогресса в военном деле до тех пор, пока в высших сферах не хотят расстаться с мыслью, будто армии созданы для парадов, а не для боя. Педантизм такого рода, побежденный на некоторое время Аустерлицем, Ваграмом и Йеной и народным энтузиазмом 1813—1815 гг., вскоре вновь поднял голову; он безраздельно господствовал до 1848 г. и, по-видимому, достиг, по крайней мере в Пруссии, своего кульминационного пункта в течение последних десяти лет»[4]. Другая характерная черта, как уже было сказано выше,— «чертовски отвратительная претенциозность и умничанье». Энгельс считал это бесплодное теоретизирование прямым отголоском господствовавшей в Пруссии идеалистической философии. Уже в работе «Армии Европы» он заметил, что в отдельных трудах прусских военных авторов встречается «немало поверхностной ме-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 16.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 372.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 470.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 15, стр. 21.

тафизики, но тут нет ничего удивительного, ибо в Берлине, Бреславле или Кёнигсберге вы можете увидеть офицеров, слушающих вместе со студентами университетские лекции»[1]. В статье «Военная реформа в Германии» Энгельс язвительно охарактеризовал происходившую тогда в прусской военной среде дискуссию относительно реорганизации армии, как мелочную и абстрактную. Так, по поводу нескончаемых споров о наилучшем численном составе дивизий и бригад он писал: «Искать решения таких вопросов, не исходя из реальных условий, определяемых данными фактами, а пытаясь установить основные принципы,— означает вздор, достойный, может быть, немецких философов, но не людей практики»[2].

Третьей характерной чертой немецкой и прусской военной литературы Энгельс считал пронизывавший ее *воинствующий национализм.* Во многих своих произведениях он обрушивается на проявления этого национализма. Так, в рукописи «К истории древних германцев» (около 1883 г.) он иронизирует по поводу пресловутого культа Арминия Херуска, созданного германской военной историографией, и подчеркивает, что «вся последующая история германцев в действительности представляет почти исключительно длинный ряд национальных бедствий, в которых большей частью виноваты были они сами, так что даже самые прочные успехи обращались во вред народу»[3]. Глубоко претил Энгельсу кастовый казарменный дух, палочная дисциплина, высокомерное отношение к низшим чинам, насаждавшиеся в прусской армии и составлявшие неотъемлемое свойство прусского и германского милитаризма. Когда «Neue Preußische Zeitung» выступила в 1849 г. с восхвалением реакционных порядков в прусской армии, Энгельс ответил статьей «Присяга английских солдат», в которой указал, что даже в английской армии существовали уже в то время конституционные гарантии, в известной мере ограждавшие права солдат, в то время как в Пруссии солдат был совершенно бесправен[4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 469.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 15, стр. 20.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 361.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 351—353

Энгельс энергично выступал против военной шумихи и истерии, постоянно раздувавшейся германской печатью. На всем протяжении своей революционной деятельности он вел непреклонную борьбу против милитаризма, против проповеди вражды между народами и апологии захватнических войн. Разоблачая проникнутую милитаристско-шовинистическим духом буржуазную военную идеологию, марксистская военная наука подчиняла изучение опыта войн и военного дела благородной цели революционного преобразования общества, избавления его навсегда от классовых антагонизмов, эксплуатации и гнета, от кровавых военных столкновений между народами, порождаемых капиталистическим строем.

В богатом литературном наследии Энгельса можно встретить и некоторые спорные или неточные положения. Главной тому причиной явилась неразработанность многих вопросов в предшествующей военной литературе, неизбежная зависимость Энгельса от существующих источников и литературы, их ненадежность и невозможность обнаружить ошибки ввиду отсутствия в распоряжении Энгельса необходимых первоисточников. Энгельс был первым марксистом, который подверг критическому пересмотру, с точки зрения марксистской науки, огромную военную литературу. С большой проницательностью он распознал многие ее уязвимые стороны и внутренние пороки. Однако до конца проделать эту великую «очистительную» работу он, естественно, не смог, не успел, а в некоторых случаях находился под впечатлением выводов старой, тенденциозной военной литературы. Уместно остановиться в этой связи на оценке, которую дал Энгельс в ряде своих произведений, в частности в работе «Армии Европы», русской армии, русскому военному искусству.

Энгельс совершенно правильно отмечал экономическую и культурную отсталость царской России и техническую отсталость русской армии. Он отмечал в то же время стойкость русских солдат, героизм и искусство защитников Севастополя. Однако в характеристике военной истории России он допустил ряд неточностей. Некоторые неточности можно встретить и в освещении Энгельсом роли русских полководцев, например, Кутузова.

Несомненно, что одна из причин этого заключалась в недостаточной научной разработанности в то время основных проблем военной истории России и в ненадежности источников, которыми вынужден был пользоваться Энгельс. Весьма показателен в этом отношении пример с мемуарами генерала Толя, вернее с книгой Бернхарди о генерале Толе, в которую включены эти мемуары. На них ссылается Энгельс в статье «Бородино». Энгельс признает, что главным образом на этих мемуарах основывается данное им описание сражения [1]. Между тем, русская военная историография выяснила, что эта книга не заслуживает доверия. В статье «Положение на русско-турецком театре военных действий» Энгельс сообщает, что в его расчетах один англо-французский солдат принимается «равным, по крайней мере, двум русским». Основания для подобных неправильных расчетов Энгельс почерпнул, как он сам указывает, опять-таки у «западных военных авторитетов» [2]. Несомненно, под влиянием тех же тенденциозных источников, которыми он вынужден был пользоваться, Энгельс в работе «Армии Европы» приписывал успехи России в области военного дела главным образом иностранцам и, в частности, немцам [3].

Необходимо учесть также, что ряд военных работ, появившихся в России, остался недоступен и неизвестен Энгельсу. Известно, что в России в первой половине XIX века появился ряд значительных военно-теоретических трудов. Таковы книги и статьи декабристов И. Бурцева, П. Пестеля, Н. Муравьева и Н. Бестужева, книга Горемыкина «Записки по стратегии», труды П. А. Языкова «О ходе и развитии теории стратегии» (1839) и «Опыт теории военной географии» (1840), «Фортификация» Теляковского. Ни с одной из них Энгельс, по-видимому, не был знаком. Наиболее крупными работами русских военных историков того времени являлись многотомная история войны 1812 г. Богдановича, история Крымской войны того же автора, работа Дубровина и книга князя Щербатова о Паскевиче. Во второй половине XIX века появились также книги Н. С. Голицына «Великие

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 261.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 10, стр. 286.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 479.

полководцы истории» (1875) и «Всеобщая военная история» (1878), «История военного искусства» Михневича. Несмотря на апологетический характер многих из этих книг, они представляли — и представляют отчасти и поныне — определенную научную ценность, поскольку содержат большое количество фактических данных, в том числе почерпнутых из русских военных архивов. Однако ни одна из этих книг Энгельсом не упоминается и, по-видимому, не была ему известна.

Энгельс, как и Маркс, никогда не смотрел на свои сочинения и изложенные в них выводы как на нечто законченное, не подлежащее развитию и пересмотру. Многие важные научные положения, выдвинутые в них, и, в частности, в работах на военные темы, он подвергал в дальнейшем уточнению, не останавливаясь перед заменой отдельных положений, неправильность или устарелость которых становилась для него очевидной, новыми. В этом находит свое выражение творческий характер марксистской теории.

* * *

Вооруженный выработанной в содружестве с Марксом теорией и методологией исторического материализма, развивая основы марксистского учения о войне и армии, Энгельс создал ряд крупных военно-теоретических и военно-исторических трудов, которые навсегда вошли в сокровищницу марксистской военной литературы. Энгельс не оставил, к сожалению, цельного произведения по истории военной литературы, военной историографии. Однако и здесь он вооружил историков-марксистов драгоценными методологическими указаниями, руководствуясь которыми марксистская наука может и должна создать такие труды.

Ряд работ по истории военной литературы—Хойера, Кёлера, Лискенна и Сована, Рюстова, Йенса, Дельбрюка [1] —

[1] *J. G. Hoyer*. «Geschichte der Kriegskunst». Göttingen, 1797; *Köhler*. «Die Entwicklung des Kriegswesens»; *Liskenne et Sauvane*. «Bibliothèque historique et militaire». T. I—III. P., 1852; *Rüstow*. «Geschichte der Infanterie». B., 1856; *Max Jähns*. «Geschichte der Kriegswissenschaften...». München, 1889—1891; *H. Delbrück*. «Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte». T. 1—6. B., 1907—1929 (русский перевод: *Г. Дельбрюк*. «История военного искусства...». Тт. I—VI. М., 1937—1940).

выдвинула буржуазная историография. В них собран большой фактический материал, воспроизведены древние и трудно доступные источники. Однако авторы этих работ оказались не в состоянии раскрыть *закономерности развития* научной военной мысли, ее социально-экономические корни, ее классовый характер, определить причины появления тех или иных концепций, направлений, закономерности их смены. К тому же большинство этих трудов было посвящено, строго говоря, не истории военной литературы, а истории самого военного дела, военного искусства, и нередко лишь бегло затрагивало проблемы истории литературы.

Марксистская теория исторического материализма, проливающая свет на законы развития общества, определяющая закономерности развития идеологий и наук, служит надежной методологической основой для научного освещения истории развития военной мысли и военной науки. Наряду с общими закономерностями на развитие военной литературы оказывают действие и специфические закономерности, связанные со своеобразием ее предмета, т. е. истории войн, и с особенностями ее общественной роли. В некоторых произведениях Энгельс отметил, например, интенсивное развитие военной литературы на основе военного опыта, накопленного тем или иным государством, или в результате понесенных им тяжелых военных поражений [1], или в связи с особой воинственностью, агрессивным характером его внешней политики.

Важные соображения высказал Энгельс относительно обратного влияния на «базис» такой «надстройки», какой является военная мысль. «При существующей теперь гласности в военном деле,— писал он,— только напряженная работа мысли, непрерывные усовершенствования и изобретательность в военной области и в деле использования государственных ресурсов, а также развитие военных качеств, которыми отличается данная нация,— только все это может выдвинуть на время ту или другую армию на первое место среди ее соперниц» [2].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 302—303.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 11, стр. 438.

В ряде высказываний Энгельс сформулировал, как мы видели, важнейшие требования, которым должна отвечать военная наука, критерии ее научной оценки. Особый интерес представляют в этом смысле его похвала книге Кюнцеля за «изложение более историческое и материалистическое» [1], чем в других военных работах и, особенно, положительная оценка им работы М. Йенса за признание экономического строя общества основой военного дела [2]. Не меньшее значение имеют указания Энгельса об историческом, диалектическом подходе к анализу военной истории, как обязательном условии плодотворного ее научного исследования. Важнейшей предпосылкой любого военного исследования Энгельс считал его строгую научность и объективность, убедительность аргументации, опирающейся на всю совокупность тщательно проверенных исторических фактов.

В своих суждениях об отдельных книгах и их авторах Энгельс всегда наиболее нетерпимо относился к тенденции искусственно выбирать и группировать факты в угоду заранее принятой концепции. Так, книгу Базанкура «Крымская экспедиция до взятия Севастополя, хроника Восточной войны» Маркс в письме к Энгельсу выразительно назвал ««наполеоновским» изложением крымской истории» [3]. Энгельс вполне согласился с этой оценкой. Аналогичную оценку многих других подобных книг мы находим в письмах и статьях самого Энгельса. Так, разбирая книгу Рюстова, порвавшего с демократическим лагерем, он в письме к Марксу от 27 апреля 1867 г. иронически замечает: «Рюстов хочет во что бы то ни стало стать прусским генералом... В своей плохой и неряшливой книге о войне он *лебезит* чрезвычайно перед Вильгельмом Завоевателем и принцем. Вот *почему* он переселяется в Берлин» [4].

Энгельс ядовито высмеивал псевдонаучные военные исследования, вроде некоторых сочинений Виллизена, где всевозможные истины, «большей частью сами по

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 363.
[2] См. *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», 1957, стр. 160—161, 337.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 142.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 408.

себе понятные, конструируются априори с пространной и глубокой основательностью, а в промежутках попадаются рассуждения о простоте и сложности и тому подобных противоположностях. Что можно сказать о такой военной науке, которая начинает с понятия об искусстве вообще, а затем устанавливает, что и поваренное искусство есть искусство, распространяется подробно об отношении между искусством и наукой и, наконец, резюмирует все правила, отношения и возможности и т. д. военного искусства в одном абсолютном положении, что более сильный всегда должен побить более слабого»[1]. При сличении «принципов» Виллизена с реальным опытом войн, замечает Энгельс, получается, что «величайшие успехи Наполеона были достигнуты каждый раз пренебрежением к основным принципам Виллизена»[2].

Таким образом, подчеркивая обилие в военной литературе «систем или выдумок непризнанных гениев», Энгельс указывал, что ему важно «знание практических, в действительности существующих вещей», а не этих «систем и выдумок»[3].

Размышляя над уроками многовековой военной истории, Энгельс не раз возвращался к коренному, «вечному» вопросу о факторах, определяющих судьбы войны, победу или поражение каждой из воюющих сторон[4]. Он

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 363.

[2] Там же

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 98.

[4] Этот вопрос обсуждался в произведениях не только современных Энгельсу, но и у средневековых и античных авторов. Еще современник Юстиниана, анонимный византийский автор VI века, в сочинении «Военная наука» посвятил 3 главу своего труда вопросу о том, «когда нужно принимать бой и когда не нужно». В этой главе он советует «выяснить силы врага, сравнить их с собственными силами и затем прийти к решению, принимать ли бой». Сравнивать нужно, продолжает он,— «во-первых, *численность* обеих армий, нашей и противника, во-вторых, *качество солдат* обеих сторон — их храбрость, физическую силу и боевой опыт, далее, *вооружение* обеих сторон и, наконец, *настроение,* в котором солдаты обеих сторон вступают в бой». Цитировано по книге: *Köchly* und *Rüstow.* «Griechische Schriftsteller». Bd. II. Leipzig, 1855, S. 161. (Подчеркнуто нами.— *К. С.*). Как мы видим, византийский аноним подошел довольно близко к научному определению важнейших факторов, от которых зависит победа в войне. На протяжении последующего тысячелетия военная мысль продолжала разрабатывать эти положения.

по-новому подошел к решению этой вековой загадки. Он выдвинул, прежде всего, известное положение о том, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот», что «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [1]. При этом Энгельс подчеркивает определяющую роль *социального строя,* существующего в стране. В статье «Расцвет и упадок армий» он на примере французской армии периода кризиса Второй империи показывает, какое решающее значение для ее судеб имела *прочность тыла.* Гнилость режима Луи Бонапарта определила неустойчивость и его армии. «Вся система прогнила насквозь; атмосфера коррупции, в которой жила Вторая империя, подействовала, наконец, и на главную опору этой империи — армию; и в час испытания эта армия не могла противопоставить неприятелю ничего, кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат, а одного этого недостаточно, чтобы армия оставалась первоклассной» [2].

Рассматривает Энгельс и вопрос о роли такого фактора, как личность полководца, его способности. В «Анти-Дюринге» он решительно выступает против распространенного в военной литературе того времени антинаучного, идеалистического взгляда, будто перевороты в военном деле обязаны «свободному творчеству ума» гениальных полководцев. Он пишет: «Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось тем, что они приспособляли способ борьбы к новому оружию и к новым бойцам» [3]. Энгельс обрушивается здесь, таким образом, на сторонников идеализма, непомерно преувеличивающих роль личности в истории.

Носители этой антинаучной философии были особенно многочисленны среди военных писателей, с их культом личности того или иного прославленного полководца.

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», 1957, стр. 156.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 98—99.
[3] *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», 1957, стр. 156.

Исторической заслугой Энгельса явилось то, что он нанес сильный удар по всякого рода идеалистическим, субъективистским концепциям и заложил основы трезвой, материалистической трактовки роли полководца в войне. На первый взгляд может показаться, что Энгельс не подчеркнул в должной степени другую сторону вопроса: важную, крупную роль, которую способны играть и действительно играли многие выдающиеся полководцы. Однако здесь, как и во многих других подобных случаях, следует учесть замечание, высказанное Энгельсом в одном из его писем 90-х годов о том, что он и Маркс преимущественно «напирали» на экономическую сторону, чтобы ярче, резче подчеркнуть коренное отличие своей материалистической философии от прежних, идеалистических систем, и, в связи с этим, некоторые их ученики, быть может, недостаточно обращали внимания на показ обратного влияния надстроек на базис [1]. В трудах Энгельса содержится, как известно, оценка исторической роли многих выдающихся полководцев и военных деятелей.

Большое внимание придавал Энгельс такому важному фактору победы в войне, как *моральный дух войск*. В ряде произведений он наглядно показал выдающуюся роль этого фактора. В то же время Энгельс решительно осуждал лицемерные разговоры о «моральном факторе», которыми занимались многие буржуазные военные теоретики, модную в XIX веке болтовню о «роли морального фактора», прикрывавшую на деле унижение достоинства и личности солдат в буржуазных армиях. В брошюре «Может ли Европа разоружиться?» (1893 г.) Энгельс восклицал: «Как много болтают о решающем значении во время войны моральных факторов! А чем же иным занимаются в мирное время, как не тем, что их почти систематически уничтожают?» [2].

Большое принципиальное значение имеет глубокая мысль Энгельса о национальных особенностях, присущих различным армиям. Высказывая мнение, что на этих особенностях сказывается «нивелирующее влияние

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVIII, стр. 246—247.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 357.

буржуазной эпохи», так что «старые национальные особенности находятся в процессе исчезновения также и в армиях»[1], Энгельс в то же время отмечает, что национальный характер, исторические традиции, уровень культуры и другие аналогичные факторы оказывают глубокое влияние на облик той или иной армии[2].

Энгельс не оставил какой-либо законченной схемы периодизации всей истории военного дела. Но созданная им совместно с Марксом теория исторического материализма, разработанные ими положения об общественно-экономических формациях и их закономерной смене представляют собой научную основу для периодизации не только истории общества в целом, но и истории войн и военного искусства. В произведениях Энгельса встречаются также отдельные важные указания о периодизации военной истории нового времени; можно отметить, в частности, его замечание о «мануфактурном» периоде в военном деле. Энгельс связывал этот период с употреблением кремневого ружья, а «промышленный» — со скорострельной винтовкой[3]. В другом месте он сравнивал мануфактуру со «старинным, гладкоствольным, кремневым мушкетом 1680 г.», а крупную промышленность — с «современной автоматической 7,5-миллиметровой винтовкой образца 1892 года»[4].

Энгельс успешно разработал ряд коренных вопросов военной теории и военной истории. Ему удалось высказать важные научные предвидения, полностью подтвердившиеся затем в ходе исторического развития. В период франко-прусской войны Энгельс сделал знаменитое предсказание относительно предстоящего окружения и гибели французской армии под Седаном, свидетельствующее о выдающейся его проницательности. В статье «Заметки о войне — XII» от 26 августа 1870 г. Энгельс писал: «Войскам Мак-Магона придется, быть может, сдаться на той узкой полоске французской земли, которая вдается в территорию Бельгии между Мезьером и Шарльмон — Живе»[5]. Таким образом, Энгельс за неделю

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 504—505.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 11, стр. 436.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 253.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 37—38.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 68—69.

до постигшей французскую армию катастрофы предугадал события, причем определил место сдачи армии Мак-Магона с точностью до 20 км.

Еще большее значение имеют научные предвидения Энгельса о характере вооруженных сил грядущего социалистического общества[1]. Энгельс предсказывал, что с победой пролетариата, на основе освобождения трудящихся, ликвидации эксплуататорских классов, расцвета производительных сил, материального и духовного подъема общества возникнет «новый способ ведения войны», значительно более прогрессивный, чем буржуазный[2]. Марксистская теория дала Энгельсу возможность высказать предположение и о дальнейшем направлении развития самой военной мысли. Новая военная наука — писал он — «будет в такой же мере необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой военная наука, созданная революцией и Наполеоном, явилась неизбежным результатом новых отношений, порожденных революцией»[3].

Хотя в начале 50-х годов XIX века Энгельс не мог пойти дальше приведенного выше общего указания относительно нового способа ведения войны, его высказывания имеют важнейшее методологическое значение. При этом Энгельс подчеркивал, что новый способ ведения войны и новая военная наука появятся не сразу, не на другой день после завоевания пролетариатом политической власти, что первое время пролетарская революция «вынуждена будет вести войну теми средствами и теми методами, какими она вообще ведется в наше время»[4]. Однако по мере создания «новых, более мощных средств» ей удастся достигнуть «новых, более грандиозных результатов»[5].

Опыт первых лет социалистической революции в нашей стране полностью подтвердил это положение Энгельса. В докладе на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 539; т. 7, стр. 505—513.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 510.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 512.

[5] Там же, стр. 513.

говорил, что в области строительства вооруженных сил республики нужно было прежде всего использовать в интересах защиты пролетарского государства «буржуазную науку и технику милитаризма» и, с их помощью, «овладеть современной техникой и современным способом ведения войны» [1]. Новое, советское военное искусство не было и не могло еще быть создано в ту пору, хотя его элементы уже возникали и развивались. Оно приобрело зрелость лишь в годы Великой Отечественной войны, т. е. уже после построения социализма в нашей стране, на основе огромного роста производительных сил и новой техники. В свете исторического развития и, особенно, опыта строительства вооруженных сил первого в истории социалистического государства особенно отчетливо видно выдающееся значение научных предвидений, высказанных Энгельсом.

Взгляды Энгельса по военным вопросам получили дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина, в программных документах и решениях КПСС и братских коммунистических и рабочих партий, в работах советских и зарубежных марксистов.

Опираясь на основные положения, выдвинутые Марксом и Энгельсом, и творчески их развивая, В. И. Ленин всесторонне разработал основы марксистской военной науки. Он научно определил основные факторы победы в современной войне, указав, что «побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще» [2]. Ленин раскрыл связь политической стратегии и тактики со стратегией и тактикой военной, обосновал положение о защите социалистического Отечества [3]. Он подчеркнул значение современного, мощного вооружения, указав, что «самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены» [4].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 29, стр. 133.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 30, стр. 55.

[3] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I, 1960, стр. 437.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 27, стр. 54.

Большое значение Ленин придавал военной науке. Он указывал, что «без науки современную армию построить нельзя»[1]. Ленин был превосходным знатоком произведений основоположников марксизма, хорошо знал военные произведения Энгельса, изучал труды военных теоретиков прошлого[2] и, в частности, таких выдающихся военных писателей, как Наполеон I, Клаузевиц, выделяя ценные мысли, сохраняющие значение и для нашего времени[3]. Таково, в частности, знаменитое положение Клаузевица о том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами», использованное В. И. Лениным в ряде работ[4]. Сохранились выписки Ленина из работ Клаузевица, из которых видно, что Ленин одобрительно относился и к некоторым другим мыслям этого писателя — например, к его положению о том, что лучший ключ к стране по большей части находится в неприятельском войске. «Остроумно и умно!» — отметил В. И. Ленин[5].

Ряд важных военно-теоретических проблем был выдвинут и обоснован И. В. Сталиным. Большой вклад в развитие военной науки в СССР внесли выдающиеся полководцы и военные деятели Советского государства М. В. Фрунзе, Б. М. Шапошников и другие. Заботой о развитии советской военной науки проникнуты меры

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 30, стр. 370.

[2] Подробнее об этом см. И. Ростунов. «В. И. Ленин и военная история» («Военно-исторический журнал» № 4, 1960).

[3] В 1915 г. В. И. Ленин сделал выписки из «Мыслей» Наполеона, а в статье «О нашей революции» В. И. Ленин ссылается на одно его изречение (см. Соч., 4 изд., т. 33, стр. 439; т. 38, стр. 334). Клаузевица Ленин называл «одним из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем» (Соч., 4 изд., т. 21, стр. 195), «одним из самых глубоких писателей по военным вопросам» (там же, стр. 276), «одним из самых знаменитых писателей по философии войн и по истории войн» (Соч., 4 изд., т. 24, стр. 363). Он указывал, что Клаузевиц, вскоре после эпохи наполеоновских войн, «обозревал историю войн и выводил философские уроки из этой истории» и что его основные мысли «сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека» (там же, стр. 363).

[4] См. *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 194—195, 276; т. 24, стр. 363—364, 366; т. 27, стр. 300.

[5] *В. И. Ленин.* «Замечания на сочинения Клаузевица «О войне»», М., 1939, стр. 21.

Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на творческое обобщение опыта второй мировой войны, изучение и анализ проблем военного искусства современной эпохи[1].

Значительных успехов достигла современная марксистская военно-историческая наука. В Советском Союзе появился ряд ценных трудов по истории войн и военного искусства. Вышел в свет первый том многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Созданы работы, посвященные марксистской оценке наследия отдельных военных писателей прошлого. Складывается литература по истории военной науки, как составная часть марксистской историографии. Развертывается издание источников, т. е. выдающихся работ из военной литературы прошлого[2].

Высказывания Энгельса, творчески развитые и обогащенные в ходе дальнейшего развития марксистской военной историографии, занимают почетное место в системе взглядов марксизма-ленинизма на историю военной науки.

---

[1] См. *Н. В. Пуховский.* «О советской военной науке». М., 1959.

[2] Некоторые произведения зарубежных военных писателей, цитируемые или упоминаемые Ф. Энгельсом, переиздавались в СССР в русском переводе и доступны тем, кто изучает историю военной литературы. Таковы, в частности, произведения Наполеона, Клаузевица. Другие известны в старых русских переводах (например, Жомини, Кинглек). Важные отрывки из произведений Виллизена, Бюлова, эрцгерцога Карла, Жомини и Мольтке собраны в вышедшем в 1924—1926 гг. под редакцией А. Свечина двухтомнике «Стратегия в трудах военных классиков». К сожалению, во вступительных статьях редактора оценки, данные творчеству этих писателей Энгельсом, не приняты во внимание. Это объясняется, видимо, тем обстоятельством, что соответствующие произведения Энгельса к тому времени еще не были собраны воедино и переведены. Вдобавок этот двухтомник не включал в себя выдержек из произведений ряда авторов, значение которых отмечал Энгельс (например, Кюнцеля, Нейпира, Рюстова, Йенса).

И. М. СИНЕЛЬНИКОВА

ДОКУМЕНТЫ ЖЕННИ МАРКС КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ БИОГРАФИИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Женни Маркс, как сказал о ней Энгельс, «не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей вдумчивостью и с пламеннейшей страстью» [1].

Порвав со своей средой, отказавшись от жизни спокойной и благополучной, она избрала себе жизнь полную тревог, лишений, преследований и всегда сохраняла моральную стойкость и присутствие духа, всегда поддерживала Маркса и помогала ему. Ее душевное благородство, ее ум и интеллект, ее тонкое понимание и умение разбираться в сложнейших вопросах теории и политики вызывали всегда восхищение и уважение ее друзей и единомышленников. Маркс, который через всю долгую жизнь пронес чувство нежной любви к своей Женни, постоянно сохранял к ней глубокое уважение как к человеку, как к товарищу и партийному деятелю. Она всегда была его первым читателем и строгим критиком, и с ее мнением он очень считался. Женни никогда не была просто женой Маркса и матерью его детей. Она всегда была его верным другом, помощником и товарищем по борьбе. Она обладала сильным характером, имела свою яркую индивидуальность. Женни была самой первой ученицей Маркса и его преданной последовательницей. Она была первой женщиной-коммунисткой, которая вместе с плеядой первых кадров пролетарских революционеров составляли мощную опору для

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 596.

Маркса и Энгельса в их самоотверженной борьбе за свободу и счастье трудящихся.

«То, что̀ это женщина,— говорил Ф. Энгельс на ее могиле,— со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданностью своим товарищам по борьбе сделала для движения в течение почти сорока лет,— это не стало достоянием общественности, об этом нет ни слова в летописях современной печати. Это каждый должен был пережить лично. Но в одном я уверен: жены изгнанников-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести» [1].

Хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС письма и документы Женни Маркс, хотя вследствие небрежности адресатов до нас дошли далеко не все ее письма, не только дают возможность воссоздать прекрасный образ Женни Маркс, но и являются, несомненно, важным источником для работы над научными биографиями Маркса и Энгельса.

Хотя большинство писем, входящих в фонд Женни Маркс, касается отдельных подробностей быта семьи Маркса, ее бедствий, борьбы за существование, воспитания детей, но в каждом из них так или иначе отражаются текущие политические события, партийная деятельность Маркса, Энгельса и их соратников, ибо все это неизбежно переплеталось в их жизни.

Еще в самом юношеском возрасте, будучи только помолвленной с Марксом, Женни проявляет живой интерес к делам Маркса и принимает в них деятельное участие. Являясь свидетелем формирования революционного мировоззрения будущего вождя и учителя пролетариата и разделяя многие его стремления и искания, она в эти годы была посвящена в теоретические замыслы своего жениха. Он делился с ней и своими политическими взглядами.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 597.

Она усердно учится, и в ее письмах, наряду с нежными любовными излияниями, можно встретить сообщения о том, сколько ею проштудировано работ Гегеля, Бруно Бауэра и какие просмотрены газеты [1].

В 1841 году она интересуется распространением акций создававшейся тогда оппозиционной «Rheinische Zeitung» [2], к основанию которой проявил интерес и Маркс. В октябре 1842 г. Маркс сделался редактором газеты, и благодаря его влиянию газета стала принимать все более определенное революционно-демократическое направление. Когда после закрытия прусским правительством «Rheinische Zeitung» в 1843 г. Маркс начал предпринимать шаги для организации за пределами Германии нового журнала, задачей которого должна была стать «беспощадная критика всего существующего», Женни Маркс, ставшая 19 июня 1843 г. женой Маркса, принимает участие в обсуждении вопроса о выборе места для его издания [3]. Таким журналом стал «Deutsch-französische Jahrbücher», первый выпуск которого вышел в Париже в начале 1844 года. Издание «Deutsch-französische Jahrbücher» знаменует собой переход Маркса от революционного демократизма к материализму и коммунизму. Женни Маркс, разделявшая судьбу изгнанника-эмигранта, которая отныне ждала ее мужа, восприняла также и его мировоззрение.

Вникая во все дела Маркса, помогая ему, Женни уже в самом начале их совместной жизни в связи с его литературной работой дает ему дружеские указания и советы, касающиеся характера и стиля его статей. Женни писала в своеобразной манере, очень образно и живо.

«Не пиши так желчно и раздраженно,— писала она Марксу,— ты знаешь, насколько больше действовали твои другие статьи. Пиши или по-деловому и тонко, или юмористически и легко. Дорогой мой, пусть твое перо свободно скользит по бумаге, и не беда, если что-нибудь застопорится. Твои мысли стоят, как гренадеры старой гвардии, так стойко и храбро и... скорее умрут, но не

---

[1] Ж. Вестфален — К. Марксу, 10 августа 1841 г. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма, ф. 6, ед. хр. 6).

[2] Там же.

[3] Женни — К. Марксу, март 1843 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 8).

сдадутся. Что делать, если мундир надет свободно и не зашнурован так туго. Как хорошо, что у французских солдат свободная, легкая одежда. Подумай о наших затянутых пруссаках, разве тебя это не ужасает! Отпусти ремешки, освободи галстук и шлем — дай свободу причастным оборотам и расставляй слова, как им самим хочется. Такое войско должно идти вольным шагом. А твои войска идут в бой? Желаю счастья полководцу!» [1]

Говоря о надвигающейся революции в Европе, она замечает: «Где же теперь найти прочную почву? Разве не чувствуются повсюду следы земных колебаний и брожения под почвой, на которой общество построило свои храмы и магазины? Вскоре все эти подземные толчки выйдут наружу, в Бреславле уже снова была вспышка!» [2]

Женни имеет в виду восстание силезских ткачей в 1844 году.

Женни интересуется ходом полемики Маркса с немецким публицистом, буржуазным радикалом Руге, которая развернулась между ними в 1844 г. на страницах парижской газеты «Vorwärts» по вопросу об оценке силезского восстания. Она спрашивает, как «этот болван» («Heuochs») реагировал на статью Маркса «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»», опубликованную в «Vorwärts» от 7 и 10 августа 1844 года [3].

Здесь уместно отметить, что к этому же времени относится интересное письмо Женни, написанное ею из Трира, где она гостила у родителей, и опубликованное Марксом в Париже в газете «Vorwärts» без ведома автора. Это письмо, написанное блестящим стилем, как, впрочем, и все письма Женни, освещает происшедшее в Берлине 26 июля 1844 г. неудачное покушение бургомистра Чеха на прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, и реакцию, которую это событие вызвало в Германии. «Мой дорогой,— пишет Женни,— я получила твое письмо как раз в тот момент, когда все коло-

---

[1] Женни — К. Марксу, 21 июня 1844 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 9).

[2] Там же.

[3] Женни — К. Марксу, 11 августа 1844 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 10).

кола звонили, все пушки палили и благочестивая толпа направлялась в храм, чтобы пропеть аллилуйю небесному господину за то, что он столь чудесным образом спас господина земного»[1]. Далее в этом письме она высказывает мысль о том, что в Германии имеются налицо все зародыши социальной революции. Такую же мысль мы находим в вышеупомянутой статье Маркса против Руге «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»».

Ряд писем и документов Женни Маркс относятся к брюссельскому периоду деятельности Маркса. Высланный из Франции правительством Гизо, Маркс с семьей в феврале 1845 г. переезжает в Брюссель. Здесь он вместе с Энгельсом, приехавшим в Брюссель в начале апреля 1846 г., развертывает борьбу за сплочение передовых деятелей социалистического и рабочего движения, основывает в начале 1846 г. Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, предпринимает шаги к созданию пролетарской партии, ведет напряженную теоретическую работу по разработке ее идеологических и тактических основ.

В письмах Женни находит свое отражение решительное выступление Маркса в этот период против грубоуравнительного коммунизма В. Вейтлинга и против мещанского «истинного социализма» и его слащавой проповеди любви и братства.

«У вас там настоящее смертоубийство»,— пишет она в марте 1846 г., как раз когда произошел разрыв Маркса и Энгельса с Вейтлингом. О Вейтлинге она пишет, что он не сумел преодолеть свою ремесленную ограниченность и выдумывает фантастические вещи, которые только внешне выглядят безумно смелыми.

А «истинный социалист» Гесс, указывает она, изображает из себя пророка и верховного жреца и убаюкивает себя фальшивыми планами.

«Я бесконечно рада за тебя, мой дорогой Карл, что во всей этой путанице ты остаешься ясным и спокой-

---

[1] Это письмо обнаружено Г. Багатурия и опубликовано с его комментариями в «Научно-информационном бюллетене сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» Института марксизма-ленинизма **№ 2**, 1959, стр. 31—35.

ным и можешь иметь достаточно выдержки и мужества. Я очень горжусь тобой и люблю тебя за это»[1].

Самый живой интерес проявляет Женни к теоретическим работам Маркса и Энгельса.

В марте 1846 г. она интересуется тем, как обстоит дело с их работой над «Немецкой идеологией», и в то же время настаивает на том, чтобы Маркс главное внимание уделил задуманному им труду «Критика политики и политической экономии». Она указывает о важности ускорения издания этой книги, о том, что время настоятельно требует ее. Она пишет, что отсутствие необходимой литературы мешает вести полемику с Грюном и Руге, что в революционной пролетарской среде ощущается огромный недостаток в знаниях, что лжепророки засорили атмосферу и необходимо оружие для борьбы[2].

В период, предшествовавший революции 1848 г., когда Маркс и Энгельс вместе со своими соратниками усилили борьбу за пролетарскую партию, когда они, выступая против представителей различных форм мелкобуржуазного и буржуазного социализма, развертывали среди передовых рабочих пропаганду сформулированных ими к тому времени основ научного социализма, когда они создавали первую международную пролетарскую организацию — Союз коммунистов и его историческую программу — «Манифест Коммунистической партии», Женни Маркс всегда принимала живое участие во всех делах Маркса. Она была его секретарем и ближайшим помощником, переписывала все его теоретические работы, писала по его поручению письма и инструкции.

В ряде писем к своей приятельнице, учительнице из Кёльна, Лине Шёлер, она рассказывает о своем участии в делах Маркса, о его страшной перегрузке и о необходимости в связи с этим взять на себя ведение всей его корреспонденции[3].

Письма, написанные Женни по поручению Маркса в моменты его болезни или наибольшей занятости,

[1] Женни — К. Марксу, 24 марта 1846 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 12).

[2] Там же.

[3] Женни — Лине Шёлер, 31 января 1848 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед хр. 15).

сделаны рукой политически зрелого человека, прекрасно разбирающегося в обстановке.

Женни переписывает текст «Манифеста Коммунистической партии»; единственная дошедшая до нас страница рукописи «Манифеста» переписана рукой Женни [1].

В своей краткой автобиографии «Беглый очерк беспокойной жизни» Женни писала, что часы работы по переписыванию произведений Маркса принадлежат к счастливейшим часам ее жизни [2].

Впоследствии, когда подросли их дочери, они начали помогать ей в этом.

В декабре 1859 года в одном из своих писем к лучшему другу Маркса и всей их семьи — Энгельсу она шутливо замечает: «сегодня вместо меня статью переписала Женни. Я думаю, что мои дочери скоро оставят меня без службы и меня можно будет внести в список «Versorgungsberichtigten» [имеющих право на обеспечение.— *И. С.*].

Жаль, что нет никаких видов на пенсию за мою многолетнюю секретарскую службу» [3].

В марте 1848 года Женни вместе с Марксом подверглась аресту и высылке из Брюсселя и переехала в Париж. Подробности ареста имеются в автобиографии Женни. По поручению Маркса Женни пишет сообщение в газеты об отмежевании основанного членами Союза коммунистов в Париже в марте 1848 г., после февральской революции, Клуба немецких рабочих от немецкого Демократического общества Гервега — Борнштедта, пропагандировавшего авантюристическую идею вторжения немецкого добровольческого легиона в Германию с целью устройства там революции. Вместе с Марксом она возвращается из Парижа в Германию после мартовской революции 1848 г. в германских государствах. В бурный период революционных событий в Германии Маркс на посту редактора «Neue Rheinische Zeitung» отстаивает

---

[1] Отрывок рукописи «Манифеста Коммунистической партии», переписанный рукой Женни Маркс, декабрь 1847 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 236).

[2] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 230.

[3] Женни — Ф. Энгельсу, позднее 22 декабря 1859 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 31).

линию пролетарского крыла демократии в революции. Наступление контрреволюционных сил привело к прекращению выхода «Neue Rheinische Zeitung». Маркс должен был вторично, на этот раз навсегда, покинуть свою родину. В июне 1849 г. в письме к Лине Шёлер из Трира, куда Женни переехала со своими детьми после нового переселения Маркса из Германии в Париж, она высказывает тревогу за Маркса, пишет о трудностях, которые приходится переносить тем, кто борется за принципы нового мира, сообщает о настроении Маркса.

«Маркс спокоен и бодр и во всех трудностях, которые нас теперь обременяют, видит лишь предвестников близкой и полной победы нашего мировоззрения» [1].

Переехав после поражения германской революции в конце лета 1849 года снова в Париж, Женни в письме Л. Шёлер описывает Париж этих дней, торжество реакции, воцарившейся после разгрома июньского восстания парижских рабочих в 1848 г. и неудачного выступления мелкобуржуазной партии Горы 13 июня 1849 года [2].

15 сентября 1849 г. Женни Маркс переезжает вслед за Марксом из Парижа в Лондон, где начинается новый, тяжелый период эмигрантской жизни Маркса, полный мучительной борьбы за существование, но в то же время полный большого творческого труда.

В то время как мелкобуржуазные демократы после поражения революции занимались в эмиграции составлением беспочвенных и никчемных планов импортирования революции в Германию и погрязали в бесконечных дрязгах и интригах, Маркс и Энгельс делали все возможное, чтобы использовать временную передышку для обобщения опыта революции, для дальнейшей разработки революционной теории, для сплочения, закалки и воспитания кадров пролетарских революционеров.

В обстановке, сложившейся после поражения революции, в условиях эмиграции, испытывая жестокую материальную нужду, стоившую жизни трем ее детям, Женни

---

[1] Женни — Л. Шёлер, 29 июня 1849 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 16).

[2] Женни — Л. Шёлер, 14 июля 1849 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 304).

сохраняла необычайную стойкость и выдержку; она ни на минуту не переставала помогать Марксу, переписывала его неразборчивые рукописи, вела обширную корреспонденцию с различными деятелями международного революционного движения. Большинство ее писем за 1850—1852 гг. адресовано Энгельсу, Вейдемейеру, Клуссу и несколько писем — Марксу (в то время, когда он бывал у Энгельса в Манчестере).

Известное письмо к И. Вейдемейеру от 20 мая 1850 г., где Женни подробно описывает день своей жизни в эмиграции, дает яркое представление о жесточайшей нужде, которую переживала в это время семья Маркса. Здесь же она рассказывает, сколько средств пришлось Марксу затратить на издание «Neue Rheinische Zeitung».

В этом письме Женни просит срочно прислать вырученные за распространение издававшегося в это время Марксом журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» деньги, необходимые для продолжения издания этого теоретического органа, на страницах которого Маркс и Энгельс подвели итоги революции 1848—1849 гг. и обобщили ее опыт [1].

Женни очень активно реагирует на борьбу Маркса и Энгельса против представителей мелкобуржуазной демократии. В ее письмах находят отражение также выступления Маркса и Энгельса, разоблачающие сектантско-левацкую фракцию Виллиха — Шаппера, авантюристические затеи с «революционным немецко-американским займом» Кинкеля.

В очень остроумных, полных сарказма письмах Энгельсу Женни рассказывает о том, что происходит в Лондоне.

В письме Энгельсу 19 декабря 1850 г. она называет группу Виллиха — Шаппера «низкой шайкой» и одобряет энергичное выступление кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов против этой группы [2].

Женни, тяжело переживавшая все дрязги и интриги в среде лондонской эмиграции, все многочисленные

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 240—244.

[2] Женни — Ф. Энгельсу, 19 декабря 1850 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 123—124).

клеветнические выпады против Маркса, пишет Энгельсу о раздорах среди немецкой эмиграции в Лондоне, о заискивании Кинкеля перед английской буржуазией[1]. Вейдемейеру она сообщает об интригах Кинкеля против Маркса. С одной стороны, Кинкель — пишет Женни — лицемерно «льстит друзьям Карла» и говорит, что он хочет «завязать связь с Марксом... и в то же время *старается самым вероломным образом набросить тень на личную репутацию моего мужа* и... рассказывает гнусные истории о нем и его друзьях»[2]. Клуссу она пишет о клеветнических выступлениях Руге против Маркса[3] и т. д.

В январе 1852 г. начинает выходить издаваемый в Америке Вейдемейером журнал «Die Revolution», где публикуется работа Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта». Имеется несколько писем Женни к Вейдемейеру, написанных в связи с пересылкой отдельных частей этой работы.

В период кёльнского процесса коммунистов, сфабрикованного прусской полицией по заданию короля Фридриха-Вильгельма IV, исключительно велика была роль Маркса, разоблачившего все подлые ухищрения и махинации прусской полиции.

Женни Маркс деятельно помогала Марксу: переписывала рукописи, добывала материалы, инструкции, пересылала их, вела всю переписку по конспиративным адресам. В нескольких письмах Женни касается кёльнского процесса.

9 января 1852 г. Женни передает Вейдемейеру просьбу Маркса поместить в его газете статью «о наших бедных кёльнских друзьях, тем более, что партия Кинкеля... сознательно совершенно замалчивает их существование и все их страдания». От себя Женни с возмущением добавляет: «...эти люди изнывают в тюрьмах, с ними отвратительно обращаются.., а «великие люди будущего» за-

---

[1] Женни — Ф. Энгельсу, около 8 января 1852 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 316).

[2] Женни — И. Вейдемейеру, около 10 января 1852 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 119).

[3] Женни — А. Клуссу, 15 октября 1852 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 164).

гребают, между тем, тысячи во имя революции и уже распределяют будущие правительственные посты»[1].

В мае 1852 г. в письме к Марксу она пишет о положении кёльнских обвиняемых, в частности о болезни одного из них — Даниельса[2]. О ходе кёльнского процесса, о характере показаний одного из подсудимых Германа Беккера Женни пишет в письме А. Клуссу от 15 октября 1852 года[3].

Но наиболее ярко борьба Маркса и Энгельса за разоблачение организаторов провокационного кёльнского процесса описана Женни в известном письме ее к А. Клуссу от 28 октября 1852 года.

««Партия Маркса» работает день и ночь, работает головой, руками и ногами... Все утверждения полиции — чистейшая ложь. Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, дает ложные присяги, лжесвидетельствует... простые слухи, донесения, сплетни выдает за действительно установленные судебным путем факты и доказательства.

Доказательства того, что все это фальсифицировано, должны быть доставлены отсюда. Моему мужу приходится, таким образом, работать днем и ночью. А затем документы, переписанные в шести и даже восьми копиях, надо различными путями отправлять в Германию через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отсюда в Кёльн, вскрываются и похищаются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией и моим мужем... я тоже принимаю участие в работе и переписывала столько, что пальцы онемели... У нас теперь целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы писцы могли существовать и приводить против старого официального мира доказательства неслыханнейшего скандала»[4].

---

[1] Женни — И. Вейдемейеру, около 10 января 1852 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 119).

[2] Женни — К. Марксу, 30 мая — 1 июня 1852 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 21).

[3] Женни — А. Клуссу, 15 октября 1852 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 165).

[4] Женни — А. Клуссу, 28 октября 1852 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 166—167).

После роспуска Союза коммунистов, осенью 1852 г., в обстановке европейской реакции усилия Маркса и Энгельса были направлены на воспитание пролетарских революционеров и их теоретическую закалку, на отстаивание идей научного коммунизма в печати. Собственных органов печати у Маркса и Энгельса в эти годы не было. Приходилось использовать все возможности для выступления на страницах прогрессивных буржуазных газет, в частности «New-York Daily Tribune». В период сотрудничества Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» в письмах Женни за 1851—1862 гг., преимущественно адресованных Энгельсу, говорится о статьях Маркса для этой газеты и упоминаются темы, которые Маркс рекомендовал Энгельсу для его корреспонденций в эту же газету [1].

В письме к К. Шрамму 8 декабря 1857 г. Женни пишет об изменении настроения Маркса в связи с наступлением экономического кризиса [2]. Известно, что Маркс и Энгельс придавали этому кризису большое значение, надеясь, что он вызовет глубокие революционные сдвиги, создаст обстановку нового революционного подъема.

В ряде писем Женни к Энгельсу в 1859 г. речь идет о работе Маркса «К критике политической экономии», о болезни, мешающей ему продолжать работу, а после выхода ее в свет — о замалчивании этой книги немецкой прессой.

«Тайные, давно лелеявшиеся надежды на книгу Карла все лопнули,— пишет Женни,— вследствие заговора молчания немцев, который был нарушен лишь несколькими беллетристическими заметками фельетонного характера, касавшимися только предисловия, а не содержания книги.

Быть может второй выпуск пробудит их от летаргии, но тогда они так же станут нападать на тенденцию книги, как они замалчивали ее научную ценность» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 35, 90, 193, 215, 334, 521.

[2] Ж. Маркс — К. Шрамму, 8 декабря 1857 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, ед. хр. 1087).

[3] Женни — Ф. Энгельсу, после 22 декабря 1859 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 31).

Как известно, второй выпуск не был издан Марксом, изменившим позднее план своего основного экономического труда и переработавшим его заново. Результатом этого явился выход в свет в 1867 г. первого тома «Капитала».

Очень сильно переживала Женни Маркс клеветническую кампанию, организованную немецким вульгарным демократом и тайным бонапартистским агентом К. Фогтом против Маркса и его друзей в 1859—1860 годы. Со свойственной ей энергией она участвовала в борьбе Маркса против этих нападок. Женни Маркс, так же как Энгельс и многие друзья Маркса, хорошо понимала необходимость отпора клеветнику и защиты чистоты идейного знамени пролетарской партии. Она помогала Марксу в подборе материала, в подготовке рукописи памфлета «Господин Фогт» к изданию, а после выхода его в свет, огорченная замалчиванием его в прессе, Женни пыталась прорвать блокаду молчания, обращаясь за содействием к ряду единомышленников и знакомых. В письме к жене И. Вейдемейера Луизе Вейдемейер от 11 марта 1861 г. она пишет об этом и просит И. Вейдемейера «позаботиться о распространении книги»[1]. В мае 1861 г. в письме к Лассалю Женни упрекает его в том, что в самый тяжелый для Маркса момент Лассаль не поддержал его, не выступил в защиту пролетарских революционеров, обойдя клевету Фогта молчанием[2].

Переписка Женни с Лассалем была в значительной мере связана с вопросом о возвращении Маркса в прусское подданство. Женни категорически не желала принять предложение Лассаля и вернуться в Германию. Она писала, что тогдашняя реакционная Германия для нее совершенно неприемлема. «Нынешняя обстановка в нашей «милой верной Германии» столь неутешительна, что она скорее возбуждает к себе отвращение, чем привлекает»[3]. Подобные же мысли она высказывает и в письме к Энгельсу в начале апреля 1861 года[4]. О самом

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 252.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 36.

[3] Женни — Ф. Лассалю, первая половина 1861 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 36).

[4] Женни — Ф. Энгельсу, начало апреля 1861 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 35).

Лассале как политическом деятеле Женни отзывалась крайне отрицательно. В «Беглом очерке беспокойной жизни» на основании личного знакомства с ним (Лассаль приезжал в 1862 г. в Лондон), а также с его доктринами она дала полную сарказма характеристику этого преисполненного мании величия честолюбца, который «в окружении клеветников и прихлебателей... чувствовал себя как дома» и претендовал на роль нового «мессии и апостола» рабочего класса [1]. Женни с подлинно пролетарским чутьем распознала истинные черты Лассаля, показной характер и демагогическую сторону его проповеди, мелкобуржуазную суть лассальянства. Она была решительной противницей культа Лассаля и содействовала его разоблачению.

В 1863 г., когда Маркс и Энгельс вместе с деятелями лондонского Просветительного общества немецких рабочих организовывали помощь польским повстанцам, Женни рассылает друзьям и соратникам Маркса «воззвания лондонского Общества о помощи восставшим» [2].

В 1864 г., после получения Марксом небольшого наследства в связи со смертью матери, а также 800 ф. ст., оставленных ему одним из его ближайших соратников Вильгельмом Вольфом, наступило, правда, очень кратковременное и незначительное, но все же улучшение материального положения Маркса, давшее ему возможность переехать на новую квартиру. Этот период жизни семьи Маркса вплоть до мельчайших подробностей быта, обстановки новой квартиры, условий жизни, воспитания дочерей нашел отражение в группе писем, адресованных Женни своим приятельницам — жене Либкнехта — Эрнестине Либкнехт, жене Вейдемейера — Луизе Вейдемейер и Берте Маркгейм [3].

«Мы по крайней мере избавились от страха перед мясником, булочником, зеленщиком и т. д.», — пишет она Эрнестине Либкнехт [4].

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 237—238.

[2] Женни — В. Либкнехту, ноябрь 1863 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 49).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 40, 53, 55.

[4] Ж. Маркс — Эрнестине Либкнехт, 10 декабря 1864 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 55).

«А когда после маленьких меблированных комнат на Дин-стрит,— рассказывает она в другом месте,— мы в первый раз спали на собственных кроватях, сидели на собственных стульях и даже располагали гостиной с подержанной мебелью в стиле рококо, которая, впрочем, смахивала скорее на старую рухлядь,— нам казалось, что мы находимся в волшебном замке» [1].

Письма Женни Маркс этого периода раскрывают напряженную работу Маркса над завершением I тома его главного труда — «Капитала», а также его деятельность в качестве основателя и вождя первой массовой пролетарской международной организации — Международного Товарищества Рабочих (Первого Интернационала), руководителя ее боевого штаба — Генерального Совета.

В письмах к Энгельсу, Эрнестине Либкнехт, Берте Маркгейм, И. Ф. Беккеру, Л. Кугельману в 1866—1867 гг. Женни пишет о ходе работы Маркса над окончательным оформлением I тома «Капитала», о стилистической обработке рукописи, о ее печатании, о переводе первого тома на французский язык. В 1868 г. Женни в письме к Беккеру выражает сожаление, что болезнь мешает Марксу продолжать работу над II томом «Капитала» [2].

«Вы можете мне поверить, дорогой г-н Кугельман,— пишет Женни Л. Кугельману,— что, наверное, очень редко какая-нибудь книга писалась при более тяжелых обстоятельствах, и я могла бы, пожалуй, написать к этому ее тайную историю, которая бы вскрыла много, бесконечно много глубоких забот, опасений и мучений. Если бы рабочие имели представление о том самопожертвовании, которое потребовалось для того, чтобы закончить этот труд, написанный только для них и в их интересах, то они, наверное, проявили бы к нему еще больше интереса» [3].

---

[1] Ж. Маркс — Б. Маркгейм (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 40).

[2] Женни — Эрнестине Либкнехт, после 8 апреля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 63); 14 октября 1867 г. (ф. 6, ед. хр. 66).

Женни — Энгельсу, 24 декабря 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 65); Женни — И. Ф. Беккеру, январь 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 68).

[3] Женни — Л. Кугельману, 24 декабря 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 67).

Когда вспыхнула франко-прусская война, Женни приняла деятельное участие в работе по разоблачению захватнического характера этой войны со стороны бонапартистской Франции, а на втором ее этапе — со стороны Германии. Она помогала в переводах воззваний Генерального Совета Интернационала, в их распространении и пересылке за границу.

Письмо Женни Энгельсу от 10 августа 1870 г. показывает, что она совершенно правильно разбирается в сложнейших политических вопросах того времени. В этом письме она восторженно отзывается о серии статей Энгельса «Заметки о войне», публиковавшейся в лондонской «Pall Mall Gazette». «Вы не поверите, какой шум последние производят здесь! Написаны они с такой удивительной ясностью и наглядностью, что даже я не могу удержаться, чтобы не назвать вас младшим Мольтке». Она пишет в этом письме о способах распространения первого воззвания Генерального Совета о войне, о недостаточно хорошем качестве переводов воззвания [1].

Свою оценку хода событий франко-прусской войны Женни дает также в письмах Энгельсу, написанных около 18 августа 1870 г. и 12—13 сентября 1870 года [2].

В сентябре 1870 г. она пишет о работе Маркса над вторым воззванием Генерального Совета о войне, о тех трудностях, которые возникали у него при работе над ним [3].

В период Парижской Коммуны Женни с горячим сочувствием отнеслась к героической борьбе парижского пролетариата, а после кровавого подавления Коммуны версальцами очень много делала для организации помощи коммунарам-эмигрантам.

Переписка Женни Маркс, относящаяся к 1871 г., касается революционных событий в Париже, оценки их, распространения работы Маркса «Гражданская война во Франции», в которой был теоретически обобщен опыт Парижской Коммуны.

В письме участнику революции 1848 г., бывшему члену

---

[1] Женни — Ф. Энгельсу, 10 августа 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 376—377).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 386, 400—401.

[3] Ж. Маркс — Ф. Энгельсу, 9 сентября 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 74).

Союза коммунистов П. Имандту, написанном после 7 июля 1871 г., Женни выражает восхищение героизмом парижских рабочих и работниц, самоотверженно сражавшихся в Бельвильском и Сент-Антуанском предместьях Парижа против версальских банд. Она называет их истинными героями.

«Вы не представляете, дорогой г-н Имандт, сколько горя и возмущения мы пережили за последнее время! Ведь нужно более чем 20 лет, чтобы вырастить таких смелых, дельных, героических людей. А теперь они почти все уничтожены. Уничтожены лучшие — Варлен, Жаклар, Риго, Тридон»[1]. В письме к В. Либкнехту она советует поместить заметку о героическом борце Коммуны, Г. Флурансе, вероломно убитом версальскими палачами[2].

Документы Женни Маркс отображают и период деятельности Маркса и Энгельса, наступивший после поражения Коммуны и после Гаагского конгресса I Интернационала. Они ярко воспроизводят многие черты обстановки, господствовавшей в эти годы в рабочем революционном движении, в среде друзей и противников Маркса.

Так в фонде Женни Маркс имеется группа ее писем своей младшей дочери Элеоноре в период работы последней учительницей иностранных языков в школе в Брайтоне (1873 г.). В этих письмах Женни наряду с советами Элеоноре в связи с ее трудовой деятельностью сообщает ей новости рабочего движения. Например, она пишет о готовящемся съезде Британской федерации Интернационала в Манчестере и о работе Маркса над программой этого съезда, подробно описывает митинг, посвященный 2-й годовщине Парижской Коммуны 24 марта 1873 г., на котором присутствовал Маркс, сообщает о работе Маркса над французским переводом «Капитала»[3].

---

[1] Женни — Имандту, после 17 июня 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 77). Сведения Женни о судьбе некоторых участников Коммуны были в то время не совсем точны. Жаклар не был убит версальцами, он бежал из версальской тюрьмы в Швейцарию, Тридон также бежал и в августе 1871 г. умер в Бельгии.

[2] Женни — В. Либкнехту, 10 апреля 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 76).

[3] См. ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 88.

Большой интерес представляют встречающиеся в документах Женни Маркс характеристики отдельных деятелей международного рабочего движения, членов Союза коммунистов и Первого Интернационала, таких, как Ф. Фрейлиграт, Иоганн Филипп Беккер, А. Бебель, В. Либкнехт, Ф. Лесснер и др.

«Вы не представляете, как часто и с каким глубоким уважением и восхищением вспоминает о Вас мой муж! — писала Женни, например, соратнику Маркса и Энгельса И. Ф. Беккеру в январе 1868 г.— Он совершенно определенно считает Ваш журнал [1] самым лучшим и самым действенным и всякий раз, когда мы получаем сведения из нашей местной «Gartenlaube», он восклицает: «Ах, если бы у немцев было больше таких людей, как старый Беккер!!» ...Ваша последняя статья по поводу болтунов о мире [«Friedensbummler». — *И. С.*] [2] была великолепной и ей-богу... это лучшее, что нам до сих пор встречалось» [3].

В другом письме к И. Ф. Беккеру за 1872 г. содержится весьма яркий отзыв о статьях Беккера по поводу Гаагского конгресса Интернационала, печатавшихся в конце 1872 г. в газете «Tagwacht».

«Только что прочитала «Tagwacht» и не могу не высказать Вам незамедлительно свою глубочайшую благодарность и полное восхищение Вашими превосходными статьями.

Если раньше я называла Вас нашим немецким Гарибальди (по крайней мере в отношении его писем), то теперь я могу Вас назвать не иначе, как нашим современным Лютером. И я не имею в виду попа [Erzpfäfflein.— *И. С.*] Лютера, подстрекавшего всех против наших храбро сражавшихся бравых крестьян, нет, я имею в виду Лютера — отца нашей немецкой прозы, с его выразительным суровым стилем, его лаконичностью, его смелостью.

Так и у Вас здесь — никаких церемоний, никаких обходных путей, никакого виляния и лавирования. Прямая и смелая правда, в прямой и смелой форме... Благодарю

---

[1] Речь идет о «Vorbote».

[2] Речь идет о конгрессе буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы в 1867 году.

[3] См. ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 68.

Вас также за Ваши статьи в «Vorbote»... Мой муж целиком разделяет мое мнение относительно Ваших работ. Я тут же переслала их моей дочери Женни, чтобы доставить ей величайшее удовольствие. Она сама Вам напишет» [1].

Характеристику верного ученика Маркса и Энгельса, рабочего-революционера Ф. Лесснера Женни дает в связи с оценкой деятельности лондонского Просветительного общества немецких рабочих в письме к Беккеру за 1876 год. К этому времени Общество в результате проникновения в него лассальянских элементов утратило свое прежнее значение и уже не могло быть, как прежде, опорой для Маркса и Энгельса. Поэтому Женни пишет: «Энгельс и мой муж больше не имеют никакой связи со старым рабочим обществом, которое очень разложилось и превратилось в общество болтунов-обывателей [Knotenpaukenverein.— *И. С.*]. До сих пор Лесснер его пытался искусственно поддерживать, а теперь и ему это надоело». Что касается Лесснера, то о нем Женни Маркс отзывается следующим образом: «Он — честный и надежный человек, который в политическом отношении всегда особенно хорошо и честно держался. Он — один из бойцов старой гвардии, которые умирают, но не сдаются» [2].

Письма Женни содержат также оценку деятелей Русской секции Международного Товарищества Рабочих, служившей опорой Марксу и Энгельсу в их борьбе с бакунистами. Женни положительно отзывается о руководителе секции Утине. «Очень сожалею, что не познакомилась с ним лично. Я восхищаюсь его энергией, его железной трудоспособностью и его умом. Если Вы его увидите, скажите ему, что я в восторге от его руководства «Egalité». Он пишет, что собирается приехать в Англию,— это будет большим выигрышем для нас и огромной потерей для Швейцарии» [3].

---

[1] Ж. Маркс — И. Ф. Беккеру, 7 ноября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 81).

[2] Ж. Маркс — И. Ф. Беккеру, позднее 15 августа 1876 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 101).

[3] Ж. Маркс — И. Ф. Беккеру, 7 ноября 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 81).

В 1875 г. в письме к Элеоноре она пишет о своей поездке в Швейцарию и о своих встречах там с русскими революционными эмигрантами [1].

С нескрываемой антипатией относилась Женни к ренегатам рабочего движения, изменившим своему пролетарскому долгу. Резко отрицательную характеристику дает она, например, бывшему члену Генерального Совета Эккариусу, который в 1872 году переметнулся в лагерь врагов марксизма и вместе с Моттерсхедом, Рочем, Юнгом стал на сторону тред-юниониста и реформиста Хейлза, который вел раскольническую политику в Британском федеральном совете и выступал против революционного крыла пролетарского движения. В письме к Зорге Женни писала: «Об английских рабочих а ля Моттерсхед, Эккариус, Хейлз, Юнг и т. д. я лучше буду молчать. Все они сверхмерзавцы [Erzlumpen.— *И. С.*], продавшиеся и продажные, и в погоне за грошом способны на все. Поистине жалкий сброд!» [2].

Одним из образцов меткой оценки идейных противников марксизма является упомянутая выше характеристика, данная Женни Лассалю.

Как уже указывалось, документы Женни Маркс дают чрезвычайно яркое представление о различных сторонах жизни семьи Маркса, об атмосфере подлинной дружбы и товарищества, царившей в этой семье, о круге знакомых, об отношении Маркса и его домочадцев к тем или иным лицам. В документах содержатся весьма поучительные сведения о методах воспитания детей в семье Маркса, который, несмотря на жесточайшую нужду и колоссальную занятость, уделял этому очень много внимания. Помимо очень широкого образования, которое давалось детям в семье Маркса, обращалось серьезное внимание на их трудовое и физическое воспитание. Все дети Маркса занимались разными видами спорта и гимнастикой, никто из них не был белоручкой, каждый имел обязанности по дому.

---

[1] Ж. Маркс — Элеоноре Маркс, август 1875 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 96).

[2] Женни — Ф. А. Зорге, 20—21 января 1877 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 103).

В документах Женни встречается ряд деталей, которые могут представлять интерес, как подтверждение и обоснование отдельных фактов биографии Маркса и Энгельса. Так в письме Женни к Л. Шёлер от 17 декабря 1847 г. говорится, что Маркс как вице-председатель брюссельской Демократической ассоциации уехал в Лондон для укрепления связей с обществом «Братские демократы»[1]. Таким образом мы узнаем, что целью пребывания Маркса и Энгельса в Лондоне в то время было не только участие во втором конгрессе Союза коммунистов, но и установление более тесных контактов с демократическими и пролетарскими кругами Англии и тогдашней лондонской эмиграции. Письма Женни содержат сведения об условиях сотрудничества Маркса в венской газете «Die Presse» в начале 60-х годов[2], сообщения об изменении адресов, о переездах на новое местожительство, о выездах Маркса из Лондона и возвращении обратно. Некоторые из этих сведений позволяют уточнить биохронику Маркса. Например в письме Женни Энгельсу за апрель 1866 года имеется указание на то, что Маркс вернулся из Маргейта в Лондон 8 апреля[3], в то время как в опубликованных «Датах жизни и деятельности Карла Маркса» указано, что он прибыл 10 апреля этого года.

В фонде Женни Маркс имеются биографические сведения о таких учениках и соратниках Маркса, как К. Шрамм, В. Вольф и другие. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранятся также письма, присланные в адрес Женни, в частности письма к ней Имандта, Шили, Эльснера, Дюпона, И. Ф. Беккера, Дж. Гарни и многих других. Среди них встречаются письма, представляющие значительный интерес для разработки биографии Маркса и Энгельса и истории международного рабочего движения.

Например И. Ф. Беккер в письме от 7 октября 1867 г. после получения экземпляра «Капитала» выражал свое

---

[1] Женни — Л. Шёлер, 17 декабря 1847 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 13).

[2] Женни — К. Марксу, 9 мая 1858 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 30).

[3] Женни — Ф. Энгельсу, позднее 14 апреля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 64).

восхищение этим произведением, называя его «святыней для себя и кладом для общества»[1]. Член Генерального Совета Э. Дюпон в 1871 году в письме к Женни, говоря о роли Маркса в Интернационале, называет его «компасом нашего Товарищества; без него корабль уже давно потерпел бы крушение»[2]. В ряде адресованных Женни писем немецкого демократа Освальда, Дюпона и других лиц характеризуется положение эмигрантов Коммуны и обсуждаются вопросы об оказании им помощи[3].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что документы Женни Маркс содержат интереснейший материал о научно-теоретической работе Маркса и Энгельса, об их практической революционной деятельности, борьбе за пролетарскую партию, о сотрудничестве их в различных органах печати, об их произведениях, о борьбе их против идейных противников рабочего класса, идеологов реформизма и сектантства.

В письмах отображена также бытовая сторона жизни семьи Маркса, дано представление об его окружении. Значительное место в письмах уделено дружбе Маркса и Энгельса, той благородной и самоотверженной помощи, которую оказывал Марксу и его семье Энгельс в течение всей своей жизни, того постоянного участия, которое он принимал в семейных делах своего друга, в воспитании его детей. В документах содержатся яркие характеристики различных деятелей и политических событий, совпадающих с оценками Маркса и Энгельса, а также дополняющих их известные высказывания. И в этом смысле документы Женни Маркс представляют значительный интерес для разработки биографии Маркса и Энгельса.

---

[1] И. Ф. Беккер — Ж. Маркс, 7 октября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 23).

[2] Э. Дюпон — Ж. Маркс, 29 декабря 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 154).

[3] Е. Освальд — Ж. Маркс, 20 октября 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 153); Э. Дюпон — Ж. Маркс, 29 декабря 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 154).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА
Сборник статей к 140-летию со дня рождения Фридриха Энгельса. М., Госполитиздат, 1961.
487 с. (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.)

3К16

Редакционная комиссия:
Л. И. Гольман (ответственный редактор),
О. К. Сенекина, Б. Г. Тартаковский,
Ю. Т. Харитонов

В редакционной работе над книгой принимали участие *И. А. Дмитриева* и *А. Т. Егорова.*

Оформление художника *Н. П. Пешкова*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *В. П. Аносова* и *А. М. Холина*

Сдано в набор 25 октября 1960 г.
Подписано к печати 20 мая 1961 г.
Формат 84 X 108 1/32. Физ. печ. л. 15 1/4.
Условн. печ. л. 25,01. Уч.-изд. л. 25,6.
Тираж 25 тыс. экз. А 03766. Заказ № 2099
Цена 70 коп.

*

Государственное издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.